

ВЕСТНИК Академии МВД Республики Беларусь

Научно-практический журнал
№ 1 (35), 2018

Издается с января 2001 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель и издатель –
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

Главный редактор *И.И. Басецкий*
Редактор *И.В. Ничипор*
Технический редактор *Ю.С. Романюк*
Корректоры *Ю.Л. Каленик, М.С. Прушак*

Адрес редакции:
пр-т Машерова, 6, 220005, Беларусь, Минск.
Тел. 289 23 19.
E-mail: vestnik@amia.unibel.by

Индексы издания:
74923 – для индивидуальной подписки;
749232 – для ведомственной подписки

Свидетельство о государственной регистрации
средства массовой информации
от 07.05.2010 № 1352, выданное
Министерством информации Республики Беларусь

Журнал «Вестник Академии МВД
Республики Беларусь» включен приказом ВАК
Республики Беларусь от 04.07.2005 № 201
(в редакции приказа ВАК Республики Беларусь
от 02.02.2011 № 26) в Перечень научных изданий
Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
и в Российский индекс научного цитирования
(лицензионный договор от 13.03.2015 № 14-03/2015)

Подписано в печать 20.06.2018. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 31.85. Уч.-изд. л. 27.86.
Тираж 130 экз. Заказ 199.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
ЛИ № 02330/447 от 18.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск

Редакционная коллегия:

В.А. Ананич, доктор исторических наук, профессор;
И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь;
А.В. Башан, кандидат юридических наук, доцент, заслу-
женный сотрудник органов внутренних дел Республики
Беларусь;
В.П. Вишневская, доктор психологических наук, профессор;
А.Ф. Вишневский, доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник образования Республики Беларусь;
В.С. Гайдельцов, кандидат юридических наук, доцент;
В.Ф. Ермолович, доктор юридических наук, профессор;
А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор,
заслуженный работник образования Республики Беларусь;
А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент;
А.С. Рубис, доктор юридических наук, профессор;
А.Л. Савенок, доктор юридических наук, доцент;
И.А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор;
В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь;
П.Г. Чигринов, доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник образования Республики Беларусь;
В.Б. Шабанов, доктор юридических наук, профессор;
А.В. Шарков, доктор исторических наук, профессор;
В.П. Шиенок, доктор юридических наук, профессор;
А.В. Яскевич, кандидат юридических наук, доцент

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ADMINISTRATIVE LAW AND MANAGEMENT BODIES OF THE INTERIOR

- Борейко Н.Н.** Административная ответственность за незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь: проблемы и предложения по их решению 5
- Гвоздев Д.В.** Место административной юстиции в реализации механизма государства 9
- Дегонский С.Ю., Старовойт С.А.** Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь 13
- Егоров Д.А.** Теоретические аспекты форм и методов деятельности субъектов административно-правового режима безопасности объектов использования атомной энергии 18
- Касьянчик С.С.** Систематизация правовых ограничений как условие совершенствования административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел 22
- Климченя В.С.** Особенности правового регулирования сферы обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий на территории Беларуси (октябрь 1917 – август 1991 г.) 29
- Крюков В.Н.** Совершенствование правового регулирования привлечения к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении 33
- Носкевич И.Д.** Государственная кадровая политика и субъекты ее реализации 37
- Семенюк Д.П.** Особенности детерминации современной таможенной преступности 44
- Федорович А.Л.** Понятие человеческого достоинства в юридической науке и законодательстве на примере статьи 17.3 КоАП 48
- Федорович А.Л., Козелецкий И.В.** Признаки поведения и внешнего вида состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность (ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП) 54
- Чернецкий Р.Е.** Контроль в сфере функционирования административно-правового режима боевого оружия 59
- Шабан А.А.** Компетенция государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта 64

- Borejko N.N.** Administrative responsibility for the illegal import of persons to the Republic of Belarus: current problem issues and ways of their decision 5
- Gvozdev D.V.** The place of administrative justice in the implementation mechanism of the state 9
- Degonsky S.J., Starovoit S.A.** Features of a disciplinary responsibility officer of internal affairs bodies of the Republic of Belarus 13
- Egorov D.A.** Theoretical aspects of forms and methods of activities of subjects of administrative regime of nuclear facilities safety 18
- Kasyanchik S.S.** Systematization of legal restrictions as the condition of improving the administrative and legal status of the employee of internal affairs 22
- Klimchenya V.S.** Legal regulation's features of the field of ensuring public order and safety during mass events on the territory of modern belarus (October 1917 – August 1991) 29
- Kryukov V.N.** Improvement of legal regulation attraction to administrative responsibility without provision of the protocol of administrative offense 33
- Noskevich I.D.** State personnel policy and its subjects 37
- Semeniuk D.P.** Specificity of determination and reason for modern customs crime 44
- Fedarovich A.L.** The concept of human dignity of survival science and legislation on the example of article 17.3 of the Administrative Code 48
- Fedorovich A.L., Kozeletskiy I.V.** Behavior and appearance characteristics of alcohol intoxication that insults the human dignity and public morality (Part 1, 3 Article 17.3 of the Code of Administrative Offenses) 54
- Charnetski R.E.** Control in the sphere of functioning of the administrative-legal regime of military weapons 59
- Shaban A.A.** Competence of the state inspectorates in the sphere of safety of traffic and exploitation of transport 64

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERT ACTIVITY, OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

- Веремеенко В.М., Хмель Н.Н.** Некоторые дискуссионные вопросы правовой регламентации и допустимых пределов противоправного поведения при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию 69
- Гигевич А.И.** Факты безвестного исчезновения граждан: особенности подготовки и назначения судебной генетической экспертизы 73
- Ефременко Н.В.** Определение способа технического исполнения подписи 77
- Ковган Ж.И.** Следы преступления в бухгалтерском учете 82
- Козлов В.Е.** Об отдельных аспектах криминалистического обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств компьютерной техники 86
- Лактиков Д.Н.** Особенности аналитического обеспечения профилактической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел 92

- Veremeenko V.M., Hmel N.N.** Some discussion issues of legal regulation and allowable limits of unlawful behavior while staying among the criminal parties under the special obligation 69
- Hihevich A.I.** Facts of the important disappearance of citizens: peculiarities of training and designation of judicial genetic expertise 73
- Efremenko N.V.** Determination of the method of technical execution of a signature 77
- Kovgan Zh.I.** Traces of crime in accounting 82
- Kazlou V.J.** On some aspects of forensic support of counteraction to crimes committed with the use of computer equipment 86
- Lakhtikov D.N.** Peculiarities of analytical support of preventive activity of operational subdivisions of internal affairs 92

<i>Толочко А.Н.</i> Алгоритм решения некоторых научных задач оперативно-тактического и тактико-криминалистического характера 96	<i>Tolochko A.N.</i> Algorithm of solving some scientific objectives of operational-tactical and tactical-criminalistic character 96
<i>Яскевич А.В., Пащута И.В.</i> Современные тенденции выявления и расследования преступлений в сфере экономики 100	<i>Yaskevich A.V., Pashuta I.V.</i> Contemporary tendency of identification and criminal investigation in the sphere of economics 100
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>Мытник П.В.</i> Следственные действия: смена парадигмы? 104	<i>Mytnyk P.V.</i> Investigation: paradigm change? 104
<i>Савенок А.Л.</i> Совершенствование нормотворческой техники как важнейшее направление повышения эффективности правовых норм 110	<i>Savenok A.L.</i> Improvement of the rule-making technology as an important direction of effectiveness increase of legal norms 110
<i>Юбко Ю.М., Щерба Т.Л.</i> Особенности производства дознания по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетнего в антиобщественное поведение 114	<i>Yubko Y.M., Shcherba T.L.</i> Features inquest in criminal cases involving minors in antisocial behavior 114
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
<i>Вакульчик М.А.</i> Теоретико-правовые основы взаимодействия правоохранительных органов в защите экономических интересов суверенной Беларуси и противодействия экономической преступности 120	<i>Vakulchik M.A.</i> Theoretical and legal basis of interaction of law enforcement bodies in protecting the economic interests of sovereign Belarus and counteracting economic crime 120
<i>Дударчик Я.Ю.</i> Особенности классификации следственных ситуаций в процессе расследования мошенничества в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности 122	<i>Dudarchik J.Y.</i> Features classification investigative situations in the process of investigating fraud in the sphere of entrepreneurial and other economic activities (economic) 122
КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
<i>Веремеенко В.М.</i> Субъективная сторона преступлений, составляющих взяточничество: особенности уголовно-правовой характеристики 128	<i>Veremeenko V.M.</i> The subjective side of the crimes concerning the bribery: peculiarities of the criminal and legal characteristics 128
<i>Дубко М.А.</i> Совершенствование уголовно-правовой регламентации ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК) 133	<i>Dubko M.A.</i> Improvement of the criminal-legal regulation of liability for the computer information misappropriation (art. 352 of the Criminal Code) 133
<i>Жук А.А.</i> Зарождение и становление лишения свободы как вида уголовного наказания на белорусских землях (вторая половина XVI в. – начало XX в.) 137	<i>Zhuk A.A.</i> Imprisonment as a form of criminal punishment in the belarusian lands: the origins and development (second half of XVI-th century – early XX-th century) 137
<i>Кашинский М.Ю.</i> Преступность лиц с расстройствами психики как криминологическая проблема 142	<i>Kashinsky M.Y.</i> The criminality of persons with mental disorders as a criminological problem 142
<i>Кийко Н.В.</i> Международные стандарты применения мер взыскания в отношении осужденных к лишению свободы 146	<i>Kiyko N.V.</i> International standards of application of responsibility measures for condemned 146
<i>Осипенко О.А.</i> Возможности совершенствования правовой регламентации уголовной ответственности за уклонение родителей от содержания детей и мер борьбы с этими преступлениями 152	<i>Osipenko O.A.</i> Possibilities for improving the legal regulation of criminal liability for evading parents from keeping children and measures to combat these crimes 152
<i>Сафроненко Б.С.</i> Ретроспективный анализ характеристик личности преступника-рецидивиста 157	<i>Safronenka B.S.</i> Legislative purpose of personality of the crime-rectifier: retrospective analysis 157
<i>Селятыцкий Ю.И., Сурженко Ю.А.</i> Деятельность исправительных учреждений при возникновении чрезвычайных ситуаций техногенного характера 162	<i>Seliatytski Y.I., Surzhenko Y.A.</i> Activity of correctional facilities at occurrence of emergency situations of technogenic character 162
<i>Стальбовский В.В.</i> Казус «педофилии» как явления согласно теории Овертона 165	<i>Stalbovsky V.V.</i> The “pedophilia” chance as the phenomena according to the Overton theory 165
<i>Терещенко Т.Г.</i> Детерминация и предупреждение коррупционной преступности в Республике Беларусь: некоторые аспекты 169	<i>Tsiareshchanka T.G.</i> Determination and prevention of corruption crime in the Republic of Belarus: some aspects 169
<i>Шабаль В.С.</i> Проблемы своевременного получения полных и достоверных сведений о личности осужденного 174	<i>Shabal V.S.</i> Problems of providing timeliness, completeness and reliability of information about the personality of the condemned 174
ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
<i>Бондаренко А.С.</i> Правовое регулирование имущественных отношений супругов на территории Беларуси в XX столетии 179	<i>Bondarenko A.S.</i> Legal regulation of property relations of spouses in the territory of Belarus in the XX century 179
CRIMINAL PROCESS	
ECONOMIC SECURITY	
CRIMINOLOGY, CRIMINAL LAW, PENAL LAW	
CIVIL AND LABOR LAW, CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW	

<i>Ермоленко Е.В.</i> Право оперативного управления в системе вещных прав органов внутренних дел Республики Беларусь 183	<i>Ermolenko E.V.</i> The right of operational management in system of rights in rem of internal affairs bodies of Republic of Belarus
<i>Луговский С.Г.</i> Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: конституционно-правовой аспект 187	<i>Lugovskiy S.G.</i> Protection of honor, dignity and business reputation of co-workers of internal organs: constitutional and legal aspect
<i>Паращенко В.В.</i> Соглашение о государственно-частном партнерстве как способ осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь (общая характеристика) 192	<i>Parashchenko V.V.</i> Agreement on public-private partnership as a way to invest in the territory of the Republic of Belarus (general characteristics)
<i>Серёда Р.А.</i> Правоохранение и правоограничение в деятельности органов внутренних дел: вопросы соотношения и обусловленности (Часть 1) 196	<i>Sereda R.A.</i> Law-enforcement and legal restrictment in activities of internal affairs agencies: questions of corelations and causality (Part 1)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Данилов В.А.</i> Повышение квалификации сотрудников подразделений и учреждений НКВД/МВД БССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в первые послевоенные годы (1944–1953 гг.) 200	<i>Danilov V.A.</i> Some aspects organization of improvement of qualification and professional knowledge of the staff of the People's Commissariat for Internal Affairs/Ministry of Internal Affairs of belarus in the post-war years (1944–1953)
<i>Лапанович С.Ф.</i> Деятельность минской школы милиции имени М.В. Фрунзе (вторая половина 20–30-х гг. XX в.) (Часть 1) 204	<i>Lapanovich S.F.</i> The activities of Minsk school of militia named after M.V. Frunze (second half of the 20's and 30's of the XX-th century) (Part 1)
<i>Легкий А.О.</i> Пенитенциарная преступность на белорусских землях (XVI–XX вв.): истоки и эволюция формирования взглядов 209	<i>Legkiy A.O.</i> Penitentiary crime on the Belarus land (XVI–XX centuries): origins and evolution of formation of views
<i>Павлов В.И.</i> Государство и проблема правогенеза в антропологическом подходе к праву 214	<i>Pavlov V.I.</i> State and law genesis in the anthropological approach to the law
<i>Суваляў А.М.</i> Даследаванні этнагенезу беларусаў у 40-х гг. XX ст. 217	<i>Suvalau A.M.</i> Studies of ethnogenesis of byelorussians in the 40's of the 20-th century

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Казак Т.М., Зенкевич А.Г.</i> Роль мотивации в формировании кадрового резерва руководителей учреждения высшего образования 223	<i>Kazak T.V., Zenkevich A.G.</i> The role of motivation in formation human reserve managers institutions of higher education
<i>Пастушеня А.Н.</i> Психолого-педагогическая модель индивидуального исправительного процесса 227	<i>Pastushenya A.N.</i> The model of individual correctional work with the convicted
<i>Подупейко А.А., Кравченко А.А.</i> Роль международного сотрудничества в повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь 234	<i>Podupeyko A.A., Kravchenko A.A.</i> The role of international cooperation in advanced training of the officers of law enforcement agencies in the Republic of Belarus
<i>Садовничая Л.М.</i> Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности курсантов Института пограничной службы 238	<i>Sadovnichaya L.M.</i> Forming of psychological readiness for professional activities of the cadets of the Institute of border service of the Republic of Belarus
<i>Стуканов В.Г., Адаськова С.Б.</i> Форум-театр как средство исправительной психокоррекции осужденных 241	<i>Stukanov V.G., Adaskova S.B.</i> Forum-theatre as a means of penitentiary psychocorrection of the condemned
<i>Суслова А.А.</i> Мотивационные стратегии как психологический феномен 245	<i>Suslova A.A.</i> Motivational strategy as psychological phenomenon
<i>Тукало А.Н., Лахтиков Д.Н.</i> Усиления практической направленности обучения: виртуальная учебная модель «оперативное подразделение» 250	<i>Tukalo A.N., Lakhtikov D.N.</i> Virtual training model “operative department” as a means of strengthening the practical training of the training
<i>Филипенко А.Н.</i> О первостепенных навыках, необходимых для ведения огневого контакта 254	<i>Filipenka A.N.</i> On the primary skills necessary for conducting fire contact

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Басецкий И.И.</i> Оперативно-розыскная деятельность: практика, законодательство, теория 260	<i>Basetsky I.I.</i> The operative and investigative activity: practice, legislation and theory
<i>Худяков А.В.</i> Информационно-аналитическая деятельность: политико-правовые аспекты 262	<i>Khudyakov A.V.</i> Informational and analytical activity: political and legal aspects

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>Жарасов А.С.</i> Правовое регулирование применения полицией специальных средств 268	<i>Zharasov A.S.</i> Legal regulation of police use of special tools

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Требования к оформлению статьи в журнал «Вестник Академии МВД Республики Беларусь» 274	<i>The requirements of article of the journal „Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus“</i>

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Danilov V.A.</i> Some aspects organization of improvement of qualification and professional knowledge of the staff of the People's Commissariat for Internal Affairs/Ministry of Internal Affairs of belarus in the post-war years (1944–1953)	<i>Danilov V.A.</i> Some aspects organization of improvement of qualification and professional knowledge of the staff of the People's Commissariat for Internal Affairs/Ministry of Internal Affairs of belarus in the post-war years (1944–1953)
<i>Lapanovich S.F.</i> The activities of Minsk school of militia named after M.V. Frunze (second half of the 20's and 30's of the XX-th century) (Part 1)	<i>Lapanovich S.F.</i> The activities of Minsk school of militia named after M.V. Frunze (second half of the 20's and 30's of the XX-th century) (Part 1)
<i>Legkiy A.O.</i> Penitentiary crime on the Belarus land (XVI–XX centuries): origins and evolution of formation of views	<i>Legkiy A.O.</i> Penitentiary crime on the Belarus land (XVI–XX centuries): origins and evolution of formation of views
<i>Pavlov V.I.</i> State and law genesis in the anthropological approach to the law	<i>Pavlov V.I.</i> State and law genesis in the anthropological approach to the law
<i>Suvalau A.M.</i> Studies of ethnogenesis of byelorussians in the 40's of the 20-th century	<i>Suvalau A.M.</i> Studies of ethnogenesis of byelorussians in the 40's of the 20-th century

JURIDICAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

<i>Kazak T.V., Zenkevich A.G.</i> The role of motivation in formation human reserve managers institutions of higher education	<i>Kazak T.V., Zenkevich A.G.</i> The role of motivation in formation human reserve managers institutions of higher education
<i>Pastushenya A.N.</i> The model of individual correctional work with the convicted	<i>Pastushenya A.N.</i> The model of individual correctional work with the convicted
<i>Podupeyko A.A., Kravchenko A.A.</i> The role of international cooperation in advanced training of the officers of law enforcement agencies in the Republic of Belarus	<i>Podupeyko A.A., Kravchenko A.A.</i> The role of international cooperation in advanced training of the officers of law enforcement agencies in the Republic of Belarus
<i>Sadovnichaya L.M.</i> Forming of psychological readiness for professional activities of the cadets of the Institute of border service of the Republic of Belarus	<i>Sadovnichaya L.M.</i> Forming of psychological readiness for professional activities of the cadets of the Institute of border service of the Republic of Belarus
<i>Stukanov V.G., Adaskova S.B.</i> Forum-theatre as a means of penitentiary psychocorrection of the condemned	<i>Stukanov V.G., Adaskova S.B.</i> Forum-theatre as a means of penitentiary psychocorrection of the condemned
<i>Suslova A.A.</i> Motivational strategy as psychological phenomenon	<i>Suslova A.A.</i> Motivational strategy as psychological phenomenon
<i>Tukalo A.N., Lakhtikov D.N.</i> Virtual training model “operative department” as a means of strengthening the practical training of the training	<i>Tukalo A.N., Lakhtikov D.N.</i> Virtual training model “operative department” as a means of strengthening the practical training of the training
<i>Filipenka A.N.</i> On the primary skills necessary for conducting fire contact	<i>Filipenka A.N.</i> On the primary skills necessary for conducting fire contact

DISCUSSION ORDER

<i>Basetsky I.I.</i> The operative and investigative activity: practice, legislation and theory	<i>Basetsky I.I.</i> The operative and investigative activity: practice, legislation and theory
<i>Khudyakov A.V.</i> Informational and analytical activity: political and legal aspects	<i>Khudyakov A.V.</i> Informational and analytical activity: political and legal aspects

INTERNATIONAL COOPERATION

<i>Zharasov A.S.</i> Legal regulation of police use of special tools	<i>Zharasov A.S.</i> Legal regulation of police use of special tools

OUR CONGRATULATIONS

<i>The requirements of article of the journal „Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus“</i>	<i>The requirements of article of the journal „Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus“</i>

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 342.9

Н.Н. Борейко, заместитель начальника главного управления – начальник управления предварительного расследования и правового обеспечения оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь
(e-mail: nn_borejko@mail.ru)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ВВОЗ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ РЕШЕНИЮ

Рассматриваются вопросы привлечения органами пограничной службы перевозчиков к административной ответственности за незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь. Излагается обоснование необходимости введения ст. 23.87 в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Высказаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства на основании анализа правоприменительной практики и статистических данных.

Ключевые слова: административная ответственность, незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь, органы пограничной службы, перевозка пассажиров.

В соответствии с п. 52 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях должностные лица органов пограничной службы Республики Беларусь уполномочены вести административный процесс по ст. 23.87 «Незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь» КоАП. Указанная статья введена в КоАП Законом от 10 января 2015 г. № 242-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам обеспечения общественной и пограничной безопасности», вступившим в силу 23 июля 2015 г. Этим же Законом путем внесения изменений и дополнений в Закон от 21 июля 2008 г. № 419-3 «О Государственной границе Республики Беларусь», а также рядом иных законодательных актов на перевозчиков, осуществляющих международные перевозки пассажиров морским, внутренним водным, автомобильным и воздушным транспортом, возложена обязанность убедиться в том, что пассажиры имеют документы, необходимые для въезда в Республику Беларусь.

Необходимость принятого законодателем решения прежде всего была обусловлена складывающейся миграционной обстановкой, а также принятыми Республикой Беларусь международными обязательствами.

Так, согласно архивам управления предварительного расследования и правового обеспечения главного управления оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь в 2012 г. только органами пограничной службы за нарушения законодательства было задержано 7 299 иностранных граждан и лиц без гражданства (далее, если не указано иное, – иностранец), из которых 318 являлись незаконными транзитными мигрантами; в 2013 г. – 7 942 и 408, в 2014 г. – 7 469 и 312 соответственно.

В свою очередь, 14 декабря 2000 г. Республика Беларусь подписала Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (далее – Протокол), дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Палермо 15 ноября 2000 г.), ратифицированный Законом от 3 мая 2003 г. № 196-3.

Согласно п. 1–4 ст. 11 указанного Протокола подписавшие его государства-участники имеют право устанавливать:

меры пограничного контроля для предупреждения и выявления незаконного ввоза мигрантов; законодательные или другие меры для предупреждения преступления, связанного с незаконным ввозом мигрантов с использованием транспортных средств, эксплуатируемых коммерческими перевозчиками;

обязательства для коммерческих перевозчиков, в том числе владельца любой транспортной компании или оператора любых транспортных средств, убедиться в том, что все пассажиры имеют документы на въезд/выезд, необходимые для въезда в принимающее государство;

меры в соответствии со своим внутренним законодательством, предусматривающие санкции за нарушение перевозчиками вышеуказанных обязательств.

Что касается перевозок пассажиров воздушным транспортом, возврата иностранцев, не пропущенных через границу, а также ответственности за их незаконный ввоз, то Республика Беларусь в этой сфере руководствуется положениями Конвенции международной организации гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. «О международной гражданской авиации», к которой она присоединилась, приняв постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2022-XII.

Кроме того, при принятии решения о введении в КоАП ответственности за незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь законодателем учитывался опыт и иных стран.

Так, во исполнение ст. 26 Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. между правительствами государств Экономического союза Бенилюкс, Федеративной Республики Германии и Французской Республики о постепенной отмене проверок на общих границах (заключена в г. Шенгене 19 июня 1990 г.) перевозчики обязаны удостовериться в наличии у пассажиров документов, необходимых для въезда на территорию государства – участника Шенгенского соглашения. При этом Директива Совета 2001/51/ЕС от 28 июня 2001 г., дополняющая положения ст. 26 вышеуказанной Конвенции, обязывает государства назначать транспортным операторам санкции за невыполнение указанных требований.

При этом в перечень видов транспорта, незаконное доставление которым лиц в Республику Беларусь влечет административную ответственность перевозчиков, не включен железнодорожный транспорт. В данном случае законодатель руководствовался ст. 45 Соглашения о международном пассажирском сообщении от 6 декабря 1950 г., согласно которой перевозчик, осуществляющий перевозки пассажиров железнодорожным транспортом в международном сообщении, не вправе контролировать соблюдение ими паспортно-административных (в том числе визовых) правил и не несет ответственность за невыполнение пассажирами этих правил.

Несмотря на непродолжительность действия ст. 23.87 КоАП органами пограничной службы и судами, рассматривающими дела об административных правонарушениях указанной категории, уже приняты определенные меры по формированию практики наложения административных взысканий на виновных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Согласно статистическим сведениям, имеющимся в Государственном пограничном комитете Республики Беларусь, органами пограничной службы за девять месяцев 2017 г. выявлено 117 административных правонарушений, предусмотренных различными частями ст. 23.87 КоАП (2016 г. – 43, в 2015 г. – не выявлялись).

Следует отметить, что в отечественной науке вопросам административной ответственности за незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь до настоящего времени не уделено должного внимания. Научные публикации по указанной тематике единичны.

Так, например, состав рассматриваемого административного правонарушения был раскрыт авторским коллективом научно-практического комментария к КоАП, изданного в 2017 г. [1].

Вместе с тем отражение в комментарии к ст. 23.87 КоАП вопросов, связанных с оформлением и использованием миграционной карты, представляется излишним по следующим основаниям.

Согласно определению, изложенному в абз. 12 ст. 1 Закона от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», миграционная карта предназначена для контроля за временным пребыванием или проживанием иностранца в Республике Беларусь. Кроме того, в соответствии с положениями ст. 1 и 27 этого же Закона, а также п. 4 Визовых правил Республики Беларусь, утвержденных постановлением

Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 1065, документами, необходимыми для въезда иностранцев в Республику Беларусь, являются:

действительный паспорт или иной документ, его заменяющий, предназначенный для выезда за границу и выданный соответствующим органом государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства иностранца или международной организацией;

виза, если Республикой Беларусь с государством гражданской принадлежности иностранца не установлен безвизовый режим;

действительный вид на жительство в Республике Беларусь.

Исходя из этого перевозчик не обязан проверять наличие миграционной карты у иностранца, ввозимого им в Республику Беларусь, и, как следствие, не должен нести ответственность по ст. 23.87 КоАП в случае, если пассажир не заполнил и не предъявил ее сотруднику органов пограничной службы в пункте пропуска через Государственную границу.

Вопрос ответственности по ч. 2 ст. 23.87 КоАП перевозчиков, осуществляющих перевозку пассажиров воздушным транспортом, рассматривался А.Н. Мацуковым с учетом особенностей представления документов для оформления въездных виз в пункте пропуска Национальный аэропорт Минск [2]. Следует согласиться с его позицией, что ответственность авиаперевозчика не наступает в случае заблаговременного проставления представителем управления по вопросам въезда иностранцев Главного консульского управления МИД на копии документов визовой поддержки штампа ходатайства о выдаче визы в аэропорту.

В свою очередь, ранее автором также исследовались отдельные вопросы, касающиеся необходимости введения в КоАП ответственности за незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь, и раскрывался состав правонарушения, предусмотренный ст. 23.87 КоАП.

Вместе с тем изучение проблем административной ответственности за вышеуказанное правонарушение по-прежнему актуально и необходимо, так как оно очень взаимосвязано с вопросами обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь.

Кроме того, представляется целесообразным дальнейшее рассмотрение затронутой тематики в контексте противодействия незаконной миграции и соотношения с уголовной ответственностью за организацию незаконного въезда в Республику Беларусь, предусмотренной ст. 371-1 Уголовного кодекса.

Научные изыскания в рассматриваемом направлении также будут способствовать надлежащему формированию правоприменительной практики и исключению ошибок в квалификации действий перевозчиков.

При этом результаты ведения административного процесса уже свидетельствуют о несовершенстве конструкции рассматриваемого состава административного правонарушения, возникающих в связи с этим проблемах в практической деятельности и необходимости корректировки ст. 23.87 КоАП. Например, из общего количества выявленных правонарушений ответственность по ч. 1 ст. 23.87 КоАП наступала лишь в 6 случаях. В остальном это нарушения, допущенные авиаперевозчиками и связанные с доставкой в Республику Беларусь воздушным транспортом пассажиров, не имеющих документов, необходимых для въезда в Республику Беларусь [1].

Так, ответственность по ст. 23.87 КоАП наступает за незаконный ввоз физических лиц в Республику Беларусь. В соответствии с определением, изложенным в абз. 11 ст. 1.3 КоАП, под физическими лицами, если иное не оговорено в КоАП, понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане или лица без гражданства.

Вместе с тем согласно положениям ст. 30 Конституции и ст. 3 Закона от 20 сентября 2009 г. № 49-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» граждане Республики Беларусь имеют право беспрепятственно возвращаться в Республику Беларусь. Исходя из этого очевидно, что ввоз в Республику Беларусь гражданина Республики Беларусь без необходимых документов не может служить основанием для привлечения перевозчика к административной ответственности по ст. 23.87 КоАП.

Кроме того, ч. 1 ст. 44 Закона от 21 июля 2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь» обязывает физических лиц, управляющих транспортными средствами, принимать меры по предотвращению доставки в пункты пропуска пассажиров без документов, необходимых для въезда в Республику Беларусь и (или) выезда из Республики Беларусь. Однако, не предусмотрев административную ответственность физических лиц за незаконный ввоз лиц

в Республику Беларусь, законодатель существенно сузил перечень субъектов рассматриваемого правонарушения и не учел значительного пассажиропотока лиц, следующих через Государственную границу с использованием автомобильного транспорта.

С учетом изложенного заслуживает особого внимания опыт Российской Федерации, в ч. 2 ст. 18.14 КоАП которой предусмотрена ответственность за непринятие лицом, пересекающим по частным делам Государственную границу Российской Федерации, мер по предотвращению использования управляемого им транспортного средства другим лицом для незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации, повлекшее незаконное пересечение или попытку незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации одним или несколькими нарушителями в случае, если указанное деяние не являлось пособничеством в преступлении.

Аналогичные нормы имеются также в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях (ст. 515) и Законе Украины от 10 января 2002 г. № 2920-III «Об ответственности перевозчиков при осуществлении международных пассажирских перевозок».

В настоящее время решения по делам рассматриваемой категории выносятся исключительно судами. Тем не менее на практике возникают проблемные вопросы, связанные с обеспечением явки представителей иностранных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в суд на рассмотрение, а также взысканием наложенных штрафов.

Не оспаривая судебную компетенцию, полагается целесообразным наделить органы пограничной службы полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 23.87 КоАП, а также в отношении правонарушений, совершенных физическими лицами. Это позволит на месте принять решение в отношении перевозчика и предотвратит возникновение проблемных вопросов, связанных с осуществлением перевозки иных пассажиров, документы которых дают им право на пересечение Государственной границы.

Таким образом, результаты проведенного исследования, с одной стороны, свидетельствуют о необходимости дальнейшего научного изучения вопросов административной ответственности за незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь, а с другой – с учетом опыта иных государств и результатов правоприменительной практики указывают на целесообразность внесения изменений и дополнений в ст. 23.87 КоАП:

в ч. 1 и 2 слова «физического лица» заменить словами «иностранный гражданин либо лица без гражданства»;

дополнить указанную статью ч. 3, предусмотрев ответственность за доставление физическим лицом на территорию Республики Беларусь другого иностранного гражданина либо лица без гражданства, не имеющего документов, необходимых для въезда в Республику Беларусь, если в этом деянии нет состава преступления.

Кроме того, предлагается наделить органы пограничной службы правом рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 23.87 КоАП. По мнению авторов, подобное предложение полностью отвечает требованиям ст. 2.1 ПИКоАП о решении задач административного процесса путем быстрого и полного рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Список использованных источников

1. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г.А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г.А. Василевича, Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 1084 с.

2. Мацуков, А.Н. Получение въездных виз иностранцами, прибывающими в Республику Беларусь с деловыми целями [Электронный ресурс] / А.Н. Мацуков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления в редакцию: 27.12.17

N.N. Borejko, Deputy Chief of the Head Department – Head of the Department of Preliminary Investigation and Legal Support of the Operational Activity of the State Border Committee of the Republic of Belarus

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE ILLEGAL IMPORT OF PERSONS TO THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT PROBLEM ISSUES AND WAYS OF THEIR DECISION

The issues of attracting carriers to the administrative responsibility for the illegal importation of persons into the Republic of Belarus are considered. The rationale for the need to introduce Article 23.87 into the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses is set out. Based on the analysis of law enforcement practice and statistical data, specific proposals have been made to improve legislation.

Keywords: administrative responsibility, illegal import of persons to the Republic of Belarus, border services, transportation of passengers.

УДК 342.92

Д.В. Гвоздев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: dvg-77@mail.ru)

МЕСТО АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА

Анализируются различные теоретические подходы к определению места административной юстиции в механизме государства. Рассматриваются понятия «административная юрисдикция» и «административное правосудие» как критерии отнесения административной юстиции к той или иной ветви государственной власти при реализации различных государственных функций.

Ключевые слова: механизм государства, административная юстиция, юрисдикция, правосудие, государственное управление, судебная власть, административные суды.

Рассматривая общетеоретические подходы, сложившиеся в рамках изучения феномена административной юстиции, следует отметить, что как таковое понятие последней и с теоретической, и с практической точек зрения трактуется неоднозначно. Различия в теоретических подходах к организации правосудия в сфере управленческой деятельности связаны прежде всего с определением его места в механизме государства. При этом механизм понимается как целостная иерархическая система государственных органов и учреждений, на практике осуществляющих государственную власть, задачи и функции государства [1, с. 186]. Иными словами, основным вопросом данной дискуссии является вопрос отнесения административной юстиции к той или иной ветви власти, реализующей определенную функцию государства.

Анализируя точки зрения различных авторов по вопросам сути и правовой природы административной юстиции, можно выделить три основных подхода к исследованию данного социально-правового феномена.

Первый – юрисдикционный, суть которого заключается в том, что административная юстиция рассматривается как часть административной юрисдикции различных государственных органов наряду с производством по делам об административных правонарушениях и применением мер административного принуждения.

Рассматриваемую дефиницию Д.М. Чечот, например, определяет, как порядок рассмотрения и разрешения в судебной процессуальной форме споров, возникающих в сфере административного управления между гражданами или юридическими лицами, с одной стороны, и административными органами – с другой, осуществляемый юрисдикционными органами, специально созданными для разрешения правовых споров [2, с. 31].

А.Б. Зеленцов, в свою очередь, исследуемое понятие связывает «с юрисдикционной деятельностью, которая выступает как властно-принудительная форма (способ) ее осуществления и гарант справедливого разрешения спора» [3, с. 94]. Так, автор считает, что и производство по административным спорам, и производство по делам о привлечении к административной ответственности есть суть юрисдикционные производства, регулирующие осуществление административной юрисдикции. Только в первом случае – это административно-спорная юрисдикция, во втором – административно-наказательная. Исходя из этого административная юстиция может быть определена как разрешение юрисдикционными органами административно-правовых споров, осуществляемое в особой административно-процессуальной форме и направленное на защиту субъективных публичных прав частных лиц от нарушений неправомерными актами, обеспечение законности и справедливости в публичном управлении [3, с. 94–95].

Так, анализ рассматриваемого подхода к определению сути и правовой природы административной юстиции видится логичным начинать с понятия административной юрисдикции, так как именно этот аспект является в нем определяющим.

Общий подход к юрисдикции заключается в том, что это предусмотренные законом или другим правовым актом следующие правомочия, полномочия государственного органа: дать оценку правомерности или неправомерности действий юридических или физических лиц, разрешать юридические споры, применять санкции к лицам, нарушающим законы и нормы права [4, с. 454]. Таким образом, в общем смысле юрисдикция понимается как деятельность государственных органов, направленная на реализацию правоохранительной функции государства. Однако правоохранительная функция – одно из основных направлений государственной деятельности – может реализовываться посредством нормотворчества, правоприменения, государственного (прокурорского) надзора и правосудия. И здесь речь идет о реализации правоохранительной функции посредством реализации функций самостоятельных ветвей власти. Соответственно можно выделять правотворческую, правосудную (судебную), прокурорскую (надзорную) и правоприменительную (административную) юрисдикции. С.В. Добрян по данному поводу отмечает, что административная юрисдикция является по существу составной частью правоохранительной и правоприменительной деятельности органов государственного управления, осуществляемой на основе и во исполнение закона, в рамках и по правилам административного процесса. Административная юрисдикция зависит от особенностей субъекта, уполномоченного на ее осуществление. По этому критерию можно выделить такого рода юрисдикцию, осуществляемую непосредственно исполнительными органами (должностными лицами), т. е. в управленческом (внесудебном) порядке, и судебными органами [5, с. 6].

Следует отметить, что административная юрисдикция как реализация полномочий органов государственного управления по применению мер административного принуждения является производным видом государственно-управленческой деятельности и детерминирована в первую очередь основной функцией органов государственного управления, а именно функцией правоприменения, что свидетельствует о том, что такая функция является содержательным аспектом исполнительной ветви власти.

Соответственно, исходя из основополагающих свойств государственного управления, под административной юрисдикцией в чистом виде следует понимать исключительно правоприменительную (управленческую) деятельность, направленную на реализацию правоохранительной функции государства.

Таким образом, видится, что смешение судебной и управленческой (административной) юрисдикции не обосновано с теоретико-правовых позиций и позиции основ в первую очередь конституционно-правовых, правового регулирования общественных отношений в Республике Беларусь.

Административно-юрисдикционная модель административной юстиции не в полной мере соответствует сложившимся социально-правовым реалиям правового регулирования общественных отношений в Республике Беларусь по следующим критериям:

административная юстиция – есть реализация функции правосудия, но никак не административной юрисдикции;

реализация функции правосудия должна осуществляться исключительно судом.

Следующий подход к определению сути и правовой природы административной юстиции можно условно обозначить как административно-правосудный. Смысл здесь заключается в том, что под административной юстицией предлагается понимать особый процессуальный порядок рассмотрения административно-правового спора судами вне зависимости от их отраслевой компетенции и нормативного основания. Иными словами, в понятие административной юстиции включен материальный аспект (особенности административно-правового спора) без учета аспекта нормативного (отрицается необходимость самостоятельного нормативного регулирования общественных отношений по разрешению административно-правового спора) и организационного (отрицается необходимость создания специализированных административных судов).

Так, И.В. Панова характеризует административную юстицию как рассмотрение административных споров (не административных дел) в особом (административном) порядке [6, с. 21].

При этом автор различает понятия «административная юстиция» и «административное судопроизводство» и отмечает, что для административной юстиции есть ГПК РФ и АПК РФ, законы о конституционных (уставных) судах, а также различные нормативные правовые акты, устанавливающие порядок рассмотрения административных споров внесудебными (квазисудебными) административно-юрисдикционными органами [6, с. 22].

Таким образом, сторонники административно-правосудной концепции понимают под административной юстицией деятельность судов (некоторые исследователи включают в это понятие деятельность квазисудебных органов) по рассмотрению правовых споров, вытекающих из административно-правовых отношений, урегулированную нормами различных процессуальных нормативных правовых актов, не относящихся ни к сфере регулирования собственно административных, ни к административно-юстиционных правоотношений.

Итак, для административно-правосудной концепции при характеристике административной юстиции решающее значение имеют особенности административно-правового спора, при этом правовая отраслевая идентификация и организация данной деятельности принципиального значения не имеют.

Между тем, приняв за основу специфические черты административно-правового спора, авторы не учитывают, как представляется, одно принципиальное обстоятельство: под административно-правовым спором они понимают существование определенного противоречия, расхождение во взглядах относительно того или иного объекта. Однако наличие такого противоречия еще не означает возникновение правового спора. По нашему мнению, правовой спор – есть общественное отношение, урегулированное правовыми нормами, т. е. то, каким образом, по каким правилам это противоречие разрешается, включая предмет и процесс доказывания, заявление ходатайств, реализацию иных прав и обязанностей.

Представляется, что наличие противоречия между органом государственного управления и подвластным субъектом, если оно разрешается по правилам гражданского или хозяйственного процесса, свидетельствует о наличии именно гражданско-правового спора, вытекающего из административных правоотношений. При таком подходе обнаруживается, что любые правовые споры, разрешение которых относится к тому или иному виду правосудия, являются предметом правового регулирования соответствующей отрасли права и, соответственно, являются материальным основанием соответствующего вида юстиции (гражданская, уголовная, административно-деликтная и т. д.).

Как представляется, административная юстиция характеризуется наличием специфического правового спора как общественного отношения, требующего самостоятельного нормативного регулирования и, следовательно, самостоятельного процессуального основания. Таким образом, об административной юстиции можно говорить лишь в том случае, когда ее процессуально-организационным основанием будет являться административное, но никак не гражданское, конституционное или какое-либо иное правосудие.

Для полноценного формирования административной юстиции ей необходимо придать форму самостоятельного структурного элемента судебной власти, что невозможно без формирования системы специальных административных судов.

Итак, административная юстиция, должна включать следующие элементы:

материальное основание (административно-правовой спор);

процессуальное основание или процессуальная форма (урегулированный отдельным нормативным правовым актом особый процессуальный порядок его разрешения);

организационное основание (система специальных органов правосудия, наделенных компетенцией по разрешению административно-правовых споров).

Таким образом, можно говорить о третьем, как представляется, наиболее обоснованном подходе к определению сути и правовой природы административной юстиции, который определяется как собственно административно-юстиционный.

Вообще административная юстиция – особый вид правосудия, осуществляемый в сфере разрешения публично-правовых споров специально созданными судебными органами в соответствии с особой процессуальной формой. Здесь указанная концепция исходит из того, что административная юстиция – самостоятельное направление реализации функций судебной власти,

что предполагает: наличие системы специальных административных судов, независимых от администрации, и судов общей юрисдикции; наличие специального отраслевого законодательства, регулирующего порядок их деятельности по разрешению административно-правовых споров.

Так, Ю.Н. Стариков по данному вопросу отмечает, что административная юстиция – специальный вид правосудия, направленный на деятельность администрации и полиции, на разрешение спора о праве административном (публичном) [7, с. 26]. Развивая данную мысль, автор подчеркивает, что создание в российской судебной системе новых специализированных судов – административных судов в первую очередь зависит от законодателя, который в случае одобрения этой идеи должен разработать, обсудить и принять Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный конституционный закон «О федеральных административных судах в Российской Федерации» [7, с. 169]. Ученый выделяет два основания административной юстиции как специального вида правосудия: нормативный (необходимость наличия отраслевого законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере административной юстиции) и организационный (необходимость создания специализированных административных судов).

Рассматриваемый подход является наиболее широким и с теоретической точки зрения наиболее привлекателен, потому как позволяет рассматривать административную юстицию в качестве самостоятельного, обособленного способа реализации функций судебной власти, включающего систему отраслевых административных судов, отраслевое административно-юстиционное законодательство, особый порядок рассмотрения административно-правовых споров.

В результате, несмотря на все разнообразие точек зрения относительно сути и правовой природы административной юстиции, можно выделить ряд ее существенных признаков.

Административная юстиция – одно из важных правовых средств защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений. Суть административной юстиции заключается в судебном рассмотрении правовых споров, возникающих в сфере государственного управления.

В науке административного права отсутствует единый подход, позволяющий однозначно выделить нормативные и правоприменительные признаки рассматриваемого социально-правового явления. Более того, отсутствие единства мнений среди ученых по поводу свойств административной юстиции детерминирует наличие проблем определения ее отраслевой, функциональной и нормативной идентификации.

В итоге определяются основные теоретические подходы к сути и правовой природе административной юстиции:

административно-юрисдикционный. Административная юстиция – направление административной юрисдикционной деятельности различных государственных органов – традиционно любая правоохранительная деятельность, тем или иным образом связанная со сферой государственного управления. Таким образом, административная юстиция – деятельность по разрешению административно-правовых споров в административном, судебном порядке, реализуемая органами исполнительной власти, судами и квазисудебными органами;

административно-правосудный. Административная юстиция – деятельность по судебному рассмотрению административно-правовых споров в соответствии с различными нормативными правовыми актами, регулирующими осуществление различных видов юридического процесса (гражданский, административный, арбитражный, конституционный и т. д.);

собственно административно-юстиционный. Административная юстиция – самостоятельный вид правосудия с собственным нормативным основанием и системой специальных органов правосудия.

Анализ рассмотренных теоретических подходов к определению сути и правовой природы административной юстиции позволяет сделать вывод, что наиболее обоснованным и приемлемым при формировании национальной модели административной юстиции является именно административно-юстиционный подход. Именно он соответствует сложившимся общетеоретическим, социально-правовым и конституционно-правовым подходам к правовому регулированию общественных отношений и реализации функций судебной власти в Республике Беларусь.

Необходимость дальнейшего развития системы административных судов обусловлено социально-правовой спецификой административного правосудия и должно зависеть от правовых и социально-экономических условий развития белорусского государства.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права : учеб. для вузов / С.С. Алексеев, С.И. Архипов. – М. : Норма, 2005. – 496 с.
2. Чечот, Д.М. Административная юстиция (Теоретические проблемы) / Д.М. Чечот. – Л. : Изд-во ленингр. ун-та, 1973. – 135 с.
3. Зеленцов, А.Б. Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права : учеб. пособие / А.Б. Зеленцов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 399 с.
4. Гавриленко, В.Г. Национальный юридический словарь / В.Г. Гавриленко, П.Г. Никитенко, Н.И. Ядевич. – Минск : Ин-т экономики Нац. акад. наук Беларуси, 2000. – 508 с.
5. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / С.В. Добряня [и др.] ; под общ. ред. С.В. Добряня. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 115 с.
6. Панова, И.В. Административная юстиция : монография / И.В. Панова. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 464 с.
7. Стариков, Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы / Ю.Н. Стариков. – М. : НОРМА – ИНФРА М, 2001. – 304 с.

Дата поступления в редакцию: 25.04.18

D.V. Gvozdev, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Police Department of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PLACE OF ADMINISTRATIVE JUSTICE IN THE IMPLEMENTATION MECHANISM OF THE STATE

Various theoretical approaches to determining the place of administrative justice in the mechanism of the state are analyzed. The concepts "administrative jurisdiction" and "administrative justice" are considered as criteria of reference of administrative justice to this or that branch of the state power at realization of various state functions.

Keywords: mechanism of the state, administrative justice, jurisdiction, justice, public administration, judicial power, administrative courts.

УДК 351.74

С.Ю. Дегонский, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: degonskii@mail.ru);

С.А. Старовойт, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: slavastar7@mail.ru)

**ОСОБЕННОСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Рассматриваются вопросы правового регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД. Проведен анализ позиций отечественных и зарубежных ученых в данной области отношений; освещается исторический опыт регулирования. Сравняется правовое регулирование дисциплинарной ответственности военнослужащих, гражданских государственных служащих, работников. Выявлена комплексность данного процесса и отмечаются его особенности по сравнению с общим законодательством о труде.

Акцентируется внимание на несовершенстве законодательства в исследуемой области; обосновывается необходимость его совершенствования.

Ключевые слова: ОВД, государственная служба, служебная дисциплина, дисциплинарная ответственность.

Основным видом ответственности государственных служащих является дисциплинарная, так как вероятность применения дисциплинарного взыскания к государственному служащему значительно выше, чем, например, мер административной и уголовной ответственности [1; 2].

Вместе с тем, по мнению К.И. Кеника, исследовательских работ о данном виде ответственности немного [3], тем более высока значимость научной оценки дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД.

В юридической науке отмечается, что ответственность в сфере управления направлена на то, чтобы предупредить факты нарушения, создать условия, при которых исключаются отступления от правил и норм работы, влекущие дезорганизацию в управляемых сферах и отраслях, трудовых коллективах отдельных организаций, поведении граждан [4, с. 60]. При этом поощрение и ответственность государственных служащих – важнейшие средства обеспечения законности и дисциплины, достижения эффективности государственного управления [5, с. 289; 6].

В управлении в непосредственно деятельности ОВД и в прохождении службы сотрудниками в данных органах главенствует принцип единоначалия. По средствам него оцениваются результаты служебной деятельности конкретного сотрудника, выстраивается его карьера. Указанным принципом обеспечивается корректирование поведения в служебных взаимоотношениях, вплоть до привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников. Указанные особенности управления направлены прежде всего на качественное и оперативное решение возложенных на ОВД задач.

Так, понятие дисциплинарной ответственности нераздельно связано с понятием служебной дисциплины. Последняя, по мнению С.П. Матвеева, – одно из неперемных условий успешного выполнения задач, стоящих перед ОВД, и выступает организующим началом служебной деятельности сотрудников полиции [7, с. 30]. В свою очередь, сознательное пренебрежение требованиями дисциплины безопасности, сформулированными в уставах, наставлениях и инструкциях, часто приводит к трагическим последствиям [8, с. 69].

Для регулирования служебных отношений характерна комплексность, основанная на симбиозе самосознания сотрудников и методов внешнего воздействия на их сознание и поведение, на что указывают Т.М. Занина и Е.В. Позднякова [9, с. 66].

Как отмечает Н.П. Маюров, поощрение – одна из форм стимулирования, которая побуждает к добросовестному выполнению служебных обязанностей и примерному поведению. Основным смысл поощрительных норм заключается в том, что поощрение – не только реакция на определенное поведение, но и стимул на будущее, призыв к определенному поведению, т. е. поощрение – признание заслуг, награждение в связи с достигнутыми успехами. Применение обозначенной меры к сотрудникам свидетельствует о положительной оценке выполнения ими своих обязанностей и служебного долга [10, с. 33].

В случае совершения сотрудником каких-либо правонарушений в период прохождения службы в ОВД он подлежит привлечению к установленной законом ответственности, на что прямо указывается в ст. 34 Закона от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь».

Если для трудовых отношений вопросы дисциплины носят частный характер и, как отмечают некоторые ученые, не сопряжены с государственным принуждением [11], то для государственных служащих в целом и сотрудников ОВД в частности в вопросах привлечения к дисциплинарной ответственности в первую очередь должен учитываться публичный государственный интерес. В связи с этим и нормативная база о дисциплинарной ответственности таких служащих отличается более детальной регламентацией процедуры привлечения к ответственности, расширенным перечнем дисциплинарных взысканий и применением более строгих взысканий к сотрудникам, дифференциацией полномочий руководителей по их применению (Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З; Закон от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь»; Закон от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»; Указ от 29 мая 2003 г. № 218 «Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь и текста Присяги лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Беларусь»).

Об особенностях дисциплинарной ответственности и ее значении при прохождении службы в ОВД свидетельствует тот факт, что законодатель выделяет данную категорию субъектов правоотношений и их юридическую ответственность, например, в ст. 4.7 «Ответственность военно-

служащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине» КоАП от 21 апреля 2003 г., № 194-З. А в ст. 8.5 КоАП предусмотрено освобождение от административной ответственности военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов¹ или специальных положений о дисциплине, с передачей материалов о правонарушениях соответствующим органам для решения вопроса о привлечении их к дисциплинарной ответственности.

Как отмечает К.И. Кеник, с чем нельзя не согласиться, особенностью дисциплинарной ответственности в отличие от уголовной и административной является то, что конкретные составы правонарушений, которые являются дисциплинарными проступками и могут влечь применение дисциплинарных взысканий, в законодательных актах не предусмотрены. Не установлено также, какие санкции могут применяться за тот или иной дисциплинарный проступок [3, с. 42]. Так, ученый делает вывод, что наниматель вправе, но не обязан привлекать работника к дисциплинарной ответственности [3, с. 42], что вполне закономерно. Указанная особенность дисциплинарной ответственности была характерна, например, для Дисциплинарного устава ОВД СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 мая 1984 г. № 128-ХІ, в п. 5 которого было закреплено, что при нарушении дисциплины подчиненным начальник должен напомнить ему о служебных обязанностях и предупредить о недопустимости таких действий, а при необходимости, в зависимости от тяжести совершенного проступка и степени вины, подвергнуть виновного дисциплинарному взысканию или передать материалы о проступке на рассмотрение товарищеского суда. Аналогичное требование нашло отражение и в п. 39 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь, утвержденного 26 июня 2001 г. № 355, за исключением передачи материалов в товарищеский суд.

Вместе с тем в Декрете Президента от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» в подп. 4.2 п. 4 устанавливаются конкретные факты грубого нарушения трудовых обязанностей, влекущие безусловное привлечение руководителя организации к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения с занимаемой должности, а также определены основания для расторжения трудовых договоров (контрактов) до истечения срока их действия, в том числе и с государственными служащими. Таким образом, возможно вести речь о попытке законодателя детально регламентировать дисциплинарные отношения в части определения конкретных проступков и видов взыскания за них, чем подчеркивается их (дисциплинарных отношений) важность и значимость для государства.

Также необходимо отметить, что для сотрудников ОВД согласно Дисциплинарному уставу ОВД установлен срок привлечения к дисциплинарной ответственности – два года с момента совершения проступка. Можно провести параллель с уголовным законодательством в части сроков привлечения к ответственности. В данном аспекте служебных отношений, признавая весомость для общества и государства качественного и неукоснительного выполнения стоящих перед ОВД задач в процессе прохождения службы в данных органах, законодатель условно уравнивал нарушение дисциплины с преступлением, не представляющим большой общественной опасности². Однако видится, что данная правовая позиция не согласуется с требованиями НПА о дисциплине в иных видах военизированной службы (СК, ГКСЭ, МЧС, ДФР КГК) и оптимальным и обоснованным, на наш взгляд, будет срок шесть месяцев после совершения дисциплинарного проступка, в течение которого сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. На данное обстоятельство в частности указывают и результаты опроса сотрудников ОВД, в том числе руководителей различного уровня. Так, более 80 % считают, что срок два года после совершения дисциплинарного проступка, в течение которого сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, является необоснованно завышенным.

К отличительным признакам дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД следует отнести принцип коллективной ответственности «один за всех и все за одного». Так, в случае совершения сотрудником конкретного ОВД грубого дисциплинарного проступка согласно

¹ В ОВД вопросы дисциплинарных правоотношений регламентируются Дисциплинарным уставом ОВД.

² Ч. 1 ст. 83 УК предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности, истекло два года.

Приказу МВД от 5 июля 2016 г. № 185 «Об утверждении Комплекса мероприятий по укреплению служебной (воинской) и трудовой дисциплины среди личного состава и гражданского персонала органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь» по команде «Сбор» происходит прибытие по месту дислокации всего личного состава ОВД, осуществляется его проверка, проведение профилактических наглядно-визуальных мероприятий, а меры, применяемые к сотруднику, совершившему проступок, доводятся до всего личного состава. В случае же сокрытия руководителем ОВД факта грубого нарушения служебной дисциплины подчиненным сотрудником указанный начальник сам может быть подвергнут дисциплинарному взысканию, вплоть до увольнения из ОВД. Указанные особенности правового регулирования отношений в сфере служебной дисциплины и дисциплинарной ответственности свидетельствуют о том, что ОВД способны выполнять возложенные на них задачи по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности только являясь цельным, сплоченным коллективом, каждый член которого ставит интересы этого коллектива, т. е. ОВД, выше личных.

При анализе норм Дисциплинарного устава ОВД 1984 г., в частности п. 4, выявляются вышеуказанные особенности дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД. В данном Уставе предусматривалось, что особое внимание начальника должно быть направлено на изучение индивидуальных качеств подчиненных, поддержание уставных взаимоотношений между ними, сплочение коллектива, своевременное выявление причин и предупреждение проступков подчиненных, создание нетерпимого отношения к нарушениям дисциплины. При этом он обязан всемерно использовать силу общественного воздействия коллектива.

Справедливо отмечает В.Л. Кубышко, что сознательность и самоконтроль сотрудников напрямую зависит от уровня их мотивации к службе. Для руководителя очень важно знать мотивацию работников и уметь эффективно управлять ею с целью повышения результативности и качества трудовой деятельности, обеспечения высокого уровня служебной дисциплины [12].

Кроме того, для дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД характерен несколько иной смысл по сравнению с ответственностью гражданских государственных служащих или работников. Например, согласно вышеназванному Дисциплинарному уставу ОВД 1984 г. предусматривалось за нарушение служебной дисциплины на лиц среднего и старшего начальствующего состава наложение взыскания – арест с содержанием на гауптвахте лиц среднего начальствующего состава – до десяти суток, лиц старшего начальствующего состава – до пяти суток. Указанным правовым положением подчеркивается такое сущностно-содержательное свойство дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД, как наказание.

В нормативных правовых актах данный термин успешно используется применительно к дисциплинарной ответственности. Так, в ст. 70 и 71 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил также закрепляется норма, согласно которой запрещается налагать взыскание на весь личный состав подразделения вместо наказания непосредственных виновников, а также подвергать аресту военнослужащих без определения срока ареста. Если командир (начальник) считает предоставленную ему дисциплинарную власть недостаточной, он ходатайствует о наказании виновного властью старшего командира.

В п. 29 Дисциплинарного устава ОВД предусматривается такой вид дисциплинарного взыскания, как назначение вне очереди в наряд по службе, что опять же подразумевает не просто негативные последствия для курсанта, а именно активные действия, которые он должен понести: наряд за совершенный проступок.

Таким образом, для дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД характерно наличие сущности в своем содержании – наказания, что подчеркивает особенность в регулировании правоотношений при прохождении данного вида государственной службы.

Подводя итог вышесказанному, видится возможным выделение особенностей в правовой регламентации дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД:

регламентация специальным нормативным правовым актом – Дисциплинарным уставом ОВД;
принцип единоначалия, при котором происходит концентрация всей полноты исполнительной и распорядительной власти над подчиненными в руках начальника;

возможно освобождение от дисциплинарной ответственности, исходя из совершенного проступка и степени вины нарушителя. При этом начальник указывает на имевшие место просчеты в служебной деятельности и их недопустимость в последующем;

удовлетворение прежде всего публичного интереса при привлечении к данному виду ответственности ввиду публичности самой службы в ОВД и отнесения ее к особому виду государственной службы;

принцип коллективной ответственности;

наличие сущностно-содержательной характеристики – наказания;

длительный срок (два года) после совершения проступка, в течение которого сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

Обозначенные отличительные черты, а также исторический опыт и анализ действующего законодательства в урегулировании дисциплинарных отношений правоохранительных органов позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования и гармонизации законодательства в данной области правоотношений.

Список использованных источников

1. Гришкoveц, А.А. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных служащих / А.А. Гришкoveц // Право и политика. – 2001. – № 3. – С. 57–73.
2. Демин, А.А. Государственная служба в Российской Федерации : учеб. для акад. бакалавриата / А.А. Демин. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 436 с.
3. Кеник, К.И. Дисциплинарная ответственность: основания и виды / К.И. Кеник // Суд. весн. – 2012. – № 1. – С. 41–45.
4. Гавриленко, Д.А. Служебная дисциплина в органах внутренних дел: сущность, значение и способы укрепления / Д.А. Гавриленко, А.А. Подупейко. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2000. – 102 с.
5. Административное право России : курс лекций / К.С. Бельский [и др.] ; под. ред. Н.Ю. Хаманевой ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М. : Велби ; Проспект, 2008. – 704 с.
6. Бялт, В.С. Совершенствование дисциплинарных правоотношений в органах внутренних дел / В.С. Бялт, Н.П. Маюров // Пробелы в рос. законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 225–229.
7. Матвеев, С.П. О правовом регулировании дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел / С.П. Матвеев // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2014. – № 4. – С. 29–36.
8. Сафронов, А.Д. Правовая природа службы в органах внутренних дел и профессиональное сознание молодых сотрудников / А.Д. Сафронов // Вестн. Барн. юрид. ин-та МВД России. – 2007. – № 13. – С. 68–72.
9. Занина, Т.М. Правовое регулирование прохождения службы в органах внутренних дел / Т.М. Занина, Е.В. Позднякова. – Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2013. – 105 с.
10. Маюров, Н.П. Дисциплинарные правоотношения в советской милиции (1917–1991 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н.П. Маюров. – СПб., 2005. – 495 л.
11. Лушникова, М.В. Очерки теории трудового права / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 938 с.
12. Кубышко, В.Л. Психологическое обеспечение профилактики нарушений служебной дисциплины в органах внутренних дел : учеб.-метод. пособие / В.Л. Кубышко. – М. : ЦОКР МВД России, 2008. – 216 с.

Дата поступления в редакцию: 06.04.18

S.Y. Degonsky, Candidate of Juridical Sciences, Lecturer at the Department of Administrative Activity of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; **S.A. Starovoit**, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative Activity of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

FEATURES OF A DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OFFICER OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Questions of legal regulation of disciplinary responsibility of employees of law-enforcement bodies are considered. The analysis of the positions of domestic and foreign scientists in this field of relations is carried out; the historical experience of regulation is consecrated. The legal regulation of disciplinary responsibility of servicemen, civil servants and employees is compared. The complexity of this process is revealed and its features are noted in comparison with the general labor legislation.

Attention is focused on the imperfection of legislation in the field under study; the necessity of its improvement is substantiated.

Keywords: bodies of internal affairs, public service, official discipline, disciplinary responsibility.

УДК 342.95

Д.А. Егоров, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: d.a.egorovv@gmail.com).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМ И МЕТОДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Предпринята попытка научного обоснования форм и методов деятельности субъектов административно-правового режима безопасности объектов использования атомной энергии (далее – АПР безопасности ОИАЭ). Рассматриваются свойства управленческих форм, раскрывается значение административно-правовых форм для обеспечения функционирования режима, обосновываются основные черты методов деятельности его субъектов. Предлагается ряд научно обоснованных терминов и их определений. Представлены результаты, направленные на развитие научных понятий о содержании и внешнем выражении полномочий органов государственного управления по обеспечению безопасности объектов использования атомной энергии.

Ключевые слова: форма, метод, государственное управление, административно-правовой режим, безопасность объектов использования атомной энергии.

Функции государственного управления в сфере безопасности АПР безопасности ОИАЭ, выступая первичным основанием для формирования организационных структур их реализации, материализуясь в компетенции субъектов режима, свое внешнее выражение находят в формах управления. В этой связи категориальный ряд «потребности объекта управления – цели, задачи, функции управления – специальные функции управления – цели, задачи, функции, полномочия субъекта управления» логически дополняется категорией форм, в которых отражается практическая деятельность субъектов режима и раскрывается содержание государственно-управленческих воздействий.

Посредством управленческих форм функции и методы управления опредмечиваются применительно к определенным общественным отношениям, приобретая вид конкретного волеизъявления государственно-властного субъекта. При этом выбор адекватных сложившимся режимным условиям форм управления, их грамотное сочетание являются необходимой предпосылкой для эффективного функционирования управляемой подсистемы и приведения ее в состояние, заданное целью режима.

Применение форм управления может влечь различные правовые и организационные последствия, однако именно достижение цели должно выступать в качестве совокупного оценочного показателя результативности государственно-управленческой деятельности. Иными словами, формы управления представляют собой не только внешнее выражение деятельности субъектов режима, но и средство последовательного достижения целей, сформулированных в процессе познания объективных потребностей управляемой подсистемы.

Подчеркнем, что цели АПР безопасности ОИАЭ, закрепленные в нормативных правовых актах, выступают в качестве правовых категорий. Следовательно, их достижение требует применения форм управления, влекущих правовые последствия, наступление которых на различных организационно-правовых уровнях привело бы к достижению правового результата.

В науке административного права такие формы принято называть административно-правовыми формами реализации исполнительной власти в собственном смысле [1, с. 74], что обусловлено прежде всего их юридической природой и характером вызываемых правовых последствий.

В свою очередь, применение субъектами режима конкретных административно-правовых форм предполагает нормативную регламентацию их видов и оснований применения. Определяющими при этом являются нормы о компетенции органов государственного управления, принадлежность последних к соответствующему организационно-правовому уровню, которые и обуславливают различные по своему внешнему выражению проявления их управленческого труда. При этом степень близости к конечному объекту управления оказывает непосредственное воз-

действие на функциональное содержание и формы деятельности субъектов режима: чем выше по своему организационно-правовому уровню орган государственного управления по отношению к объекту, тем больше в содержании его деятельности функций общего руководства, регулирования, координации и соответствующих правоустанавливающих элементов их реализации.

Так, субъекты, осуществляющие функции непосредственного управления сферой безопасности ОИАЭ или реализующие комплекс вспомогательных, обеспечительных функций межотраслевого значения, исполняют либо организуют исполнение требований нормативных правовых актов преимущественно посредством правоприменительной и правоохранительной форм государственно-управленческой деятельности.

Не абсолютизируя значение компетенционного подхода для понимания административно-правовых форм, следует подчеркнуть, что именно компетенция выступает в качестве нормативной модели функционирования конкретного субъекта, в которой комплексно определены не только его основное назначение, цели, задачи, функции, но и соответствующие формы их реализации. Как отмечается в юридической литературе, формы управленческой деятельности прямо или косвенно предопределены в своей основе теми нормативами, с помощью которых государство регламентирует деятельность аппарата управления (например, в положениях об отдельных органах государственного управления). Это означает, что данный орган управления может и должен использовать в целях практического осуществления своих функций ту предусмотренную правом форму своей деятельности, которая соответствует назначению данного органа и задачам управления [2, с. 26].

Иными словами, административно-правовые формы вне зависимости от их характера и назначения в определенной степени юридизированы, т. е. их применение имеет четкую правовую основу. Облекая собственную деятельность в ту или иную форму, орган государственного управления функционирует не произвольно, а в соответствии с заранее определенным алгоритмом.

При этом будучи ограничен нормативно закрепленным перечнем форм властный субъект волен в выборе тех из них, которые наиболее целесообразны для реализации возложенных на него задач и функций. В свою очередь, несоответствие применяемых форм управления его функциям или сложившейся ситуации снижает эффективность государственно-властного воздействия, влечет наступление непредусмотренных последствий и обуславливает необходимость изменения существующих либо поиска новых управленческих форм.

Важно также иметь в виду, что функционирование органов государственного управления не всегда выражено в непосредственном воздействии на объект. Ряд управленческих действий носит организационный, вспомогательный характер и связан с обеспечением порядка работы конкретного органа, взаимодействия его структурных подразделений [3, с. 198]. В данном случае применение таких форм обеспечивает внутриорганизационную, внутривидовую деятельность конкретного субъекта и не влечет прямых юридических последствий для управляемого объекта. Указанные формы, внешне выражая повседневную оперативную деятельность субъектов режима, служат интересам обеспечения подготовки конкретного органа государственного управления к непосредственному управляющему воздействию на управляемый объект либо повышают эффективность, результативность такого воздействия. При этом их спектр достаточно широк и обусловлен организационно-правовым уровнем конкретного субъекта либо его структурного подразделения, характером и объемом поставленных перед ним управленческих целей и задач.

Обобщая изложенное, под формами деятельности субъектов АПР безопасности ОИАЭ следует понимать совокупность нормативно установленных, имеющих внешнее выражение действий органов государственного управления по реализации управленческих целей, задач и функций, в совокупности приводящих к достижению результата (наступлению последствий), отвечающего потребностям управляемого объекта.

Необходимо также иметь в виду, что формы управления, внешне отражая содержание практической деятельности субъектов режима, прямо взаимосвязаны с категорией метода управления.

Это объясняется тем, что метод, выступая в качестве правового средства реализации управленческих целей, задач и функций, является таковым лишь при условии, когда его использование закреплено в надлежащей правовой форме. Управленческие воздействия методов деятель-

ности государственно-властных субъектов раскрываются в случае своего внешнего выражения, приобретая реальную действенность и материализацию в процессе управления. Например, профилактические возможности контрольно-надзорных административно-предупредительных методов, применяемых в целях обеспечения безопасности при строительстве атомной электростанции, реализуются посредством составления актов проверок, справок об их проведении, вынесения предписаний об устранении выявленных нарушений.

Связь формы и содержания (метода) проявляется и в том, что только будучи закрепленным в соответствующей правовой форме конкретный метод управления становится обязательным для управляемого объекта. В частности, принятие решения по вопросам лицензирования, внешне выраженное в приостановлении лицензии на право осуществления деятельности в области использования атомной энергии, влечет соответствующие негативные правовые последствия для лицензиата.

Следует также отметить, что управление, его функциональная сторона, предполагает прогнозирование перспектив развития конкретных сфер управления, что обуславливает необходимость определения наряду с объективно необходимыми функциями соответствующих методов по их реализации. С учетом указанного существенным представляется вопрос исследования не только эффективности действующих методов управления, оптимизации юридических механизмов их реализации, но и обоснования необходимости внедрения новых методов управления, нормативного правового закрепления оснований (форм) для их применения.

Также важно еще и то, что изменения в содержании государственного управления, связанные с применением новых приемов и способов управляющего воздействия, влекут изменение форм их реализации, о чем свидетельствуют исследования отечественных ученых-административистов, обосновывающих использование качественно новых подходов к реализации метода стимулирования, обуславливающих совершенствование соответствующих административно-правовых форм [4, л. 159; 5, л. 123–130].

Таким образом, взаимосвязь формы и метода государственного управления в сфере АПР безопасности ОИАЭ представляет собой диалектическую взаимозависимость явлений, отражающих суть процесса управления с его внутренней и внешней стороны, соответствие которых друг другу повышает эффективность государственно-управленческой деятельности, способствует реализации управленческих задач и функций и в совокупности приводит к достижению результата, объективно отвечающего потребностям управляемой среды.

Отметим, что проблема методов государственного управления в сфере АПР безопасности ОИАЭ учеными не рассматривалась, в связи с чем, основываясь на сложившихся в науке административного права подходах [1, с. 121–125; 3, с. 222–232; 6, с. 219–228], представляется возможным выделить их основные черты в исследуемой сфере.

Первоначальным основанием для понимания методов деятельности субъектов режима выступают потребности объекта управления в соответствующих управляющих воздействиях, так как именно по отношению к объекту вне зависимости от его организационно-правового уровня и места в системе применяются конкретные методы управления.

Способствуя приведению объекта в состояние, заданное управленческой целью, методы управления выступают в качестве обеспечивающего элемента реализации публичного интереса в рамках обозначенного режима.

Методы деятельности органов государственного управления взаимосвязаны с методом правового регулирования общественных отношений в сфере АПР безопасности ОИАЭ. Так, заложенные в основе данного метода предписания и запреты формируют разрешительный порядок административно-правового регулирования, который, в свою очередь, предопределяет наличие в деятельности уполномоченных субъектов разрешительных, контрольно-надзорных методов управления. Преобладание в национальных стандартах общих запретов и ограничений обуславливает при их нарушении использование органами государственного управления совокупности методов принуждения различной целевой направленности.

Метод государственного управления выступает не только правовым средством воздействия на управляемую подсистему, но и средством реализации компетенции субъектов режима. В частности, закрепленные в компетенции органа государственного управления цели, задачи, функ-

ции и полномочия реализуются посредством использования методов управления, выраженных в специальных формах. При этом следует иметь в виду, что поставленные перед конкретным органом государственного управления задачи должны не только подкрепляться соответствующими функциями и полномочиями, но и находить отражение в методах их реализации. Несоответствие методов управления компетенции субъекта либо необеспеченность основных полномочий методами управления снижают эффективность процесса управления.

Являясь средством реализации субъектами режима своей компетенции, методы государственного управления отражают процесс субординационного, координационного и функционального взаимодействия между различными организационно-правовыми уровнями и звеньями организационной структуры. В частности, метод принуждения, реализуемый по отношению к подвластному субъекту и выражающийся, например, в личном досмотре лица, находящегося на территории ядерной установки, отражает субординационный характер связей в системе; проведение несколькими органами государственного управления комплексной проверки при сооружении и вводе в эксплуатацию атомной электростанции характеризует связи функционального профиля; согласование интересов различных органов государственного управления в части реализации функции государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии, выражающееся в совместном принятии нормативного правового акта, свидетельствует о возникновении координационного взаимодействия.

Для методов управления характерен определенный порядок их реализации. Так, в законодательстве определен порядок применения мер обеспечения административного процесса, производства по делам об административных правонарушениях, контрольно-надзорной деятельности и др. Подчеркнем, что порядок реализации методов принуждения, связанных с ограничением прав и свобод граждан, должен быть закреплен на законодательном уровне.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

формы деятельности субъектов АПР безопасности ОИАЭ – совокупность нормативно установленных, имеющих внешнее выражение действий органов государственного управления по реализации управленческих целей, задач и функций, в совокупности приводящих к достижению результата (наступлению последствий), отвечающего потребностям управляемого объекта;

методы деятельности субъектов АПР безопасности ОИАЭ – обусловленные потребностями объекта управления и способами административно-правового регулирования публично-правовые средства реализации компетенции, применяемые в порядке, установленном в законодательстве, для обеспечения ядерной, радиационной и экологической безопасности.

Предложенные определения направлены на развитие научных представлений о содержании и способах внешнего выражения полномочий субъектов АПР безопасности ОИАЭ.

Список использованных источников

1. Административное право : учеб. для студентов вузов / Л.М. Рябцев [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 607 с.
2. Советское административное право : методы и формы государственного управления / С.Г. Березовская [и др.] ; Акад наук СССР, Ин-т гос. и права. – М. : Юрид. лит., 1977. – 334 с.
3. Административное право России : курс лекций / К.С. Бельский [и др.] ; под ред. Н.Ю. Хаманевой. – М. : Проспект, 2007. – 704 с.
4. Гиммельрейх, О.В. Административно-правовое обеспечение безопасности на железнодорожном транспорте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / О.В. Гиммельрейх. – Минск, 2016. – 290 л.
5. Зиновенко, В.В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.В. Зиновенко. – Минск, 2016. – 196 л.
6. Гавриленко, Д.А. Административное право : учеб. пособие / Д.А. Гавриленко, С.Д. Гавриленко. – Минск : Амалфея, 2002. – 414 с.

Дата поступления в редакцию: 30.04.18

D.A. Egorov, Candidate of Juridical Sciences, Lecturer of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THEORETICAL ASPECTS OF FORMS AND METHODS OF ACTIVITIES OF SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE REGIME OF NUCLEAR FACILITIES SAFETY

An attempt was made to scientifically substantiate of the forms and methods of activities of subjects of administrative regime of nuclear facilities safety. The properties of forms of management are considered, the importance of administrative and legal forms of the regime functioning providing is revealed, substantiate the main features of the methods of activity of its subjects. In the conclusion: a number of scientifically substantiated terms and their definitions are presented. The results allow develop the scientific concepts regarding the content and external expression of the powers of the authorities responsible for the nuclear facilities safety.

Keywords: form, method, public administration, administrative and legal regime, nuclear facilities safety.

УДК 342.9

С.С. Касьянчик, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: kas.sergey@mail.ru)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются вопросы систематизации правовых ограничений как составляющей административно-правового статуса (АПС) сотрудника ОВД. Формулируются предложения по совершенствованию законодательного оформления системы указанных ограничений.

Ключевые слова: сотрудник ОВД, административно-правовой статус, правовые ограничения.

Права и свободы граждан – важнейшие ценности и ориентиры деятельности любого правового государства. Вместе с тем, по утверждению Г.А. Василевича, в государстве очень важно совместить индивидуальную свободу и общественные (национальные) интересы [1, с. 66]. Важным правовым регулятором, обеспечивающим в данном случае баланс, являются ограничения прав должностных лиц и иных граждан в сфере организации и функционирования государственной власти.

В системе организации АПС сотрудника ОВД и иных государственных служащих правовые ограничения служат разграничению личных интересов субъекта государственно-служебной деятельности с государственными (общественными), выступая тем самым важнейшей составляющей системы борьбы с коррупцией и становясь атрибутом эффективного функционирования указанных органов. При этом также важно, что системная фиксация правовых ограничений как элемента АПС сотрудника ОВД служит установлению баланса в оптимальном использовании потенциала известных способов правового регулирования посредством четкого установления пределов реализации его полномочий (иных прав).

На значимость ограничений как элемента эффективной организации деятельности государственных служащих обращали внимание многие известные белорусские ученые, в том числе Г.А. Василевич [1], А.В. Башан [2], О.И. Чуприс [3, л. 131–160]. Так, специфичность решаемых ОВД задач обуславливает существование устойчивых особенностей в системе ограничений как статусной характеристики административно-правового положения сотрудника ОВД, которые исходя из анализа научной литературы не получили должного отражения и решения.

Эффективным способом обнаружения существенных качеств подразделений системы, от которых зависят другие, производные от них признаки каждого из элементов подразделения, выступает классификация [4, с. 60], именно ей в практической плоскости отведена ключевая роль в построении научного и правового материала. В специальной литературе для классификации ограничений (запретов) использован ряд критериев. Вместе с тем критерии классификации ограничений государственных служащих (как и сотрудников ОВД) предлагались авторами исходя из российской системы государственной службы, т. е. к отечественной они малоприменимы.

За основу систематизации ограничений прав сотрудника ОВД может быть принята классификация видов государственной службы, разработанная О.И. Чуприс. Отечественная система данной службы ученым рассматривается в разрезе ряда ее разновидностей: политико-

административной, службы представительных органов, аппаратной, прокурорской, судебской, военной и военизированной (включая службу в ОВД на должностях рядового и начальствующего состава) [5, л. 72].

Анализ правовых основ государственной службы в Республике Беларусь позволяет утверждать, что базовыми статусными характеристиками по отношению к известным видам государственной службы обладают служащие аппаратной ее разновидности. Перечень ограничений прав такой категории государственных служащих приводится в ст. 22 и 22¹ Закона от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь». Сравнительный анализ содержания указанных статей в соотношении с нормами специального законодательства об ОВД позволяет утверждать, что нераспространение указанного Закона на военизированные виды государственной службы вовсе не означает, что предусмотренные им ограничения прав государственных служащих применимы исключительно к служащим аппаратной государственной службы. Следовательно, объем ограничений, связанных с прохождением аппаратного вида государственной службы, может (даже должен) служить отправным началом в характеристике статусных ограничений прав сотрудников ОВД.

Вывод о целесообразности распространения на статус сотрудника ОВД ограничений, предусмотренных для государственных (гражданских) служащих, следует из анализа п. 2 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента от 13 ноября 2001 г. № 671, признающего службу в ОВД видом государственной службы, заключающейся в выполнении стоящих перед ОВД задач. Таким образом, можно утверждать, что каждого сотрудника ОВД необходимо признавать государственным служащим, что полностью согласуется с нормами «Модельного закона о полиции (милиции)», утвержденного постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 20-12 от 7 декабря 2002 г.

Изучение вопроса о соотношении статусных характеристик государственного служащего и сотрудника ОВД с учетом замечаний К.И. Кеник [6, с. 40], А.Н. Крамника [7, с. 251] и О.И. Чуприс [5, л. 56] позволяет заключить, что, несмотря на нераспространение на сотрудников ОВД норм Закона о государственной службе, каждый сотрудник формально соответствует всем законодательно регламентированным критериям государственного служащего, а значит *de facto* является представителем специализированной категории государственных служащих. Такой вывод созвучен с научно обоснованным О.И. Чуприс положением о востребованности комплексного правового урегулирования государственной службы в Республике Беларусь. Предлагая в системе государственной службы выделять военизированную службу (в том числе службу в ОВД), автор обосновывает наличие общих системных признаков такой службы с иными разновидностями государственной [5, л. 10–11].

Государственная служба, несмотря на сложную ее организацию, представляет собой единый публично-правовой институт, в связи с чем необходимо признать, что все выделяемые О.И. Чуприс разновидности государственной службы имеют общие основы и подчинены общим принципам организации и функционирования.

Комплексное урегулирование государственной службы, основанное на понимании ее как деятельности по реализации государственной власти, характеризующейся неразрывной связью государственного служащего с государством, обуславливает необходимость обеспечения общего подхода к установлению базовых ограничений, связанных с прохождением государственной службы в целом.

С учетом вышеприведенных обстоятельств вполне логичным видится вывод об установлении ограничений в системе государственной службы с учетом правового режима, характеризующего конкретный вид государственной службы. В приведенной иерархии разновидностей государственной службы минимально представлены ограничения прав (полномочий) служащих аппаратного вида государственной службы; более значимый перечень ограничений, следуя приведенной позиции, должен характеризовать правовой статус государственных служащих, наделенных правом принуждения. В контексте обозначенных обстоятельств оправданным видится распространение на сотрудников ОВД ограничений, рассчитанных на общую категорию государственных служащих, которые установлены в ст. 22 и 22¹ Закона о государственной службе.

Так, ст. 1 Закона от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» наделяет сотрудников ОВД правовым статусом государственного должностного лица. В ст. 17 данного Закона для такой категории лиц устанавливаются ограничения.

Анализ закрепленной нормами приведенной статьи системы таких ограничений свидетельствует об идентичности отдельных из них ограничениям прав государственных служащих. Вместе с тем специфичность правового статуса государственного должностного лица, а также цели применения указанного Закона позволили законодателю сформулировать дополнительные ограничения прав государственных должностных лиц: запрет на совершение от имени государственных организаций определенных сделок; запрет на осуществление поездки за счет физических и (или) юридических лиц, отношения с которыми входят в вопросы служебной деятельности должностного лица, если законодательством не установлено иное; запрет на членство в политических партиях, если в соответствии с законодательством не установлено иное, и др. Следовательно, ограничения, связанные с наделением сотрудника ОВД статусными характеристиками государственного должностного лица, как и ограничения, обусловленные прохождением им государственной службы, можно рассматривать как относительно самостоятельную группу ограничений, характеризующих АПС сотрудника ОВД.

Специфика служебной деятельности ОВД, их роль и функциональное предназначение повышают степень правовых требований к служебному поведению сотрудников ОВД. Это служит основой для выделения еще одной группы ограничений, отражающих специфические особенности государственно-служебной деятельности в ОВД. Так, дополнительным ограничениям могут быть подвергнуты права и свободы должностных лиц по поддержанию правопорядка, о чем указывается в нормах международных нормативных правовых актов: Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 29); Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ч. 2 ст. 8); Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 12); конвенций Международной организации труда относительно свободы ассоциаций и защите права на организацию 1948 г. (ст. 9 Конвенции 87); относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров 1949 г. (ст. 5 Конвенции 98); относительно дискриминации в области труда и занятий 1958 г. (ч. 2 ст. 1 Конвенции 111); Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. (ст. 5); иных международно-правовых актов. Однако указанные акты не устанавливают полного перечня и объема возможных ограничений прав таких должностных лиц, отдавая приоритет в решении этих вопросов внутригосударственному законодательству.

В Законе об ОВД (ст. 32) закреплены только три правовые ограничения, связанные со службой в ОВД: сотрудники ОВД не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели; запрещено выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных обязанностей по месту службы (кроме прямо разрешенной); получать от иностранных государств документы, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а равно пользоваться такими льготами и преимуществами. Отдельные из этих ограничений с целью реализации подп. 1.5 п. 1 Указа Президента от 14 августа 2012 г. № 364 «Об ограничениях, связанных с прохождением военной службы и службы в военизированных организациях» продублированы в Положении.

Сравнительный анализ норм Закона об ОВД, Закона о государственной службе и Закона о борьбе с коррупцией не только позволяет констатировать дословное совпадение отдельных ограничений в Законе об ОВД и текстах двух других законодательных актов, но и обнаруживает ограничения, формулировки которых свидетельствуют, что они установлены исключительно по отношению к сотрудникам ОВД. В частности, если нормативное определение в Законе об ОВД первого из указанных выше запретов не столько повторяет формулировки аналогичных ограничений, используемых в двух других из названных актов законодательства, сколько вытекает из них и их конкретизирует, то формулировка второго ограничения, связанного с невозможностью получения от иностранных государств документов, предоставляющих права на определенные льготы и преимущества, используемая в части четвертой ст. 32 Закона об ОВД, полностью повторяет содержание подп. 1.13 п. 1 ст. 22 Закона о государственной службе. С учетом этого

возможно заключить следующее. Содержание ограничений, предусмотренных частями второй и третьей ст. 32 Закона об ОВД, конкретизирует правовой статус сотрудника ОВД по отношению к статусам государственного служащего и государственного должностного лица (так как содержат признаки, выделяющие статус сотрудника ОВД из родовых по отношению к нему статусов государственного служащего и государственного должностного лица). При этом ограничение, установленное частью четвертой ст. 32, выступает составляющей статуса любого государственного служащего (подп. 1.13 п. 1 ст. 22 Закона о государственной службе, в том числе государственного должностного лица, а значит, и сотрудника ОВД).

С учетом описанной выше иерархичности правовых статусов государственного служащего, государственного должностного лица и сотрудника ОВД полагаем, что такое дублирование отдельных ограничений в Законе об ОВД следует признать неоправданным и констатировать при этом общую несистемность изложения таких ограничений.

Следует отметить, что в силу указанных обстоятельств вне правового поля остаются служебно-правовые ограничения, наличие которых обусловлено особенностями государственно-служебных отношений в ОВД. Таковыми, например, являются ограничения права на принятие участия в забастовке (возможность введения которого в отношении рассматриваемой категории лиц прямо предусмотрена ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) и права на принятие государственных наград иностранных государств без согласия Президента Республики Беларусь, предусмотренные Законом о государственной службе.

Кроме того, следует указать и на такое ограничение прав общей категории государственных служащих, как ограничение в свободе публикаций и выступлений государственных служащих, предусмотренное ст. 22¹ Закона о государственной службе, по причине особенностей применения данного Закона не распространяющегося на сотрудника ОВД.

В законодательстве многих зарубежных государств такого рода ограничения широко распространены в отношении сотрудников ОВД, однако с некоторыми расхождениями, иногда существенными. В качестве примера интересен опыт Российской Федерации, где подобное ограничение выражено в виде законодательного запрета на совершение публичных высказываний, суждений и оценок в отношении государственных органов, должностных лиц, политических партий и других общественных объединений (п. 5 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Однако категоричность нормативной формулировки такого запрета в законодательстве Российской Федерации вызывает ряд вопросов и прежде всего в части обеспечения международных норм в области прав человека [8], содержащихся в Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 10) и решениях Европейского Суда по правам человека (например, в постановлениях от 26 сентября 1995 г. по делу «Фогт против Германии», от 2 сентября 1998 г. по делу «Ахмед и другие против Соединенного Королевства» и от 14 марта 2002 г. по делу «Де Диего Нафриа против Испании»).

Вместе с тем широкое распространение указанного запрета в законодательстве зарубежных государств и признанная международными правовыми актами допустимость его фиксации в национальном законодательстве позволяют утверждать, что распространение в отношении сотрудников ОВД ограничения в свободе публикаций и публичных выступлений вполне оправданно. Значит, действие ст. 22¹ Закона о государственной службе с учетом предъявляемых Конституцией Республики Беларусь требований к закреплению правовых ограничений может быть распространено и в отношении сотрудников ОВД. Логическим завершением правового оформления такого ограничения будет закрепление в системе контрактных обязательств сотрудника ОВД обязанности проявлять в публичных высказываниях и суждениях сдержанность и лояльность по отношению к государству, государственным органам и должностным лицам, что соответствует содержанию ст. 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод и указанных выше рекомендаций Европейского Суда по правам человека.

В системе ограничений прав сотрудников ОВД следует выделять такие из них, которые ввиду особенностей организации служебной деятельности в ОВД присущи исключительно АПС сотрудника ОВД. В системе правовых ограничений, распространяющих свое действие на сотрудни-

ков ОВД, к таковым следует относить ограничения, предусмотренные частями второй и третьей ст. 32 Закона об ОВД. Особый порядок и условия реализации таких ограничений выделяют их из общего массива распространяемых на сотрудника ОВД ограничений, делая последних специфическими для АПС сотрудника ОВД.

Выделение еще одной группы действующих в системе элементов правового статуса сотрудника ОВД правоограничений обусловлено особенностями функциональных обязанностей отдельных категорий сотрудников ОВД. Разграничение общих, основных и обеспечивающих функций ОВД обуславливает необходимость дифференцированного подхода к установлению применяемых в отношении сотрудников ОВД правоограничений, а также изъятий из них с учетом характера возложенных на сотрудника ОВД функциональных обязанностей. В частности, основанные на законодательстве о государственной службе и о борьбе с коррупцией ограничения прав сотрудников ОВД должны содержать изъятия из условий их применения и реализации предусмотренных мер ответственности. На необходимость таких изъятий указывает специфичность форм и методов ОРД, обусловленная в первую очередь применением негласных методов работы, соблюдением режима конспирации.

Наличие в системе ОВД относительно самостоятельных функциональных звеньев, служебная деятельность в подразделениях которых предполагает специализацию их сотрудников на решении определенного рода задач, позволяет говорить о возможности дифференциации ограничений в зависимости от характера и объема предоставленных полномочий сотрудникам того или иного функционального звена. Возможность более значимого ограничения в правах сотрудников основных функциональных звеньев системы ОВД (милиции, полиции) предусматривается рядом международных правовых актов, в том числе Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ст. 8) и конвенциями Международной организации труда относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию (Конвенция 87) и относительно дискриминации в области труда и занятий (Конвенция 111).

Полагается, что в числе таких ограничений в перспективе может быть рассмотрено ограничение сотрудника милиции (как основного функционального звена системы ОВД, чья деятельность в значительной части связана с работой с государственными секретами) в праве на приобретение и наличие второго гражданства при прохождении им службы в милиции. Как и иные специальные ограничения, присущие правовому статусу сотрудника милиции, данное ограничение может быть закреплено единым нормативным правовым актом, определяющим основы правового статуса сотрудника милиции, но при условии внесения соответствующих изменений в некоторые иные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы приобретения и утраты гражданства Республики Беларусь.

Отмеченные особенности организации АПС сотрудника ОВД позволяют представить систему применяемых к нему ограничений, куда включены: ограничения, обусловленные прохождением государственной службы и статусом государственного служащего; ограничения, связанные с реализацией полномочий государственного должностного лица; ограничения, обусловленные реализацией функций всей системы ОВД и образующие общий правовой статус сотрудника ОВД; ограничения, обусловленные реализацией отдельных функциональных направлений деятельности ОВД.

Необходимость учета приведенных особенностей формирования системы правовых ограничений как содержательной характеристики АПС сотрудника ОВД обуславливает предложение по систематизации таких законодательно урегулированных и требующих регламентации правоограничений на основе корректировки ст. 32 «Прохождение службы сотрудниками ОВД» Закона об ОВД путем исключения из нее части четвертой и дополнения ее после части первой частью о распространении на сотрудника ОВД ограничений, установленных Законом о государственной службе и Законом о борьбе с коррупцией.

Целями систематизации правовых ограничений как характеристики АПС сотрудника ОВД обусловлена необходимость обращения к действующей редакции части третьей обозначенной статьи Закона об ОВД. Закрепленной в ней правовой нормой оформлено требование, согласно которому сотрудники ОВД не вправе выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных обязанностей по месту службы, кроме педагогической, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики, осуществляемых по согласованию

с руководителем подразделения ОВД, в котором сотрудник проходит службу. Данная норма приведена в редакции Закона от 19 июля 2016 г. № 408-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам борьбы с коррупцией», призванного обеспечить приведение актов законодательства в соответствие с требованиями принятого Закона о борьбе с коррупцией. Изменения были внесены и в Закон о государственной службе.

С учетом приведенной формулировки данной нормы следует обратить внимание на содержащуюся в ней фразу «работа, не связанная с исполнением служебных обязанностей по месту службы». Официального толкования указанной формулировки нет, а ее появление в вышеуказанных нормативных правовых актах фактически возводит в правовое поле всякую деятельность государственных служащих, так или иначе связанную с выполнением государственным служащим (в данном случае – сотрудник ОВД) своих служебных обязанностей. Отсутствует подобное указание о возможности такого отступления от названного правового ограничения и в законодательстве иных стран СНГ, в том числе реформировавших законодательство о борьбе с преступностью Республики Казахстан, Украины и Российской Федерации.

В контексте данной формулировки указанного ограничения можно предположить, что при определенном подходе к ее толкованию всякая сопряженная с получением дохода деятельность, характеризующаяся наличием связи с реализацией должностным лицом своих функциональных обязанностей, может быть рассмотрена в качестве исключения из рассматриваемой нормы. Полагаем, здесь имеет место противоречие формулировки приведенной нормы основной направленности Закона о борьбе с коррупцией, что требует исключения из него указанной фразы. Есть мнение, что, приводя в указанных законодательных актах выделенную формулировку, законодатель хотел тем самым подчеркнуть, что определенные отступления в применении указанного ограничения в отношении государственных должностных лиц возможны в связи с осуществлением такими категориями государственных служащих оперативно-розыскной деятельности. Однако в данном случае логично приводить такую формулировку (а фактически – исключение из общего правила) в законодательных актах, закрепляющих статус каждого такого государственного органа. Обозначенный подход, согласованный с содержащейся в ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией формулировкой «если иное не установлено Конституцией Республики Беларусь и иными законодательными актами», позволит обеспечить векторность применения соответствующих изъятий из рассматриваемого правового ограничения.

Примечательно, что в ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией содержится прямое указание на то, что регламентированное им рассматриваемое ограничение распространяется на лиц рядового и начальствующего состава ОВД. Здесь простое дублирование Законом об ОВД закрепленного в Законе о борьбе с коррупцией такого ограничения видится не только нецелесообразным, но и необоснованным. Целями обеспечения качественной и единообразной реализации данной нормы обоснована регламентация Законом об ОВД порядка применения изъятий из ограничения в части занятия педагогической, научной, культурной, творческой деятельностью, осуществления медицинской практики, и необходимости согласования такой деятельности с начальником соответствующего ОВД.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем целесообразным изложить ст. 32 Закона об ОВД в новой редакции:

«Порядок и условия прохождения службы в органах внутренних дел, в том числе перечень специальных званий сотрудников органов внутренних дел и порядок их присвоения, регламентируются Положением о прохождении службы в органах внутренних дел, утверждаемым Президентом Республики Беларусь.

На сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, установленные Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 204-З „О государственной службе в Республике Беларусь“ и Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305-З „О борьбе с коррупцией“, за исключением ограничений, препятствующих осуществлению оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на условиях и в порядке, определяемых законодательством Республики Беларусь.

Педагогическая (в части реализации содержания образовательных программ), научная, культурная, творческая деятельность, медицинская практика могут осуществляться сотрудни-

ком органов внутренних дел только по согласованию с руководителем органа внутренних дел, в котором сотрудник проходит службу.

Сотрудники органов внутренних дел не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели.

Сотрудникам органов внутренних дел запрещено получать от иностранных государств документы, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а равно пользоваться такими льготами и преимуществами, если иное не вытекает из международных договоров Республики Беларусь.

Законодательными актами Республики Беларусь могут устанавливаться иные ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел.»

Резюмируя проведенное исследование, в рамках изучения обозначенного проблемного поля следует сказать, что сформулированные авторские предложения о внесении изменений в Закон об ОВД преследуют целью систематизацию обозначенной категории правовых ограничений в аспекте созданной в Республике Беларусь правовой системы. При этом концептуальным, стратегическим направлением систематизации ограничений, связанных с прохождением государственной службы в целом и служебной деятельности в рамках ее отдельных видов, следует признать предложенную отечественным ученым О.И. Чуприс кодификацию белорусского законодательства о государственной службе, в рамках которого все статусные характеристики служащих военизированных организаций (в том числе сотрудников ОВД) с учетом приведенных выше положений могут быть сведены в единую систему, обеспечивающую комплексность их правового регулирования.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Правовые ограничения экономической свободы / Г.А. Василевич // Проблемы теории и практики формирования белорусской экономической модели : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 мая 2008 г. / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2008. – С. 66–70.
2. Башан, А.В. Правовые ограничения и повышенная ответственность для лиц, занимающихся подкупом госслужащих, как основа эффективной борьбы с коррупцией / А.В. Башан // Право.by. – 2014. – № 5. – С. 12–16.
3. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / С.А. Акулова [и др.] ; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск : Пересвет, 2013. – 232 с.
4. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: теоретические проблемы / О.Э. Лейст. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 239 с.
5. Чуприс, О.И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О.И. Чуприс. – Минск, 2010. – 368 л.
6. Кеник, К.И. Правовое регулирование труда государственных служащих / К.И. Кеник. – Минск : Дикта, 2006. – 347 с.
7. Крамник, А.Н. Административное право Республики Беларусь : в 2 ч. / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – Ч. 1. – 670 с.
8. Скобликов, П. Молчание полицейских. К чему ведет запрет на публичные суждения сотрудникам органов внутренних дел [Электронный ресурс] / П. Скобликов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

Дата поступления в редакцию: 17.08.17

S.S. Kasyanchik, *Candidate of Juridicial Sciences, Senior Lecturer at the Department of Management Bodies of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of managerial personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

SYSTEMATIZATION OF LEGAL RESTRICTIONS AS THE CONDITION OF IMPROVING THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE EMPLOYEE OF INTERNAL AFFAIRS

The article deals with the systematization of legal restrictions as a component of the administrative and legal status (APS) of an employee of internal affairs bodies (ATS). Suggestions are made to improve the legislative design of the system of these restrictions.

Keywords: officer of internal affairs bodies, administrative and legal status, legal restrictions.

УДК 351.75

В.С. Климченя, кандидат юридических наук, декан факультета
права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vsklim@tut.by)

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СФЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(октябрь 1917 – август 1991 г.)**

Рассматривается процесс развития нормативного правового регулирования общественных отношений в сфере административно-правового обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении собраний, митингов, демонстраций и иных массовых мероприятий на территории Беларуси в указанный исторический период.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, собрания, митинги, демонстрации, массовые спортивные мероприятия, права и свободы граждан.

Процесс возникновения и развития нормативного правового регулирования общественных отношений в сфере административно-правового обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий на территории современной Беларуси необходимо рассматривать в контексте устоявшихся в науке периодов формирования белорусской государственности: древнебелорусского (IX – первая половина XIII в.), белорусско-литовского (вторая половина XIII–XVIII в.), в составе Российской империи (конец XVIII в. – 1917 г.) и советского периода (октябрь 1917 – август 1991 г.) [1, с. 152].

Исследование указанных периодов показывает, что наибольший интерес для науки и практики представляет период с октября 1917 по август 1991 гг. с характерными значимыми историческими событиями, обуславливающими необходимость определенного государственного вмешательства в складывающиеся общественные отношения для сохранения функционирования государства, недопущения нарушений общественного порядка и общественной безопасности, создания условий для развития межсоциальных связей и формирования законопослушного поведения граждан.

После февральской революции 1917 г. Временное правительство приняло два постановления «О собраниях и союзах» 25 (12) апреля 1917 г., «О свободе совести» 14 (1) июля 1917 г., которыми объявлялась свобода совести, организации собраний и образования обществ и союзов. Так, например, в постановлении «О собраниях и союзах» закреплялось, что все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения устраивать собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом.

Однако население Беларуси не могло в полной мере пользоваться провозглашенными правами по причине создавшейся военно-политической обстановки в связи с продолжением Первой мировой войны, ведением на ее территории боевых действий в период 1918–1920 гг. и последующим присоединением западной части Беларуси к Польше.

В этот же период в восточной части Беларуси происходили социальные и экономические преобразования, сопровождающиеся ожесточенной борьбой за власть. Так, 1 января 1919 г. была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика, а 3 февраля 1919 г. I съезд Советов БССР принял первую Конституцию Социалистической Советской Республики Беларуси, в которой провозглашался пролетарский характер Советской республики, закреплялись права трудящихся на проведение собраний, митингов и шествий (ст. 9).

Большевистская партия и советское правительство требовали решительных и бескомпромиссных действий с антисоветскими силами, называя их террористами или бандитами [2, с. 52]. В одной из инструкций НКВД 1918 г. содержалось следующее предписание: «советы должны усилить надзор за уличной агитацией и зорко следить за всеми происками контрреволюционеров и белогвардейцев, решительно подавлять твердой, безжалостной рукой в корне всякую попытку дискредитировать власть рабочих и беднейших крестьян, подрывать ее основы» [3, с. 92]. В та-

кой обстановке возможность реализации населением права на свободу слова, собраний и митингов существенно ограничивалась.

Аналогичное положение было характерно и для населения Западной Беларуси, территория которой до 17 сентября 1939 г. входила в состав Польского государства. Несмотря на то что права белорусов как национального меньшинства гарантировались Версальским мирным договором 1919 г. (ст. 93) и Рижским договором между Польшей и Россией 1921 г. (ст. VII), белорусское население в Польше подвергалось национальной дискриминации, направленной на ускоренную ассимиляцию белорусов [4, с. 235; 5, с. 272, 278].

Политическое бесправие белорусского населения вызывало стихийные и организованные протесты, в связи с чем в Польше был принят ряд законодательных актов, значительно расширяющих полномочия местной администрации, полиции, судебно-следственного аппарата в борьбе с национальным движением на западнобелорусских землях. В соответствии с Законом от 14 февраля 1928 г. полиции и вооруженным силам предоставлялось право применять оружие в отношении участников шествий и демонстраций [4, с. 238–239]. В 1934 г. был издан Закон «Об изоляции общественно опасных элементов» и создан Березо-Картузский концентрационный лагерь для политзаключенных, в котором в течение пяти лет существования содержалось более 10 тыс. заключенных [5, с. 284].

Таким образом, население западной и восточной частей Беларуси не имело реальной возможности заявить о своих правах и защитить их путем проведения собраний, митингов и демонстраций.

Дальнейшее развитие право граждан на свободу слова и собраний получило с принятием конституций БССР 1927 и 1937 гг. Так, Конституцией БССР 1937 г. закреплялась свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 100). Однако возможность использования политических прав гарантировалась только в соответствии с интересами трудящихся и в целом для укрепления социалистического строя. Закона о декларируемых правах и свободах издано не было.

На практике реализация указанного права сводилась к организации и проведению парадных мероприятий по инициативе партийных органов, какие-либо массовые акции граждан жестоко пресекались. Очевидно, что в рассматриваемый период реализация декларируемого права граждан на свободу проведения массовых мероприятий носила формальный характер.

В СССР в период 1930–1940-х гг. активно велась борьба с врагами народа, в отношении которых проводились массовые репрессии, повлекшие фактическое истребление инакомыслящих. На территории Беларуси в период с 1917–1953 гг. жертвами политических репрессий стали около 600 тыс. граждан [5, с. 267].

С целью придания законности подавления личной свободы граждан в уголовные кодексы СССР и БССР были включены статьи, в связи с чем под видом борьбы с контрреволюционной агитацией и пропагандой и преступными сообществами фактически ликвидировалась свобода слова, печати и собраний [6, с. 129; 7, с. 56].

Реальные качественные изменения в области обеспечения прав человека произошли после окончания Великой Отечественной войны, когда идея провозглашения прав человека приобрела международное признание.

В августе 1945 г. БССР как субъект международного права стала одним из учредителей Организации Объединенных Наций. Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. принята Всеобщая декларация прав человека. В 1950 г. подписана Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, предусматривающая реально действующий механизм защиты декларируемых прав – Европейский Суд по правам человека. Под эгидой ООН в 1966 г. приняты Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, которыми провозглашена незыблемость общепризнанных демократических прав и свобод человека, в том числе право на свободу собраний.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах, стандарты прав человека и гарантии их обеспечения нашли отражение в конституционном строе государств-участников.

Так, в ст. 48 Конституции БССР от 14 апреля 1978 г. было установлено: «у адпаведнасці з інтарэсамі народа і ў мэтах умацавання і развіцця сацыялістычнага ладу грамадзянам Белару-

скай ССР гарантуюцца свабоды: слова, друку, сходаў, мітынгаў, вулічных шэсцяў і дэманстрацый. Ажыццяўленне гэтых палітычных свабод забяспечваецца прадастаўленнем працоўным і іх арганізацыям грамадскіх будынкаў, вуліц і плошчаў, шырокім распаўсюджваннем інфармацыі, магчымасцю выкарыстання друку, тэлебачання і радыё».

В период 1966–1985 гг. происходит становление нормативной правовой базы деятельности органов государственного управления, направленной на совершенствование обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Факторами, влияющими на криминогенную обстановку, являлись хулиганство, пьянство, групповые нарушения общественного порядка на улицах, стадионах и других общественных местах [8, с. 46].

Для борьбы с хулиганством и другими проявлениями преступности принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 «О мерах по усилению борьбы с преступностью». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» предусматривалось ужесточение мер административной ответственности за мелкое хулиганство (нецензурную брань в общественных местах, непристойное приставание к гражданам и т. д.), а также впервые установлена уголовная ответственность за хулиганство (умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок).

Для обеспечения общественного порядка в городах создавались подразделения патрульно-постовой службы милиции. В Минске приказом Министерства охраны общественного порядка СССР от 30 сентября 1966 г. создан 28-й отдельный специальный моторизованный батальон милиции численностью 300 человек [8, с. 47–49; 9, с. 109].

Рассматриваемый период характеризовался подъемом физической культуры и спорта в СССР. В связи с этим было принято постановление Совета Министров СССР от 28 марта 1983 г. № 245 «О порядке проведения массовых спортивных мероприятий в стране», во исполнение которого издан Приказ Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР от 17 октября 1983 г. № 786 «О введении в действие Положения о мерах по обеспечению общественного порядка и безопасности, а также эвакуации участников и зрителей при проведении массовых спортивных мероприятий», утвержденный Спорткомитетом СССР, Министерством внутренних дел СССР, Министерством обороны, Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов.

Названным Положением предписывалось организациям, непосредственно участвующим в подготовке и проведении массовых спортивных мероприятий на территории СССР, нести ответственность в пределах своей компетенции за обеспечение необходимых условий безопасности участников и зрителей. Кроме того, определены и другие организации, которые в пределах выполняемых функций обязаны соблюдать установленный порядок проведения массовых спортивных мероприятий и активно участвовать в его поддержании, – учреждения министерств здравоохранения, торговли, культуры, связи, бытового обслуживания, а также Гостелерадио, добровольные народные дружины и другие общественные формирования.

Особенно сложным для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности стал период 1985–1991 гг., который характеризовался затяжным и глубоким политическим и социально-экономическим кризисом, что вызвало резкое повышение уровня безработицы, обострение криминогенной обстановки, возникновение межнациональных конфликтов. В это время особенно проявилось несовершенство уголовного и административного законодательства, в качестве средств решения социально-экономических и политических проблем использовались силовые структуры государства – органы государственной безопасности и внутренних дел, армия.

Общественно-политические объединения стали активно использовать в своей деятельности проведение митингов, демонстраций, уличных шествий и пикетирования. Митинговая активность населения отражала отсутствие в стране правового механизма реализации права на проведение массовых мероприятий, которые носили санкционированный и несанкционированный характер, существенно влияли на состояние общественного порядка и общественной безопасности в стране. Так, в 1988 г. в БССР прошло 11 митингов с участием 11 тыс. человек, 1989 – 69 массовых акций с участием 113 тыс. человек. В 1991 г. состоялось около 200 массовых общественно-политических мероприятий, в которых участвовало 500 тыс. человек. В общей сложности за 1990 г. и первую половину 1991 г. проведено 247 акций протеста граждан [8, с. 57–59; 10, с. 38].

Для правовой регламентации указанного процесса были приняты Указ Президиума Верховного Совета БССР от 4 апреля 1988 г. «Об утверждении Положения о порядке организации

и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций», а также Закон БССР от 8 апреля 1988 г. «Об утверждении Положения о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций».

При этом следует отметить, что названное Положение было принято в БССР раньше союзного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР», которым был введен заявительный порядок проведения массовых мероприятий. Устанавливалось, что исполнительный комитет Совета народных депутатов после подачи заявления на проведение того или иного вида массового мероприятия обеспечивает необходимые условия для проведения собрания, митинга, уличного шествия или демонстрации (ч. 2 ст. 3); государственные и общественные организации, должностные лица, а также граждане не вправе препятствовать собраниям, митингам, демонстрациям, проводимым с соблюдением установленного порядка (ст. 5). Указанные мероприятия могли быть запрещены только в случаях, если их проведение не соответствовало положениям Конституции СССР, Конституции БССР, советским законам либо угрожало общественному порядку и безопасности граждан.

Анализ положений упомянутого нормативного правового акта показывает, что установленный порядок организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций полностью соответствовал международно-правовым стандартам в области реализации прав и свобод граждан.

На основании изложенного представляется возможным утверждать, что в рассматриваемый период:

право граждан на свободу собраний, митингов, шествий, демонстраций нашло закрепление в конституциях БССР 1919, 1927, 1937 гг., однако имело декларативный характер. В результате ратификации правительством СССР Международного пакта о гражданских и политических правах человека стандарты в области гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека, а также гарантии их обеспечения нашли отражение в Конституции БССР;

реальные механизмы проведения общественно-политических мероприятий были закреплены вышеназванным Указом Президиума Верховного Совета БССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР, положения которых соответствовали конституционным и международно-правовым нормам в области реализации прав и свобод граждан;

в условиях политического и социально-экономического кризиса в государстве в период 1985–1991 гг. отмечался значительный рост числа несанкционированных массовых протестных акций, сопровождаемых групповыми нарушениями общественного порядка и массовыми беспорядками, которые создавали реальную угрозу жизни, здоровью граждан, нормальному функционированию органов власти, работе организаций, согласованности и ритмичности общественной жизни. Законодатель был вынужден реагировать на происходящие негативные изменения общественной жизни путем ужесточения административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений в общественных местах, принимать нормативные правовые акты, направленные на реорганизацию правоохранительных органов, создание подразделений специального назначения для пресечения массовых беспорядков, задержания вооруженных преступников и др.;

особое внимание в СССР уделялось обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий. Опыт нормативного правового регулирования порядка проведения массовых спортивных мероприятий в СССР представляет практический интерес и сегодня в связи с проведением в последние годы в Республике Беларусь большого количества спортивных соревнований и мероприятий, в том числе международного масштаба. При этом следует учесть, что единого нормативного правового акта, регулирующего вопросы проведения массовых спортивных мероприятий в Республике Беларусь, до сих пор не принято.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – Минск : Тесей, 1998. – 575 с.

2. Вишневецкий, А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты / А.Ф. Вишневецкий. – Минск : Тесей, 2000. – 222 с.
3. Сборник приказов, постановлений, распоряжений, циркулярных телеграмм Народного Комиссариата внутренних дел / Изд. Нар. Комиссариата внутр. дел. – Вып. 1. – М. : Тип. К. Муратова, 1918. – 119 с.
4. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – 2-е выд. – Мінск : Амалфея, 2008. – 399 с.
5. История Беларуси: в контексте мировых цивилизаций : учеб.-метод. пособие / В.И. Голубович [и др.] ; под ред. В.И. Голубовича, Ю.Н. Бохана. – 3-е изд. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 464 с.
6. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси : пособие для студентов вузов / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. – Минск : Тесей, 2004. – 318 с.
7. Правовое регулирование организации и проведение массовых мероприятий: опыт России и государственных участников СНГ / В.М. Редкоус [и др.] ; под общ. ред. В.М. Редкоуса. – Пятигорск : РИА-КМВ, 2008. – 259 с.
8. Ананич, В.А. Милиция и общественность на страже правопорядка: на примере Беларуси 1968–1992 гг. / В.А. Ананич ; под ред. Н.И. Ильинского. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 174 с.
9. Саракавік, І.А. Гісторыя органаў унутраных спраў Беларусі : храналаг. давед. / І.А. Саракавік. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 198 с.
10. Милиция Беларуси, 1917–2007: документы и материалы / сост.: К.И. Барвинок [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 350 с.

Дата поступления в редакцию: 19.01.18

V.S. Klimchenya, Candidate of Juridical Sciences, Dean of the Law Faculty in the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

LEGAL REGULATION'S FEATURES OF THE FIELD OF ENSURING PUBLIC ORDER AND SAFETY DURING MASS EVENTS ON THE TERRITORY OF MODERN BELARUS (OCTOBER 1917 – AUGUST 1991)

In the article the process of the development has been considered regarding the legal regulation of public relations in the field of the administrative and law ensuring public order and safety during meetings, rallies, demonstrations and another mass events on the territory of Belarus during the historical and ediscuntion period.

Keywords: public order, public safety, meetings, rallies, demonstrations, mass sports events, citizens' rights and freedoms.

УДК 342.9

В.Н. Крюков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: kryukovvln@mail.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОТОКОЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Раскрываются особенности привлечения к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении. Выявлены проблемы правоприменительной деятельности органов, ведущих административный процесс. Предлагается внесение изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, административный процесс, протокол об административном правонарушении, постановление о наложении административного взыскания

Органы, ведущие административный процесс, наделены широкими полномочиями на привлечение к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении в случаях, предусмотренных ст. 10.3 ПИКоАП. Такое привлечение позволяет ускорить ведение административного процесса и не допустить нарушений законности и принципа справедливости. В то же время несовершенство правовой регламентации данного института не позволяет в полной мере реализовать задачи административного процесса и соответствовать его принципам. Так, случаи привлечения к административной ответственности без составления

протокола об административном правонарушении рассматривались в работах Г.А. Василевича, С.В. Добрияна [1, с. 191–194], А.Н. Крамника [2, с. 179–180], И.Л. Федчука [3], О.И. Левшук [4].

Так, в ст. 10.3 ПИКоАП обозначено несколько случаев привлечения к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении. Законом от 8 января 2018 г. № 95-3 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – Закон 95-3) внесены изменения в содержание ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП. Согласно данной нормы в случае, когда физическое лицо признало себя виновным в совершении административного правонарушения и выразило согласие на применение к нему административного взыскания без составления протокола об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении не составляется. Лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление о наложении административного взыскания в виде предупреждения, штрафа или депортации (в соответствии с санкцией статьи Особенной части КоАП), которое вступает в законную силу с момента его вынесения. При этом штраф может быть уплачен на месте. Положения настоящей части не применяются при наличии обстоятельств, указанных в ч. 7 ст. 6.5 КоАП.

Привлечение к административной ответственности в порядке ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП осуществляется при наличии ряда условий. Во-первых, привлекается только физическое лицо; во-вторых, это лицо признает себя виновным в совершении административного правонарушения; в-третьих, оно выражает согласие на применение к нему административного взыскания; в-четвертых, отсутствуют обстоятельства, указанные в ч. 7 ст. 6.5 КоАП. К таким обстоятельствам относятся: наличие в санкции статьи особенной части КоАП ряда взысканий (административный арест, лишение специального права, лишение права заниматься определенной деятельностью или конфискация); административное правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем и связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью; повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность; по делам об административных правонарушениях, указанных в ст. 4.5 КоАП (в данной статье указаны административные правонарушения, предусмотренные ст. 9.1–9.3, 9.6, 10.6–10.9, ч. 1–2 ст. 18.17, ч. 4 ст. 18.23 в случае причинения пешеходом, лицом, управляющим велосипедом, гужевым транспортным средством, или лицом, участвующим в дорожном движении и не управляющим транспортным средством, потерпевшему легкого телесного повреждения либо повреждения транспортного средства, груза, дорожного покрытия, дорожных и других сооружений или иного имущества, ст. 22.13 КоАП); к иностранному гражданину или лицу без гражданства, если в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрена депортация, за исключением иностранного гражданина или лица без гражданства, прибывших в пункт пропуска через Государственную границу для выезда из Республики Беларусь.

При наличии указанных условий лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление о наложении административного взыскания, которое вступает в законную силу с момента его вынесения. При этом должностные лица, которые выносят постановление о наложении административного взыскания без составления протокола об административном правонарушении, при ведении административного процесса в общем порядке могут быть не наделены юрисдикционными полномочиями по наложению административных взысканий за совершение данного административного правонарушения. Их юрисдикционные полномочия могут быть ограничены составлением протокола об административном правонарушении.

В случае привлечения к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении органом, ведущим административный процесс, не может быть наложено любое взыскание. В порядке ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП может применяться предупреждение, штраф или депортация.

Согласно ч. 6 ст. 6.5 КоАП при наложении штрафа на физическое лицо в порядке, установленном ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП, применяется нижний предел штрафа, предусмотренный за совершенное правонарушение, а в случае его неустановления в санкции статьи особенной части КоАП – не более пяти десятых базовой величины. При этом в случае неуплаты такого штрафа в сроки,

установленные ч. 1 ст. 15.3 ПИКоАП, примененный размер штрафа увеличивается на две базовые величины. Следовательно, минимальный размер штрафа применяется в случае привлечения к административной ответственности в порядке ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП. При этом диспозиция статьи носит обязательный характер. В то же время ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП не применяется в случаях, предусмотренных ч. 7 ст. 6.5 КоАП. Так, в п. 3 ч. 7 ст. 6.5 КоАП указано «если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность». Однако в случае повторного совершения административного правонарушения, за которое уголовная ответственность не наступает, лицо, его совершившее, может быть привлечено к административной ответственности без составления протокола. Более того, к нему должен быть применен минимальный размер штрафа. Данное положение видится противоречивым принципу справедливости наложения административных взысканий. Согласно ч. 7 ст. 4.2 КоАП административная ответственность должна быть справедливой, т. е. административное взыскание должно назначаться с учетом характера и вредных последствий совершенного административного правонарушения, обстоятельств его совершения, личности физического лица, совершившего административное правонарушение. Согласно общим правилам наложения административного взыскания, указанным в ч. 2 ст. 7.1 КоАП, при наложении административного взыскания на физическое лицо учитываются характер совершенного административного правонарушения, обстоятельства его совершения и личность физического лица, совершившего административное правонарушение, степень его вины, характер и размер причиненного им вреда, имущественное положение, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие административную ответственность. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 7.3 КоАП к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность, относится совершение административного правонарушения повторно. Исходя из вышеизложенного предполагается логичным исключить возможность наложения минимального размера штрафа при совершении административного правонарушения повторно вне зависимости от привлечения к уголовной ответственности. Для чего предлагается внести изменения в п. 3 ч. 6 ст. 6.5 КоАП, изложив его в следующей редакции: «в случае совершения административного правонарушения повторно».

В случае привлечения к административной ответственности в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП, лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление о наложении административного взыскания, которое вступает в законную силу с момента его вынесения. При этом штраф может быть уплачен на месте либо применяется общий порядок взыскания штрафа с физических лиц, предусмотренный ст. 15.3 ПИКоАП, согласно которой штраф должен быть уплачен физическим лицом не позднее одного месяца со дня вступления в законную силу постановления о наложении штрафа. При неуплате штрафа физическим лицом в данный срок орган, ведущий административный процесс, вынесший постановление о наложении административного взыскания, вправе направить это постановление по известному месту получения таким лицом заработной платы и приравненных к ней доходов для взыскания суммы штрафа. В случае неуплаты штрафа лицом, подвергнутым административному взысканию, в срок, установленный ст. 15.3 ПИКоАП, а также в случае невозможности взыскания штрафа в порядке, установленном ч. 4 ст. 15.3 ПИКоАП, должностное лицо органа, исполняющего постановление о наложении административного взыскания, не позднее трех месяцев со дня возвращения нанимателем, государственным органом, учреждением, иным юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем, выплачивающими лицу, подвергнутому административному взысканию, заработную плату и приравненные к ней доходы, направляет представление о принудительном взыскании штрафа, копию постановления о наложении административного взыскания и другие документы, необходимые для осуществления исполнения, в орган принудительного исполнения.

Законом № 95-3 исключена ранее действовавшая редакция ч. 2 ст. 15.3 ПИКоАП о необходимости уплаты штрафа в течение пяти дней со дня вынесения постановления о наложении административного взыскания. Данным Законом также исключена ч. 5 ст. 10.3 ПИКоАП, согласно которой в случае, если физическое лицо не уплатило штраф в данный срок, составляется протокол об административном правонарушении, и такое постановление утрачивает силу, и в дальнейшем административный процесс по данному факту ведется в порядке, предусмотренном ПИКоАП. Данный порядок в соответствии с ч. 1 ст. 6.12 ПИКоАП предусматривал собирание доказательств путем

опросов, осмотров, производства экспертиз и других процессуальных действий. Однако через пять и более дней собрать доказательства по делу об административных правонарушениях в некоторых случаях становилось весьма затруднительно (установить и опросить свидетелей; выявить состояние алкогольного опьянения, состояние, вызванное потреблением без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность; собрать вещественные доказательства; провести осмотры места совершения правонарушения и т. д.). В то же время осуществить данные действия до вынесения постановления по делу об административном правонарушении до внесения изменений и дополнений закон не допускал, так как не был начат административный процесс. Необходимость собирания доказательств при неуплате штрафа в течение пяти дней создавало значительные затруднения в применении положения ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП для должностных лиц органов, ведущих административный процесс. Внесенные Законом № 95-З изменения позволили решить проблему исполнения административного взыскания, наложенного в порядке ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП.

По результатам перечисленного выше можно сделать следующие выводы.

Особенностями привлечения лица к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении в соответствии с ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП являются:

обязательность привлечения к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении при наличии условий, указанных в ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП;

должностные лица органов, которые выносят постановление о наложении административного взыскания без составления протокола об административном правонарушении, могут быть не наделены юрисдикционными полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Их юрисдикционные полномочия могут быть ограничены только возможностью составления протокола об административном правонарушении;

момент начала и окончания административного процесса совпадает, так как выносится итоговое решение по делу об административном правонарушении в виде постановления о наложении административного взыскания, которое вступает в законную силу немедленно;

возможность уплаты штрафа на месте совершения административного правонарушения.

В случае привлечения к административной ответственности согласно ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП в обязательном порядке применяется минимальный размер штрафа. При этом ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП не применяется, если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность. Однако в случае повторного совершения административного правонарушения, за которое уголовная ответственность не наступает, лицо, его совершившее, может быть привлечено к административной ответственности без составления протокола, а следовательно, к нему должен быть применен минимальный размер штрафа. Однако данное положение противоречит принципу справедливости наложения административных взысканий, т. е. следует исключить возможность наложения минимального размера штрафа при совершении административного правонарушения повторно вне зависимости от привлечения к уголовной ответственности. Для чего предлагается внести изменения в п. 3 ч. 6 ст. 6.5 КоАП, изложив его в следующей редакции: «в случае совершения административного правонарушения повторно».

В случае привлечения к административной ответственности в порядке ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление о наложении административного взыскания, которое вступает в законную силу с момента его вынесения. При этом штраф может быть уплачен на месте либо применяется общий порядок исполнения постановления о наложении штрафа, предусмотренный ст. 15.3 ПИКоАП.

Список использованных источников

1. Административное процессуально-исполнительное право : учеб. пособие / Г.А. Василевич [и др.] ; под ред. Г.А. Василевича, С.В. Добрыяна. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 320 с.
2. Крамник, А.Н. Административное право. Процессуально-исполнительное право : учеб. пособие / А.Н. Крамник. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – Ч. 3. – 237 с.
3. Федчук, И.Л. Доказательства, меры обеспечения и стадии административно-деликтного процесса / И.Л. Федчук // Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 2 :

Административно-деликтное и процессуальное право / И.В. Козелецкий [и др.] ; под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Гл. 28. – С. 335–336.

4. Левшук, О.И. Полномочия органов внутренних дел на стадиях начала административного процесса и подготовки дела об административных правонарушениях к рассмотрению / О.И. Левшук // Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / С.В. Добриян [и др.] ; под общ. ред. С.В. Добрияна ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – С. 63.

Дата поступления в редакцию: 15.01.18

V.N. Kryukov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION ATTRACTION TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY WITHOUT PROVISION OF THE PROTOCOL OF ADMINISTRATIVE OFFENSE

The article reveals the features of bringing to administrative responsibility without provision of the protocol of administrative offense. The problems of law enforcement activity of the bodies conducting the administrative process are revealed. Their solution was proposed by introducing amendments and additions to the Code of the Republic of Belarus on administrative offenses.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, administrative process, protocol of administrative offense, decision on imposing an administrative penalty.

УДК 351.081

*И.Д. Носкевич, Председатель Следственного комитета Республики Беларусь
(e-mail: sk@sk.by)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И СУБЪЕКТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы определения и содержания государственной кадровой политики в Республике Беларусь. Предлагается классификация субъектов данной политики. Обосновывается отдельное положение о том, что среди субъектов, реализующих государственную кадровую политику (ГКП) в правоохранительной сфере, особая роль принадлежит Следственному комитету Республики Беларусь как специализированному государственному органу, на который возложена функция предварительного следствия.

Ключевые слова: ГКП, Следственный комитет Республики Беларусь, кадровый потенциал органов предварительного следствия.

Деятельность предполагает наличие человеческого фактора, составляющего ее основу. Именно человеческие потребности, их способности и возможности определяют качество жизни, развитость гражданского общества, его политических институтов и правовой системы. В этой связи очень актуальным фактором является проведение государством квалифицированной и сбалансированной кадровой политики, которая позволяла бы успешно решать задачи современного общества в частности и государства в целом. В условиях глобализации политических, экономических и социальных процессов, нарастания угроз международного терроризма, организованной преступности, коррупции качество реализации ГКП приобретает особую значимость и для государства, и для субъектов. Цель такой научно организованной государственной деятельности субъектов – формирование интеллектуального потенциала, способного эффективно решать поставленные задачи по защите прав и законных интересов граждан, общества и государства, повышению их благосостояния, обеспечению безопасности, развитию институтов гражданского общества и др. (в том числе правоохранительной системы).

Теоретические положения ГКП являлись предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых (А.Е. Лунев, В.А. Власов, В.М. Манохин, С.С. Студеникин, А.В. Петрищев и др.) и носили преимущественно прикладной характер [1, 2, 3]. В советское время (60–80-х гг. XX в.) кадровая политика рассматривалась главным образом в контексте понятий «диктатура проле-

тариата» и «политически зрелые специалисты» [4]. При этом приоритетом было классовое происхождение лица и исключение чуждого элемента [5, с. 16], профессионализм и инициативность работника учитывались как второстепенные качества.

Так, после обретения государственного суверенитета Республикой Беларусь отдельные результаты научных исследований в области ГКП советского времени, в том числе достаточно продуктивные для указанного периода в государстве, оказались малоэффективными. Обусловлено это трансформацией общественных отношений к современным условиям жизнедеятельности общества и государства, в основе которой – содержательная сторона реализации функций ГКП, так как они не сводятся только к прикладному характеру (подбор, расстановка, воспитание кадров и др.), а включают мировоззренческо-методологический подход к их формированию. Научный анализ ГКП подтверждает то, что мировоззренческая компонента в ней рассматривается в тесной связи с общественно-политическими и экономическими реалиями демократического, правового, социального государства. Она же выступает и основой формирования профессионального кадрового потенциала государственного служащего, определяет мотивацию его деятельности и гарантирует стабильность его ядра.

Исследование показывает, что понятие «ГКП» взаимосвязано с понятиями «политика» и «кадровая политика», при этом не являющимися тождественными (греч. *politika* от *polis*, *politicos* – город-государство и все то, что его наполняет, государственные или общественные дела). В Большой Советской Энциклопедии термин «политика» трактуется в широком смысле и понимается как сфера деятельности, связанная между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой выступают завоевание, удержание и использование государственной власти [6, с. 217]. Таким образом, понятие «политика», во-первых, предполагает не только деятельность государства и его представителей, но и объединяет более широкий круг субъектов и социальных отношений; во-вторых, распространяется на широкий спектр общественных сфер, в том числе и на формирование кадрового потенциала.

В словаре Ф.А. Брокгауза термин «политика» – это совокупность реальных фактов, изучаемых политическим искусством, т. е. практическая деятельность государства и других субъектов политики [7, с. 302–303]. В свою очередь, кадры трактуются как часть военнослужащих, принимавших участие в формировании частей ополчения [8], приобретая позже более широкое значение – основной (штатный) состав подготовленных, квалифицированных работников предприятий, учреждений, профессиональных и общественных организаций той или иной отрасли деятельности; вообще все постоянные работники [6, с. 384–385].

В науке административисты-теоретики по-разному подходили к пониманию и содержанию термина «кадровая политика»: А.П. Леонов видел в ней стратегическую деятельность по созданию целостной системы формирования и эффективного использования кадрового потенциала, ориентированного на решение определенных задач [8, с. 117]; В.А. Сулемов отмечал как социальное явление, управленческую функцию [9, с. 81–82]; Г.И. Казимерчук говорил как о составной и неотъемлемой части государственной кадровой политики, инструменте ее реализации в деятельности [10, с. 4]. Тем не менее в науке имеются и другие интерпретации рассматриваемого понятия, однако общий подход определения «кадровой политики» указанными исследователями заключается в том, что основная ее цель – формирование различными ее субъектами (с учетом их особенностей) кадрового потенциала не только в интересах государства, но и других субъектов политики. И здесь очень важно и значимо разграничить понятия «кадровая политика» и «ГКП».

Сегодня вопрос государственной кадровой политики освещен довольно подробно и всесторонне, и тем не менее единого подхода к ее определению нет. Большинство ученых понимают ГКП широко: как деятельность и отношения государства в области воспроизводства (формирования) и востребованности кадрового потенциала общества [11, с. 212]; как систему целей, задач, приоритетов и принципов, направленных на реализацию государственной политики, укрепление жизнеспособности и мощи государства, обеспечение конкурентоспособности его экономики с учетом факторов внутренней и внешней среды [12, л. 68]. При этом существуют и иные сходные интерпретации определения ГКП. Узкое понимание отличается уже в Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента от 18 июля 2001 г. № 399 (Концепция ГКП): деятельность республиканских и местных органов управления по созданию целостной системы формирования и эффективного использования трудовых ресурсов, развития кадрового потенциала органов государственного управления и са-

моуправления, различных отраслей экономики и сфер деятельности, ориентированного на эффективное решение актуальных экономических, социальных и политических задач. Таким образом, в науке административного права и нормотворчестве устанавливаются различные подходы к пониманию и содержанию ГКП. Но в рамках изучаемого вопроса прежде стоит обратиться к объекту и предмету ГКП.

Объект ГКП также рассматривается в широком и узком смыслах. В первом смысле – это то, на что направлена конкретная деятельность. Согласно трактовке в Философской энциклопедии объект противостоит субъекту и на него направлена предметно-практическая и познавательная деятельность [13, с. 123]. Здесь объектами ГКП являются кадровый потенциал общества, наиболее общие принципы формирования трудовых и кадровых отношений [14, с. 213]. Согласно концепции ГКП во втором – это процессы формирования, использования и развития кадрового потенциала государственных органов и организаций, учреждений, отраслей экономики, других сфер деятельности, а также общественных организаций. Таким образом, Концепция ГКП расставляет приоритеты, исходя из необходимости обеспечения кадрами наиболее значимых и уязвимых сфер жизнедеятельности общества.

Предмет ГКП отражает суть данной политики, раскрывает ее содержание, обозначая наиболее важные узловые моменты и признаки. А.В. Новокрещенов рекомендует отнести к ним общегосударственный, общенациональный интерес (обеспечение расширенного воспроизводства интеллектуально-профессионального потенциала страны) и самое эффективное его использование, выражение и реализацию права на труд [15, с. 20]. Соглашаясь с автором, тем не менее следует отметить, что предмет ГКП в части указания средств ее регулирования все-таки требует уточнения. В этой связи шире к трактовке предмета ГКП подходит А.В. Костюков. В содержание термина автор включает часть трудовых отношений, сами кадры государства, механизмы формирования и востребованности кадрового потенциала общества, механизмы контроля содержания и качества подготовки кадрового потенциала и защиты общества от непрофессионалов; механизмы стимулирования инвестиций в развитие кадров предприятий и организаций; механизмы защиты граждан, занятых в профессиональной деятельности; кадровые процессы и кадровые отношения в государственных учреждениях и других организациях [16, с. 20]. Проанализировав приведенное выше определение, следует отметить, что кадры государства относятся не к предметной области государственной кадровой политики, а являются ее объектом, т. е. предмет ГКП понимается как выработанные государством стратегия и принципы, позволяющие при помощи административно-правового механизма регулировать систему общественных отношений в области расширенного воспроизводства интеллектуально-профессионального потенциала. Главной целью такой политики становится всесторонняя реализация права людей на труд, а также создание и формирование кадрового потенциала, способного решать поставленные задачи в различных областях и сферах.

Также стоит отметить, что там, где есть объект, предмет, всегда есть и субъект. Так, в Философской энциклопедии термин «субъект» определен как носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленный на объект [17, с. 154–155]. Таким образом, субъектом любой деятельности выступает тот, кто осуществляет, реализует, приводит ее в исполнение. В качестве субъектов ГКП выступают различные социально-правовые институты: народ, государство, государственные органы, политические и общественные объединения, предприятия, организации, органы местного управления и самоуправления, граждане [9, с. 118].

В Концепции ГКП субъекты также определены узко: как государственные органы, являющиеся носителями определенной законодательством компетенции в системе государственного управления. Следовательно, государственным органам отводится ключевое место в формировании кадровой политики в сфере государственного управления.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ГКП обладает рядом специфических признаков, позволяющих отграничить ее от иных видов государственно-управленческой деятельности:

ГКП – деятельность определенных органов государства. Она носит государственно-властный характер, имеет стратегические цели и задачи по формированию высококвалифицированного кадрового потенциала;

осуществляется посредством механизма административно-правового регулирования, являющегося практическим выражением государственной правоприменительной функции, направленной на непосредственное регулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере;

реализуется определенным кругом субъектов: государственными и негосударственными организациями, должностными лицами, гражданами, которые действуют на основании выработанной государством стратегии;

направлена на формирование качественного кадрового потенциала, способного решать поставленные перед государством задачи;

объектом здесь являются люди, независимо от социально-демографических характеристик, возможности реализации ими права на труд.

Итак, ГКП в широком смысле – деятельность государственных и негосударственных организаций, должностных лиц и граждан, основанная на выработанных государством стратегии и принципах, позволяющая при помощи административно-правового механизма регулировать систему общественных отношений; направленная на всестороннюю реализацию права людей на труд, а также создание и формирование кадрового потенциала, способного решать поставленные задачи в различных сферах деятельности.

Между тем подобный подход к определению ГКП в широком смысле не снимает проблем эффективности деятельности государственных органов, в том числе правоохранительных, в этой сфере. В связи с этим возникает необходимость понимания ГКП в узком смысле.

ГКП в узком смысле – деятельность государственных органов, являющихся носителями определенной законодательством компетенции в системе государственного управления, по разработке и реализации стратегии и принципов указанной политики, формированию административно-правового механизма, регулирующего общественные отношения, связанные с подбором, расстановкой, подготовкой и воспитанием кадрового потенциала, способного по своим физическим, психологическим, интеллектуальным, профессиональным и иным качествам и характеристикам решать поставленные задачи в различных сферах деятельности.

Анализ законодательства в области формирования и реализации ГКП показывает, что такую политику на республиканском и местном уровнях осуществляют компетентные должностные лица государства, государственных органов и их руководители, т. е. субъекты – коллективы и лица, наделенные конкретным объемом обязанностей и прав. Все эти субъекты ГКП образуют целостную систему.

Так, по содержанию деятельности субъектов ГКП можно условно выделить три группы: государственные организации, негосударственные организации и граждане.

Первая группа – государственные органы и должностные лица: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, подчиненные им органы и организации, суд, прокуратура, Комитет государственного контроля Республики Беларусь, Следственный комитет Республики Беларусь, местные органы государственной власти и др.

Президент обладает широким кругом полномочий в сфере реализации ГКП, в том числе по созданию, реорганизации и упразднению государственных органов, а также в соответствии со ст. 84 Конституции при назначении и согласовании назначения граждан на определенные должности. В частности, Президент устанавливает штатную численность Следственного комитета, утверждает перечень должностей высшего начальствующего состава Следственного комитета, назначает на должности, отстраняет, освобождает от должностей Председателя Следственного комитета, его заместителей, начальников Управлений Следственного комитета по областям и г. Минску.

Совет Министров Республики Беларусь в соответствии со своими полномочиями разрабатывает и вносит на рассмотрение Президента предложения по осуществлению кадровой политики, направленной на создание необходимого резерва высококвалифицированных руководящих работников системы подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, а также местных исполнительных и распорядительных органов, содействует обеспечению их подготовки и повышения квалификации.

К республиканским органам государственного управления, подчиненным Правительству Республики Беларусь, отнесены министерства, государственные комитеты, государственные организации. Вместе с тем в соответствии со ст. 6 Конституции государственная власть осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. При этом

следует учитывать, что определенной частью исполнительной власти наделены и иные государственные органы. Например, Следственный комитет, прокуратура, суд не являются органами исполнительной власти (их основное предназначение – проведение предварительного следствия, осуществление прокурорского надзора и правосудия) [18, с. 61–62], но в части реализации ГКП по формированию кадрового потенциала обладают признаками административной правоспособности.

Так, реализация ГКП государственными органами закреплена в нормативных правовых актах в качестве их задачи, функции и полномочия. Анализируя их (Закон от 13 июля 2012 г. «О Следственном комитете Республики Беларусь», Постановление Совета Министров от 14 февраля 2009 г. № 192 «Об утверждении Положения об Аппарате Совета Министров Республики Беларусь», «Положение о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь», утвержденное Указом Президента от 4 декабря 2007 г. № 611), следует отметить, что на республиканском уровне в законодательстве нет единого подхода к закреплению задач, функций государственных органов и полномочий должностных лиц в сфере ГКП. Кроме того, используется различная терминология, что значительно затрудняет развитие положений законодательства в локальных нормативных правовых актах и дальнейшее их правоприменение.

Необходимо акцентировать внимание на местных исполнительных и распорядительных органах, к компетенции которых относится реализация кадровой политики на местах. Объект кадровой политики здесь – та часть трудоспособного населения, которая проживает или имеет отношение к административной территории конкретного местного исполнительно-распорядительного органа. Цель политики при этом – формирование корпуса управленцев нового поколения и обеспечение предприятий и организаций высококвалифицированными профессионалами с учетом ситуации в регионе. Например, неблагоприятная демографическая ситуация, ограниченность притока трудовых ресурсов, необходимость возрождения и развития села, создание крупных производств, реализация крупных международных и межгосударственных проектов, состояние и динамика преступности. Региональные власти реализуют кадровую политику с учетом этих ситуаций, так как корпус управленцев наиболее оперативно реагирует на складывающуюся обстановку и призван решать ежедневные проблемные вопросы.

Вторая группа субъектов ГКП – негосударственные организации и их должностные лица. Предприятия негосударственной формы собственности ведут постоянную работу над созданием конкурентного продукта производства, обеспечив его высокую добавленную стоимость (это возможно при осуществлении деятельности высококвалифицированными кадрами, т. е. при обеспечении организации высокоинтеллектуальным кадровым потенциалом). В этом плане в Республике Беларусь достаточно эффективно развивается государственно-частное партнерство. Иными словами, инициативы реального сектора экономики (независимо от формы собственности) поддерживаются государством и воплощаются в жизнь. Примером такого сотрудничества стало подписание 22 декабря 2017 г. Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики», призванного обеспечить условия для создания востребованной в мире продукции, инвестировать в будущие IT-кадры и образование, внедрить новейшие финансовые инструменты и технологии.

К этой группе субъектов следует отнести не только предприятия, но и общественные объединения, с развитием гражданского общества роль которых постоянно возрастает. Например, в области охраны окружающей среды поднимаются актуальные вопросы, непосредственно влияющие на ГКП компетентных государственных органов.

Третья группа субъектов – граждане (народ), одновременно выступающие и объектом ГКП. В соответствии со ст. 3 Конституции единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ, осуществляющий свою власть непосредственно через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных также Конституцией. В этой связи народ является субъектом реализации ГКП, непосредственно участвуя в ее проведении либо через свои представительные и иные органы (например, через деятельность депутатов законодательной власти, местные органы управления и самоуправления).

Таким образом, один из признаков ГКП – многосубъектность, охватывающая широкий перечень организаций и граждан, которая позволяет одновременно проводить ГКП не только на различных уровнях, но и во всевозможных сферах жизнедеятельности.

Особая роль в реализации ГКП отводится правоохранным органам как государственным органам, осуществляющим ГКП в правоохранительной сфере – целерациональной, устойчивой, иерархической, целостной системе элементов, с системообразующими связями, функционирующей для формирования качественного кадрового потенциала правоохранительных органов.

Перед правоохранительной системой поставлены задачи: защита жизни, здоровья, чести и достоинства, прав и свобод и законных интересов граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; защита собственности от преступных и иных противоправных посягательств; профилактика, выявление и пресечение преступлений; всестороннее, полное, объективное и оперативное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством; координация правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, деятельность по профилактике правонарушений и др.

В рассматриваемой системе в зависимости от функционального предназначения выделяются три подсистемы.

Первую образуют государственные органы, непосредственно неосуществляющие государственную правоохранительную функцию, но определяющие стратегию правоохранительной деятельности государства и, соответственно, стратегию формирования кадрового потенциала государственных правоохранительных органов, к которым относятся Президент, Совет Министров, Национальное собрание. Вместе с тем следует учитывать, что особое место в этой группе отведено Генеральной прокуратуре, которая, в основном выступая координатором в правоохранительной деятельности и непосредственно влияя на формирование кадрового потенциала государственных органов, в соответствии с законодательством вправе самостоятельно проводить расследование, давать санкции на проведение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Реализуя эти полномочия, органы прокуратуры являются субъектами осуществления правоохранительной функции, а также реализующими функцию осуществления предварительного расследования.

Вторую подсистему образуют органы государственного управления, являющиеся субъектами реализации правоохранительной функции государства и непосредственно реализующими ГКП в правоохранительной сфере в целом. К ним относятся МВД, КГК, ГТК, ГПК и др. Эти государственные органы имеют ограниченную компетенцию по ведению досудебного производства и лишены права осуществления предварительного следствия.

К третьей подсистеме относятся государственные органы, реализующие функцию осуществления предварительного следствия. В эту подсистему входят Следственный комитет, Генеральная прокуратура, органы государственной безопасности. Компетенция и сфера деятельности различна. В соответствии со своим правовым положением ключевым субъектом выступает Следственный комитет как специализированный государственный орган, на который непосредственно возложена функция предварительного следствия. Именно Следственным комитетом ежегодно расследуются более 99 % уголовных дел. В этой связи при формировании кадрового потенциала органов уголовного преследования основным субъектом является Следственный комитет.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. ГКП в широком смысле – деятельность государственных и негосударственных организаций, должностных лиц и граждан, основанная на выработанных государством стратегии и принципах, позволяющая при помощи административно-правового механизма регулировать систему общественных отношений, направленную на всестороннюю реализацию права людей на труд, а также создание и формирование кадрового потенциала, способного решать поставленные задачи в различных сферах.

ГКП в узком смысле – деятельность государственных органов, являющихся носителями определенной законодательством компетенции в системе государственного управления, по разработке и реализации стратегии и принципов указанной политики; формированию административно-правового механизма, регулирующего общественные отношения, связанные с подбором, расстановкой, подготовкой и воспитанием кадрового потенциала, способного

по своим физическим, психологическим, интеллектуальным, профессиональным и иным качествам и характеристикам решать поставленные задачи в различных областях и сферах. Понимание ГКП (в узком смысле) способствует повышению эффективности деятельности правоохранительных органов.

2. Государственная кадровая политика обладает рядом специфических признаков, позволяющих отграничить ее от иных видов государственно-управленческой деятельности. ГКП – деятельность определенных органов государства, причем данная деятельность носит государственно-властный характер и имеет стратегические цели и задачи по формированию высококвалифицированного кадрового потенциала. Данная деятельность реализуется посредством механизма административно-правового регулирования, являющегося практическим выражением государственной правоприменительной функции, направленной на непосредственное регулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере. ГКП реализуется определенным кругом субъектов, к которым относятся государственные и негосударственные организации, должностные лица, граждане, которые действуют на основании выработанной государством стратегии. Данная деятельность направлена на формирование качественного кадрового потенциала, способного решать поставленные перед государством задачи. Объектом деятельности являются люди, независимо от социально-демографических характеристик, возможности реализации ими права на труд.

3. Классифицируя субъектов государственной кадровой политики по содержанию деятельности, можно выделить три группы: государственные органы и должностные лица (Президент, Совет Министров, местные исполнительные и распорядительные органы и иные государственные органы и должностные лица); негосударственные организации и их должностные лица; граждане.

Взаимодействие названных групп субъектов позволяет развивать государственно-частное партнерство в сфере реализации ГКП.

4. Среди субъектов, реализующих ГКП в правоохранительной сфере, особая роль отводится Следственному комитету как специализированному государственному органу, на который непосредственно возложена функция предварительного следствия. В этой связи при формировании кадрового потенциала органов предварительного следствия основным субъектом является Следственный комитет.

Список использованных источников

1. Лунев, А.Е. Советское административное право / А.Е. Лунев. – М. : Госюриздат, 1960. – 567 с.
2. Власов, В.А. Советское административное право / В.А. Власов, С.С. Студеникин. – М. : Госюриздат, 1959. – 620 с.
3. Петрищев, А.В. Статус должностного лица : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Петрищев. – Харьков, 1988. – 21 с.
4. Яцков, В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы / В.А. Яцков. – М. : Мысль, 1986. – 315 с.
5. Гербер, Р. Кадры в системе социалистического управления / Р. Гербер, Г. Юнг. – М. : Прогресс, 1970. – 208 с.
6. Кадры // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1969–1981. – Т. 11. – 1973. – 719 с.
7. Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И.Е. Андриевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб. : Ф.А. Брокгауз : И.А. Ефрон, 1890–1904. – Т. 24. 1894. – 495 с.
8. Леонов, А.П. Управление органами внутренних дел : курс лекций : в 2 т. / А.П. Леонов. – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – Т. 2. – 322 с.
9. Сулемов, В.А. Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии / В.А. Сулемов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – 2-е изд., дораб. и доп. – М. : РАГС, 2006. – 344 с.
10. Казимирчук, Г.И. Организация работы с резервом кадров для выдвижения на руководящие должности в органах внутренних дел : учеб. пособие / Г.И. Казимирчук. – 3-е изд. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2007. – 80 с.
11. Турчинов, А.И. Нужна ли теория? / А.И. Турчинов // Служба кадров. – № 7. – 2001. – С. 8–14.
12. Аль-Шаиби, А.С.М. Теоретико-методические основы формирования и укомплектования органов государственной службы в странах с переходной экономикой : дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05 / А.С.М. Аль-Шаиби. – М., 2005. – 122 л.

13. Объект // Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М. : Совет. энцикл., 1960–1970. – Т. 4. – 1967. – 591 с.
14. Энциклопедия государственного управления в России : в 4 т. / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; редкол.: В.К. Егоров (общ. ред.) [и др.]. – М. : РАГС, 2004. – Т. 1. – 2004. – 344 с.
15. Новокрещенов, А.В. Государственная кадровая политика : учеб. пособие / А.В. Новокрещенов ; СибПГС. – Новосибирск : Изд-во СИУ РАНХиГС, 2014. – 226 с.
16. Костюков, А.В. Методологические подходы к исследованию кадрового потенциала системы государственного и местного управления / А.В. Костюков // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 2. – С. 96–110.
17. Субъект // Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М. : Совет. энцикл., 1970. – Т. 5. – 740 с.
18. Рябцев, Л.М. Административное право : курс лекций / Л.М. Рябцев, Т.В. Телятицкая, А.Н. Шкляревский ; под ред. Л.М. Рябцева. – Минск : БГЭУ, 2006. – 437 с.

Дата поступления в редакцию: 10.05.18

I.D. Noskevich, Chairman of the Investigative Committee of the Republic of Belarus

STATE PERSONNEL POLICY AND ITS SUBJECTS

The article deals with the problems of defining the state personnel policy in the Republic of Belarus and determining its content, proposes the classification of its subjects. The special provision is substantiated according to which the Investigative Committee of the Republic of Belarus as a specialized state body with the preliminary investigation function plays a significant role among the subjects implementing the state personnel policy in the law-enforcement sphere.

Keywords: state personnel policy, Investigative Committee of the Republic of Belarus, manpower resources of preliminary investigation agencies.

УДК 339.543 (075.8)

Д.П. Семенюк, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ns1005@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ТАМОЖЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Рассматриваются особенности современной таможенной преступности. Анализируются статистика и практика деятельности правоохранительных органов по противодействию данному негативному социальному явлению. Определяются особенности детерминации таможенной преступности в системе преступности Республики Беларусь и некоторых стран ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Республика Беларусь, преступность, криминология, таможенная преступность.

Детерминация таможенной преступности в Республике Беларусь обусловлена общими тенденциями развития экономической, корыстной и организованной преступности на постсоветском пространстве. Основной причиной всплеска рассматриваемого вида преступности является возникновение новых экономических отношений, проявившихся после распада СССР и приобретения нашей страной суверенитета.

Анализируя детерминанты преступности в постсоветский период, В.А. Жбанков отмечает, что таможенные преступления в конце XX в. совершались в условиях радикальных социально-экономических преобразований, когда на смену тотальному контролю государства пришел механизм государственного регулирования торговых связей участников международного рынка с использованием традиционных для стран с рыночной экономикой инструментов и методов. Автор говорит о росте в России в 1994–1999 гг. общего числа зарегистрированных таможенных преступлений: почти в три раза с 1 825 до 5 251 [1, с. 671–672].

По мнению А.В. Яскевича и В.Н. Радомана, глобализация социальных и экономических процессов порождает и глобализацию преступности, которая становится все более организованной, изоцированной, транснациональной. Преступные группы гораздо быстрее, чем государственные

системы различных стран, реагируют на развитие всех типов коммуникаций, любые изменения пограничного и таможенного контроля, появление новых форм и видов обогащения [2, с. 68].

Целью совершаемых организованными преступными группами таможенных преступлений является извлечение максимальной выгоды из перемещения через таможенную границу контрабанды, товаров без уплаты таможенных платежей, вывоз культурных ценностей. Участниками данных групп являются сотрудники таможенных органов и органов пограничной службы, в том числе и оперативные сотрудники.

Так, Н.А. Легенченко и С.С. Тупеко указывают на несовершенство официальной статистики, которая не позволяет получить достоверные сведения о действительном размахе организованной преступности в сфере экономики. По мнению названных авторов, это объясняется высокой латентностью организованной преступности, маскируемой и защищаемой коррумпированными лицами. Также исследователи отмечают, что анализ криминальной направленности выявленных организованных преступных групп, результаты работы следственно-оперативных групп за последние несколько лет отчетливо свидетельствуют, что наличие на западе страны государственной границы со странами Европы предопределило появление и функционирование организованной преступности в сфере таможенных отношений. В Брестском и Гродненском регионах в течение длительного времени представители организованной преступности используют различного рода схемы для незаконного транзита товарно-материальных ценностей, произведенных за рубежом [3, с. 86–87]. Н.А. Легенченко и С.С. Тупеко в качестве доказательства приводят статистику: «в 2004–2007 гг. по материалам правоохранительных органов Гродненской области в отношении 144 сотрудников Государственного таможенного комитета и Государственного пограничного комитета возбуждено 216 уголовных дел. В 2005 г. по материалам сотрудников УБОП по Брестской области было возбуждено более 70 уголовных дел в отношении работников таможни, военнослужащих погранвойск и индивидуальных предпринимателей, причастных к совершению преступлений в таможенной сфере. Установленный ущерб оценивается десятками миллионов долларов США» [3, с. 87].

Также, по мнению ученых, усиливается и тенденция организованности в действиях преступников, наивысшей степенью которой является криминальное слияние коррумпированных должностных лиц таможенных органов с участниками внешнеэкономической деятельности и правоохранительными структурами.

В свою очередь, российские криминологи также указывают на пораженность коррупцией таможенного чиновничества (в рамках всего российского чиновничества): 3–4 % [4, с. 342]. И здесь одной из современных тенденций, влияющих на причины таможенной преступности, является введение Российской Федерацией отдельных специальных экономических мер в отношении отдельных категорий товаров, перемещаемых из стран, принявших решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившихся к такому решению. В средствах массовой информации такие экономические меры именуется контрсанкциями, продуктовым эмбарго.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» органам государственной власти запрещается либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций, посягающих на национальные интересы страны.

Постановлением Правительства от 7 августа 2014 г. № 778 по 31 декабря 2017 г. «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации» введен запрет на ввоз в Российскую Федерацию согласно утвержденному перечню сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются США, страны ЕАЭС, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн.

Федеральной таможенной службе предписано обеспечить контроль за выполнением указанных запретов.

Для обеспечения экономической безопасности ЕАЭС Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и Федеральная таможенная служба России организовали взаимодействие по контролю за ввозом товаров санкционной группы на территорию ЕАЭС. Белорусские таможенники принимают активные меры по недопущению незаконного ввоза в Российскую Федерацию товаров, в отношении которых введены специальные экономические меры, в том числе с использованием мобильных групп и оперативно-розыскных мероприятий.

Если проанализировать правоприменительную практику и статистику, то можно отметить, что увеличение количества правонарушений, связанных с незаконным перемещением товаров санкционной группы через таможенную границу, вызвано желанием правонарушителей получить экономическую выгоду от реализации данных товаров на территории Российской Федерации.

Так, в результате принятых мер таможенными органами Республики Беларусь в 2016 г. выявлено 958 административных правонарушений, объектами которых являлись более 9 тыс. т. товаров санкционной группы. Сумма предметов правонарушений составила 96,4 млрд рублей¹.

Например, в декабре 2016 г. сотрудниками Витебской таможни вблизи российско-белорусского участка государственной границы выявлен факт перемещения в грузовом автомобиле, следовавшем в Российскую Федерацию, по недействительным товаросопроводительным документам яблок и томатов производства стран ЕАЭС и Турции в количестве более 18,9 т. Общая стоимость изъятого товара составила 452,6 млн рублей.

Так, мобильными подразделениями оперативной таможни при проведении специального мероприятия в Витебской области изъято более 111 т. свежих яблок. Фрукты ввозились в шести грузовых транспортных средствах из Беларуси в Россию без фитосанитарных сертификатов, которые в соответствии с Решением Комиссии Таможенного союза № 318 необходимы при перемещении данных товаров по территории Таможенного союза. Все фуры следовали по подложным документам в адрес государственного предприятия в г. Орша, с которым у отправителей, как выяснилось, никаких договорных отношений не существует. В связи с тем что в действиях перевозчиков и отправителей товара усматриваются признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.17 КоАП, оперативной таможней по выявленным фактам начат административный процесс. Свежие яблоки предварительной оценочной стоимостью более 1 млрд рублей изъяты.

Часто при перемещении товаров используются подложные документы с указанием ложных сведений о производителе, позволяющие их реализовать на территории ЕАЭС. Так, например, 22 августа 2017 г. возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 228 УК в отношении граждан Республики Беларусь, которые, имея умысел на незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере товаров, ограниченных к такому перемещению, организовали в период с февраля по март 2017 г. в РПТО «Каменный Лог» Ошмянской таможни перемещение через таможенную границу ЕАЭС мороженые брусники лосося общим весом нетто 40 000 кг и общей стоимостью 91 553,80 рублей.

Таким образом, на специфику причинности современной таможенной преступности непосредственное влияние оказывает введение Российской Федерацией отдельных специальных экономических мер, ограничивающих поставки продовольственных и иных товаров, произведенных в странах Европейского союза. Так, введение данных ограничительных мер повлекло количественное увеличение таможенных правонарушений, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу товаров санкционной группы. Мотивом совершения рассматриваемых правонарушений является корыстное желание обогатиться за счет таких поставок.

Еще не менее важная причина таможенной преступности – существенное различие в стоимости подакцизных товаров: алкогольной и табачной продукции, горюче-смазочных материалов в странах ЕС и ЕАЭС. Например, в Республику Польша часто перевозят в нарушение установленных правил более дешевую табачную продукцию и дизельное топливо. В обратном направлении перемещают алкогольную продукцию, которую в страны ЕАЭС разрешено беспошлинно ввозить до трех литров на лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста (но не более пяти литров на человека).

¹ Статистические показатели и примеры правоприменительной практики приведены в соответствии с официальной информацией, размещенной на сайте Государственного таможенного комитета Республики Беларусь.

По данным ГТК, стоимость изъятых таможенными органами в первом полугодии 2017 г. при незаконном перемещении товаров увеличилась в сравнении с аналогичным периодом 2016 г. на 15 %. Данный факт свидетельствует о продолжающейся активности правонарушителей по осуществлению попыток незаконного перемещения товаров через таможенную границу и желаний их извлечь максимальную выгоду от реализации таких товаров.

Одной из причин совершения таможенных правонарушений является незаконный оборот оружия, который перемещается транзитом через Республику Беларусь. Из-за ряда вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве и прежде всего нахождения боевого оружия среди гражданского населения в Украине возникает непосредственная угроза проникновения его на территорию нашей страны. Таможенными органами в 2016 г. возбуждено 16 уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений, что практически в три раза превышает количество возбужденных уголовных дел в 2015 г. – 6. При незаконном перемещении изъято 9 единиц различного вида оружия, более 240 патронов, более 30 единиц холодного оружия и около 1 кг пороха.

Например, в первом полугодии 2017 г. изъято более 20 единиц огнестрельного, травматического, пневматического и газового оружия, составные части и компоненты к оружию, а также более 460 патронов различного калибра. Возбуждено 7 уголовных дел по ст. 333¹ УК.

По данным информационного сообщения ГТК, в марте 2017 г. должностными лицами Брестской таможни в ходе проведения таможенного досмотра автомобиля «Мерседес-Бенц», следовавшего через пункт пропуска «Варшавский мост» под управлением гражданина Российской Федерации, были обнаружены незадекларированные товары: один револьвер Smith&Wesson, один патрон длиной 75 мм, 61 патрон калибра 8 мм, 4 патрона калибра 9 × 17 мм, 7 патронов калибра 9 мм и 4 картечи диаметром от 7 до 7,7 мм.

Проблема незаконного оборота оружия актуальна и для Российской Федерации. В.Д. Малков и Е.Д. Шелковникова отмечают, что анализ данных статистической отчетности свидетельствует о тенденции расширения незаконного оборота оружия. По разным экспертным оценкам, в стране в незаконном обороте находится от 1,5 до 5 млн единиц огнестрельного оружия. Так, по данным МВД России, на ее территории действует более 3 тыс. занимающихся незаконным оборотом оружия организованных преступных группировок, многие из которых имеют тесные связи с организованной преступностью других стран. Пограничные и таможенные органы ежегодно пресекают многочисленные попытки ввоза и вывоза оружия. Так, оружие превратилось в товар, приносящий значительные доходы преступникам. Ежегодно в России регистрируется от 60 до 90 тыс. соответствующих преступлений. Из незаконного обращения ОВД ежегодно изымается свыше 300 тыс. единиц огнестрельного оружия. Неуклонно увеличивается и достигает 30 тыс. число граждан, ежегодно привлекаемых к уголовной ответственности за различные преступления, связанные с незаконным оборотом оружия [4, с. 308].

В связи с существованием большого территориального пространства ЕАЭС, прозрачностью границ отдельных государств по-прежнему актуальной остается проблема незаконного перемещения через таможенную границу наркотических средств и психотропных веществ.

Только в первом полугодии 2017 г. должностными лицами таможенных органов изъято более 360 кг наркотиков, что более чем в 34 раза превышает количество наркотиков, изъятых за аналогичный период 2016 г.

Показательным является факт задержания в феврале 2017 г. в пункте пропуска «Козловичи» при таможенном досмотре грузового транспортного средства DAF, следовавшего из Республики Польша под управлением гражданина Украины, в пространстве передней стенки полуприцепа-рефрижератора в специально изготовленном тайнике было обнаружено 348 брикетов с наркотическим средством гашиш общим весом более 286 кг.

Таким образом, на детерминацию современной таможенной преступности в своем большинстве непосредственное влияние оказывают:

чаще всего организованный характер совершаемых преступлений и вовлечение в их совершение должностных лиц правоохранительных органов (связь таможенной с организованной и коррупционной преступностью);

динамичное увеличение пассажирского и товарного потока между странами ЕАЭС и ЕС, а также Украиной, что при различных ценовых параметрах на потребительские товары и прежде всего на подакцизные создает предпосылки к их незаконному перемещению;

негативное влияние отдельных специальных экономических мер, ограничивающих поставки продовольственных и иных товаров, введенных Российской Федерацией в отношении товаров, произведенных в странах ЕС, порождающих желание обогатиться за счет их поставок;

транзитное расположение Республики Беларусь, через которую пролегают каналы незаконной поставки наркотических средств, психотропных веществ, оружия и боеприпасов, товаров изъятых из гражданского оборота.

Список использованных источников

1. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2005. – 912 с.
2. Яскевич, А.В. Тактические операции в процессе выявления и расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами / А.В. Яскевич, В.Н. Радоман // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – № 2. – С. 68–71.
3. Легенченко, Н.А. Проблемы борьбы с организованной преступностью: криминологический аспект / Н.А. Легенченко, С.С. Тупеко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – № 2. – С. 83–88.
4. Криминология : учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2011. – 544 с.

Дата поступления в редакцию: 24.10.17

D.P. Semeniuk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

SPECIFICITY OF DETERMINATION AND REASON FOR MODERN CUSTOMS CRIME

The specifics of modern customs crime are considered. The analysis is subjected to statistics and the practice of law enforcement agencies in countering this negative social phenomenon. Specific features of determination and causality of customs crime in the system of criminality of the Republic of Belarus and the EAEC are determined.

Keywords: Eurasian Economic Union, the Republic of Belarus, crime, criminology, customs crime.

УДК 342.9

*А.Л. Федорович, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: baxalex@yandex.ru)*

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 17.3 КОАП

Исследуются административно-деликтологические проблемы применения ст. 17.3 КоАП. С использованием общенаучных и частнонаучных методов анализируются нормативное толкование и правоприменительная практика относительно ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП. Выявляются такие ранее неисследованные и нормативно незакрепленные оценочные понятия состояния алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческого достоинство и общественную нравственность, как человеческое достоинство и общественная нравственность. Предметно анализируется содержание человеческого достоинства, предлагается его определение.

Ключевые слова: административная ответственность, человеческое достоинство, антиалкогольное законодательство, правонарушения, алкогольное опьянение, административно-деликтная ответственность, ОВД, милиция, пьянство, наркомания, оценочное понятие.

В выступлении на заседании Совета Безопасности 27 февраля 2018 г. Глава государства Республики Беларусь, учитывая статистику, отметил, что особую тревогу вызывают происшествия, совершаемые под воздействием алкоголя, несмотря на общее число ежегодного снижения про-

тивоправных деяний. При этом в обозначенной сфере МВД было предложено навести порядок и был сделан акцент на недопущение превалирования запретительных мер, связанных с оборотом алкоголя [1].

Важным направлением в профилактике преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, является пресечение и предупреждение административных правонарушений, совершаемых в сфере антиалкогольного законодательства. Здесь необходимо выбрать самый актуальный путь проведения профилактики, отследить его эффективность и при необходимости определить направление для совершенствования. Наиболее часто сотрудниками ОВД в обозначенной сфере выявляются и пресекаются правонарушения, предусмотренные ст. 17.3 КоАП. Тем не менее анализ правоприменительной практики показывает неоднозначное понимание сотрудниками ОВД объективной стороны составов правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП. Так, в судах Республики Беларусь из-за ошибок в квалификации отменяются решения о применении мер административного взыскания за совершение данных правонарушений. Подсчитать их общее количество не представляется возможным по причине того, что такой статистики по всем судам Республики Беларусь не ведется.

При изучении постановлений о принятии судом решений об отмене административных взысканий, наложенных ОВД по ч. 1 ст. 17.3 КоАП, было установлено, что основной причиной их отмены является указание в фабуле протокола об административном правонарушении не состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство, а только обязательных признаков самого опьянения, определенных постановлением Совета Министров от 14 апреля 2011 г. № 497. Подтверждением примера может послужить часть фабулы протокола: «в 20.00 у д. № 2 по ул. Ленина в Минске гр-н Н находился в пьяном виде, что проявлялось в запахе алкоголя изо рта и шатающейся походке». Здесь содержание фабулы показывает: должностные лица ОВД не всегда разделяют сути понятий «опьянение» и «состояние опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность» и понимают их верно; имеющая место проблема ясности правовой нормы, вызывающей обжалование вынесенных решений о применении административного взыскания в суде, порождает судебные издержки, затраты государства, которых можно было бы избежать благодаря наличию необходимых юридических определений терминов и формализации их признаков. Указанный пробел в правовом регулировании вызывает правовую неопределенность и конфликты между правоохранительными органами и гражданами, так как на уровне профессионального и обывательского правосознания нет единого ответа на содержание интерпретируемых терминов.

Пресекая административные правонарушения, предусмотренные ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП, сотрудники ОВД предупреждают и профилактируют совершаемые в состоянии алкогольного опьянения административные правонарушения и преступления. В отсутствие содержания термина квалифицировать действия как противоправные им приходится с помощью правоприменительного толкования правовой нормы, основываясь на юридическом правосознании и обыкновениях правоприменения, характерных для местности их прохождения службы, что свидетельствует об отсутствии единой правоприменительной практики. Для того чтобы проникнуться действительным смыслом поведения лица, находящегося в состоянии опьянения и оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность, прежде необходимо определить содержание понятий «человеческое достоинство» и «общественная нравственность», являющиеся оценочными.

Для раскрытия правовой природы данной юридической категории необходимо использовать общенаучные (анализ, синтез, индукция) и частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, метод интерпретационной деятельности (лексико-грамматический, логический и систематический).

По мнению философа С.А. Шаракшанэ, «заглушить голос достоинства можно только путем искусственного понижения уровня сознания (пьянство, разврат, жизнь в „беспределе“)» [2, с. 21]. Таким образом, при контроле поведения граждан в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических веществ в общественных местах, повышается общий уровень человеческого достоинства в обществе.

Так, в ст. 2 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.) указано, что при выполнении

своих обязанностей должностные лица по поддержанию общественного порядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам. Для Республики Беларусь как государства-члена ООН очень важно, чтобы содержание термина «человеческое достоинство» соответствовало всем его должностным лицам. И в первую очередь это касается лиц, охраняющих общественный порядок, в том числе сотрудников ОВД. В обратном случае выполнение теми своих обязанностей будет невозможным.

По мнению российского ученого Т.В. Протопоповой, отсутствие конкретизации и понимания в правовых актах государства рассматриваемого термина его и отсутствие его содержания в юридически значимых актах влечет ненадлежащее выполнение субъектами права возложенных на них обязанностей. По мнению автора, идея человеческого достоинства заключает в себе требование уважения прав и свобод индивидуума в коллективах, где он живет и, в частности, в независимом политическом обществе [3, с. 3, 5]. Таким образом, подтверждается необходимость правового закрепления изучаемого понятия.

Также пристального внимания заслуживает ст. 17.3 КоАП по причине внесения 12 июля 2013 г. в нее изменений, согласно которым она расширилась за счет регулирования отношений, связанных с немедицинским потреблением в общественном месте аналогов наркотических средств или психотропных веществ (Закон от 12 июля 2013 г. № 64-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях»).

Для совершенствования правоприменительной практики и определения единообразного понимания используемой терминологии в ст. 17.3 КоАП и ст. 328² УК в 2016 г. по запросу Следственного комитета специалистами Академии МВД Республики Беларусь были разработаны и предложены для применения определения используемых терминов критерии состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность. При этом в совместном официальном разъяснении Следственного комитета и МВД «О совершенствовании правоприменительной практики выявления, раскрытия и расследования преступлений по ст. 328² Уголовного кодекса Республики Беларусь» [4] вынесенное предложение нашло отражение, где часть положений, вошедших в разъяснение, была разработана автором.

Толкование нормы права по юридической силе его результатов согласно классической теории права классифицируется по субъекту, сфере действия, объему. Исходя из содержания сферы действия толкуемой нормы официальное разъяснение распространяет свое действие на сотрудников правоохранительных органов, применяющих данную статью, и является профессиональным неофициальным толкованием права, а потому формально не обязательно для исполнения. Учитывая, что законность в качестве принципа закреплена в УК и КоАП, представляется логичным закрепить официальные разъяснения на нормативном уровне, тем самым сделав их доступными для граждан, чьи общественные отношения регулирует статья.

Изучая нормативные правовые акты Республики Беларусь, направленные на противодействие преступлениям и административным правонарушениям, в которых фигурирует термин «достоинство», можно обнаружить его в различных словосочетаниях. Как человеческое достоинство он используется в ст. 17.3 КоАП и ст. 3 УК. Достоинство человека, достоинство, присущее человеческой личности, в международном правовом акте – в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹. Человеческое достоинство физического лица – в ст. 4.2 КоАП, достоинство личности – в ст. 9.3 соответственно. В ст. 25 Конституции закреплено, что государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. При этом ни в одном правовом акте нормативно закреплённых определений или понятий термина «человеческое достоинство», раскрывающего его содержание применительно к нормам административного и уголовного права, не существует, как и нет легитимных разъяснений и комментариев к ним. Также нет и кодифицированного сборника норм-обычаев, согласно которым можно было бы отделить поступки на оскорбляющие человеческое достоинство и не являющиеся таковыми. Однако для большинства граждан понятно, что после употребления алкоголя танцевать или участвовать в спортивном конкурсе

¹ Вемадасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, 2000. № 36. Ст. 494.

будучи гостем на свадьбе допустимо, а делать то же самое, находясь в аналогичном состоянии алкогольного опьянения, на остановке общественного транспорта нет.

С отсутствием толкования значения вышеуказанного термина и необходимостью его нормативного разъяснения применительно к содержанию ст. 328² УК соглашается и Н.И. Ретнёва, предлагая решить проблему разъяснением Пленума Верховного суда [5, с. 145–146], что является вполне обоснованным, учитывая, что термин должен обслуживать нормы уголовного и административного законодательства. Но здесь необходима оговорка, что трактовка термина важна сразу для многих отраслей права, в связи с чем с точки зрения юридической техники и формальной логики будет оправданным закрепить содержание термина «человеческое достоинство» в регулятивной норме, а узкие аспекты конкретного правопонимания нормы – в отраслевых нормативных актах и (или) легальных комментариях к ним.

Обращаясь к международному опыту юридического толкования сути достоинства, заслуживает внимания как самое емкое и лаконичное определение Сената судей Верховного суда Литвы, закрепившее Указом № 1 от 15 мая 1998 г. достоинство человека как самооценку личности, которая определяется оценкой общества.

Несмотря на простое значение составляющих происхождения термина (достоинство от лат. слов *dignitas* «стоимость» и *dignus* «достойный»), комплексное понятие термина «человеческое достоинство» ввиду его сложности и важности вполне объяснимо, что без междисциплинарного подхода, используя научные изыскания различных наук (история, философия, философия права, этика, теория права), не обойтись.

Так, с античности человеческое достоинство как категория этики интересовала Платона и Аристотеля, позже – и иных ученых в зависимости от применения сферы изучаемых интересов. Анализируя труд И. Канта «Основы метафизики нравственности» [6, с. 276–277], Г.Д. Бандзеладзе пришел к выводу, что мышление, чувства и воля являются элементами человеческого достоинства [7, с. 12], а само человеческое достоинство определяется как сознание и переживание активной реализации собственной доброй воли [7, с. 66]; достоинство же личности – отношением непосредственно самой личности к обществу [7, с. 66]. К. Маркс, в свою очередь, определял достоинство, как то, что больше всего возвышает человека, придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление [8, с. 4]. Но реалии таковы, что сегодня вышеназванное определение не может быть взято за основу понимания изучаемого термина.

Вообще, человеческое достоинство, являясь оценочным понятием, с древних времен связывалось с добром, честью, самоуважением, стыдливостью за свое поведение, истиной и красотой, нравственностью. С.А. Дробышевский и С.А. Протопопова довольно полно рассмотрели историко-правовое развитие и становление категории «человеческое достоинство» как политико-правовой категории, преломляя ее понимание сквозь призму философских воззрений Платона, Аристотеля и др. По мнению ученых, из достоинств каждого индивида складывается достоинство общества, поэтому, чем выше достоинство каждого члена общества, тем выше его достоинство в целом [9, с. 18]. Приведенный вывод, обобщающий точки зрения философов, говорит и о необходимости разъяснения содержания терминов для улучшения качества взаимоотношений в обществе в целом.

Переходя от историко-правового формирования воззрения на человеческое достоинство, будет правильно рассмотреть определение термина в словарях. О.Г. Дробницкий, например, характеризует достоинство как понятие морального сознания, выражающее представление о ценности личности в виде морального отношения человека к самому себе и общества к индивиду [10, с. 104–105]. В Белорусской юридической энциклопедии под достоинством понимается отражение оценки человека в его собственном сознании, т. е. самооценка личности [11, с. 404], приведенные толкования схожи и нуждаются в дополнениях.

Так, достоинство в «Юридическом словаре» определено как признание за человеком его ценности со стороны общества, уважительное отношение человека к самому себе, вне зависимости от его заслуг, признание его высшей ценностью [12, с. 195]. Более развернутую трактовку дает издание «Философия права. Краткий словарь»: этическая и естественно-правовая категория, обозначающая ценность человеческой личности, признаваемую как ею самой, так и ее социаль-

ным окружением [13, с. 101]. Оба толкования имеют общую содержательную составляющую, при этом неполно выражая всю его возможную регулятивную сущность.

О.В. Власова, например, понимание человеческого достоинства в праве определила как форму проявления самосознания и самоконтроля, на которых строится требовательность человека к самому себе. Оно тесно связано с совестью, ответственностью, честью. Достоинство предполагает овладение знаниями этики, индивидуальной и специальной психологии. Обладая достоинством, человек во имя самоуважения не допускает аморального, безнравственного поведения, уважительно относится к другим [14, с. 61]. Тем самым автор подтверждает необходимость наличия формализации термина в праве.

Таким образом, анализ взглядов философов и ученых позволяет сделать вывод о существовании двух подходов к определению понятия «человеческое достоинство»: широкого и узкого понимания. Первый определяет его как ценность человека для других людей, для общества независимо от его социального положения, профессии, расы, национальности и т. д. Второй – как оценку человеком себя как нравственной личности, значимой для других людей, для общества [15, с. 8]. Российский теоретик права И.Н. Штанько, практически объединив приведенные выше понимания термина, говорит о нем как о совокупности регулируемых правом и моралью общечеловеческих и личностных свойств индивида, характеризующих его самоуважение, ценность для близких лиц и общества [16, с. 9,10]. Как представляется, особенно при анализе термина «человеческое достоинство» закрепленного в ст. 17.3 КоАП, определение ученого является крайне содержательным.

Тем не менее изложенные определения, понятия и подходы в полном объеме не отражают всех необходимых элементов человеческого достоинства. Изучив различные подходы исследуемой этической категории, логично выделить два стержневых подхода.

1. Аксиологический. В данном случае человеческое достоинство – набор неотъемлемых прав самоидентифицируемого как личность человека, защищаемых и гарантируемых Конституцией и другими нормативными правовыми актами прав, не позволяющих обществу к нему относиться негативно. Человек ценен вне зависимости от возраста, пола, расы, религиозных предпочтений умений, навыков, заслуг и имущественного статуса.

2. Праксиологический. Здесь человеческое достоинство – совокупность личных качеств человека, приобретаемых им на протяжении жизни, которые позволяют ему выражать достойное поведение, что вызывает положительную оценку или уважение у окружающего общества и ответное проявление соответствующего поведения.

Наиболее общее и широкое определение оценочного понятия «человеческое достоинство» представлено Т.А. Хашем. Автор анализирует конституционно-правовой смысл признания, охраны и защиты человеческого достоинства, понимая под ним естественный и социально обусловленный феномен правосознания и человеческой культуры в целом, выступающий системообразующим элементом системы неотъемлемых, конституционно охраняемых и защищаемых прав и свобод человека, обладающий сложной психолого-правовой структурой и выражающийся в ценностно-мировоззренческих оценках и психологических переживаниях, сопряженных с самоощущением и самовосприятием личностью себя как человеческого индивидуума (представителя биологического вида), как конкретной личности (индивидуальное личностное достоинство) определенного пола, как представителя определенной социальной группы или общности, ценности самой этой общности (человеческое достоинство по признаку отношения к национальности, религии и (или) расе), с саморефлексией и этикопсихологическим восприятием и переживанием этой личностью отношения к себе со стороны других лиц [17, с. 42, 43]. Ключевыми понятиями в данной трактовке являются «самовосприятие» – процесс ориентировки человека в собственном внутреннем мире в результате самопознания и сравнения себя с другими людьми [18] и «самоощущение» – чувство, испытываемое человеком в зависимости от его физического или морального состояния [19]. Однако ученый в своей работе не касается рассмотрения волевого аспекта поведения человека, так как действие как достойное или противоположное оценивается только посредством совершенных поступков.

Исходя из системного подхода и современной юридической техники содержание термина «человеческое достоинство» должно обеспечивать не только ст. 17.3 и другие статьи КоАП, но и

вытекающие из нее уголовно-правовые и иные правоотношения, так как ст. 17.3 КоАП предусматривает (на что указывалось ранее) административную преюдицию по ст. 328² УК. Последнее вытекает из необходимости обеспечения единства белорусского законодательства и эффективного межотраслевого взаимодействия норм права, регулирующих однородные общественные отношения. Учитывая народность регулируемых правоотношений, определение должно быть ясным и понятным всем носителям прав и обязанностей; не содержать изолированных юридических терминов, используемых на уровне профессионального правосознания. Только таким образом эффективность его регулятивного воздействия достигнет ожидаемого результата.

Осмысление приведенных в статье научных источников и правоприменительной практики применительно к ст. 17.3 КоАП на основании проведенного анализа различных научных точек зрения и интерпретационной деятельности нормативных правовых актов позволяет сформулировать новую авторскую дефиницию «человеческое достоинство» для его единообразного толкования в правоприменительной деятельности Республики Беларусь.

Человеческое достоинство – этическая категория и охраняемая нормами права форма проявления сознания. Она является базовым элементом системы неотъемлемых равных конституционных прав и свобод каждого человека независимо от его пола, расы, национальности, возраста или социального статуса. Выражается данная категория в ценностно-мировоззренческих оценках, связанных с ощущением себя как личности определенного пола и представителя определенной социальной группы или общности, переживанием этой личностью ожидания справедливого отношения к себе со стороны других лиц ввиду необходимости соответствия проявляемого поведения, выработанными большинством общества и государством, в котором он пребывает, положительными социальными критериями, культурными традициями, нормами-обычаями, характерными для человека (неразрывно связано со способностью человека оценивать и соизмерять свои поступки с требованиями общества, подавлять в себе безнравственные стремления и намерения, препятствуя потери самоуважения). Традиция при этом понимается как сложившаяся у народа поведенческая привычка, передаваемая из поколения в поколение и отражающая специфику его менталитета.

Список использованных источников

1. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/>. – Дата доступа: 05.03.2018.
2. Шаракшанэ, С.А. Достоинство человека: опыт философско-антропологического осмысления / С.А. Шаркшанэ. – Ростов н/Д, 2007. – 27 с.
3. Протопопова, Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве / Т.В. Протопопова. – Красноярск, 2007. – 26 с.
4. О совершенствовании правоприменительной практики выявления, раскрытия и расследования преступлений по ст. 328² Уголовного кодекса Республики Беларусь : письмо М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Следств. ком. Респ. Беларусь от 22 апреля 2016 г. № 12/7698/24/9441. – Минск, 2016. – 4 с.
5. Ретнёва, Н.И. Толкование признака «состояние опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность» / Н.И. Ретнёва // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 апр. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Яскевич [и др.] – Минск, 2016. – 476 с.
6. Кант, И. Основы метафизики нравственности : соч. в 4 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – Т. 1. – 544 с.
7. Бандзеладзе, Г.Д. О понятии человеческого достоинства / Г.Д. Бандзеладзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1979. – 107 с.
8. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1956. – 690 с.
9. Дробышевский, С.А. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве / С.А. Дробышевский, Т.В. Протопопова. – М. : Проспект, 2015. – 175 с.
10. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1991. – 129 с.
11. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – Т. 1. – 600 с.
12. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М. : Ин-т новой экономики, 2007. – 1152 с.
13. Бачинин, В.А. Философия права. Краткий словарь / В.А. Бачинин, В.П. Сальников ; отв. ред. Ю.А. Сандулов. – СПб. : Лань, 2000. – 400 с.

14. Власова, О.В. Достоинство личности и нравственно-гуманистические аспекты проблемы наказания в праве / О.В. Власова // Вестн. Юг. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 4. – С. 59–64.
15. Перевозная, Е.В. Достоинство и честь / Е.В. Перевозная. – Минск : Нар. асвета, 1983. – 64 с.
16. Штанько, И.Н. Достоинство личности как правовое явление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.Н. Штанько. – Владимир, 2006. – 194 л.
17. Хашем, Т.А. Конституционно-правовой смысл признания, охраны и защиты человеческого достоинства / Т.А. Хашем // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Юрид. науки. – 2011. – Т. 3. – С. 42–46.
18. Краткий психологический словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/>. – Дата доступа: 05.03.2018.
19. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>. – Дата доступа: 05.03.2018.

Дата поступления в редакцию: 10.05.18

A.L. Fedarovich, Lecturer at the Department of Administrative Activity of the Department of Internal Affairs of the Militia Department of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE CONCEPT OF HUMAN DIGNITY OF SURVIVAL SCIENCE AND LEGISLATION ON THE EXAMPLE OF ARTICLE 17.3 OF THE ADMINISTRATIVE CODE

The administrative-delicthological problems of the application of Art. 17.3 of the Administrative Code. With the use of general scientific and private scientific methods, normative interpretations and law-enforcement practices are analyzed in relation to Part 1 and Part 3 of Art. 17.3 of the Administrative Code. Such previously unknown and normatively loose appraisal concepts of the state of alcohol intoxication, insulting human dignity and social morality, as human dignity and public morality are revealed. The content of human dignity is analyzed in detail and its definition is proposed.

Keywords: administrative responsibility, human dignity, antialcohol legislation, offense, alcohol intoxication, administrative and tort liability, bodies of internal affairs, the police, drunkenness, addiction, appraisal concept.

УДК 342.9

А.Л. Федорович, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: baxalex@yandex.ru);

И.В. Козелецкий, начальник кафедры управления внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Slonim_2009@tut.by).

ПРИЗНАКИ ПОВЕДЕНИЯ И ВНЕШНЕГО ВИДА СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ, ОСКОРБЛЯЮЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО И ОБЩЕСТВЕННУЮ НРАВСТВЕННОСТЬ (ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП)

Исследуются проблемы правоприменения ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП. На основе результатов проведенного социологического исследования и анализа действующего законодательства, изучения статистических сведений был выявлен пробел в правовом регулировании, заключающийся в отсутствии перечня, классификации и нормативного закрепления признаков поведения и внешнего вида лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность, необходимых для квалификации действий по ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП. Обосновывается необходимость их закрепления, предлагается авторская классификация.

Ключевые слова: признаки алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность, административная ответственность, антиалкогольное законодательство, правонарушения, алкогольное опьянение, административно-деликтная ответственность, ОВД, милиция, пьянство, алкоголизм, виктимность.

Сотрудники ОВД, ежедневно обеспечивая охрану общественного порядка, наиболее часто выявляют административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 17.3 КоАП. Так, из об-

щего количества административных правонарушений, зарегистрированных сотрудниками ОВД (3 915 140), в прошедшем году выявлено 287 514 правонарушений изучаемой группы, что составляет 7,3 % от общего массива зарегистрированных правонарушений.

Задачи сотрудников ОВД по выявлению и пресечению любых административных правонарушений предусмотрены ст. 2 Закона от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Одним из основных правонарушений, совершаемым в состоянии алкогольного опьянения, является квалифицируемое по ст. 17.3 КоАП «Распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения».

В рамках обозначенной темы интерес представляют ч. 1, 2 вышеуказанной статьи, так как именно в них состав правонарушения является предпосылкой к действию в виде появления в общественном месте или на работе в состоянии опьянения. Полномочия ОВД вести административный процесс по изучаемому правонарушению предусмотрены ч. 2 ст. 3.29 ПИКоАП.

Так, постановлением МВД от 1 марта 2010 г. № 47 «О наделении должностных лиц органов внутренних дел полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению» определен перечень субъектов ОВД, обладающих полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению. Самое большое число субъектов, ответственных за выявление и пресечение правонарушения, предусмотренного ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП, – это подразделения милиции общественной безопасности. В частности, ведущая роль по выявлению данного правонарушения отведена сотрудникам патрульно-постовой службы милиции и участковым инспекторам милиции исходя из их должностных обязанностей.

Для сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих охрану общественного порядка, пресекающих нарушения антиалкогольного законодательства, как и для лиц, в отношении которых действует ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП (именно в их конструкции присутствует «состояние алкогольного опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность»), важно знать и понимать признаки, сопутствующие состоянию опьянения.

Результаты опроса сотрудников подразделений милиции общественной безопасности Республики Беларусь (участковые инспекторы) и сотрудников специализированных изоляторов ОВД позволили обобщить и систематизировать признаки, необходимые для квалификации действий граждан, как нарушивших ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП, в части состояния алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность.

Лица, совершившие правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 17.3 КоАП, ввиду правовой неопределенности юридических терминов, необходимых для квалификации, могут быть привлечены к ответственности только при условии существования альтернативных признаков состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность. По этой причине, восполнив существующий правовой пробел, от граждан можно ожидать осмысленного контроля собственного поведения до и во время употребления алкоголя и иных психоактивных веществ, а от сотрудников ОВД – правильной квалификации действий граждан, нарушающих ст. 17.3 КоАП. Указанное и определило предмет проводимого исследования.

Так, в поведении изучаемое состояние алкогольного опьянения проявляется в действии или бездействии за исключением случаев, когда они образуют самостоятельный состав правонарушения, предусмотренный КоАП (см. табл.). Под признаками внешнего вида понимаются нарушение общепринятых в обществе правил ношения одежды и обуви, несоблюдение общепринятых правил к чистоте одежды. В.А. Круглов, например, в качестве квалифицирующих признаков изучаемой правовой нормы выделяет грязную одежду, вызывающую брезгливость и отвращение, а также утрату ориентировки – бесцельное нахождение на одном месте или передвижение с места на место; нарушение координации движений – неустойчивость, шатающуюся походку; полную беспомощность (лежит, сидит в бесчувственном состоянии) [1, с. 646]. Исследователь А.Б. Борисов, комментируя ст. 20.21 КоАП Российской Федерации «Появление

в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения», к состоянию, оскорбляющему человеческое достоинство и общественную нравственность, относит утрату способности самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, состояние, когда лицо может причинить вред окружающим и себе [2, с. 834]. Аналогичной точки зрения придерживается и Д.В. Гвоздев, изложив ее в комментарии к ст. 17.3 КоАП [3, с. 616]. В приведенных примерах признаки отражают поведение лица, находящегося в состоянии опьянения, как видится, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность частично, и по этой причине нуждаются в дополнении и совершенствовании.

Исходя из контекста изучаемой правовой нормы (ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП), анализа правоприменительной практики под состоянием опьянения, оскорбляющим человеческое достоинство и общественную нравственность, понимается совокупность обязательных признаков опьянения и альтернативных признаков поведения и (или) внешнего вида, отражающих объективную сторону правонарушения, типичных и характерных для поведения лица, употребившего алкогольные напитки, таким образом своими действиями оскорбляющего человеческое достоинство и нарушающего общественную нравственность.

Ключевым критерием в определении проявления альтернативных признаков состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность, является раскрытие объекта правонарушения, предусмотренного ст. 17.3 КоАП. Аналогичная белорусской норме ст. 20.21 КоАП РФ в качестве объекта административного правонарушения имеет в виду общественный порядок и общественную безопасность. Вообще традиционно объектом правонарушения является сфера отношений, указанных в главе, где располагается правовая норма. В гл. 17 КоАП Республики Беларусь не содержится в качестве объекта общественная безопасность. Тем не менее очевидно, что поведение правонарушителя, нарушившего изучаемую правовую норму, представляет угрозу именно для общественной безопасности, т. е. внешне кажущиеся для большинства обывателей не опасными лица (но опасные по сути) в состоянии среднего и тяжелого состояния алкогольного опьянения в Республике Беларусь изымаются сотрудниками ОВД, доставляются в медицинские учреждения или специализированные изоляторы ОВД. Спящий на земле человек в состоянии алкогольного опьянения, не мешающий проходу граждан, не может быть оставлен нарядом ОВД в таком состоянии, так как при рвотных позывах, вызванных алкогольной интоксикацией организма, он может захлебнуться, умерев от асфиксии; находящийся в беспомощном состоянии человек в зимнее время, допустив чрезмерное потребление спиртосодержащей продукции, при отрицательной температуре может умереть от обморожения. Отдельные случаи обморожения в состоянии алкогольного опьянения являются первопричиной ампутации у них конечностей. Оставшиеся в живых граждане после ампутации становятся инвалидами, являясь по своей безалаберности бременем для общества. Пешеход с шатающейся походкой ввиду передозировки спиртосодержащей жидкости, находясь у проезжей части и падая на нее, нарушив правила дорожного движения, может погибнуть на дороге или получить травму. Водитель транспортного средства, совершив наезд на такого пешехода, также будет вынужден претерпеть неблагоприятные для себя последствия ввиду оценки совершенных им действий и применения к нему мер уголовного права.

Нарушая человеческое достоинство и общественную нравственность, лицо пребывающее в состоянии алкогольного опьянения, практически не осмысливает собственное поведение. Как следствие, такие граждане неадекватно реагируют на критику без надлежащего переосмысления своего поведения и тактичного извинения перед окружающими их членами общества, выходят на новую стадию конфликта, выражаясь в ответ нецензурной бранью, произнося ругательства и оскорбления, в отдельных случаях позволяя и применение физической силы.

Изучаемая запрещающая норма выступает рубежом, переступив который, человек часто совершает иные противоправные действия. Также находящийся в состоянии алкогольного опьянения является притягательной жертвой для корыстно заинтересованных ситуационных преступников, преследующих цели обирания пьяных. И здесь важно, опираясь на научно выверенные и нормативно закреплённые поведенческие признаки, выявлять лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и обществен-

ную нравственность, временно изымать их из общества, предупреждая тем самым совершение противоправных действий.

Так, в 2002 и 2003 гг. на территории Первомайского района Минска сотрудниками ОВД проводился эксперимент. Его суть заключалась в том, что специально подготовленные лица, имитируя поведение находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения финансово обеспеченного и обездвиженного выпитым алкоголем человека, в местах скопления криминально ориентированного контингента (у отделов магазинов, реализующих алкогольные напитки, а также местах, где зафиксированы наиболее частые нарушения ст. 17.3 КоАП и преступления в отношении лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения) выявляли потенциально криминогенно настроенных граждан. Данный эксперимент показал, что имитирующие поведение пьяного лица всегда становились жертвами преступных посягательств. Как правило, в таких случаях совершались преступления, предусмотренные ст. 205–207 УК. Результатом проводимого сотрудниками ОВД эксперимента стало выявление интересной закономерности, заключающейся в том, что из совокупности вышеуказанных преступных деяний часть преступлений (ст. 205, 206 УК) совершалась лицами, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности и финансово-обеспеченными, что, по их мнению, было вызвано легким доступом к имуществу жертвы преступления и необеспеченностью его сохранности. Такие выявление и поимка преступников, нацеленных на легкую добычу, не нашли своего продолжения в дальнейшей правоприменительной деятельности ОВД, но позволили подтвердить выводы о существенной виктимной притягательности жертвы преступления, находящейся в состоянии алкогольного опьянения, для корыстно ориентированных граждан вне зависимости от их криминального прошлого. Также эксперимент позволил определить юристам направление совершенствования законодательства по предупреждению виктимного поведения лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Ввиду действительной опасности для социума особенно важно знать и понимать признаки состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность граждан. Именно они могут быть привлечены к ответственности, так как незнание закона не освобождает от ответственности. Восполнив существующий правовой пробел (определение и законодательное закрепление) искомых признаков, от граждан можно ожидать осмысленного контроля за своим поведением во время и после употребления алкоголя.

Итак, исходя из смысла изучаемой правовой нормы, под состоянием опьянения, оскорбляющим человеческое достоинство и общественную нравственность, понимается совокупность признаков опьянения, поведения и (или) внешнего вида, характерных сугубо для поведения лица, употребившего алкогольные напитки. В поведении указанное состояние проявляется в действии или бездействии, за исключением случаев, когда они образуют самостоятельный состав правонарушения, предусмотренного КоАП (см. табл.).

При принятии решения об оценке состояния и поведения граждан как лиц, находящихся в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и нравственность, требуется учитывать, что не все признаки опьянения, отраженные в вышеуказанном постановлении Совета Министров № 497, обязательны к отождествлению. Для квалификации достаточно нескольких из них, например, наличие запаха алкоголя изо рта для употребивших алкоголь и покраснение глаз, сужение или расширение зрачков глаз. Альтернативные признаки поведения и внешнего вида, исходя из названия, также необходимы для квалификации правонарушения, но при этом достаточно одного из указанных¹.

Представленные далее в таблице признаки с их классификацией и группировкой с 2015 г. были апробированы автором с разъяснением последующей для применения в практической деятельности некоторыми службами милиции общественной безопасности: участковыми инспекторами милиции ГУВД Мингорисполкома, УВД Минского района и сотрудниками всех специализированных изоляторов МВД.

Практическая реализация авторского предложения также видится в опубликовании вышеприведенных сгруппированных и классифицированных признаков в нормативных правовых актах Республики Беларусь, рекомендательно – в постановлении Пленума Верховного Суда и (или) в КоАП.

¹ Некоторые из указанных признаков были опубликованы в тезисах докладов научной конференции (2015 г.) [4].

Список использованных источников

1. Круглов, В.А. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2014. – 1072 с.
2. Борисов, А.Б. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) с постатейными материалами / А.Б. Борисов. – М. : Книжный мир, 2009. – 1120 с.
3. Василевич, Г.А. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г.А. Василевич [и др.] ; под ред. Г.А. Василевича, Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 1084 с.
4. Федорович, А.Л. О признаках пьяного вида в статье 17.3 Кодекса об административных правонарушениях / А.Л. Федорович // Актуальные проблемы обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь: теория и практика : материалы XVII Респ. науч.-практ. конф., Минск, 21 мая 2015 г. / УО «Воен. акад. Респ. Беларусь. – Минск : Воен. акад. Респ. Беларусь, 2015. – С. 76–78.

Дата поступления в редакцию: 26.04.18

A.L. Fedorovich, Lecturer of the Department of Administrative Activity of the Department of Internal Affairs of the Militia Department of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; I.V. Kozeletskiy, Head of the Department of Internal Affairs of the Faculty of Advanced Studies and Retraining of Leaders of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

BEHAVIOR AND APPEARANCE CHARACTERISTICS OF ALCOHOL INTOXICATION THAT INSULTS THE HUMAN DIGNITY AND PUBLIC MORALITY (Part 1, 3, Article 17.3 of the Code of Administrative Offenses)

Law enforcement issues of the Part 1, 3 of Art. 17.3 of the Code of Administrative Offenses have been investigated. Based on the results of the sociological research and analysis of the current legislation, and the study of statistical information, a gap has been revealed in the legal regulation, consisting in the absence of the list, classification and normative fixation of behavior and appearance characteristics of the persons in a state of alcohol intoxication, insulting human dignity and public morality, that are necessary for the qualification of the actions under Part 1, 3 of Art. 17.3 of the Administrative Code. The rationale for their fixing has been given, and after identification the author's classification has been presented.

Keywords: alcohol intoxication characteristics that insults human dignity and public morality, administrative responsibility, anti-alcohol legislation, offenses, alcohol intoxication, administrative and delictual liability, Internal Affairs Bodies, militia, drunkenness, alcoholism, drug addiction, victimality.

УДК 351.74

Р.Е. Чернецкий, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Minsk600@mail.ru)

КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА БОЕВОГО ОРУЖИЯ

Рассматриваются аспекты обеспечения безопасности функционирования административно-правового режима (АПР) боевого оружия. Выполнен структурный анализ составных элементов исследуемого понятия.

Ключевые слова: АПР, контроль, боевое оружие, государственные органы, наделенные правом применения боевого оружия.

АПР боевого оружия всегда являлся правовой категорией, требующей повышенного внимания, так как оружие, как таковое, предназначено для причинения телесных повреждений, вплоть до исключения из цепи детерминации объекта, в отношении которого оно применяется.

Национальное законодательство (Указ Президента от 30 августа 2002 г. № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь») устанавливает ограниченный перечень субъектов, наделенных правом применения, использования боевого оружия при исполнении служебных обязанностей. К числу данных субъектов относятся государственные воинские формирования и

военизированные организации, таможенные органы, органы прокуратуры и Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь.

Так, согласно Указу к государственным воинским формированиям и военизированным организациям относятся: Вооруженные Силы, органы пограничной службы, внутренние войска МВД, органы государственной безопасности, транспортные войска, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, Следственный комитет, Государственный комитет судебных экспертиз, ОВД, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям.

Рассматривая исследуемую проблематику с точки зрения конкретного правоприменителя в повседневной деятельности, необходимо выделить организационные аспекты, обеспечивающие безопасность функционирования АПР боевого оружия как такового в целом. Принимая во внимание суть АПР боевого оружия как совокупность административно-правовых норм, регулирующих деятельность установленных законодательством субъектов в сфере владения, пользования, распоряжения боевым оружием, с учетом эмпирического анализа деятельности ОВД по фактам обращения с оружием вполне оправдано определить организационные аспекты обеспечения безопасности функционирования АПР боевого оружия. К ним относятся меры, обеспечивающие безопасность оборота боевого оружия; обеспечивающие безопасность при обучении применению боевого оружия; обеспечивающие безопасность при обращении с боевым оружием во время исполнения служебных обязанностей.

Меры, обеспечивающие безопасность оборота боевого оружия. Согласно Закону Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии» оборот оружия – производство, реализация (в том числе продажа), передача во владение, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, транспортировка, перевозка, пересылка, использование, изъятие, уничтожение, а также ввоз оружия, его составных частей и компонентов, боеприпасов к нему на территорию Республики Беларусь и вывоз за ее пределы. При этом следует отметить, что законодатель при формировании видов деятельности, определяемых термином «оборот оружия», исходил из широкого понимания общественных отношений, возникающих в сфере оборота гражданского и служебного оружия, однако законодательно недопустимого либо неурегулированного в отношении к боевому оружию. Так, например, реализация (в том числе продажа) боевого оружия запрещена, в то же время часто возникающие в воинских формированиях обстоятельства (выдача и прием оружия) не нашли своего отражения в рассматриваемом определении. В свою очередь, учет, хранение, ношение, транспортировка боевого оружия в виду специфики субъекта его использования имеют существенные отличия от гражданского и служебного.

В связи с изложенным видится использование термина «оборот оружия» по отношению к боевому оружию неточным в широком смысле его понимания, подтверждением чему является действие Указа Президента от 30 сентября 2002 г. № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь». Действием данного нормативного правового документа определен порядок оборота оружия и боеприпасов к нему в отношении субъектов, наделенных правом применения, использования боевого оружия при исполнении служебных обязанностей. Установленный порядок оборота оружия имеет существенные отличия от порядка оборота служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь.

Таким образом, ввиду законодательно установленных разграничений в порядке оборота боевого, служебного и гражданского оружия между субъектами, наделенными правом его использования, употребление термина «служебный оборот оружия» по отношению к государственным воинским формированиям и военизированным организациям, таможенным органам, органам прокуратуры и Государственной инспекции охраны животного и растительного мира представляется обоснованным.

Исследуя основные положения национального законодательства (Закон об оружии, Приказ Председателя Следственного комитета от 2 августа 2012 г. № 222 «Об утверждении Инструкции о порядке получения, учета, эксплуатации, хранения и списания вооружения и специальных средств в Следственном комитете Республики Беларусь, а также хранения и ношения оружия со-

трудниками Следственного комитета Республики Беларусь», приказ министра внутренних дел от 29 декабря 2012 г. № 470 «Об утверждении Инструкции об организации работы с вооружением в органах внутренних дел Республики Беларусь», Приказ Государственного пограничного комитета от 12 ноября 2012 г. № 555 «Об утверждении Инструкции по артиллерийско-техническому обеспечению органов пограничной службы», Приказ МВД от 1 января 2009 г. № 303 «Об утверждении Инструкции о мерах безопасности при обращении с оружием и боеприпасами во время несения службы сотрудниками органов внутренних дел»), регламентирующие оборот оружия в воинских формированиях и военизированных организациях, можно выделить общие элементы обеспечения его служебного оборота (оружия):

обеспечение подразделений вооружением;

организация хранения вооружения в соответствии с установленными правилами;

обеспечение учета и отчетности вооружения;

обеспечение приема, выдачи вооружения;

обеспечение контроля за организацией учета, наличия, технического состояния, хранения вооружения, ведения эксплуатационной документации, а также правильности списания израсходованных боеприпасов при выполнении задач;

анализ технического состояния вооружения;

ремонт вооружения, вышедшего из строя;

списание и уничтожение (утилизация) вооружения.

Таким образом, руководствуясь действующим законодательством, используя юридическое обобщение, понятие «служебный оборот оружия» следует понимать как деятельность субъектов, наделенных правом применения, использования боевого оружия при исполнении служебных обязанностей, направленную на обеспечение учета, хранения, выдачи, транспортировки, обслуживания, эксплуатации, ремонта, категорирования и уничтожения оружия. Перечисленный комплекс мероприятий по правовой сути относится к контрольно-надзорной деятельности и урегулирован ведомственными нормативными правовыми актами.

Неправомерные действия с боевым оружием обоснованно свидетельствуют о важности отдельных элементов его служебного оборота: приема и выдачи. Критический подход к оценке ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, позволяет предложить способы повышения эффективности служебной деятельности и не допускать выявленных эмпирическим анализом противоправных действий.

Рассматривая выдачу, прием оружия как составную часть его служебного оборота, необходимо отметить, что ведомственное регулирование данных элементов не содержит ограниченную (обоснованную) последовательность, порядок действий при обслуживании оружия во время их выполнения. Не предусмотрено при этом и наличие специального оборудования, обеспечивающего безопасность приема и выдачи. Обозначенные пробелы на практике оборачиваются регистрируемыми фактами неосторожного причинения вреда здоровью.

Проведенный анализ аспектов обеспечения безопасности функционирования АПР боевого оружия свидетельствует, что причиной непреднамеренного выстрела (разрыва патрона) в процессе приема, выдачи оружия является нарушение последовательности действий, а также отсутствие специального оборудования, обеспечивающего безопасность его обслуживания. Для совершенствования обозначенного направления служебной деятельности предлагается реализовать следующее:

внедрить использование в местах приема, выдачи оружия оборудования, обеспечивающего безопасность его обслуживания. Оборудование, обеспечивающее безопасное разряжение магазинов, представляет собой специальное приспособление, исключающее неконтролируемое механическое воздействие на боеприпасы и, как следствие, их разрыв. Обслуживание длинноствольного оружия в процессе его приема и выдачи осуществляется при помощи пулеулавливателя, конструкция которого исключает его использование с присоединенным магазином;

нормативно урегулировать порядок обслуживания боевого оружия при его приеме и выдаче. Последовательность обслуживания короткоствольного оружия (пистолетов) при его выдаче: принимается подставка с оружием у лица, ответственного за хранение вооружения; оружие с подставки помещается в кобуру; снаряжаются магазины, после чего помещаются в места

их расположения способом, исключающим извлечение оружия из кобуры. Последовательность обслуживания короткоствольного оружия (пистолетов) при его приеме: извлекаются магазины с патронами способом, исключающим извлечение оружия из кобуры; безопасным способом (в том числе с использованием специального оборудования) разряжаются магазины, помещаются на подставку; формируются все ячейки хранения боеприпасов (исключается наличие свободных ячеек); извлекается пистолет из кобуры и помещается на подставку; подставка передается должностному лицу, ответственному за хранение вооружения;

установить функциональные обязанности лиц, обеспечивающих безопасность приема, выдачи боевого оружия. Должностные лица, на которых возложены функции по обеспечению контроля приема, выдачи оружия, обязаны: заблаговременно прибыть к месту приема, выдачи вооружения с целью проверки (обеспечения) готовности должностных лиц, ответственных за его хранение, к приему, выдаче оружия, а также необходимого для этого оборудования; обеспечивать численность сотрудников в месте приема, выдачи вооружения в соответствии с установленной пропускной способностью; не допускать к приему, выдаче оружия лиц, не укомплектованных установленным снаряжением; не допускать (своевременно реагировать) нарушения мер безопасности при обращении с оружием, принимать меры к недопущению (устранению) общественно опасных последствий.

Меры, обеспечивающие безопасность при обращении с боевым оружием во время исполнения служебных обязанностей. Оперативно-служебная деятельность государственных органов при исполнении служебных обязанностей с использованием боевого оружия подлежит правовой оценке на предмет соответствия нормативно установленному порядку, условиям и основаниям его применения и использования. В связи с чем меры безопасности при обращении с боевым оружием, а также условия, порядок его применения (использования) во время исполнения служебных обязанностей подлежат рассмотрению как единое целое.

Институт административно-правового принуждения в случае использования боевого оружия, учитывая значимость, которая обусловлена возможностью вторжения в конституционно охраняемые права граждан, определяет установленный порядок, условия и основания применения оружия.

Так, национальное законодательство основывается на международных правовых нормах, что включает: Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.), Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г.), Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.). Таким образом, законодательство Республики Беларусь в полной мере содержит требования международно-правовых нормативных документов в части соблюдения прав и свобод граждан и нормы, учитывающие особенности функционирования национальной правовой системы.

К общим правовым принципам законодательства Республики Беларусь в сфере условий и порядка применения боевого оружия относятся следующие:

применяется в случаях, когда иным способом выполнить возложенные обязанности не представляется возможным, за исключением случаев, когда промедление в его применении может повлечь необратимые последствия;

должностные лица обязаны предупреждать о намерении применить оружие, предоставляя тем самым возможность правонарушителю отказаться от противоправных действий;

если избежать применения оружия невозможно, должностные лица обязаны стремиться причинить наименьший вред жизни, здоровью, чести, достоинству и имуществу граждан;

должностные лица обязаны принять меры по немедленному оказанию пострадавшим медицинской и иной необходимой помощи;

должностные лица в случае причинения вреда здоровью должны незамедлительно сообщить об обстоятельствах в органы надзора за законностью;

запрещено применять в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения

указанными лицами вооруженного либо группового нападения или иных действий, угрожающих жизни или здоровью граждан.

Рассматривая изложенные в законодательстве принципы применения боевого оружия, можно определить сферу их реализации на различных этапах возможного применения. Так, можно выделить правовой порядок действий должностных лиц перед применением оружия, во время применения и после его применения. Исходя из этого представляется целесообразным рассмотреть организационные аспекты обеспечения правомерности и безопасности действий с боевым оружием в указанном порядке.

Порядок действий должностных лиц перед применением оружия:

оценить сложившуюся обстановку, выявить потенциально опасные факторы для использования способов пресечения правонарушения, исключающих применение (использование) оружия;

при возникновении условий, не исключающих применение (использование) оружия, принять меры для приведения его в боевую готовность. Для этого извлечь оружие из кобуры (перевести в положение «к бою» для автоматического оружия), выключить предохранитель, дослат патрон в патронник, «управляющий» палец находится вне спускового крючка.

При этом следует отметить, что для некоторых видов оружия (например, пистолет Макарова), если обстоятельства происходят в условиях неочевидности и предполагают определенную двигательную активность, целесообразно после приведения оружия в боевую готовность включить и выключить предохранитель (в безопасном направлении). В таком положении для производства выстрела понадобится значительно большее по силе нажатие на спусковой крючок, что, в свою очередь, позволит обеспечить безопасность при активной мышечной деятельности, минимизировать вероятность случайного выстрела и в то же время при необходимости безопасно применить оружие.

Порядок действий должностных лиц во время применения оружия (необходимый в случае немедленного пресечения правонарушения): предупредить лицо, совершающее противоправное деяние, о намерении применить оружие. При этом необходимо отметить, что законодательно способ предупреждения не установлен. В зависимости от складывающейся обстановки может быть подана команда, например: «Милиция. Не двигаться, буду стрелять!». Данная команда должна подаваться громко, с восклицанием, низким тембром голоса. В исключительных случаях, в том числе и когда промедление с применением оружия может повлечь тяжкие последствия (оценивается степень тяжести преступления, личность нарушителя, наличие посторонних лиц, возможность рикошета, степень прочности ограждающих конструкций и т. д.), для деморализации преступника необходимо продемонстрировать неотвратимость пресечения правонарушения и принудить к отказу от противоправных действий, произведя выстрел в землю перед преступником не ближе трех метров или в ином безопасном направлении;

в случае применения оружия в отношении правонарушителя. С учетом складывающейся обстановки произвести выстрел в область конечностей. При продолжении активных вооруженных действий, угрожающих жизни и здоровью, продолжить применение оружия в туловище. При этом следует избегать огневого поражения головы, шеи, грудной и паховой области.

Порядок действий должностных лиц после применения оружия: оказать правонарушителю медицинскую и иную помощь при необходимости. Быть готовым к отражению нападения со стороны соучастников правонарушения. Соблюдая меры личной безопасности, приблизиться к правонарушителю, исключить его доступ к оружию (изъять оружие, обеспечивая возможность криминалистической фиксации следов). При необходимости принимаются меры к обездвиживанию правонарушителя. В условиях, исключающих дальнейшее применение оружия, включить предохранитель (в безопасном направлении) и положить оружие в кобуру. Соблюдая меры личной гигиены, принять меры к остановке кровотечения при его наличии. Вызвать скорую медицинскую помощь. Сообщить в территориальные ОВД об обстоятельствах случившегося. Принять меры к охране места происшествия, в том числе исключить доступ посторонних лиц к телу (за исключением медицинского персонала);

при сдаче оружия необходимо провести криминалистическое исследование оружия. Разряжание и чистка оружия не производится. Оружие передается в кобуре лицу, ответственному за хранение вооружения с обязательным предупреждением о заряженном состоянии оружия.

При наличии признаков неправомерного применения оружия оно изымается должностным лицом, ответственным за проведение проверки (документирования), прибывшем на место происшествия по данному факту;

при составлении рапорта указать время, место, правовые и фактические обстоятельства применения оружия. Указать возможных очевидцев произошедшего, количество израсходованных боеприпасов.

Дата поступления в редакцию: 14.04.18

R.E. Charnetski, Senior Teacher of Department of Tactical and Special Preparation of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONTROL IN THE SPHERE OF FUNCTIONING OF THE ADMINISTRATIVE-LEGAL REGIME OF MILITARY WEAPONS

The aspects of ensuring the safety of the functioning of the administrative-legal regime of combat weapons are considered. A structural analysis of the investigated concept of its constituent elements is performed.

Keywords: administrative legal regime, control, combat weapons, state bodies endowed with the right to use military weapons.

УДК 342.92

*А.А. Шабан, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: sashaban82@mail.ru)*

КОМПЕТЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Проводится анализ компетенции государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. Сформулированы предложения по совершенствованию деятельности в рассматриваемой области и оптимизации системы данных инспекций.

Ключевые слова: компетенция, государственная инспекция, безопасность движения и эксплуатация транспорта (БДиЭТ).

Сфера БДиЭТ является одной из наиболее значимых и касается интересов как отдельной личности, так и государства в целом. Отличается она значительным количеством совершаемых правонарушений, что обуславливает необходимость повышения эффективности контроля (надзора) за соблюдением требований соответствующих норм права и актуализирует разработку проблем деятельности выполняющих данную функцию государственных инспекций.

В этой связи первостепенное значение имеет исследование компетенции указанных инспекций, которое позволит определить место и роль каждой из них и выработать на этой основе предложения по оптимизации и совершенствованию их деятельности.

Сегодня функцию контроля (надзора) за соблюдением норм права в сфере БДиЭТ в Республике Беларусь осуществляют шесть государственных инспекций: государственная автомобильная инспекция (ГАИ МВД), военная автомобильная инспекция Министерства обороны (ВАИ Минобороны), главная государственная инспекция по надзору за техническим состоянием машин и оборудования Министерства сельского хозяйства и продовольствия (инспекция гостехнадзора Минсельхозпрода), транспортная инспекция Министерства транспорта и коммуникаций (транспортная инспекция Минтранса), государственное учреждение «Белорусская инспекция речного судоходства» (БИРС Минтранса), государственное учреждение «Государственная инспекция по маломерным судам» (ГИМС МЧС). Каждая из указанных инспекций выполняет свою роль, определяемую рамками установленной компетенции, потому как устанавливая компетенцию каждого из органов, государство тем самым производит разделение труда между ними [1, с. 12].

Так, компетенция ГАИ в сфере БДиЭТ определена в ст. 11 Закона Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-З «О дорожном движении» и подп. 9.15 п. 9 Положения о Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденном

постановлением Совета Министров от 31 декабря 2002 г. № 1851 (далее – Положение). В соответствии с указанными нормативными правовыми актами данная инспекция осуществляет контроль за соблюдением законодательства в области дорожного движения; проводит государственную регистрацию и государственный учет транспортных средств (за исключением колесных тракторов и прицепов к ним), прием квалификационных экзаменов на право управления механическим транспортным средством и выдачу водительских удостоверений (за исключением колесного трактора), а также учет ДТП; анализирует организацию дорожного движения и принимает меры по ее совершенствованию и др.

Кроме того, в соответствии со ст. 11 Закона о дорожном движении ГАИ наделяется специальной компетенцией в рассматриваемой сфере по реализации функций межотраслевого управления, выражающихся в согласовании маршрутов движения тяжеловесных и крупногабаритных транспортных средств, открытии и изменении маршрутов перевозки пассажиров в регулярном сообщении, маршрутов, по которым осуществляется обучение управлению механическим транспортным средством, единых программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации водителей механических транспортных средств, самоходных машин и лиц, обучающихся управлению ими, а также учебно-программной документации образовательных программ общего среднего образования в части обучения безопасному поведению на дорогах; выявлению в пределах своей компетенции причин и условий, способствующих нарушению ПДД, совершению ДТП и принятии своевременных мер по координации действий государственных органов и иных организаций по устранению таких причин и условий; в соответствии с подп. 10.10 п. 10 Положения – организацией и осуществлением межведомственного взаимодействия в области обеспечения безопасности дорожного движения, участия в работе комиссий по безопасности дорожного движения и др.

Анализ указанных полномочий позволяет выделить три основных направления деятельности ГАИ в сфере БДиЭТ: контрольное (осуществление контроля за соблюдением законодательства, регистрацией транспорта, выдачей водительских удостоверений и др.); учетно-аналитическое (учет ДТП, выявление причин и условий, способствующих их совершению, нарушению ПДД); координационное (принятие мер по координации определенных действий государственных органов в данной сфере, а также организации их взаимодействия). Все направления при этом согласуются с правовым статусом МВД (ст. 11 Закона о дорожном движении; подп. 9.15 п. 9 Указа Президента от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел», в структуре которого находится рассматриваемая инспекция).

Так, инспекция гостехнадзора осуществляет надзор за техническим состоянием тракторов, прицепов и полуприцепов к ним, мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин и оборудования; проводит регистрацию и учет, а также технические осмотры указанной техники и оборудования; принимает экзамены по ПДД, технической эксплуатации и навыкам практического вождения тракторов, самоходных мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин и выдает удостоверения на право управления указанной техникой; контролирует выполнение предприятиями, учреждениями и организациями необходимых мероприятий по предупреждению ДТП, соблюдение правил технической эксплуатации и содержание в исправном состоянии тракторов, прицепов и полуприцепов к ним, мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин.

Анализ полномочий инспекции гостехнадзора показывает, что они аналогичны полномочиям ГАИ и в определенной степени дублируются. Как отмечалось выше, инспекция гостехнадзора осуществляет надзор за техническим состоянием находящихся в эксплуатации тракторов, прицепов и полуприцепов к ним, мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин и оборудования (п. 4 постановления Совета Министров от 18 июня 1992 г. № 377 «О государственном надзоре за техническим состоянием тракторов, мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин и оборудования»). В рамках своей компетенции данную функцию выполняет и ГАИ при осуществлении контроля за соответствием ПДД технического состояния транспортных средств, самоходных машин, участвующих в дорожном движении (подп. 10.1 п. 10 Положения).

Кроме того, инспекция гостехнадзора входит в структуру Минсельхозпрода и осуществляет контрольные (надзорные) полномочия в отношении объектов, подчиненных данному органу государственного управления, что в определенной мере указывает на их отраслевую принадлежность и заинтересованность. Подтверждением является то, что должностные лица указанной инспекции находятся в отношениях субординационной подчиненности в вертикали «Минсельхозпрод – инспекция гостехнадзора», что влечет за собой их линейную и функциональную зависимость, отвлечение на решение общеведомственных задач, децентрализацию кадрового потенциала и финансового обеспечения, что, как следствие, снижает уровень специализации и независимости в реализации функций контроля (надзора) в обозначенной сфере.

Исследование показывает, что функции инспекции гостехнадзора не соответствуют целевому назначению Минсельхозпрода, состоящему в реализации единой государственной политики, осуществлении государственного управления и регулирования в области сельского хозяйства (п. 3 постановления Совета Министров от 29 июня 2011 г. № 867 «О некоторых вопросах Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь»). Иными словами, их деятельность связана с выполнением несвойственных функций для указанного субъекта и предполагает их организационно-структурное перераспределение. Обусловлено сказанное тем, что компетенция данной инспекции соответствует административно-правовому статусу МВД в сфере БДиЭТ, которое организует и осуществляет контроль за соблюдением законодательства в области дорожного движения и обеспечения его безопасности с определением форм и методов такого контроля относительно выполнения участниками дорожного движения требований ПДД, государственной регистрацией и государственным учетом транспортных средств, выдачей водительских удостоверений; осуществляет выявление причин и условий, способствующих нарушению ПДД, совершению ДТП, и принятие мер по их устранению и др. (ст. 11 Закона о дорожном движении, подп. 9.15 п. 9 Указа).

Следовательно, функции инспекции гостехнадзора не согласуются с функциями, возложенными на Минсельхозпрод, в структуре которого она находится, так как последний реализует единую государственную политику в осуществлении государственного управления и регулирования в области сельского хозяйства, а также дублируют ряд функций ГАИ. В этой связи представляется целесообразным возложить указанные полномочия на ГАИ. Подтверждением обоснованности выработанных в ходе настоящего исследования предложений являются как результаты научных исследований [2, с. 54–55; 3, с. 97; 4, с. 17], так и политика по оптимизации госаппарата, проводимая в Республике Беларусь.

Таким образом, дублирование функций ГАИ и инспекции гостехнадзора, особенности административно-правового статуса Минсельхозпрода, характер возложенных на него отраслевых задач, характер компетенции инспекции гостехнадзора, недостаточный уровень его функциональной специализации и независимости обуславливают необходимость проведения организационной реструктуризации в системе государственных инспекций в области БДиЭТ путем упразднения инспекции гостехнадзора с возложением выполняемых ею функций на ГАИ.

Предлагаемый подход позволит закрепить организационное обособление функции контроля в указанной сфере; повысить уровень функциональной специализации ее осуществления; уменьшить число звеньев управления и снизить количество координационных связей; укрепить межотраслевое взаимодействие и обеспечить централизацию общегосударственных подходов к контролю за БДиЭТ.

При этом следует отметить, что полномочия транспортной инспекции, а также БИРС переданы целевым назначением Минтранса, которое состоит в осуществлении государственного регулирования и управления в области автомобильного, морского, внутреннего водного, железнодорожного, городского электрического транспорта и метрополитена, а также гражданской авиации (п. 3 постановления Совета Министров от 31 июля 2006 г. № 985 «Вопросы Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь»).

Так, транспортная инспекция осуществляет контроль за: соблюдением производителями транспортных работ и услуг законодательства о транспортной деятельности, требований безопасности и экологических требований при эксплуатации транспорта, выполнением перевозок по территории Республики Беларусь (контроль за осуществлением транспортной деятельно-

сти), выполнением международных автомобильных перевозок, проездом тяжеловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств, состоянием объектов транспортной деятельности, организацией обеспечения безопасности транспортной деятельности, авиационной безопасности и безопасности полетов; участвует в разработке и согласовании проектов, программ, технических условий, связанных с осуществлением транспортной деятельности; проводит анализ выявленных нарушений законодательства при осуществлении транспортной деятельности, разрабатывает мероприятия по их предотвращению (п. 5 постановления Совета Министров от 4 сентября 2002 г. № 1218 «О создании Транспортной инспекции Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь»).

Таким образом, деятельность транспортной инспекции непосредственно связана с обеспечением БДиЭТ и осуществляется по трем направлениям: контрольное, участие в техническом нормировании, аналитическое.

В свою очередь, БИРС осуществляет контроль за безопасностью судоходства на внутренних водных путях Республики Беларусь, выполнением путевых работ и работ по содержанию судоходных гидротехнических сооружений, а также государственную регистрацию самоходных судов внутреннего плавания (п. 12 Устава Государственного учреждения «Белорусская инспекция речного судоходства», утвержденного приказом Минтранса от 14 февраля 2008 г. № 57-Ц «О создании государственного учреждения «Белорусская инспекция речного судоходства» и утверждении его Устава»). Таким образом, БИРС является органом по безопасности судоходства, основным функциональным назначением которого является осуществление контроля за деятельностью в области речного судоходства, как видом транспортной деятельности.

Проведенное исследование показывает, что деятельность БИРС охватывается полномочиями транспортной инспекции, осуществляющей контроль транспортной деятельности в целом, в связи с чем целесообразным видится объединение данных инспекций (путем включения БИРС в состав транспортной инспекции).

ГИМС осуществляет контроль за безопасностью судоходства маломерных судов, а также за эксплуатацией этих судов и баз для их стоянок; проводит государственную регистрацию и техническое освидетельствование данных судов; организует обучение и проверку знаний гражданами правил управления моторными маломерными судами и выдает удостоверения на право управления данными транспортными средствами (п. 2 Указа Президента от 25 июня 2013 г. № 332 «Об отдельных вопросах функционирования государственной инспекции по маломерным судам и внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь»). Таким образом, деятельность ГИМС является схожей с деятельностью БИРС, охватывается полномочиями транспортной инспекции и соответствует целевому назначению Минтранса.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что рассматриваемая инспекция входит в структуру МЧС, основным назначением которого является регулирование и управление в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности (п. 1 Указа Президента от 29 декабря 2006 г. № 756 «О некоторых вопросах Министерства по чрезвычайным ситуациям»). В этой связи видится логичным переподчинить ГИМС Минтрансу и включить ее в состав транспортной инспекции.

ВАИ организует мероприятия по предупреждению ДТП с участием транспортных средств и самоходных машин, принадлежащих Минобороны; проводит государственный технический осмотр, а также государственную регистрацию и учет данных транспортных средств; осуществляет контроль за выполнением в Вооруженных силах законодательства Республики Беларусь по вопросам БДиЭТ и др. (п. 12, 13 Приказа начальника Генерального штаба Вооруженных сил – Первого заместителя министра обороны Республики Беларусь от 7 августа 2014 г. № 326 «Об утверждении положения о Военной комендатуре Вооруженных Сил и военных комендатурах»), что обусловлено спецификой задач Минобороны и является необходимым условием для их эффективного выполнения.

Итак, анализ компетенции инспекций в сфере БДиЭТ позволяет сделать вывод о необоснованной множественности количества данных инспекций, дублировании выполняемых ими функций, несоответствии отдельных инспекций (инспекция гостехнадзора, ГИМС) назначению органов государственного управления, в структуре которых они находятся.

Для устранения указанных недостатков вполне обоснованно упразднить инспекцию гостехнадзора и возложить выполняемые ею функции на ГАИ; включить БИРС в состав транспортной инспекции; переподчинить ГИМС Минтрансу и включить ее в состав транспортной инспекции.

Итак, проведенное исследование позволяет определить наиболее оптимальную систему инспекций, осуществляющих контроль за соблюдением норм права в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, которая должна включать три инспекции (вместо шести действующих): ГАИ МВД, транспортную инспекцию Минтранса, ВАИ Минобороны.

Предлагаемая система инспекций позволит исключить дублирование и параллелизм в их деятельности; обеспечить повышение эффективности, функциональной специализации и независимости в осуществлении контроля (надзора); снизить количество координационных связей; укрепить межотраслевое взаимодействие, что в совокупности позволит сократить государственные расходы, связанные с выполнением функций в сфере БДиЭТ.

Список использованных источников

1. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев ; Акад. наук СССР ; Ин-т гос-ва и права. – М. : Юрид. лит. – 1972. – 280 с.
2. Зиновенко, В.В. О совершенствовании деятельности Минсельхозпрода в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / В.В. Зиновенко // Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Семенкова, Минск, 11 дек. 2015 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. ; редкол.: С.М. Сивец [и др.] – Минск : Ин-т радиологии, 2015. – С. 53–55.
3. Ключевые процессы в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения на уровне субъектов Российской Федерации : бюл. № 9 / под общ. ред. В.Н. Кирьянова, Б.Е. Циклиса ; МВД Рос. Федерации, Департамент обеспечения безопасности дорож. движения МВД Рос. Федерации. – М. : [б. и.], 2010. – 160 с.
4. Кармолицкий, А.А. Административно-правовое регулирование надведомственных полномочий государственных инспекций / А.А. Кармолицкий. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 83 с.

Дата поступления в редакцию: 07.02.18

A.A. Shaban, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

COMPETENCE OF THE STATE INSPECTORATES IN THE SPHERE OF SAFETY OF TRAFFIC AND EXPLOITATION OF TRANSPORT

The analysis of the competence of the state inspectorates in the sphere of traffic safety and transport exploitation is being carried out. Proposals to improve the activities in the area under consideration and optimize the system of these inspectorates are formulated.

Keywords: competence, state inspectorates, traffic safety and transport exploitation.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.233 + 343.985

В.М. Веремеенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: vitalik.VVM@yandex.ru);

Н.Н. Хмель, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ДОПУСТИМЫХ ПРЕДЕЛОВ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРЕБЫВАНИИ СРЕДИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ЗАДАНИЮ

Рассматриваются отдельные дискуссионные вопросы правовой регламентации и допустимых пределов противоправного поведения при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию и вытекающая на этой основе связь данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, с таким оперативно-розыскным мероприятием (ОРМ), как оперативное внедрение. Предлагается авторское видение совершенствования ст. 38 УК Республики Беларусь в рамках рассматриваемого вопроса. Анализируются противоречия, возникающие при толковании и применении исследуемой уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию, оперативное внедрение, обстоятельства, исключающие преступность деяния, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, крайняя необходимость, деяние, связанное с риском.

Во многих случаях осуществление ОРД является единственным способом выявления и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и их задержания. Общие правовые основы этой деятельности определены Законами от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, в соответствии со ст. 24 Закона об ОВД для выполнения возложенных на ОВД задач в пределах компетенции им предоставляется право на осуществление ОРД. А в соответствии со ст. 7 указанного Закона граждане могут добровольно участвовать в решении задач, стоящих перед ОВД, в том числе на конфиденциальной основе, в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

На практике возникают ситуации, когда для решения задач, стоящих перед ОВД, граждане и сотрудники ОВД подвергаются определенному риску, в том числе и риску вынужденного совершения деяний, подпадающих под признаки уголовно наказуемых. Преследуя общественно полезные цели, эти лица становятся субъектами преступлений и подлежат уголовной ответственности. Отсюда обоснованно встает вопрос о совмещении правовой защиты данных лиц и выполнения задач, возложенных на ОВД, по противодействию преступным посягательствам. Впервые такие правовые гарантии нашли законодательное закрепление в Законе от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности» и получили свое развитие и закрепление уже в Законе об ОРД 2015 г., где в ст. 19 указывается, что должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданином, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, гражданином, привлеченным органом, осуществляющим ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участвующим в нем, при проведении ОРМ может быть вынужденно причинен вред правоохраняемым интересам в случаях и порядке,

предусмотренных актами законодательства об ОРД. Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращаемый.

Особая правовая природа причинения вреда при названных выше обстоятельствах позволяет говорить о значимой роли в защите лиц, участвующих при проведении ОРД, практики использования и применения уголовного законодательства, его норм и институтов. К числу последних относится институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, который нашел законодательное закрепление в гл. 6 УК.

Вопросам, касающимся обстоятельств, исключающих преступность деяния, в науке уголовного права в разное время уделялось достаточно внимания целой плеядой ученых (В.А. Блинников, Ю.В. Баулин, Г.В. Бушуев, Л.Д. Гринберг, В.Л. Зуев, С.Г. Келина, А.Н. Красиков, С.Ф. Милюков, В.В. Мороз, В.В. Орехова, С.В. Пархоменко, Н.Н. Паше-Озерский, А.Н. Попов, Э.А. Саркисова, И.И. Слуцкий, И.С. Тишкевич, В.И. Ткаченко, П.С. Яни и др.). Однако до настоящего времени в понимании и оценке некоторых из указанных обстоятельств нет единства мнений. Кроме того, в теории уголовного права пока еще малоисследованным является обстоятельство: пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию, появление которого в УК было случайным и обусловлено потребностями ОРД.

Сегодня указанное обстоятельство тесно и неразрывно связано с ОРД, а практически реализуется при проведении оперативного внедрения. В теории ОРД отдельные аспекты оперативного внедрения рассматривались в работах А.И. Алексеева, И.И. Басецкого, В.Г. Боброва, Д.В. Гребельского, А.М. Ефремова, А.Г. Лекаря, В.И. Михайлова, Д.В. Ривмана, А.Ю. Шумилова и др.

Существуя во взаимосвязи почти 20 лет, два названных правовых явления в силу возникающих противоречий в их толковании и применении обусловили необходимость более детального их исследования.

Так, в Законе об ОРД (ст. 33) определяется понятие оперативного внедрения, как проникновение должностного лица органа, осуществляющего ОРД, или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, в окружение гражданина или среду граждан для получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Такое проникновение и нахождение в преступной среде этих лиц для предупреждения, выявления и (или) пресечения преступлений часто по очевидным обстоятельствам может быть связано с совершением ими противоправных деяний. Преследуя общественно полезные цели, они могут быть вынуждены совершить то или иное преступление. По этой причине государство со своей стороны должно гарантировать защиту данной категории лиц. И здесь исключительное значение имело включение в УК 1999 г. ст. 38, в которой впервые в истории белорусского уголовного законодательства было сформулировано положение о том, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступлений и действуя с другими участниками, вынужденно совершит преступление.

Таким образом, с принятием УК 1999 г. норма о пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию получила самостоятельное законодательное закрепление. Однако по ряду аспектов рассматриваемой темы среди ученых и правоприменителей отсутствует единое мнение, существует ряд проблем и противоречий по применению данной нормы, требующих своего разрешения. Так, одним из наиболее дискуссионных в теории уголовного права является вопрос об отнесении предусмотренного ст. 38 УК обстоятельства к исключающему преступность деяния.

Итак, гл. 6 УК, в которой содержится в том числе и ст. 38, называется «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». Но пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию видится «выбивающимся» из перечня обстоятельств, включенных в нее. Относительно других обстоятельств, содержащихся в гл. 6 УК (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, деяние, связанное с риском, исполнение приказа или распоряжения), прямо указывается, что они не являются преступлениями, т. е. разрешены законом и не являются противоправными. В отношении рассматриваемого обстоятельства следует сказать, что оно к таковым не относится, что следует из факта констатации самим Законом преступности деяния. Так, в ч. 1 ст. 38 УК прямо отмечается, что лицо совершает преступление. В этой связи включение данного обстоятельства в гл. 6 УК

не меняет юридическую природу того, что объективно существует и порождает возникновение обязанности подлежать уголовной ответственности. Исключить эту обязанность практически невозможно, так как в соответствии с ч. 3 ст. 3 УК лица, совершившие преступления, подлежат уголовной ответственности. От данной обязанности можно только освободить. Таким образом, нельзя не обратить внимания и на то, что законодатель при характеристике правовых последствий совершения преступления лицом, пребывающим среди соучастников преступления по специальному заданию, использует формулировку «не подлежит уголовной ответственности». Такая формулировка видится юридически некорректной, так как лицо не подлежит уголовной ответственности в том случае, когда в его деянии нет состава преступления. Указывая, что лицо в данном случае не подлежит уголовной ответственности, скорее всего, законодатель руководствовался соображениями нецелесообразности уголовного преследования. Но ведь любой факт исключения уголовной ответственности выступает следствием только непроступности деяния. Также вряд ли само по себе пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию исключает преступность деяния. По всей вероятности его исключает отсутствие конкретных признаков преступления. Здесь речь идет не об обстоятельстве, исключающем преступность деяния, а о конкретной ситуации, в которой такое обстоятельство проявляет себя. По этой причине более корректным и правильным будет определение его как обстоятельства, при котором исключается преступность деяния.

В связи с вышеизложенным логичной видится позиция Э.А. Саркисовой о том, что указанное обстоятельство, хотя и сходно по своей юридической природе с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, вместе с тем таковым не является. Оно считается обстоятельством, исключающим уголовную ответственность за совершенные преступления [1, с. 322].

С учетом изложенных моментов представляется целесообразным при сохранении ст. 38 УК в гл. 6 изложить ее в следующей редакции: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам лицом, которое, выполняя специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления, принимает участие в группе, организованной группе или преступной организации». При сохранении существующей редакции названной статьи полагается логичным ее исключить из гл. 6 УК и поместить после ст. 16 о соучастии в преступлении, так как содержание данной нормы не вписывается в нормативный материал указанной главы УК с юридической точки зрения.

Кроме того, сегодня не разработаны и на законодательном уровне не закреплены конкретные критерии противоправной деятельности лица, пребывающего среди соучастников преступления по специальному заданию.

Также видится оправданной корректировка содержания ч. 2 ст. 38 УК, в которой запрещается лицу, пребывающему среди соучастников преступления по специальному заданию, совершать любые тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь или здоровье человека. Совершение этих преступлений влечет ответственность на общих основаниях. Такое положение вряд ли можно назвать справедливым, так как часто отказ от совершения такого преступления создает не только угрозу разоблачения внедренного лица, но и угрозу его жизни, безопасности других лиц. И хотя совершение преступления в этих случаях в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 63 УК и рассматривается как обстоятельство, смягчающее ответственность, однако ст. 69 УК, регламентирующая назначение наказания, при этом не распространяется на указанный пункт. Таким образом, целесообразно изложить ч. 2 ст. 38 УК в следующей редакции: «Лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека при выполнении специального задания для достижения целей, указанных в части первой настоящей статьи, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях, однако ему не может быть назначено наказание в виде смертной казни или пожизненного заключения, а наказание в виде лишения свободы не может превышать половины максимального срока, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Еще одним дискуссионным вопросом рассматриваемой темы является вопрос о возможности существования обстоятельства, предусмотренного ст. 38 УК, в «чистом виде», как такового.

Анализируя условия правомерности совершения преступления лицом, находящимся по специальному заданию среди других соучастников, закрепленных в ч. 1 ст. 38 УК, можно говорить о том, что рассматриваемое обстоятельство может сочетать в себе и некоторые иные, предусмо-

тренные гл. 6 УК. Например, одним из условий правомерности является вынужденность совершения преступления. Соблюдение этого условия будет иметь место в случае, когда отказ от совершения преступления создает угрозу разоблачения внедренного лица, его безопасности или безопасности иных лиц, т. е. лицо не имеет никаких возможностей избежать содеянного, что, в свою очередь, ведет к невозможности достижения цели его пребывания среди соучастников преступления по специальному заданию: предупреждению, выявлению и пресечению преступлений [1, с. 323; 2, с. 408]. Аналогичное условие, характеризующее правомерность действий, содержит в себе обстоятельство «крайняя необходимость» – отсутствие возможности устранения непосредственной опасности иными средствами [3, с. 25; 4, с. 28].

Более того, пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию всегда связано с определенным риском. Так, Закон об ОВД (ст. 37) закрепляет право сотрудника ОВД на обоснованный профессиональный риск: причинение сотрудником ОВД вреда при обоснованном профессиональном риске для достижения общественно полезной цели не является правонарушением. Профессиональный риск признается обоснованным, если совершенное сотрудником ОВД деяние объективно вытекало из сложившейся обстановки, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и сотрудник ОВД, допустивший риск, принял все возможные меры для предотвращения вреда охраняемым законом интересам. В свою очередь, в ст. 39 УК указывается, что не является преступлением причинение вреда охраняемым интересам для достижения общественно полезной цели. Риск будет признаваться обоснованным, если совершенное деяние будет соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная общественно полезная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и лицо, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой экологической катастрофы, общественного бедствия, наступления смерти или причинения тяжкого телесного повреждения лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность, то он не признается обоснованным.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию может включать следующие обстоятельства: крайняя необходимость и деяние, связанное с риском. Оценка деяний внедряемого лица в данном случае должна осуществляться и с учетом положений ст. 36 и 39 УК. Тем более Закон об ОРД в этом отношении полностью коррелирует с указанными уголовно-правовыми нормами, где при описании общих условий проведения ОРМ закрепляется, что должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданином, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, гражданином, привлеченным органом, осуществляющим ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участвующим в нем, при проведении ОРМ может быть вынужденно причинен вред правоохраняемым интересам в случаях и порядке, предусмотренных актами законодательства об ОРД. Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращаемый.

Рассмотрев некоторые аспекты такого обстоятельства, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию, возникающего при проведении ОРМ «оперативное внедрение», можно сделать вывод о том, что вред, причиняемый лицом в условиях данного обстоятельства, объективно является преступным, а лицо, причинившее этот вред, сохраняет все признаки субъекта. В то же время само пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию разрешено законом и, следовательно, является обстоятельством, освобождающим лицо от ответственности. Указанное обстоятельство не может существовать само по себе, в «чистом виде». При различных условиях оно сочетает несколько обстоятельств: крайнюю необходимость и обоснованный риск. В заключении следует сделать акцент на то, что рассмотренный вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Различные подходы к правовой природе обстоятельства, предусмотренного ст. 38 УК, могут влиять на правоприменительную практику, иметь правовоспитательное значение. Особое значение эта норма имеет для сотрудников правоохранительных органов, для которых она носит многоаспектный характер. В данном случае речь идет об ее использовании непосредственно при осуществлении деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений.

Список использованных источников

1. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.
2. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
3. Зуев, В.Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики : пособие / В.Л. Зуев. – М. : Кросна-Лекс, 1996. – 96 с.
4. Марцев, А.И. Необходимая оборона. Задержание преступника. Крайняя необходимость : учеб. пособие / А.И. Марцев, А.М. Царегородцев. – Омск : Высш. школа милиции МВД СССР, 1987. – 32 с.

Дата поступления в редакцию: 16.01.18

V.M. Veremeenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Operational-Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; N.N. Hmel, Senior Lecturer at the Department of Operational-Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

SOME DISCUSSION ISSUES OF LEGAL REGULATION AND ALLOWABLE LIMITS OF UNLAWFUL BEHAVIOR WHILE STAYING AMONG THE CRIMINAL PARTIES UNDER THE SPECIAL OBLIGATION

The article discusses some controversial issues of legal regulation and the acceptable limits of unlawful behavior while staying among the criminal parties under a special obligation, and the resulting connection of this circumstance, excluding criminality, with such a detective activity as operational implementation. Expressed own judgments on the improvement of Art. 38 of the Criminal Code of the Republic of Belarus among the issue under consideration. The contradictions arising in the interpretation and implementation of the investigated criminal law norm are analyzed.

Keywords: stay among accomplices on special obligation, operational implementation, circumstances excluding criminality, circumstances excluding criminal responsibility, extreme necessity, act involving risk.

УДК 343.985.7

*А.И. Гигевич, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: gigeviceleksandr@gmail.com)*

ФАКТЫ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН: ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматриваются ошибки, допускаемые следователями при подготовке и назначении судебной генетической экспертизы, при расследовании фактов безвестного исчезновения граждан. Приведены конкретные примеры, выявленные при изучении уголовных дел рассматриваемой категории. Предполагается, что учет и недопущение отмеченных ошибок будут способствовать эффективному расследованию фактов безвестного исчезновения граждан.

Ключевые слова: расследование, судебная генетическая экспертиза, ошибки, без вести пропавшие.

Эффективность расследования фактов безвестного исчезновения граждан во многом зависит от своевременности и полноты использования в правоприменительной практике современных традиционных средств и методов, грамотного использования специальных знаний.

Одной из наиболее важных процессуальных форм использования специальных знаний является экспертиза, назначение которой предусмотрено ст. 226–228 УПК Республики Беларусь. Суть судебной экспертизы заключается в применении по заданию лица, производящего дознание, следователя, прокурора или суда специальных знаний сведущим лицом – экспертом для получения в результате исследования представленных материалов экспертного заключения, устанавливающего сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела [1, с. 652].

Как отмечается в криминалистической литературе, основными задачами, разрешаемыми судебными экспертизами, являются: идентификация объектов (людей, животных, растений, предметов) и диагностика механизма события (времени, способа и последовательности действий, событий, явлений, причинных связей между ними, природы, качественных и количественных характеристик объектов, их свойств и признаков, не поддающихся непосредственному восприятию)

[2, с. 19–24]. Указанные задачи в точности отображают цели, изначально стоящие перед следователями при расследовании фактов безвестного исчезновения граждан, а именно: установление времени, обстоятельств и последовательности действий пропавшего человека, действий третьих лиц, причастных к его исчезновению. Также решаются идентификационные задачи при установлении местонахождения пропавшего лица, в том числе и его трупа (частей трупа).

Изучение судебно-следственной практики, а также анализ (учет) мнения следователей, расследующих факты безвестного исчезновения граждан, показывают, что наибольшую значимость при разрешении дел рассматриваемой категории представляют назначение и проведение судебных экспертиз. Так, 98,7 % респондентов указали, что назначение и проведение судебной экспертизы, а также получение образцов для сравнительного исследования наряду с осмотром и допросом являются наиболее информативными следственными действиями, позволяющими не только понять обстановку и причины исчезновения, но и идентифицировать личность пропавшего человека в случае его обнаружения. Кроме того, значимость данных следственных действий подтверждают результаты изучения уголовных дел. Так, в 97,1 % изученных авторами уголовных дел назначались различные судебные экспертизы (изучение уголовных дел осуществлялось в 2017 г., анкетирование проводилось в 2018 г.). При этом исследование дел показало, что наиболее часто по фактам безвестного исчезновения граждан назначались следующие судебные экспертизы: генетическая (96,1 %), дактилоскопическая (12,8 %), экспертиза запаховых следов человека (4,1 %), почерковедческая (5,8 %), экспертиза радиоэлектронных устройств и электробытовой техники (2,4 %), компьютерно-техническая (2,9 %).

Если говорить об обнаружении трупа лица, пропавшего без вести, то при этом проводились судебные медицинские экспертизы, направленные на установление причины смерти лица, а при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти и установлении лица (лиц), совершившего убийство, проводились другие: судебные медико-криминалистические, биологические, генетические, биолого-генетические, судебно-медицинские, ситуационные судебно-медицинские, судебные портретные, судебные компьютерно-технические, экспертиза радиоэлектронных устройств и электробытовой техники и радиотехнические, судебные психолого-психиатрические экспертизы и др. [3, 4, 5].

Вообще наиболее часто назначаемой экспертизой при безвестном исчезновении граждан является генотипоскопическая, следовательно, и наибольшее количество ошибок допускалось именно при назначении данного исследования.

С учетом интеграции научно-технических достижений в предметную отрасль науки и применением принципиально новых методов и средств появилась возможность исследования традиционных объектов судебной экспертизы на более высоком информативном уровне, а также использования в качестве источников информации объектов, ранее непригодных для этого [6, с. 69].

Использование на практике методов ДНК-анализа, заложенных в основе генотипоскопической экспертизы, позволяет специалистам решать новые задачи в отношении использования традиционных объектов биологического происхождения. Данные исследования направлены на выявление индивидуальных особенностей генетической конструкции конкретного человека, среди преимуществ которых – повышенная устойчивость структуры молекулы ДНК к воздействию физико-химических факторов окружающей среды; отсутствие влияния предмета-носителя; возможность исследования микроследов; возможность дифференциации смешанных следов; высокая степень вероятности выводов о принадлежности биологических следов конкретному лицу. Так, ДНК-анализ используется и для установления биологического родства, отождествления частей тела, установления кровного родства неопознанных и эксгумированных трупов, определения генетического пола (возможна идентификация с высокой степенью вероятности – 1:10 миллиардам). Объектом исследования может быть ДНК, полученная из крови, спермы, слюны, влагалищных выделений, волос, эпителиальных клеток, частей органов и тканей организма человека. Анализу подвергаются лоскуты (участки) ДНК, которые являются основой хромосомы. Исследуется лишь биологический материал, в котором присутствуют ядерные клетки: лейкоциты крови, сперматозоиды, эпителий половых органов, буккальный эпителий, различные ткани и органы; моча и пот не подлежат исследованию [7, с. 48, 49].

О возможности идентификации человека при анализе молекул ДНК первым заявил британский ученый генетик из Лестерского университета Алек Джеффрис, который в 1985 г. в журнале

Nature опубликовал статью «Индивидуально-специфичные “отпечатки пальцев” ДНК человека» [8, с. 76–79].

Вообще, предметом судебно-геномной экспертизы являются фактические данные (факторы) об индивидуально-конкретном тождестве человека или биологической общности происхождения (биологическом родстве), устанавливаемые на основе специальных биологических и криминалистических познаний и относящиеся к предмету доказывания по уголовным и гражданским делам [9, с. 220–221]. Объектом судебно-генетической экспертизы является ДНК, полученная из различных органов и тканей, выделений человека – клеток крови, мышечной ткани, костей, слюны (при условии наличия в ней клеток слизистой полости рта или клеток крови), волос (при условии наличия в них волосяной луковицы с влагалищными оболочками) [10, с. 159]. Идентификационная задача судебно-генотипоскопической экспертизы заключается в исследовании генетического материала человека, которое проводится для установления принадлежности биологических следов конкретному лицу (индивидуально-конкретное тождество индивидуума и его биологических следов) или исключения принадлежности биологических следов конкретному лицу и установления биологического родства индивидуума (отцовство, материнство и др.) или исключение такового [9, с. 221].

Так, основные ошибки, допускаемые следователями (сотрудниками органа дознания при поручении производства следователем) при подготовке и назначении судебно-генотипоскопических экспертиз, несоблюдение требований по отбору образцов для сравнительного исследования, а именно: представление вещественных доказательств с нарушениями требований по изъятию, упаковке и хранению образцов биологического происхождения. Отмечены случаи, когда следователи, изымая влажную одежду с мест обнаружения и захоронения трупа или одежду из морга, не просушивают ее перед упаковкой, в дальнейшем хранят, не пересматривая и не переупаковывая, после чего назначают экспертизу. В таких случаях обычно на исследование одежда попадает со следами гнилостных изменений, что в дальнейшем затрудняет или делает невозможным проведение дальнейших исследований. Например, в ходе расследования уголовного дела следователем для производства биологической и судебно-генетической экспертизы были представлены вещи потерпевшего, упакованные в полимерные пакеты. Часть представленных вещей оказалась влажной и с наложением вещества серого цвета (плесени). Вследствие наличия фактов нарушения хранения вещей проведение указанных экспертиз по данным объектам не представилось возможным [11].

Подобные ошибки характерны и при отборе биологических образцов для сравнительного исследования у родственников (отец, мать, ребенок) пропавшего человека. Так, имеют место случаи, когда гигиенические палочки с ватными наконечниками (изготавливаются заводским способом), являющиеся удобным инструментом для изъятия и сохранения следов биологического происхождения (буккального эпителия), перед упаковкой должным образом не просушиваются и упаковываются во влажном виде, что приводит к возникновению процесса гниения, и, следовательно, к порче или уничтожению объектов биологического происхождения. Имеют место и случаи несоблюдения температурного режима просушивания изъятых биологических объектов. Изъятые образцы просушиваются на солнце или батарее, что приводит к температурному разрушению веществ биологического происхождения.

Имеют место также случаи непригодности предоставляемых на исследование биологических образцов в связи с недостаточным количеством биологического материала. Так, государственным судебным экспертом отдела генетических экспертиз в заключении эксперта сформулирован вывод о том, что установить полиморфизм митохондриальной ДНК представленного на исследование образца буккального эпителия Б. не представляется возможным по причине недостаточного количества биологического материала [12].

Также к сказанному необходимо добавить, что негативным моментом в подготовке к назначению генотипоскопической экспертизы является изъятие биологических образцов у непроверенных, неподтвержденных родственников. Так, при отсутствии у лица, пропавшего без вести, родственников первого порядка (мать пропавшего лица, либо дети пропавшей женщины) и невозможности изъять генотип по месту проживания (выделения прямого генотипа) следователи и оперативные сотрудники не всегда ставят под сомнение и проверяют наличие биологического родства между пропавшим человеком и заявленными родственниками. Подобные факты описаны в научно-практической литературе [13].

Проведенный авторами анализ судебно-следственной практики показал, что следователи в кратчайший срок с момента возбуждения уголовных дел не во всех случаях выносят постановления о назначении генотипоскопических экспертиз. Не всегда своевременно принимаются меры к получению биологических образцов у родственников пропавшего лица. Несвоевременное производство вышеуказанных следственных действий может привести к утрате возможности установления генотипа пропавшего лица или (и) необоснованному затягиванию сроков следствия. Так, отмечаются факты назначения следователем судебно-генетической экспертизы в последний день двухмесячного срока расследования уголовного дела [14] или после приостановления предварительного расследования, что влечет нарушение требований УПК [15].

Ко всему прочему следует добавить, что при назначении экспертиз также возможны случаи непредставления копий заключений ранее проведенных судебно-биологических, генотипоскопических экспертиз либо несообщения реквизитов ранее проведенных экспертиз, что соответственно увеличивает сроки производства экспертизы либо приводит к приостановлению производства экспертизы.

Итак, учет выявленных в результате изучения уголовных дел ошибок и недостатков в работе следователей при назначении и производстве судебных генотипоскопических экспертиз представляется обоснованным, так как существенно повысит своевременность и успешность производства исследований, а значит и в целом эффективность расследования фактов безвестного исчезновения граждан.

Список используемых источников

1. Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – Т. 1 : Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. – 683 с.
2. Россинская, Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М. : Проспект, 2010. – 464 с.
3. Архив суда Мингорисполкома за 2015 г. – Уголов. дело № 2-32/2015.
4. Архив суда Мингорисполкома за 2016 г. – Уголов. дело № 2-27/2016.
5. Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2014 г. – Уголов. дело № 1-1385/14.
6. Моисеева, Т.Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований / Т.Ф. Моисеева // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. – 2014. – № 3. – С. 69–75.
7. Фесенко, Е.Т. Возможности методов исследования объектов биологического происхождения в расследовании преступлений, совершенных против жизни и здоровья человека / Е.Т. Фесенко, А.С. Лысак // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2016. – № 1. – С. 47–50.
8. Jeffreys, A.J. Individual-specific “fingerprints” of human DNA / A.J. Jeffreys, V. Wilson, S.L. Thein // Nature. – 1985. – № 6023. – P. 76–79.
9. Подготовка и назначение судебных экспертиз : пособие для следователей, судей и экспертов / А.С. Рубис [и др.]. – Минск : Харвест, 2008. – 320 с.
10. Сборник методических рекомендаций по вопросам назначения экспертиз, проводимых в государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 190 с.
11. Архив суда Добрушского района за 2017 г. – Уголов. дело № 1-232/2017.
12. Архив Заводского районного отдела СК г. Минска. – Уголов. дело 08011012884.
13. Надоненко, О.Н. Проблемные вопросы установления факта биологического родства / О.Н. Надоненко // Расследование преступлений : сб. науч.-практ. тр. / Моск. акад. следств. ком. Рос. Федерации. – М., 2017. – № 2. – С. 167–170.
14. Архив Кореличского районного отдела СК. – Уголов. дело 14125090140.
15. Архив Ошмянского районного отдела СК. – Уголов. дело 14125140259.

Дата поступления в редакцию: 20.04.18

A.I. Hihevich, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

FACTS OF THE IMPORTANT DISAPPEARANCE OF CITIZENS: PECULIARITIES OF TRAINING AND DESIGNATION OF JUDICIAL GENETIC EXPERTISE

Errors allowed by investigators in the preparation and appointment of a forensic genetic examination, when investigating the facts of unknown disappearance of citizens, are considered. The specific examples revealed in the study of criminal cases in this category are given. It is assumed that the recording and avoidance of the noted errors will facilitate the effective investigation of the facts of the unknown disappearance of citizens.

Keywords: investigation, forensic genetic examination, mistakes, missing persons.

УДК 343.982.4

Н.В. Ефременко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПОСОБА ТЕХНИЧЕСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ ПОДПИСИ

Рассматриваются вопросы технико-криминалистического исследования подписи, связанного с необходимостью знания методов технической подделки подписи и их признаков.

В научной литературе уже уделялось внимание распознаванию самых различных способов технической подделки подписи. В отношении традиционных способов технической подделки (срисовывание карандашом или копирование через копировальную бумагу с последующей обводкой, копирование на просвет и др.) давно разработаны и успешно применяются методики и методические рекомендации. В отношении новых способов технической подделки подписей и записей такие рекомендации не всегда успевают за развитием техники и темпами ее модификации в преступных целях. Изучение таких способов и их признаков в совокупности позволит с достаточно высокой степенью вероятности диагностировать факт рукописного или технического выполнения подписи.

Ключевые слова: подпись, графопостроитель, плоттер, роботизированная рука, способы технического исполнения.

Подпись – личный удостоверительный знак определенного лица, наносимый им на документ с целью придания юридической силы, освидетельствования фактов и т. д. Представляет собой собственноручно выполненное полное или частичное графическое изображение фамилии, имени, отчества конкретного лица.

При изготовлении поддельных документов преступникам в большинстве случаев приходится сталкиваться с проблемой выполнения подписей других лиц, которые должны иметь максимальное сходство с подлинными. С этой целью применяются самые различные методы. Наряду с обычной графической подделкой (воспроизведение подписи-оригинала путем подражания «по памяти», «на глаз» и «с предварительной подготовкой») преступники часто прибегают к так называемой технической подделке подписей в документах (исполнение подписей от имени другого лица с использованием различных приспособлений и способов, позволяющих достичь большого сходства с оригиналом). Суть технической подделки подписей обычно заключается в копировании (не в почерковом подражании) подписи оригинала.

По скопированной подписи нельзя судить об уровне письменно-двигательного навыка исполнителя, и поэтому отождествление личности невозможно. Задача криминалистического исследования обычно заключается в установлении факта технической подделки подписи и способа ее выполнения.

Развитие научно-технического прогресса подтолкнуло современное общество к созданию новейших средств копирования, репрографии, компьютерных выводных устройств, графопостроителей, что привело к появлению современных способов подделки подписи. В этой связи возникла необходимость изучения и систематизации способов технического исполнения подписи с целью выработки научно обоснованных практических рекомендаций для их выявления при проведении почерковедческих исследований.

Так, изучение специальной литературы и анализ экспертной практики последних лет позволили осуществить систематизацию способов технической подделки подписи. Ее можно проводить по различным критериям и основаниям: материалам, способам изготовления, используемому оборудованию, механизму нанесения подписи.

В свою очередь, все способы технической подделки подписи, как указывают И.Н. Усков, Т.В. Орлова, Е.А. Меринова, Г.Ю. Головастики [1, с. 5], целесообразно подразделять на две группы.

К первой группе (воспроизведение изображения подписи на документе путем обводки одного из экземпляров подлинной подписи) целесообразно отнести способы технической подделки подписей [2, с. 84; 3, с. 255–261]: срисовывание с последующей обводкой, воспроизведение через копировальную бумагу с последующей обводкой и без нее (если экземпляр выполнен через копировальную бумагу), передавливание по штрихам подписи с последующей обводкой рельефных штрихов, копирование на просвет, проекционный способ, перенесение красителя штрихов подписи с подлинного документа на изготавливаемый, используя его копировальные свойства, с помощью промежуточного клише.

Ко второй (нанесение оттиска или изображения подлинной подписи) относятся: изготовление специального клише (факсимиле), фотографический, электрофотографический, использование капельно-струйной печати, использование плоттера, использование робототехники.

Способы первой группы характеризуются наличием признаков замедленных движений (искривление прямолинейных штрихов, угловатость овалов, неоправданные остановки пишущего прибора в виде утолщений, тупые начала и окончания штрихов) и признаков предварительной подготовки, характеризующих способ технического исполнения. Способы первой группы и характерные для них признаки неоднократно рассматриваются в криминалистической литературе. И здесь в рамках изучаемого вопроса целесообразно остановиться на анализе наиболее встречающихся современных способов технического исполнения подписи.

Итак, развитие современных технологий изготовления удостоверительных печатных форм способствовало появлению специальных клише подписи (факсимиле), изображения которых трудно отличить от подписи-оригинала. Сегодня чаще применяются два способа: лазерное гравирование по резине и фотополимерный способ, обладающие высокой разрешающей способностью и обеспечивающие точную передачу характера распределения красящего вещества в штрихах. В свою очередь, в подписи, выполненной факсимиле, отмечаются две группы признаков [4, с. 217]:

признаки почерка, совпадающие с соответствующими признаками в подлинных подписях;

признаки механизма образования, совпадающие с аналогичными признаками оттисков печатей и штампов: отсутствие рельефности в штрихах, наличие красящей окантовки в штрихах, отсутствие динамических следов от пишущего узла ручки (рис. 1).

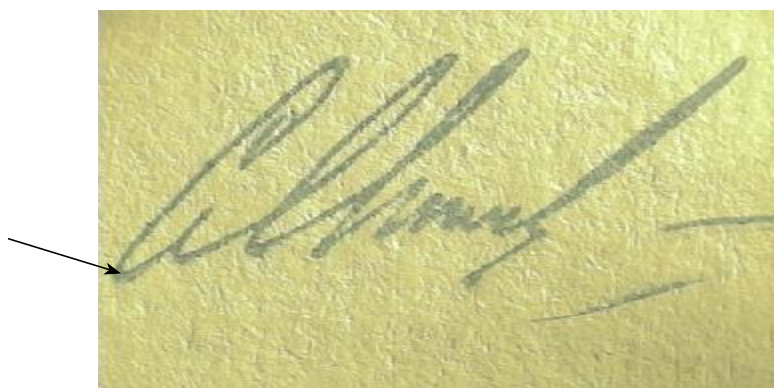

Рис. 1. Вид подписи, выполненной факсимиле. Отмечено наличие красящей окантовки

Наименее трудоемкими способами технической подделки подписи являются распечатка отсканированного изображения подлинной подписи на поддельном документе с использованием лазерного или струйного принтера. При копировании подписи электрографическим способом наблюдаются: бугристая поверхность штрихов, образованных спекшимися частицами тонера, растровая структура изображения – прямые параллельные тонкие линии или регулярно расположенные цветные точки, что зависит от типа устройства или от режима его работы, блеск штрихов изображения, наличие на незапечатанных участках микрочастиц тонера.

При выполнении подписи с использованием капельно-струйного принтера наблюдаются: точечная структура изображения, которое образовано совокупностью растр-элементов, по форме

близких к окружностям, окрашенных в цвета растрового набора, красящий материал на носителе изображения имеет матовую поверхность и закрепляется преимущественно за счет впитывания.

Выполнение подписи с помощью плоттера. Плоттер – графопостроитель, устройство для автоматического вычерчивания рисунков, схем, чертежей, карт на бумаге. Первыми появились и широко используются перьевые плоттеры. Более современную технологию применяют струйные плоттеры. Различные модели плоттеров могут иметь как одно, так и несколько перьев различного цвета. Связь с компьютером плоттеры осуществляют через интерфейс. Плоттеры подразделяются на две основные группы: планшетные и плоттеры с перемещающимся носителем. В первой группе носитель неподвижно закреплен на плоском столе. Рисующий блок перемещается по двум перпендикулярным направлениям; ко второй группе относятся барабанные (в которых носитель укреплен на вращающемся барабане) и рулонные (носитель перемещается в прямом и обратном направлениях с помощью подающих роликов).

Вообще в рисующем блоке плоттера могут использоваться различные приборы: перья с трубчатым (фитильным) пишущим узлом (инкографы), заправляемые специальной тушью (обычно используются в так называемых самописцах); закрепляемые в пишущем блоке традиционные пишущие приборы с капиллярным (фломастеры или линеры) либо шариковым (шариковые и гелевые ручки, роллеры) пишущим узлом или перьевые ручки.

По принципу формирования изображения изготавливаются плоттеры векторного и растрового типов [5, с. 218]. Плоттеры первого типа за счет использования пишущего узла, способного перемещаться относительно бумаги в одной плоскости по двум направлениям, формируют изображения непосредственно вычерчиванием нужных прямых и кривых линий в любых направлениях. Плоттеры растрового типа аналогично принтерам формируют изображения из построено наносимых растровых точек.

Среди многообразия видов и моделей графопостроителей для имитации почерковых объектов могут использоваться только плоттеры векторного типа, имеющие пишущий узел, способный перемещаться относительно бумаги в нескольких направлениях, вычерчивая необходимые линии.

Процесс получения имитации рукописного текста с помощью плоттера включает несколько этапов: сканирование документов, фрагментов, отдельных символов; создание макета документа в растровом графическом редакторе; преобразование растрового изображения в векторное; использование плоттера для воспроизведения изображения.

Для подписи, выполненной с использованием плоттера, целесообразно, по мнению И.Н. Подволоцкого, Н.Ф. Бодрова, рассматривать три группы признаков [2, с. 84–89]:

первая – признаки, возникающие при подготовке изображения на компьютере: изменение степени выработанности в сторону средней, по сравнению с образцами; сглаживание угловатых и мелкоизвилистых элементов; замена малых завитковых элементов на дуговые; объединение двух близко расположенных штрихов в один и др.;

вторая – признаки, возникающие при подготовке носителя к работе на плоттере: наличие следов клеящего вещества, использованного для фиксации листа; разволокнение бумаги в местах крепления листа; наличие специальных меток, используемых для позиционирования плоттера, и др.;

третья – признаки, возникающие при выполнении движений пишущим узлом плоттера: недифференцированный нажим как следствие равномерного давления на пишущий прибор или нестандартная локализация нажимных усилий (рис. 2, 3);

Рис. 2. Выполнение плоттером

Рис. 3. Рукописный штрих

тупые начала и окончания штрихов, имеющие округлую форму (рис. 4, 5);

Рис. 4. Выполнение плоттером

Рис. 5. Рукописный штрих

изменение последовательности выполнения, наличие повторов движений при выполнении близко расположенных штрихов (рис. 6, 7) [6, с. 240];

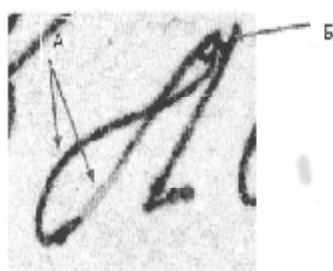

Рис. 6. Выполнение плоттером

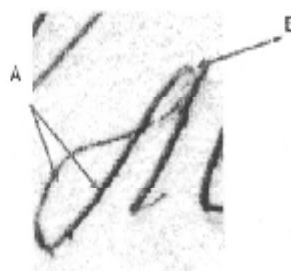

Рис. 7. Рукописная запись

утолщения штрихов без наплывов красящего вещества, либо в виде мелкой извилистости в отличии от обычного сброса красящего вещества шариковой ручки;

наличие утолщений в виде сброса красителя на прямолинейных участках штрихов [6, с. 241];

изменение формы штриха – вместо дуговой прямолинейная; упрощенная форма некоторых сложных мелких элементов; уменьшение окраски при выполнении верхних штрихов; некоторая угловатость в элементах; отображение следов от прижимных роликов (рис. 8, 9).

Рис. 8. Выполнение плоттером

Рис. 9. Рукописная запись

Кроме выявления названного комплекса признаков необходимо учитывать почерковедческие признаки, которые могут быть видоизменены при подготовке электронных изображений и выполнении их на плоттере.

Для дифференциации штрихов плоттера эксперт-почерковед должен обладать информацией о процедуре настройки, работе плоттера, его функциональных возможностях и особенностях отдельных моделей.

В техническом исполнении подписи сегодня велика роль использования робототехники. Начиная с 2004 г. канадской фирмой Quanser Consulting Inc. стало разрабатываться устройство для выполнения онлайн-дистанционной подписи экземпляров книг (роботизированная рука), которое было зарегистрировано в 2006 г. под торговой маркой LongPen. Также для создания роботизированной руки для компьютерного копирования рукописных подписей и почерка

американская компания Damilic Corporation разработала и реализует несколько устройств для рисовки подписей.

Если сегодня злоумышленник воспользуется для рисовки подписи одним из вышеописанных устройств, которые имитируют даже градации нажима (что отсутствует у плоттера), то можно предположить, что эксперты вряд ли смогут установить факт использования подобной технологии подделки, так как они не располагают методиками выявления следов их применения при подделке подписей и почерка.

Анализ многочисленных рукописных текстов позволил выделить три характерных признака, по которым человеческое письмо отличается от роботизированного:

точки над "I" слишком аккуратные и похожи друг на друга. Самые лучшие рукописные роботы-писари варьируют написание одних и тех же букв, но с точками до сих пор вариации не получают;

неравномерный нажим. Иногда стержень как бы находится в полуподвешенном состоянии, не полностью нажимает на бумагу, и это можно заметить;

определенное выравнивание правой границы. Люди очень странно выравнивают правую границу, то выбиваясь к самому краю, то постепенно смещая окончание строк к центру. Программы рукописного текста для роботов никак не могут освоить такой уровень хаотичности.

Таким образом, результаты проведенных сегодня исследований позволяют успешно выявлять имитацию рукописных реквизитов, выполненную с помощью современных технологий, даже при условии отсутствия документов-образцов, использованных для подражания. Однако данная задача не теряет своей актуальности и для успешного решения требует активного взаимодействия специалистов из разных областей знаний.

Список использованных источников

1. Техническая подделка подписи и методы ее выявления : учеб. пособие / И.Н. Усков [и др.] ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Моск. ун-т МВД России. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2012 – 32 с.

2. Бодров, Н.Ф. К вопросу о традиционных и современных способах технической подделки подписей и рукописных записей / Н.Ф. Бодров, И.Н. Подволоцкий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 12. – С. 84–89.

3. Бочарова, Н.Г. Из практики исследования подписей, выполненных путем перерисовки на просвет / Н.Г. Бочарова, Л.Г. Сухорукова, И.Г. Хахина // Теорія та практика судов. експертизи і криміналістики. – 2009. – Вып. 9. – С. 255–261.

4. Техничко-криміналістическа експертиза документів : учеб. пособие / Н.В. Ефременко [и др.] ; под ред. Н.В. Ефременко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 343 с.

5. Техничко-криміналістическа експертиза документів : учебник / под ред. А.А. Проткина. – М. : Юрлит-информ, 2015. – 296 с.

6. Исмадова, Т.И. Возможности определения нерукописного способа выполнения почерковых объектов / Т.И. Исмадова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 235–242.

Дата поступления в редакцию: 24.11.17

N.V. Efremenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistic Examinations of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DETERMINATION OF THE METHOD OF TECHNICAL EXECUTION OF A SIGNATURE

The article is devoted to topical issues of technical and criminalistic study of a signature related to the need to know the methods of technical falsification of the signature and their signs.

The scientific literature has already paid attention to the recognition of a variety of ways of technical forgery of the signature. With respect to the traditional methods of technical forgery (pencil drawing or copying through copying paper with subsequent tracing, copying «on skylight», etc.), methods and methodological recommendations have long been developed and successfully applied. With regard to new methods of technical forgery of signatures and notes, such recommendations do not always keep pace with the development of technology and the pace of its modification for criminal purposes. The study of such methods and their characteristics in the aggregate will allow to diagnose, with a sufficiently high degree of probability, the fact of handwriting or technical fulfillment of the signature.

Keywords: signature, plotter, plotter, robotic arm, methods of technical execution.

УДК 343.98

Ж.И. Ковзан, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Jane_2007@mail.ru)

СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ

Изучаются вопросы осмотра бухгалтерских документов и возможности применения финансово-экономических знаний в процессе их исследования. Проведена попытка определения этапов осмотра, предлагается авторское видение особенностей применения экономических методов.

Ключевые слова: следователь, финансово-экономические знания, данные бухгалтерского учета, методы, осмотр.

Анализ уголовных дел и экспертных заключений показал, что раскрытие, расследование и предупреждение экономических преступлений невозможно без проведения исследования данных бухгалтерского учета – носителей следов преступных деяний.

Одной из форм процессуального изучения бухгалтерских документов является осмотр, который позволяет следователю окунуться в атмосферу события, используя свои органы чувств, воспринять осматриваемый объект [1, с. 44]. Согласно уголовно-процессуальному законодательству под ним понимается обозрение, обследование, обнаружение, восприятие и фиксация следователем, лицом, производящим дознание, обстоятельств (состояний, свойств, особенностей, признаков материальных объектов), которые выявлены и предположительно связаны с совершенным преступлением или общественно опасным деянием [2, с. 577–578].

Объектами осмотра по экономическим преступлениям могут быть помещения, предметы, документы и т. д. В зависимости от вида объекта осмотра используются знания из определенных отраслей науки. Например, для исследования бухгалтерских документов могут использоваться знания в области почерковедения, экономики, химии, физики и т. д. Опрос правоохранительных органов показал, что 80,3 % из них считают, что наиболее часто при проведении осмотра бухгалтерских документов требуются знания в области экономики (в том числе и финансово-экономические).

Вопросами применения экономических знаний занимались многие ученые. В частности, особенности применения этих знаний сотрудниками органов уголовного преследования при проведении осмотра рассматривались в работах Н.С. Бондаревской, С.Г. Еремина, Я.М. Козицина, Е.С. Лехановой, С.Б. Россинского, Е.Г. Сахарова, Ю.С. Степашенко, А.А. Хмырова, С.С. Чернова, Д.Г. Цыпаркова, Г.А. Шумака и др. Ученые отмечают, что с помощью осмотра можно решить широкий спектр криминалистических задач: обнаружить следы подлога, выдвинуть версии о времени и месте, характере события, конкретных действиях и способе преступного деяния, определить цель и мотивы совершенного преступления, а также смягчающие (погашение долга, возмещение вреда и т. д.) и отягчающие (совершение нескольких злоупотреблений, особо крупный размер недостачи и т. д.) ответственность обстоятельства, установить доказательственные перспективы материалов, полученных в ходе поисковой деятельности, а также свидетелей и подготовиться к их допросу, определить круг вопросов, подлежащих разрешению в рамках проверки (ревизии) или экспертизы [3–6].

Осмотр документов – особо значимая процедура при расследовании преступлений в сфере экономики, так как может позволить установить отдельные факты произошедшего события. От результатов проведенного осмотра во многом зависит получение доказательственной информации и информации, необходимой для проведения иных процессуальных действий [7, с. 50].

Всю работу следователя по осмотру данных бухгалтерского учета можно разделить на три этапа: подготовка к осмотру, проведение осмотра, фиксация результатов осмотра.

В зависимости от задач проводимого расследования следователь определяет объем и направления осмотра бухгалтерских документов. В этой связи перед проведением осмотра целесообразно ознакомиться с обстоятельствами преступного деяния: способом его совершения и сокрытия, характером, масштабами и длительностью совершения преступной деятельности [8, с. 25]. Затем определяются особенности документооборота, предопределяемые организационно-правовой формой субъекта хозяйствования. Уяснение указанных выше вопросов позволяет определить перечень документов, подлежащих осмотру.

Таким образом, подготовка к осмотру предполагает: изучение обстоятельств преступного деяния, ознакомление с документооборотом субъекта хозяйствования, определение списка необходимых документов для осмотра и сопоставление его с имеющимися документами, выяснение причин отсутствия каких-либо документов (при наличии такой необходимости).

Определившись со списком документов, подлежащих осмотру, необходимо перейти к непосредственному исследованию бухгалтерских документов.

Так, 68,3 % опрошенных сотрудников органов, осуществляющих уголовное преследование, отметили, что методы исследования бухгалтерских документов, используемые при осмотре, разработаны учеными преимущественно для специалистов в области экономики. При этом они не отрицают возможности применения названных методов ими в несколько видоизмененном виде. Это обусловлено различной компетенцией следователей и специалистов, экспертов. Первые могут лишь осмотреть документ и выявить в нем недостатки, касающиеся формы документа, способов записи, элементов оформления и т. д., а специалист и эксперт не только осматривают, но и проверяют соблюдение порядка ведения учета, отсутствие или наличие фактов нарушения требований законодательства при его составлении и др. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос об особенностях применения методов исследования бухгалтерских документов при осмотре.

Обращаясь к общему порядку проведения осмотра, необходимо отметить, что на его первом этапе проводится исследование отдельных бухгалтерских документов путем проведения формальной, нормативной и арифметической проверок.

При осуществлении формальной проверки первое, на что следователю следует обратить внимание, это внешний вид и содержание документа, детальное изучение которого может позволить обнаружить в нем сведения и элементы, противоречащие друг другу. В частности, необходимо изучить реквизиты документа. Даты изготовления и составления документа, так как они могут не сходиться: документ может быть датирован ранее, чем выпущен к нему бланк. Это свидетельствует о нереальности совершения указанной в документе финансово-хозяйственной операции [9, с. 55; 10, с. 89] и необходимости проведения исследования взаимосвязанных документов. Отсутствие в документе каких-либо сведений: наименования, даты его составления, названия субъекта хозяйствования, участвующего в совершении операции, содержания и основания отраженной финансово-хозяйственной операции, ее оценка, лицах, ответственных за нее, свидетельствуют о нарушении требований законодательства о бухгалтерском учете и отчетности, а также о возможных злоупотреблениях. Например, отсутствие подписи одного из участников финансово-хозяйственной операции может указывать на ее фиктивность. В этих ситуациях исследуются все функциональные зависимости с данным документом. Наличие на документе подчисток может свидетельствовать о недостоверности внесенных в него данных. С целью установления изменений, которые были произведены в документе, может назначаться технико-криминалистическая экспертиза документов.

Так, по реальному уголовному делу следователем управления Следственного комитета по Минской области для установления отдельных фактов с помощью формальной проверки были исследованы товарно-транспортные накладные на предмет наличия в них всех необходимых реквизитов. В результате было обнаружено отсутствие подписей покупателей на некоторых из них, дат реализации товаров и иных реквизитов. Наличие указанных признаков поставило под сомнение реальность отраженных операций в бухгалтерских документах. С целью выяснения вопросов, касающихся учета сомнительной операции, было назначено проведение экономической экспертизы [11].

Таким образом, наличие неточностей в оформлении бухгалтерских документов может свидетельствовать как об отклонениях формального порядка (небрежное заполнение документа), так и о нарушениях, вызванных незаконностью совершения финансово-хозяйственной операции или ее неправильным отражением в бухгалтерском учете.

Осуществление нормативной проверки, в свою очередь, может позволить установить незаконность совершенной финансово-хозяйственной операции. Документы, правильные по форме, могут содержать финансово-хозяйственные операции, основания совершения которых противоречат требованиям законодательства (законам, нормативным актам, инструкциям, правилам, ГОСТам, ТУ и т. д.) [12, с. 25].

В качестве примера можно привести следующее уголовное дело. Следователь Ленинского районного отдела управления Следственного комитета по Минску провел сравнение договорной и рыночной цен на товар, в результате чего были выявлены нарушения норм Указа Президента от 17 ноября 2008 г. № 618 «О государственных закупках в Республике Беларусь». В частности, не осуществлена процедура выбора поставщика путем проведения открытого конкурса, чем был причинен ущерб организации, выразившийся в излишне уплаченных денежных средствах. Для определения размера упущенной выгоды была назначена экономическая экспертиза [13].

Таким образом, нормативная проверка позволяет выявлять отклонения формального порядка – нарушения, связанные с незаконным совершением финансово-хозяйственной операции. Однако имеются объективные причины ограничения использования данного метода. Такая особенность обусловлена не только наличием большого числа действующих правил оформления различных учетных документов, но и необходимостью знания нормативного материала, относящегося к экономике, технологии, товароведению и другим научным областям [14, с. 161].

Согласно требованиям законодательства о бухгалтерском учете и отчетности все финансово-хозяйственные операции в бухгалтерском учете отражаются в натуральных и стоимостных показателях или в стоимостных показателях. Периодически производится подсчет итоговых значений в бухгалтерских документах, а на счетах – обороты и сальдо. При проведении осмотра бухгалтерских документов следователю необходимо иметь в виду, что таксировка может осуществляться недобросовестно с целью совершения преступного деяния. Для выявления таких фактов используется арифметическая проверка, предполагающая проведение пересчета расчетных значений показателей [12, с. 25].

Таким образом, можно прийти к заключению, что исследование какого-либо одного документа является первоначальным подэтапом проведения осмотра бухгалтерских документов, позволяющим выявить отклонения, свидетельствующие о несоблюдении порядка ведения учета. Следует отметить, что сведения об одних и тех же финансово-хозяйственных операциях фиксируются прямо или косвенно в различных бухгалтерских документах, поэтому наличие ошибок в каком-то одном элементе бухгалтерского учета нецелесообразно расценивать как след от преступного деяния.

Для проверки двух и более документов, связанных единством финансово-хозяйственной операции, целесообразно применять метод сличения документов. Он основан на том, что каждая финансово-хозяйственная операция прямо или косвенно отражается в различных бухгалтерских документах. В частности, первичные учетные документы сопоставляются с ведомостями, журналами-ордерами и другими учетными регистрами; учетные регистры – с данными первичных учетных документов и отчетности. Например, финансово-хозяйственная операция «перевоз товара на автомобиле» отражается в товарно-транспортной накладной, путевом листе водителя, акте снятия остатков топлива, доверенности на получение товара, расходных и приходных ордерах и иных бухгалтерских документах. Метод сличения документов может быть также использован для установления наличия (отсутствия) факта продажи товара.

В ряде случаев для исследования бухгалтерского документа целесообразно применять логический анализ, который может позволить выявить важные сведения о способах совершения и сокрытия фактов преступного деяния, которые не противоречат требованиям ведения бухгалтерского учета, но логически не вытекают из отражаемого документом хозяйственного процесса [9, с. 56].

Таким образом, осмотр бухгалтерских документов позволяет выявить следы преступного деяния и определить дальнейшее направления действий следователя (назначение экспертизы, проведение допроса и т. д.).

Практический интерес также представляет порядок закрепления установленных следователем обстоятельств на основании изучения данных бухгалтерского учета. Согласно требованиям УПК результаты осмотра документов фиксируются в протоколе, который имеет доказательственную силу наравне с другими источниками доказательств. В то же время информация о документах должна содержать сведения о способах подлога тех или иных данных [15, с. 46]. С целью соблюдения данного требования следует применять соответствующие тактические приемы порядка описания выявленных нарушений функциональных зависимостей между данными бухгалтерского учета.

В криминалистической литературе ученые подробно рассматривают преимущественно особенности описания материального подлога в протоколе осмотра документов и не выделяют осо-

бенности описания интеллектуального подлога [16, с. 183–185; 17, с. 54; 18, с. 95]. По этой причине представляется целесообразным изучить последовательность изложения недостатков (интеллектуального подлога), обнаруженных следователем при проведении осмотра документов.

Для удобства описания выявленных недочетов логично сгруппировать документы по видам нарушенных функциональных взаимосвязей, что позволяет увидеть закономерности и взаимосвязи между ними.

Изначально производится описание сущности подозрительных документов и содержание отраженных в них операций. В частности, следует указать наименование документа, его назначение, подробно описать сведения, указанные в документе, в том числе и подозрительные элементы в нем. В целом изложенное позволяет определить смысловое значение изученной информации.

Дальнейшее изложение предполагает указание наличия (отсутствия) целостности функциональных связей между документами. Целесообразно изобразить схему документооборота, информационных и логических связей между данными документов, вызывающих у следователя сомнение, что позволит повысить наглядность описания нарушенных связей. По мнению авторов, наиболее наглядным способом ее построения является изображение следующих блоков документов: документов, содержащих данные, отношения между которыми подозрительны; документов, содержащих учетные данные, на основании которых сомнительные документы формируются; документы, данные которых являются производными от сомнительных.

Заключительным этапом составления протокола осмотра документов является указание признаков, которые свидетельствуют о нарушении функциональных взаимосвязей между данными бухгалтерского учета, что может выражаться в несоответствии отдельных данных, отражающих одну и ту же операцию (например, в количестве переданного товара, датах составления документов и т. д.); неполноте заполнения (могут отсутствовать как обязательные, так и дополнительные реквизиты документа) и т. д.

Таким образом, протокол осмотра бухгалтерских документов должен содержать следующую информацию о сомнительных документах: назначение сомнительного документа, сомнительные данные, взаимосвязь сомнительного документа с другими данными учета, сведения о нарушенных функциональных связях при их наличии.

Итак, осмотр бухгалтерских документов состоит из трех этапов:

подготовка к осмотру (изучение обстоятельств преступного деяния, ознакомление с документооборотом субъекта хозяйствования, определение списка необходимых документов для осмотра и сопоставление его с имеющимися документами, выяснение причин отсутствия каких-либо документов (при наличии такой необходимости));

проведение осмотра бухгалтерских документов (осмотр отдельных бухгалтерских документов, осмотр взаимосвязанных документов);

составление протокола осмотра документов.

После составления протокола осмотра бухгалтерских документов следователь проводит оценку полученных результатов и сопоставляет их с известными обстоятельствами дела, т. е. осуществляется изучение корреляционной зависимости «данные бухгалтерского учета – преступное деяние». На основании этих действий определяется необходимость назначения проверки (ревизии) или экспертного исследования (в частности, может быть назначена почерковедческая экспертиза, экономическая экспертиза, экспертиза бланков строгой отчетности и т. д.), иного процессуального действия. В случае принятия положительного решения о назначении экспертизы или проверки определяется перечень вопросов, подлежащих исследованию лицами, обладающими специальными знаниями.

Список использованных источников

1. Лапин, С.Ю. Осмотр места происшествия, обыск и выемка по делам о нарушениях авторских и смежных прав / С.Ю. Лапин // Рос. следователь. – 1999. – № 6. – С. 44–50.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.А. Андрейчик [и др.] ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
3. Леханова, Е.С. Судебно-экономические знания в оперативно-розыскной деятельности / Е.С. Леханова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 146–149.

4. Козицин, Я.М. Расследование и рассмотрение дел о хищениях, совершаемых с использованием служебного положения : учеб. пособие / Я.М. Козицин. – Свердловск, 1975. – 182 с.
5. Чернова, С.С. Расследование отдельных видов преступлений : учеб.-практ. пособие / С.С. Чернова, Е.Г. Сахарова. – Тюмень : Фил. НОУ ВПО «Москов. ин-т гос. упр. и права», 2016. – 120 с.
6. Цыпарков, Н.Г. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Г. Цыпарков. – Минск, 2001. – 135 л.
7. Третьяков, Г.М. Некоторые аспекты повышения эффективности осмотра документов при расследовании преступлений в сфере экономики / Г. М. Третьяков // Экономика глазами молодых : материалы VIII Междунар. эконом. форума молодых ученых, Минск, 19–20 июня 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г.А. Короленок [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2015. – С. 48–50.
8. Подволоцкий, И.Н. Осмотр и предварительное исследование документов / И.Н. Подволоцкий; под ред. А.М. Зинина. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 200 с.
9. Шумак, Г.А. Бухгалтерский анализ как метод расследования преступлений / Г.А. Шумак. – Минск : Университетское, 1985. – 91 с.
10. Хмыров, А.А. Расследование хищений социалистического имущества, совершаемых должностными лицами : учеб. пособие / А.А. Хмыров ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар : КГУ, 1985. – 109 с.
11. Архив суда Минского района за 2011 г. – Уголов. дело № 1-718-11.
12. Арзуманян, Т.М. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел / Т.М. Арзуманян, В.Г. Танасевич. – М. : Юрид. лит., 1975. – 120 с.
13. Архив суда Ленинского района за 2010 г. – Уголов. дело № 1-91-10.
14. Дубоносов, Е.С. Судебная бухгалтерия : учебник / Е.С. Дубоносов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт ; ИД Юрайт, 2010. – 386 с.
15. Ковальчук, З.А. К вопросу о разграничении компетенции следователя и эксперта при исследовании вещественных доказательств / З.А. Ковальчук // Криминалистика и судеб. экспертиза. – Киев, 1964. – Вып. 1. – С. 42–47.
16. Колмаков, В.П. Следственный осмотр / В.П. Колмаков. – М. : Юрид. лит., 1969. – 196 с.
17. Баканова, Л.П. Описание криминалистических объектов в процессуальных документах : учеб. пособие / Л.П. Баканова, Ю.С. Пулатов. – Т. : Акад. МВД Респ. Узбекистан, 2004. – 172 с.
18. Ищенко, Е.П. Криминалистика. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения / Е.П. Ищенко. – СПб. : Питер, 2013. – 448 с.

Дата поступления в редакцию: 03.10.17

Zh.I. Kovgan, Postgraduate student of the Scientific Pedagogical Faculty of the MIA of the Republic of Belarus

TRACES OF CRIME IN ACCOUNTING

The article is devoted to the issues of the examination of accounting documents, in the process of which a study is carried out using financial and economic knowledge. The carried out research has allowed to define stages of its carrying out, and also features of application of economic methods by the inspector.

Keywords: the investigator, the financial and economic knowledge given accounting, methods, survey.

УДК 343

В.Е. Козлов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: FRED1970@lenta.ru)

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Рассматриваются отдельные аспекты криминалистического обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств компьютерной техники. Содержание статьи ориентировано на результаты исследований в области противодействия высокотехнологичной преступности, проводившихся в Академии МВД Республики Беларусь. Выносятся на обсуждение авторские предложения дискуссионного характера.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, преступления в сфере высоких технологий, противодействие высокотехнологичной преступности, выявление и расследование преступлений.

Осуществляя противодействие преступлениям, совершаемым с использованием средств компьютерной техники (СКТ), сотрудники правоохранительных органов активно ищут пути разрешения ряда следующих проблемных вопросов.

Криминалистическое и оперативно-техническое толкование терминов «компьютерное преступление» («высокотехнологичное преступление») и «компьютерная информация» – основополагающий вопрос, являющийся базовым для разрешения возникающих в процессе осуществления искомого противодействия и связанные с ними вопросы использования криминалистических и других знаний о высокотехнологичной преступности при осуществлении предупреждения, выявления, раскрытия и расследования общеуголовных, экономических и иных преступлений, в особенности – транснациональных, совершаемых организованными преступными группами.

Непрерывный анализ современных угроз информационной безопасности личности, общества, государства в складывающейся оперативной обстановке и связанный с ними комплекс вопросов по совершенствованию систем компьютерной безопасности (КБ) в условиях массового использования СКТ в соответствии с криминалистическими рекомендациями и требованиями по оказанию содействия субъектам, осуществляющим оперативно-техническое обеспечение искомого противодействия.

Организация деятельности ответственных за КБ субъектов во взаимосвязи с органами уголовного преследования.

Разработка и совершенствование тактики использования научно-технических средств (НТС) – специализированных программных и аппаратных средств, предназначенных для обнаружения, фиксации и изъятия следов высокотехнологичных преступлений; создания условий для дополнительного слеодообразования при производстве следственных действий (СД) и проведении ОРМ и связанные с ними вопросы тактики применения специальных знаний; совершенствования тактики назначения и производства судебной компьютерно-технической экспертизы по делам рассматриваемой категории.

Совершенствование основных положений тактики производства СД и проведения ОРМ по делам рассматриваемой категории, в целом – методики выявления, раскрытия и расследования таких преступлений и связанные с ними вопросы допустимости и относимости вещественных доказательств, полученных при производстве СД и проведении ОРМ.

Совершенствование национальной системы противодействия высокотехнологичной преступности в целом и связанные с ним вопросы научного и организационно-методического обеспечения специализированных подразделений правоохранительных органов.

Практическое разрешение обозначенных проблемных вопросов производится на нескольких уровнях противодействия [1]. Так, в ходе квалификации деяния и определения общих направлений выявления, раскрытия и расследования преступления существуют объективные факторы, заключающиеся в сложности конструкции правовых норм соответствующих статей УК, наличии множества специальных терминов, понятий и категорий, противоречивости нормативной правовой базы в целом. При производстве отдельных СД и проведении ОРМ разрешаются проблемные вопросы, связанные с необходимостью осуществления деятельности по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию компьютерной информации (КИ), а также СКТ. Названные обстоятельства предопределяют активные попытки повышения эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием СКТ. В организационном плане, например, это выразилось в создании специализированных «полицейских» подразделений, обобщенными функциями которых являются: борьба с преступлениями в сетях электросвязи общего пользования (СЭОП), в основном – в интернете; выявление и пресечение преступлений, связанных с осуществлением платежей в СЭОП, в том числе с использованием пластиковых карт; борьба с незаконным оборотом специальных технических средств, в том числе выявление и пресечение каналов их приобретения в СЭОП, контрабандного ввоза, незаконного изготовления, сбыта и использования; ведение мониторинга СЭОП; осуществление противодействия незаконному обороту объектов интеллектуальной собственности в СЭОП; противодействие преступлениям в сфере КИ.

Так, в феврале 2001 г. в структуре криминальной милиции МВД Беларуси создано специализированное подразделение – Управление оперативно-организационной работы, на базе которого позднее было образовано Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (УРПСВТ). На момент создания указанного подразделения его основными задачами являлись [2]:

выявление и раскрытие преступлений в сфере КИ и телекоммуникаций;

противодействие незаконному обороту радиоэлектронных и специальных технических средств, пресечение изготовления, распространения и использования на территории Беларуси несертифицированной радиотехники и аппаратуры;

осуществление противодействия преступным посягательствам на конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, организации незаконных междугородних и международных переговорных пунктов, а также радиопиратству;

участие в работе по защите от несанкционированного доступа к служебной информации в интересах собственной безопасности органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь;

участие в разработке и реализации международных обязательств Республики Беларусь по эффективному сотрудничеству с зарубежными правоохранительными органами в координации противодействия преступлениям в сфере высоких технологий.

В теоретико-прикладном плане это событие подтолкнуло исследователей к проведению разноплановых исследований, направленных на совершенствование такой деятельности. Самым радикальным и оправданным видится разработка В.Б. Веховым нового криминалистического учения «криминалистическое компьютероведение» – отрасль криминалистической техники, представляющая собой систему научных положений и основанных на них методических рекомендаций по исследованию и использованию КИ, а также средств ее создания, обработки и передачи для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [3]. По мнению разработчика, учение включает общую и особенную части. Первая рассматривает понятие, структуру и назначение учения, его место в системе криминалистики; понятие, виды и формы КИ, ее общие признаки; понятие, виды и общие признаки средств создания, обработки и передачи КИ; криминалистическую систематизацию и классификацию КИ, средств ее создания, обработки и передачи. Вторая – особенную, состоящую из двух разделов, – криминалистическое исследование КИ, средств ее создания, обработки и передачи как вещественных доказательств, и криминалистическое использование КИ, средств ее создания, обработки и передачи в целях выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Видится вполне оправданным, что со временем криминалистическое компьютероведение, как в свое время криминалистические оружиеведение, исследование документов и т. д. займет соответствующее место в системе криминалистической техники. Подтвердить либо опровергнуть правильность подобного подхода впоследствии смогут потребности практики противодействия преступности и дальнейшие исследования ученых.

Наша задача – рассматривать противодействие преступлениям, совершаемым с использованием СКТ, как непрерывный процесс, происходящий в пределах обозначенной системы под воздействием внешних возмущающих факторов, анализируя взаимодействие подсистем и процессы их взаимного информационного обогащения в ходе моделирования [4]. Исследование обозначенных процессов прежде всего позволит классифицировать НТС, сформулировать ряд технических и оперативно-тактических (оперативно-технических) требований к ним, целесообразность и пределы их заимствования из смежных отраслей науки, а также уточнить (пересмотреть) методику и тактику применения специальных знаний следователем, дознавателем, оперативным работником. Результаты исследований отразятся на совершенствовании методики расследования искомой группы преступлений. Такой подход предопределяет особую роль научно-методического обеспечения оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов: повышение эффективности реализации их основных функций (предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений) и является значимой вспомогательной функцией, по отношению к которой криминалистическое обеспечение (КО) противодействия высокотехнологичной преступности выступает функцией второго порядка.

Как научная категория искомый вид КО рассматривается авторами в виде системы криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать современные криминалистические и оперативно-технические технологии для предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием СКТ. Как непрерывный процесс – использование данных криминалистики и теории ОРД в выявлении и раскрытии преступлений. Учитывая результаты, полученные при осуществлении моделирования деятельности национальной системы противодействия высокотехнологичной преступности [1], искомый вид КО можно представить в следующем виде (см. схему).

На схеме указаны следующие информационные массивы:

I_{0n} – о взаимодействии подсистем системы противодействия высокотехнологичной преступности;

I_{p1n} – социальных, экономических, политических, культурных, демографических, военных и иных факторах, влияющих на эффективность противодействия высокотехнологичной преступности, а также о структуре национальной системы обеспечения КБ, месте и роли правоохранительных органов в ней; принципах функционирования, цели, задачах и правовых основах деятельности подсистемы обеспечения деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием СКТ; цели и задачах правоохранительных органов по противодействию высокотехнологичной преступности, их статусе и функциях; о мерах, предпринимаемых в рамках функционирования подсистемы обеспечения КБ ее субъектами, а также планируемых мерах противодействия высокотехнологичной преступности со стороны правоохранительных органов;

I_{p2n} – степени достижения цели, выполнении поставленных задач подсистемой, а также о прогнозе активности правонарушителей; нормативно закрепленных показателях эффективности противодействия высокотехнологичной преступности; выявленных в процессе деятельности правоохранительных органов наиболее существенных угроз КБ; рекомендациях правового, инженерно-технического и организационного характера, направленных на совершенствование

функционирования подсистем противодействия высокотехнологичной преступности; мерах, направленных на повышение эффективности деятельности подсистемы в целом; эффективности взаимодействия с подсистемой обеспечения КБ;

I_{p3n} – направлениях противодействия высокотехнологичной преступности; эффективности функционирования подсистемы обеспечения КБ; распределении правоохранительных функций между различными ведомствами; выявленных недостатках в функционировании подсистемы обеспечения деятельности правоохранительных органов субъектами КБ; эффективности работ по выявлению, предупреждению, профилактике, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием СКТ;

I_{p4n} – об эффективности использования сил и средств правоохранительных органов по противодействию высокотехнологичной преступности, а также о совершенствовании технологий противодействия ей; эффективности взаимодействия с субъектами КБ и предложениях по повышению его эффективности; эффективности взаимодействия служб и подразделений правоохранительных органов; выявленных очагах активного действия причин высокотехнологичной преступности и ее тенденциях;

I_{p5n} – системе криминалистических, оперативно-технических и иных знаний, средствах, методах и технологиях их использования для противодействия искомому виду группы преступлений; данных криминалистики, теории ОРД и судебной экспертизы, необходимых для эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием СКТ; механизмах реализации уголовно-правовых, административно-правовых, организационно-правовых норм противодействия высокотехнологичной преступности правоохранительными органами;

I_{p6n} – об уровне, динамике, структуре, латентности высокотехнологичной преступности, ее тенденциях и обуславливающих их факторах; причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений с использованием СКТ;

I_{p7n} – результатах непрерывного анализа оперативной обстановки подразделениями правоохранительных органов; результатах ОРД, СД и экспертных исследованиях, материалах уголовных дел; прогнозе уровня, динамики и структуры высокотехнологичной преступности; контроле и оценке эффективности предпринимаемых мер противодействия со стороны правоохранительных органов; уровне взаимодействия правоохранительных органов;

I_{s1n} – социальных, экономических, политических, культурных, демографических, военных и иных факторах, влияющих на эффективность противодействия высокотехнологичной преступности, а также о структуре национальной системы обеспечения КБ; принципах функционирования, целях и задачах подсистемы обеспечения КБ в целом, обобщенных угрозах ей; статусе ее объектов, а также статусе, структуре и функциях субъектов, нормативной правовой регламентации их деятельности; планируемых мерах по обеспечению КБ;

I_{s3n} – степени вероятности угроз КБ на локальном уровне; рекомендуемых мерах по правовому, инженерно-техническому и организационному обеспечению КБ и их соотношению, а также о развитии технологий получения и защиты КИ, средств обеспечения КБ и противодействия техническим средствам ведения разведки; отнесении КИ к соответствующим категориям конфиденциальности, а информационных ресурсов – к различным категориям уязвимости; эффективности функционирования подсистемы обеспечения деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием СКТ; выявленных недостатках в функционировании подсистемы обеспечения КБ правоохранительными органами; основных тенденциях КБ, а также об эффективности работ по предупреждению и профилактике преступлений, совершаемых с использованием СКТ; очагах активного действия причин высокотехнологичной преступности;

I_{s5n} – научно обоснованных рекомендациях по повышению эффективности деятельности субъектов КБ; механизме реализации правовых норм, направленных на безопасное использование СКТ, а также механизмах оперативного реагирования на угрозы КБ;

I_{s7n} – об эффективности защиты ИР, комплексной защиты объектов информатизации; прогнозируемых угрозах КБ; контроле и оценке эффективности предпринимаемых мер защиты, их соответствию степени вероятности проявления выявленных угроз.

Субъектами, осуществляющими противодействие, являются сотрудники правоохранительных органов различной ведомственной принадлежности: следователи, оперативные работники, эксперты, непосредственно осуществляющие предупреждение, выявление, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых с использованием СКТ. Средством обеспечения рассматриваемой деятельности являются криминалистические и иные знания, навыки, умения, и также НТС, и технологии их использования. Фундаментальные криминалистические знания составляют содержание общей теории криминалистики и частных криминалистических теорий и учений. Прикладные криминалистические знания выступают в форме научных рекомендаций для применения на практике криминалистических приемов, тактических (оперативно-технических) комбинаций, технико-криминалистических операций и процедур, частных криминалистических методик расследования преступлений, технико-криминалистических средств и технологий. Криминалистические знания становятся доступными для восприятия субъектами, когда они приобретают определенную информационную форму: монографий, диссертаций, статей, докладов, которые через систему криминалистического образования внедряются в практическую деятельность правоохранительных органов. Средством их внедрения в практику служат технико-криминалистические средства и технологии: руководства, наставления, инструкции, методические указания, учебники, информационно-справочные системы и т. д. Дальнейшее моделирование, например, выявляет негативную тенденцию, прослеживающуюся в подготовке специалистов по противодействию (в широком смысле) высокотехнологичной преступности, формирующуюся в настоящее время и заключающуюся в уклоне процесса обучения специалистов в сторону инженерно-технических аспектов защиты КИ. Таким образом, очевидна важность быстрого разрешения проблемных вопросов, связанных с организационным и научно-методическим обеспечением системы подготовки юридических кадров для правоохранительных органов Беларуси, например, путем введения в программу обучения юридических учреждений высшего образования новых специализированных учебных дисциплин [5].

В целом информационное обеспечение системы фундаментальных и прикладных криминалистических знаний, как основополагающего элемента системы КО, детерминируется следующими атрибутами:

$$M_{z2} = \{I_{p1n}, I_{p3n}, I_{p5n}, I_{p7n}, I_{s1n}, I_{s3n}, I_{s5n}, I_{s7n}, I_{0n}\}$$

Результаты проведенного анализа, с точки зрения авторов, позволяют эффективно оценивать и внедрять в практическую деятельность правоохранительных органов достижения смежных с криминалистикой и теорией ОРД отраслей науки применительно к процессу противодействия высокотехнологичной преступности следующим образом. Во-первых, воздействуя на процесс формирования фундаментальных и прикладных криминалистических знаний. В данном случае речь идет о знаниях, раскрывающих суть механизма слеодообразования при подготовке, совершении и сокрытии преступлений, совершаемых с использованием СКТ. Во-вторых, оказывая влияние на процесс совершенствования криминалистической и специальной (оперативной) техники. Имеется в виду внедрение достижений научно-технического прогресса в процесс собирания доказательств при выявлении, раскрытии и расследовании рассматриваемой группы преступлений. В-третьих, участвуя в формировании тактики использования специальных знаний в противодействии (в узком смысле) преступности при производстве СД и проведении ОРМ. В-четвертых, оказывая влияние на методику расследования искомых преступлений.

Таким образом, анализ места и роли рассматриваемого КО в национальной системе противодействия высокотехнологичной преступности позволяет сделать определенные выводы.

Подсистема КО противодействия преступлениям, совершаемым с использованием СКТ, участвует в непрерывном процессе перехода количества знаний смежных отраслей науки (например, КБ) в качество (постепенная интеграция их в криминалистику и теорию ОРД), в результате они становятся собственно криминалистическими; обратный процесс также объективно существует – чем теснее организовано взаимодействие подсистем национальной системы противодействия высокотехнологичной преступности, прежде всего процесс информационного обмена, тем эффективнее функционирует национальная система в целом.

Полученные в процессе информационного обмена научные знания внедряются в практическую деятельность субъектов путем непрерывного специализированного образования.

Разработанные модели имеют ярко выраженную практическую направленность. Результатом деятельности подсистем в единой системе противодействия являются с одной стороны – обеспечение заданного уровня КБ, с другой – выявление, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых с использованием СКТ.

Предпринятая нами попытка формализации деятельности по противодействию высокотехнологичной преступности в рамках национальной системы позволяет приблизиться к использованию обширного математического аппарата для разрешения проблемных вопросов противодействия высокотехнологичным преступлениям в целом.

Список использованных источников

1. Козлов, В.Е. Противодействие компьютерной преступности: проблемные вопросы и пути их разрешения : монография / В.Е. Козлов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 256 с.
2. Черненко, И.Т. О состоянии борьбы с компьютерной преступностью в Республике Беларусь / И.Т. Черненко // Упр. защитой информ. – 2002. – № 3. – С. 360–368.
3. Вехов, В.Б. О необходимости разработки криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки // Компьютерная преступность и кибертерроризм : сб. науч. ст. ; под ред. В.А. Голубева, Т.Н. Ахтырской. – Запорожье : Центр исслед. компьютер. преступности, 2004. – Вып. 2. – С. 116–122.
4. Козлов, В.Е. Ситуационное моделирование с использованием информационных ресурсов, влияющих на эффективность противодействия компьютерной преступности / В.Е. Козлов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 165–168.
5. Козлов, В.Е. Об учебной дисциплине «Облачные технологии» в правоохранительной деятельности / В.Е. Козлов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 202–206.

Дата поступления в редакцию: 09.01.18

V.J. Kozlov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Tactical-Special Training of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON SOME ASPECTS OF FORENSIC SUPPORT OF COUNTERACTION TO CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF COMPUTER EQUIPMENT

In the article some aspects, forensic support of counteraction to crimes, committed with the use of computer hardware, are considered. Its content is based on the results of research in the field of countering «high-tech crime», conducted at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. The proposals formulated are of a debatable nature.

Keywords: forensic support, crimes in the sphere of high technologies, counteracting high-tech crime, the preparation and investigation of crimes.

УДК 343.985.8

Д.Н. Лахтиков, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Излагается необходимость совершенствования аналитического компонента в профилактической деятельности оперативных подразделений ОВД, объясняется актуальность широкого внедрения технологий и использования инструментария аналитической работы, от которой в определенной степени зависят эффективность и качество функционирования системы оперативно-розыскной профилактики (ОРП). Излагаются востребованность и целесообразность активного развития аналитической составляющей ОРП как направления совершенствования этой деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: аналитическое обеспечение, ОРП, оперативные подразделения, профилактика преступлений, профилактическая деятельность.

В соответствии со ст. 3 Закона от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» на оперативные подразделения ОВД возложена задача предупреждения преступлений, которая в теории и практике ОРД трансформировалась в самостоятельную форму – ОРП. Данный вид деятельности осуществляется оперативными подразделениями ОВД с использованием всего комплекса оперативно-розыскных сил, средств и методов.

В основе ОРП ОВД – работа с информацией, и, хотя вопросы информационного обеспечения ОРП достаточно глубоко изучены в ранее проведенных исследованиях, в современных условиях для ОРП ОВД необходимо учитывать новые тенденции развития общества и технологий [1, 2]. Угрозы преступного характера весьма динамичны и разнообразны, установление и анализ признаков криминальной опасности необходимы еще до совершения преступления, чтобы своевременно принять меры превентивного характера, организовать и провести соответствующие оперативно-розыскные мероприятия, обеспечить информационное и силовое реагирование на определенных объектах и в отношении контингента лиц, представить достоверные сведения для решения иных задач, стоящих перед оперативными подразделениями ОВД.

Сегодня все большую актуальность в сфере борьбы с преступностью приобретает аналитическая работа, которую целесообразно осуществлять по различным направлениям. Например, разработка параметров использования оперативно-розыскных сил и средств; прогнозирование криминальной активности отдельных лиц и групп для их изобличения либо пресечения преступной деятельности. При этом аналитическое обеспечение профилактической деятельности обычно направлено на решение конкретных разовых тактических задач.

Повсеместное использование информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества изменило представление о месте и роли информации, средствах ее обработки.

Необходимые для осуществления профилактической деятельности сведения находятся в большом массиве ненужных данных, причем информация может содержаться в скрытой форме (связи между некоторыми показателями, временные и пространственные зависимости и т. д.). Найти нужную информацию обычно не представляется возможным без применения методов аналитического (компьютерного) поиска, которые все более широко применяются в различных отраслях жизни [3, с. 70]. Совокупность названных методов (сегодня – Data Mining) является мультидисциплинарной областью, методологией интеллектуального анализа данных с целью обнаружения скрытой и неявной информации, появившейся и развивающейся на базе достижений прикладной статистики, распознавания образов, теории баз данных и др. Наличие различных направлений использования указанных методов обосновывает обилие методов и алгоритмов, реализованных в разнообразных действующих системах Data Mining. Многие из таких систем интегрируют в себе сразу несколько подходов и, как правило, в каждой системе имеется какая-то ключевая компонента, на которую делается основная ставка [4, с. 18].

При этом появление новых для ОРД возможностей до настоящего времени не нашло достаточного отражения ни в специальной, ни в научной литературе, ни в работе оперативных подразделений ОВД. Потенциал аналитического поиска отдельные оперативные подразделения ОВД эпизодически применяют при выявлении преступлений. В профилактической деятельности оперативных подразделений ОВД указанные возможности практически не используются.

Повышение роли информационных технологий является объективной тенденцией современного общества и влечет не только увеличение числа межличностных контактов, но и появление новых способов связи, особое место среди которых занимает интернет, где аккумулируются в себе огромные возможности в сфере взаимодействия людей, где сформирован особый тип коммуникационной среды, тесно связанной с повседневной жизнью. Смещение акцентов информационно-аналитической работы в интернете расширяет поле противодействия преступности. Сегодня практически любое учреждение и организация в сети имеет в пользовании значительные информационные массивы. Большинство людей, особенно в молодежной среде, имеют страницы в социальных сетях. Наиболее популярные в Беларуси – «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир», Facebook, Twitter и др. Их содержание пополняется самими участниками, предоставляется возможность отражения информации о пользователе: Ф.И.О., дата и место рождения, место жительства, учебные заведения, фотоснимки и др. Также характерным для со-

циальных сетей является организация системы «друзей», чье формирование происходит из круга общения реальной и виртуальной жизни. С учетом сказанного поиск в интернете с последующим анализом собранной информации должен являться одним из перспективных направлений работы субъектов ОРД.

Применение современных информационных технологий в ОРД ОВД позволяет не только добывать и накапливать оперативную и иную информацию, но и непосредственно анализировать ее на более высоком уровне, используя в том числе программные продукты, имеющиеся в свободном доступе. Идеальной моделью является автоматизированный компьютерный многовекторный мониторинг сети Интернет с последующей фиксацией значимой информации и непрерывным информированием соответствующих оперативных подразделений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес.

Правоохранительные органы иностранных государств также идут ко все большему включению аналитической составляющей в работу по противодействию преступности [5, с. 23]. В свою очередь, при осуществлении профилактической деятельности оперативными подразделениями ОВД, обладающими гласными и негласными источниками информации, простое накопление информации недопустимо, необходима эффективная система аналитического обеспечения.

Изучение специальной и научной литературы по проблеме аналитической деятельности в профилактике преступлений и ОРП позволяет констатировать, что в настоящее время изучаются определенные аспекты подобного рода деятельности, где акцент делается на информационные технологии, однако комплексных исследований, раскрывающих суть и содержание аналитического обеспечения ОРП, сегодня нет.

С позиции теории аналитической работы в ОРД обозначенная деятельность рассматривается не только как соответствующая деятельность специализированных субъектов – сотрудников информационно-аналитических подразделений, но и как познавательный процесс в целом с отдельными приобретенными в ходе него навыками для всех субъектов ОРД. Аналитическая работа независимо от сферы своего применения – творческая деятельность, связанная с оценкой имеющейся информации и подготовкой на ее основе оптимальных решений [6, с. 85]. В сфере профилактической деятельности аналитическая работа осуществляется оперативными подразделениями ОВД и заключается в приведении разрозненной оперативной и иной информации в логически обоснованную систему зависимостей (пространственных, временных, причинно-следственных и др.). Такая система позволяет адекватно оценивать совокупность фактов в целом и каждый в отдельности; выявлять условия, способствующие совершению преступлений; оказывать оперативно-профилактическое воздействие на конкретных лиц.

Изучение организации аналитического обеспечения в определенных сферах правоохранительной деятельности показывает, с одной стороны, что сложилась ситуация, когда созданы и функционируют структурные подразделения, обязанности которых связаны с выполнением различных видов аналитической работы, а также обработкой и систематизацией различных информационных материалов; с другой – фактически реализация информационно-аналитической работы сводится исключительно к информационному компоненту, т. е. к сбору информации, обеспечению функционирования различных программных продуктов, поддерживающих работу информационных баз данных. Таким образом, деятельность позиционируется с претензией на научную обоснованность, на практике в отдельных случаях компрометируется сама идея аналитического обеспечения, так как анализ, направленный на выявление сущностных свойств процесса, изучение взаимосвязей и обоснование целесообразности стратегических и тактических решений, фактически не применяется. Причина складывающейся ситуации в определенной степени заключается в неразработанности в ОРП ОВД теоретических и методологических основ аналитической составляющей как самостоятельного вида профессиональной деятельности.

Необходимость более широкого использования аналитических технологий в ОРП ОВД очевидна и обусловлена циркулированием многоуровневой разноплановой информации криминального характера, отсутствием широкого внедрения современных подходов принятия и реализации тактических решений, несоответствием содержания фактической деятельности отдельных структур заявленной технологической и функциональной нагрузке. Опираясь на аналитические данные, ОРД должна быть активной и превентивной. Необходимо своевременно анализировать оперативную и иную информацию, накапливаемую различными оперативными

подразделениями ОВД для установления на основе разрозненных данных взаимосвязей между интересующими ОВД лицами и фактами, представляющими оперативный интерес, получения качественно новой информации об интересующих оперативные подразделения событиях.

Так, в специальной литературе выделяется четыре уровня, на которых может находиться аналитическое обеспечение ОРП:

хаотический. Характеризуется разработкой аналитической модели, отсутствием квалифицированных аналитиков, разовым использованием результатов аналитической деятельности, нехваткой технологий и средств «продвинутого» сбора и анализа данных, работой с программами Word и Excel;

ответной реакции. Отличается наличием специалистов с опытом аналитической работы, недостаточно совместимых средств и технологий анализа, а также отсутствием возможности импортирования данных из различных баз для их анализа. На этом уровне аналитическая работа нацелена на конкретные проблемы, связанные с преступностью, выявленные вне аналитического процесса;

эволюционный. Характеризуется наличием профессиональных аналитиков со специальным образованием, функционированием специализированных аналитических подразделений, участием руководства в аналитическом процессе, объединением аналитических технологий и инструментов в централизованную аналитическую систему, располагающую программным обеспечением, интегрирующим различные аналитические процессы;

всеобъемлющий. Характеризуется присутствием аналитиков и аналитики на всех уровнях с их глубокой специализацией [5, с. 24–26].

Для усиления аналитической составляющей в профилактической деятельности оперативных подразделений ОВД целесообразно решать вопрос о подготовке соответствующих специалистов, обеспечении аналитическими программными продуктами, позволяющими интегрировать информационные материалы, способные осуществлять статистический анализ преступности, анализ оперативной информации, использовать геоинформационные системы и другие возможности. При этом сам по себе инструментарий не исключает риска и неопределенности при принятии решений, обладает способностью осуществлять достоверные прогнозы в зависимости от значительного числа переменных, в большинстве случаев не имеющих отношение к самой технологии, в том числе от качества информации, которую анализирует система, а также от компетентности аналитика.

Таким образом, можно заключить, что аналитическое обеспечение может явиться важнейшим элементом организации ОРП ОВД, базой для планирования и прогнозирования, принятия оптимальных тактических и стратегических решений. В свою очередь, причина недостаточного развития аналитической работы в определенной степени заключается в неразработанности в ОРП ОВД ее гносеологических и праксиологических основ.

Совершенствование аналитического обеспечения профилактической деятельности оперативных подразделений ОВД необходимо и актуально. Этот процесс может стать этапом эволюции возможностей аналитики в контексте средств профилактики, а основным направлением внедрения аналитической деятельности в ОРП ОВД должна стать научная разработка и конструирование системы аналитического обеспечения профилактической деятельности оперативных подразделений ОВД, активизация процесса подготовки соответствующих специалистов.

Список использованных источников

1. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С.С. Овчинский ; под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. – М. : Инфра-М, 2000. – 367 с.

2. Яскевич, А.В. Использование возможностей специализированных интернет-сайтов в оперативно-розыскной профилактике / А.В. Яскевич, Д.Н. Лахтиков // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. ; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.] ; Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Вып. 1. – С. 70–74.

3. Нефедов, С.Н. Применение методов Data Mining & Knowledge Discovery в оперативно-розыскной деятельности / С.Н. Нефедов, В.А. Пархименко, М.М. Татур // Актуальные вопросы оперативно-розыскной дея-

тельности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 2 июня 2017 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 70–72.

4. Возяков, В.И. О поддержке принятия решения в технологии Data Mining / В.И. Возяков, В.П. Филиппов // Вестн. Рос. ун-та кооперации. – № 1. – 2015. – С. 18–27.

5. Полетаева, И.В. Модель аналитического процесса в практике правоохранительных органов на примере Королевской канадской полиции / И.В. Полетаева // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам иностр. печати). – 2016. – № 3. – С. 22–32.

6. Денисов, В.В. Сущность и содержание информационно-аналитического обеспечения полицейской разведки / В.В. Денисов, Е.Н. Яковец // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2017. – № 1. – С. 84–89.

Дата поступления в редакцию: 19.01.18

D.N. Lakhtikov, Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head, Department of Operational and Investigative activities of the Faculty of the police of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PECULIARITIES OF ANALYTICAL SUPPORT OF PREVENTIVE ACTIVITY OF OPERATIONAL SUBDIVISIONS OF INTERNAL AFFAIRS

The need for improving the analytical component in the preventive activities of the operational divisions of the internal affairs agencies is explained, the urgency of the wide introduction of technologies and the use of analytical tools, on which the effectiveness and quality of the operational-search prevention system depends to some extent, is explained. The demand and expediency of the active development of the analytical component of operational-search prevention as a direction for improving this activity in modern conditions is outlined.

Keywords: analytical support, operational-search prevention, operational units, crime prevention, preventive activities.

УДК 343.985.8

А.Н. Толочко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tolochko28061981@mail.ru)

АЛГОРИТМ РЕШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НАУЧНЫХ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОГО И ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Предложен универсальный алгоритм научной разработки оперативно-тактического обеспечения различных направлений деятельности оперативных сотрудников, касающихся особенной и общей части ОРД (раскрытие отдельных видов преступлений, розыск лиц, работа с конфидентами и др.). Алгоритм также может использоваться для аналогичных научных разработок в области криминалистической тактики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная тактика, оперативно-розыскное мероприятие, оперативно-розыскное действие, тактический прием, оперативная комбинация, оперативно-розыскная ситуация.

Разработка тактического инструментария для правоохранительной практики – одна из наиболее сложных научных задач. Если организация предполагает вопрос «что делать?», методика – «как делать?», то тактика, чье использование позволяет быстро и эффективно получать, проверять и реализовывать информацию, отвечает на вопрос «как делать, чтобы перехитрить преступника, оказывающего противодействие правоохранительным органам?».

Разработка тактического инструментария достаточно сложна, и многие исследования здесь сводятся только к составлению рекомендаций по осуществлению отдельных оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий. При этом результаты исследований не всегда соответствуют критерию новизны, а по факту обновляют наработки предшественников.

Анализ профессиональной практики сотрудников оперативных подразделений и следователей, литературных источников о проблемах оперативно-розыскной и криминалистической тактики позволяет выработать оптимальный научный подход к разработке оперативно-тактического обеспечения самого сложного и очень значимого направления деятельности оперативных сотрудников – раскрытия отдельных видов преступлений.

В рамках заявленной проблемы авторская разработка адресована исключительно исследователям-теоретикам. Подобные разработки методологического характера уже имели место в трудах предшественников. Так, Е.В. Смахтин, например, предложил алгоритм научного исследования преступной деятельности, заключающийся: в эмпирическом обобщении и опытным выявлении информации, входящей в предмет криминалистики, т. е. выявлении закономерного на уровне следовой картины в механизме преступной деятельности; установлении других элементов механизма и их взаимосвязи; теоретическом обобщении полученной информации; формулировании выводов; создании криминалистической характеристики (модели) преступной деятельности; внедрении ее в практику; уточнении на уровне последующего эмпирического обобщения (обратная связь) [1, с. 29].

Итак, алгоритм научной разработки оперативно-тактического обеспечения раскрытия отдельных видов преступлений должен состоять из определенных этапов.

Определение содержания оперативно-розыскной тактики раскрытия преступлений рассматриваемого вида. На основе литературных источников и анализа практики определяется совокупность наиболее эффективных тактических построений, имеющих функционально-деятельностное назначение для раскрытия рассматриваемых преступлений. К ним относятся: оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскные действия, тактические приемы, оперативные комбинации.

Оперативно-розыскные действия – не являющиеся оперативно-розыскными мероприятиями, организационные, управленческие и иные действия, обеспечивающие законность и эффективность ОРД. Могут быть связаны с проведением поисковых и заградительных мероприятий на местности, осуществлением организационной, проверочной, справочной и информационно-аналитической работы. Часто не зависят от конкретных оперативно-розыскных версий, могут иметь сторожевой, блокирующий характер, заключаться в ориентировании сотрудников ОВД, конфидентов, информировании общественности, различных организаций и учреждений. Могут дублировать действия других представителей правоохранительных органов, не наделенных правом осуществления ОРД (участковые инспекторы, инспекторы инспекций по делам несовершеннолетних и др.); являться мероприятиями, проводимыми оперативными сотрудниками на первом этапе оперативного поиска, когда нет законных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Оперативно-розыскные действия значительно «мягче» оперативно-розыскных мероприятий по отношению к воздействуемым объектам.

Тактические приемы направлены на введение в заблуждение (дезинформирование) подозреваемого и его связей, установление с ними психологического контакта, выведывание важной информации. Используются для наиболее эффективного проведения оперативно-розыскных мероприятий (например, для проведения оперативного опроса сначала требуется установить местонахождение соответствующего лица, установить с ним психологический контакт и т. д.; в этом случае тактические приемы будут направлены на установление местонахождения и психологического контакта).

Оперативные комбинации побуждают подозреваемого и связанных с ним лиц к выгодным для оперативных сотрудников действиям.

Важно понимать, что тактические приемы и оперативные комбинации могут осуществляться и вне оперативно-розыскных мероприятий: в зависимости от требований оперативно-розыскной ситуации. В таком случае приемы и комбинации можно называть также оперативно-розыскными действиями, а традиционно они осуществляются по правилу «не запрещено, поэтому разрешено». Здесь очень важно следить за соблюдением принципов оперативно-розыскной деятельности, особенно принципа законности.

Выявление типичных оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе раскрытия преступлений рассматриваемого вида. На основе изучения практики, дел оперативного учета выявляются типичные ситуации (характерные, часто встречающиеся, часто повторяющиеся). Предпочтение уделяется наиболее часто встречающимся ситуациям, заслуживающим наибольшего внимания с учетом проблем, существующих на практике.

Определение основных направлений работы по раскрытию преступлений рассматриваемого вида в зависимости от преследуемых оперативными сотрудниками целей. С учетом изучения

практики и анализа ранее выявленных типичных оперативно-розыскных ситуаций вырабатываются основные направления работы по раскрытию преступлений: работа по раскрытию на первоначальном и последующем этапах; получение исходной информации для раскрытия; преследование преступника по горячим следам; оповещение компетентных органов, организаций и общественности; сбор сведений о подозреваемом и его связях; отработка связей и др.

Определение оптимальных комплексов действий оперативных сотрудников в каждой типичной ситуации и по каждому из основных направлений. Ранее подобранные тактические построения (образующие содержание оперативно-розыскной тактики раскрытия преступлений рассматриваемого вида) распределяются по подгруппам для получения наиболее подходящих комплексов действий применительно к действиям в каждой типичной ситуации и по каждому из основных направлений.

При комбинировании тактических построений в комплексы задействовать их все не обязательно. Здесь важно, чтобы сформированные комплексы позволяли удачно решать поставленную перед оперативным сотрудником задачу: осуществлять (проводить) максимально быстро, тактически грамотно эффективную работу в условиях каждой типичной ситуации и по каждому из основных направлений.

Незадействованные тактические построения не бывают лишними, могут быть использованы для работы в нестандартных, специфических ситуациях в рассматриваемой области, требующих для решения творческого подхода. При этом образованные комплексы действий при необходимости могут быть алгоритмизированы.

Предложенный схема-алгоритм универсален по отношению ко всем без исключения видам преступлений, так как его использование позволит исследователям быстро и эффективно осуществлять научные разработки в указанной области, проецируя специфику раскрытия преступлений того или иного вида на приведенный алгоритм.

Разработка оперативно-тактического обеспечения раскрытия отдельных видов преступлений, в свою очередь, направлена на наиболее быстрое и эффективное решение задач оперативными сотрудниками в борьбе с преступностью, различных оперативно-тактических задач с учетом возможности использования разработанных оптимальных оперативно-розыскных мер.

Предложенный алгоритм применим и к научной разработке оперативно-тактического обеспечения иных направлений деятельности оперативных сотрудников, относящихся к основной части ОРД и общей (раскрытие отдельных видов преступлений, розыск лиц, работа с конфидентами и др.).

Доказательством эффективности авторских предложений может послужить следующий пример.

Разработаем оперативно-тактическое обеспечение розыска обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия. Для решения этой задачи необходимо:

определить оперативно-розыскные мероприятия (оперативный опрос, наведение справок, оперативное отождествление, оперативный осмотр, наблюдение, слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений);

наметить оперативно-розыскные действия (проверка мест возможного нахождения, появления разыскиваемого; организация засад в местах проживания его родственников и знакомых; постоянное изучение распечаток телефонных переговоров близких лиц разыскиваемого; оповещение о розыске другие ОВД; информирование учреждений и организаций, куда разыскиваемый может обратиться в ходе сокрытия либо где он может появиться независимо от собственных пожеланий, и др.);

продумать и определить тактические приемы (вынуждение разыскиваемого активно использовать в ходе сокрытия свои связи; зашифровка целей общения с близкими лицами, знакомыми разыскиваемого; вызов разыскиваемого под благовидным предлогом в ОВД, не предпринимая активных мер по его розыску, например, посредством телефонного звонка его родным, посещения его родных участковым инспектором и др.);

составить оперативные комбинации (создание искусственных условий, побуждающих разыскиваемого посетить те или иные места, обратиться в определенные учреждения (например, на почту за получением посылки, денежного перевода или заказного письма и пр.), где ведут

наблюдение сотрудники ОВД; создание искусственных условий, вынуждающих разыскиваемого встретиться с определенными лицами, за которыми установлено наблюдение; создание искусственных условий, вынуждающих родственника либо иного близкого разыскиваемому человека (находящегося под оперативным наблюдением) встретиться с разыскиваемым (например, для передачи важной информации о ходе розыска)) [2, с. 49–57].

Продемонстрируем механизм формирования оптимальных комплексов действий в одной из типичных ситуаций и по одному из основных направлений работы, связанных с розыском обвиняемых.

Ситуация. В процессе розыска появились веские основания полагать, что разыскиваемый поддерживает связь с одним из своих родственников, друзей, знакомых и др. (100 % изученных розыскных дел). Необходимо установить места, посещаемые этим лицом (с которым разыскиваемый поддерживает связь), маршруты его передвижения и связанных с ним лиц. Требуется активизировать проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении данного лица (контроль в сетях электросвязи, наблюдение); применять методы ОРД, в частности, использовать лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, из числа ближайшего окружения; постоянно осуществлять анализ распечатки входящих и исходящих телефонных соединений данного лица; при проведении опросов данного лица по возможности использовать полиграф. Одновременно необходимо тщательно изучать личность указанного лица: образ жизни, трудовую и общественную деятельность, финансовое положение, взаимоотношения с членами семьи, родственниками, знакомыми, наличие и местонахождение автотранспорта, банковских счетов, акций и других ценных бумаг и т. д. [3, с. 95–96].

Направление работы: осуществление постоянного контроля за местами возможного появления разыскиваемого. Для этого необходимо обеспечить организацию постоянного наблюдения за этими местами, в этих местах; использовать помощь граждан, особенно проживающих неподалеку от таких мест или часто их посещающих; систематически просматривать видеозаписи систем видеонаблюдения, в поле зрения которых попадают данные места [4, с. 444–449].

Следует отметить, что предложенный алгоритм годен к научной разработке и тактико-криминалистического обеспечения самых разных направлений деятельности следователей. Необходимо учитывать, что оперативно-розыскная тактика, как и остальные оперативно-розыскные вопросы, во многом начала свое формирование в рамках криминалистики. Та часть, где рассматриваются оперативно-розыскная ситуация, тактический прием, оперативно-розыскная версия, выработка и принятие тактических решений, теория оперативных комбинаций и тактических операций, в значительной мере опирается на основополагающие положения криминалистики по указанным вопросам. Главное различие между оперативно-розыскной и криминалистической тактикой состоит в субъектах, ее применяющих (оперативные сотрудники и следователи), и в реализуемых этими субъектами деяниях (оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия). При этом важно понимать, что применение оперативно-розыскной тактики сопряжено с возможностью возникновения проблем, относящихся к нравственно-психологической и морально-этической сферам.

Список использованных источников

1. Смахтин, Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Смахтин ; Тюм. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 45 с.
2. Толочко, А.Н. Содержание оперативно-розыскной тактики розыска обвиняемых, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда / А.Н. Толочко // Следователь. – 2011. – № 5. – С. 49–57.
3. Родевич, В.Ч. Розыск обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия / В.Ч. Родевич, А.Н. Толочко. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 122 с.
4. Толочко, А.Н. Типичные оперативно-розыскные ситуации и ключевые направления работы как основа выработки рекомендаций по организации и осуществлению розыска скрывающихся обвиняемых / А.Н. Толочко // Роль науки в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 24 июня 2011 г. / Алмат. Акад. МВД Респ. Казахстан ; редкол.: Т.А. Кулибаев (отв. ред.) [и др.]. – Алматы, 2011. – С. 438–449.

A.N. Tolochko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Operational-Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
ALGORITHM OF SOLVING SOME SCIENTIFIC OBJECTIVES OF OPERATIONAL-TACTICAL AND TACTICAL-CRIMINALISTIC CHARACTER

A universal algorithm for the scientific development of operational and tactical support for various areas of activity of operational officers is proposed. It concerns a special and general part of the detective activity (disclosure of certain types of crimes, search for persons, work with confidants, etc.). The algorithm can be used for similar scientific developments in the field of criminalistic tactics.

Keywords: detective tactics, detective measures, detective action, tactical reception, operational combination, detective situation.

УДК 343

А.В. Яскевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор Академии МВД Республики Беларусь по научной работе;

И.В. Пашута, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: pashutaiv@yandex.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Рассматриваются современные подходы к выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики, использованию новых методов, основанных на интеграции экономических и криминалистических знаний. Предлагаются пути совершенствования методик расследования на основе объединения практических наработок и теоретических обобщений с целью выработки механизмов противодействия преступности в различных областях экономики. Уделяется внимание особенностям оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел в сфере экономики.

Ключевые слова: выявление и расследование преступлений в сфере экономики, криминалистический анализ, экономико-криминалистические несоответствия, экономико-правовой анализ, оперативно-розыскное сопровождение.

Выявление и расследование экономических преступлений – комплексная проблема, решение которой возможно посредством теоретического осмысления совокупности факторов, складывающихся в сфере хозяйственной деятельности и порождающих экономическую преступность. Одними из отличительных признаков экономической преступности являются принадлежность субъекта к процессу хозяйственной деятельности и корыстный характер противоправного деяния [1]. Следует отметить, что цель экономической преступности мало чем отличается от легитимной экономической деятельности и заключается в извлечении прибыли и получении материальной выгоды. Но при совершении экономических преступлений выгода достигается посредством осуществления экономической деятельности незаконными методами.

Так как сфера распространения экономических преступлений достаточно широка, вопросы противодействия ей затрагивают многие аспекты: создание соответствующей нормативной базы, регламентирующей в достаточном объеме экономическую деятельность; наличие надлежащей системы контроля в хозяйственной сфере; внедрение новых методик расследования; взаимодействие между контрольно-ревизионными службами и правоохранительными органами; организацию стабильной и эффективной системы подготовки сотрудников правоохранительных органов и др.

Решение обозначенных вопросов может осуществляться по разным направлениям и предполагает системный подход, объединяющий практические наработки с теоретическими обобщениями практики, для выработки соответствующих механизмов противодействия преступности в различных сферах экономики.

Одним из направлений данной деятельности является использование криминалистического анализа, объединяющего методы криминалистического моделирования, сравнения и анализа [2]. Такой симбиоз позволяет устанавливать сходство или отличие сравниваемых объектов,

определять соответствующие качественно-количественные характеристики, принимать на этой основе правовые и (или) криминалистические решения. Однако для успешного использования положений экономических наук в процессе расследования преступлений недостаточно прямого заимствования методов. Необходима их творческая переработка с учетом криминалистического представления о взаимодействии преступной и экономической деятельности, что позволяет определять механизмы слеодообразования в системе экономической информации [3].

В свою очередь, разработка методики расследования отдельных категорий уголовных дел предполагает необходимость приспособить научные, специальные знания в области экономики к уже известным в криминалистике приемам и методам. В этом состоит задача теоретического осмысления приобретенного практикой материала для развития новых технических и тактических приемов расследования на основе интеграции криминалистических и финансово-экономических знаний [4]. Также логично, чтобы методика расследования включала кроме традиционных разделов и деятельность по сбору документов, куда соответственно могут быть встроены ревизии, выборки документов и соответствующие экспертизы. Так как в настоящее время специальных знаний в области экономики и финансов у следователя, как правило, недостаточно, предлагается осуществлять их экономическую специализацию, применять программно-целевой научный анализ, создаваемый с помощью разработки криминалистических программ [5].

Процесс поиска новых путей в расследовании экономических преступлений предлагает С.Ю. Журавлев – использовать термин «экономико-криминалистические несоответствия» [6], т. е. выявлять определенного рода расхождения, нестыковку, возникающие между данными информационного состояния определенного исследуемого объекта и тем, что имеет место в действительности.

Д.В. Васильев и А.А. Ласкин, например, отмечают в качестве причин недостаточной активности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений два вида факторов: объективные и субъективные. Первые предполагают отсутствие достаточно разработанных методик расследования, сложность выявления экономических преступлений, проблемы с проведением сложных экспертиз. Ко вторым относятся недостаточная квалификация сотрудников правоохранительного блока и сложность восприятия предмета преступления ввиду множества особенностей экономической деятельности. Решение обозначенных проблем, по мнению авторов, заключается в выработке системы организационных мер по развитию специфической системы обучения и подготовки кадров [7].

Достаточно важное направление оптимизации деятельности по выявлению преступлений в сфере экономики – повышение уровня осведомленности сотрудников правоохранительных органов о складывающейся оперативной обстановке на обслуживаемых объектах. С этой целью видится целесообразным применение новых организационно-тактических методов оперативно-розыскной деятельности, основанных на аналитическом поиске, разновидностью которого является экономико-правовой анализ. Вместе с тем его использование предполагает наличие специальных познаний в области экономики и финансов. В этой связи некоторыми авторами предлагается создание подразделений аналитической направленности, обязанностью которых будет осуществление экономико-правового анализа по заданиям оперативных подразделений [8].

Так, в рамках обозначенной темы и с позиции практики внимания заслуживают подходы к данной проблеме именно практиков. Например, Д.Б. Чернышев полагает, что положительным опытом расследования преступлений в сфере экономики можно считать включение в штат оперативных подразделений, отвечающих за борьбу с экономическими преступлениями, сотрудников, обладающих специальными познаниями в области бухгалтерского учета. Речь идет о тех, кто может еще на стадии доследственной проверки определить направление усилий оперативного подразделения на установление и изъятие документов и носителей информации. Также в процессе расследования оправданно привлекать данных специалистов для дачи рекомендаций в ходе проведения осмотра, обыска либо выемки, определении того, какие именно документы, несущие необходимую информацию, подлежат изъятию и др. [9].

В процессе противодействия экономической преступности значимую роль отводят оперативно-розыскной деятельности. Без проведения комплекса оперативно-розыскных меропр-

ятий, использования информации, полученной из конфиденциальных источников, практически невозможно качественно расследовать уголовные дела в данной сфере экономической деятельности.

Вообще оперативно-розыскное обеспечение выявления и расследования преступлений можно условно разделить на две части. Первая касается осуществления ОРМ для выявления и пресечения фактов противоправной деятельности. В этом случае решение о порядке использования оперативных возможностей, степени оперативной активности, направленности оперативного поиска находится в компетенции оперативных подразделений. Вторая предполагает деятельность по сопровождению возбужденных уголовных дел экономической направленности с использованием возможностей оперативно-розыскных подразделений (проведение по поручению следователя ОРМ, направленных на установление обстоятельств расследуемого преступления; представление органу уголовного преследования необходимой оперативной информации для планирования расследования и производства отдельных следственных действий и т. д.). Следует обратить внимание, что ОРМ в процессе сопровождения уголовных дел могут проводиться не только по поручению следователя. В ходе данной деятельности могут выявляться ранее неизвестные факты; предотвращаться и пресекаться новые эпизоды противоправной деятельности лиц, попавших в орбиту уголовного преследования; решаться иные задачи, выходящие за рамки расследуемого преступления. Однако в основной массе расследуемых дел оперативно-розыскное сопровождение осуществляется по поручению следователя.

Основную и большую часть сведений орган уголовного преследования получает в результате исследования различного рода документов, в которых информация может содержать не только в текстовой, но и цифровой форме. В частности, речь может идти о проведении поисково-аналитических мероприятий в интернете. Соответственно многие виды следов носят информационный характер, и поэтому для их распознавания, фиксации и исследования необходимы специальные знания не только в области экономики, но и информационных технологий. При этом следователю с целью взаимной проверки таких доказательств часто приходится переходить от прямого их сопоставления до сопоставления заключений специалистов по поводу этих доказательств [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики весьма специфична, требует глубоких познаний в области экономики и финансов, использования новых интегративных подходов в совершенствовании криминалистических методов и методик, проведения необходимых организационных мероприятий, направленных на обеспечение соответствующими специалистами оперативно-розыскных и следственных органов.

Список использованных источников

1. Экономическая безопасность Российской Федерации : учебник для вузов : в 2 т. / под общ. ред. С.В. Степашина. – М. ; СПб. : Лань, 2001. – Т. 2. – 1248 с.
2. Бертовский, Л.В. Криминалистический сравнительный анализ как метод выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности / Л.В. Бертовский // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. – 2016. – № 4. – С. 20–24.
3. Голубятников, С.П. Проблемы адаптации положений экономических наук к задачам выявления и расследования преступлений / С.П. Голубятников, С.П. Шумак // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2016. – № 2. – С. 127.
4. Попов, И.А. Теоретические основы методики расследования отдельных видов преступлений: становление и современное состояние / И.А. Попов, А.В. Борбат // Рос. следователь. – 2017. – № 12. – С. 14.
5. Александров, И.В. Криминалистические проблемы расследования экономических преступлений / И.В. Александров // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 10. – С. 14–17.
6. Каминский, М.К. Криминалистические основы системы раскрытия преступлений в сфере экономики (применительно к сформулированной С.Ю. Журавлевым концепции криминалистического комплекса методических и тактических средств расследования преступлений в сфере экономики) / М.К. Каминский // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2016. – № 3. – С. 50.
7. Васильев, Д.В. Проблемы правового обеспечения противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики и пути их решения / Д.В. Васильев, А.А. Ласкин // Закон и право. – 2018. – № 3. – С. 18–20.
8. Поправко, А.С. Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по осуществлению экономико-правового анализа в ходе выявления и раскрытия налоговых пре-

ступлений в сфере строительства / А.С. Поправко // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2018. – № 1. – С. 157–160.

9. Чернышев, Д.Б. О некоторых проблемах, связанных с подготовкой к назначению судебной бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Д.Б. Чернышев // Рос. следователь. – 2017. – № 18. – С. 24.

10. Прорвич, В.А. Комплексное применение специальных знаний для выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики / В.А. Прорвич // Тр. Акад. упр-я МВД России. – 2017. – № 3. – С. 65–71.

Дата поступления в редакцию: 10.05.18

A.V. Yaskevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Vice Principal for Research of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; **I.V. Pashuta**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminalistics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONTEMPORARY TENDENCY OF IDENTIFICATION AND CRIMINAL INVESTIGATION IN THE SPHERE OF ECONOMICS

The article deals with the contemporary approach to the criminal identification and investigation in the sphere of economics, the use of new methods, based on investigation of economical and criminal knowledge. Suggested directions for improvement of investigation techniques by merging practices and theoretical generalization for development of a mechanism to counter criminality in different spheres of economics. Emphasis is placed on specificities of operational measures to the criminal cases in the sphere of economics.

Keywords: identification and investigation of the criminal cases in the sphere of economics, criminal analysis, economical and forensic inconsistency, economical and forensic analysis, operational measures.

УДК 343.132

П.В. Мытник, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: pmytnik@yandex.ru)

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

Рассматривается система следственных действий, предусмотренная УПК Республики Беларусь. Частично анализируется уголовно-процессуальное законодательство зарубежных государств (ФРГ, Грузия, Украина и др.). Приводятся в качестве примеров некоторые научные работы специалистов в области уголовного процесса. Предлагается авторская позиция путей совершенствования правовой регламентации следственных действий.

Ключевые слова: ОРД, понятие, санкционирование, система, следователь, следственные действия, уголовный процесс, Уголовно-процессуальный кодекс.

В зарубежной и отечественной науке существует достаточно определений понятию «следственные действия» (В.Н. Бибило, В.В. Кальницкий, С.А. Шейфер и др.), однако в УПК легальной дефиниции данного термина не содержится.

Тем не менее следственные действия можно определить как процессуальные, производимые управомоченными должностными лицами, получившие детальную регламентацию в уголовно-процессуальном законе и направленные на собирание и проверку доказательств, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по материалам и уголовным делам. Так, систему следственных действий, что закреплено в УПК, образуют процессуальные действия: осмотр (ст. 203–205), эксгумация (ст. 99, 205), освидетельствование (ст. 206), следственный эксперимент (ст. 207), обыск (ст. 110, 173, 208, 210–212), выемка (ст. 209–212), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 213), прослушивание и запись переговоров (ст. 214), допрос (ст. 215–221, 237, 244), очная ставка (ст. 222), предъявление для опознания (ст. 223–224), проверка показаний на месте (ст. 225), назначение и проведение экспертизы (гл. 26), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 234).

Совершенствование системы следственных действий может осуществляться двояко: как выявление отдельных недостатков в правовой регламентации того либо иного следственного действия и выработка предложений по изменению и дополнению действующего УПК и как смена парадигмы. Корректировать УПК в части регламентации следственных действий можно до бесконечности, что в целом является естественным процессом.

Вместе с тем сегодня для совершенствования УПК (в том числе и следственных действий) следует предлагать не столько внесение некоторых изменений, сколько применение кардинальных мер. Речь должна идти о смене парадигмы. Новая система идей, взглядов относительно научной трактовки следственных действий может быть сведена к следующим предложениям.

1. О «смычке» уголовного процесса и ОРД.

Отечественный законодатель, как и советский, проводит границу между уголовным процессом и ОРД. В полной мере аналогична позиция и российского законодателя. В специальной литературе отмечается, что между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями неоправданно воздвигнута китайская стена [1, с. 44–45; 2, с. 10; 3, с. 90].

Несмотря на то что в УПК Республики Беларусь используются понятия «оперативно-розыскные мероприятия» и «оперативно-розыскная деятельность» (п. 6 ч. 5 ст. 34, ч. 7 ст. 36, ч. 2 и 4 ст. 37, ч. 2 ст. 88, ст. 99), сегодня ОРД – самостоятельный вид правоохранительной деятельности. Материалы, «полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном настоящим Кодексом» (ст. 101). Закон от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» данную тенденцию продолжает и предусматривает 14 оперативно-розыскных мероприятий (ст. 18).

Так, в большинстве современных государств Запада с континентальной (например, ФРГ) и англосаксонской системой права (например, США), несмотря на неодинаковые формы судопроизводства, проводятся единые следственно-оперативные мероприятия и разделения между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью фактически не существует. В этих странах отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, не проводится процедура трансформации результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальные доказательства, существует принцип свободы в выборе способов получения доказательств, кроме преступных или прямо запрещенных законом [4, с. 41].

Разграничение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности произошло в советский период. И.Ф. Герасимов отмечал, что недопустимо сращивание следственной и оперативно-розыскной работы, так как такое положение всегда связано с опасностью нарушения законности, предвзятостью, односторонностью в ходе расследования [5, с. 128].

И.Д. Носкевич, например, считает обоснованными мнения многих ученых и практиков, которые для разрешения проблемы трансформации оперативно-розыскной информации в систему доказывания предлагают включить в УПК отдельные нормы, посвященные ОРД [6, с. 9].

По мнению И.Л. Беднякова, одинаковые по содержательному характеру действия, преследующие цель получения и фиксации определенного вида сведений, должны быть изложены в УПК, регламентировать их следует минимальным образом. Такое решение снимает барьер перехода информации, полученной в рамках оперативно-розыскной деятельности, в процессуальную плоскость, существующий в силу искусственного деления процедуры раскрытия и расследования преступлений [7, с. 31]. Такая позиция здесь заслуживает поддержки. По данному пути идут отдельные государства, бывшие в составе СССР.

Так, УПК Украины, принятый Законом от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI, предусматривает не только традиционные следственные действия (допрос, очная ставка, предъявление для опознания и т. д.), но и негласные следственные (розыскные) действия – «разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методы проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных Кодексом» (ч. 1 ст. 246).

Согласно ст. 256 УПК Украины протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, другие результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии могут использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий во время досудебного расследования. Лица, проводившие негласные следственные (розыскные) действия, или те, кто был привлечен к их проведению, могут быть допрошены как свидетели.

Аналогичный подход отмечается и у казахского законодателя. Так, ст. 231 УПК Республики Казахстан, принятого Законом от 4 июля 2014 г. № 231-V, предусмотрены следующие негласные следственные действия: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласные проникновение и (или) обследование места; негласное наблюдение за лицом или местом; негласная контрольная закупка;

негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности. В соответствии со ст. 232 УПК Республики Казахстан негласные следственные действия производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают. Негласные следственные действия, за исключением негласного контроля почтовых и иных отправлений, производятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности.

В уголовном процессе Грузии, например, также осуществляются тайные следственные действия.

В случае заимствования опыта других государств следует иметь в виду гарантии прав и законных интересов физических и юридических лиц. Основным, приоритетным способом получения доказательств должны оставаться традиционные следственные действия [8, 9].

2. Санционирование следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы.

Согласно ст. 25 Конституции государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом.

Ограничение конституционных прав и свобод возможно при производстве по материалам и уголовным делам, при этом в досудебном производстве такое ограничение допускается, как правило, с санкции прокурора – письменного решения прокурора или его заместителя о проведении процессуальных действий (п. 38 ст. 6 УПК).

Осуществляя надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия и дознания, прокурор в соответствии с п. 14 ч. 5 ст. 34 УПК уполномочен санкционировать применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; проведение обыска, осмотра жилища или иного законного владения; наложение ареста на имущество, находящееся в жилище и ином законном владении, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемку; требование о представлении информации и выемку документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; прослушивание и запись переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; извлечение трупа из места захоронения (эксгумация); помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся под стражей, в судебно-психиатрический экспертный стационар; отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности в случаях и порядке, установленных УПК.

Необходимо иметь в виду, что в белорусском досудебном производстве ограничение конституционных прав возможно и по постановлению Председателя Следственного комитета или лица, исполняющего его обязанности (ч. 5 ст. 35 УПК), а также Председателя Комитета государственной безопасности или лица, исполняющего его обязанности (ч. 6 ст. 38 УПК). Указанные постановления не требуют санкционирования прокурором¹.

Следует отметить, что Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента от 10 апреля 2002 г. № 205, планировалось установить судебный порядок санкционирования заключения под стражу, проведения обыска, наложения ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, прослушивания и записи переговоров и других следственных действий, нарушающих (следовало бы употребить в данном контексте прилагательное «ограничивающих») конституционные права граждан.

Такой порядок закреплен в законодательстве большинства государств мира и соответствует международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. Судебный контроль за досудебным производством в виде санкционирования судом мер процессуального принуждения, проведения следственных действий (а не последующий судебный контроль) предусматривает Модельный УПК для государств – участников СНГ (гл. 43) и закреплен в УПК РФ (ч. 2 ст. 29, ст. 125 УПК РФ).

¹ Можно предположить, что наделение перечисленными полномочиями указанных должностных лиц обусловлено стремлением усилить и активизировать борьбу с коррупцией. В уголовном процессе других государств руководители следственных ведомств подобными «сверхполномочиями» не обладают.

Эффективный надзор со стороны независимых судов за любым ограничением конституционных прав и свобод признается главной гарантией недопущения злоупотребления со стороны органов уголовного преследования.

Препятствием для прокурора, осуществляющего надзор за предварительным заключением, необязательно является соблюдение требований институциональной независимости. Прокурор может обладать правовыми гарантиями против давления исполнительной и судебной ветвей власти, а также против давления со стороны начальства для обеспечения принятия ими действительно независимых решений. Такая независимость очень важна, а усилия на ее упрочение повышают доверие к системе уголовного правосудия. Однако этого недостаточно для выполнения судебных функций. Затруднение действительно возникает в соблюдении требования непредвзятости, так как всегда существует возможность, что прокурор, принимающий решение относительно заключения под стражу, проведения обыска и др., впоследствии будет на практике играть определенную роль в судебном обвинении данного лица. Несмотря на то что некоторые прокуроры могут иметь институциональную независимость, согласно международным стандартам все-таки считается, что этого недостаточно, если прокурор является стороной в судебном процессе. Следовательно, от лица, исполняющего роль прокурора, нельзя ожидать непредвзятости, если это лицо поддерживает обвинение в судебном заседании [10, с. 26].

Предпочтение судебному контролю отдается потому, что судья, в отличие от прокурора, не отвечает за раскрытие преступлений и состояние преступности, не выполняет обвинительную функцию. Судья, санкционирующий такие действия и рассматривающий жалобы на необъективность расследования, возвышается над обвинением и защитой, выполняет функцию арбитра в их споре.

В уголовном процессе Республики Беларусь также предусмотрен судебный контроль за ограничением конституционных прав в досудебном производстве (гл. 16 УПК), но это не оперативный контроль, а так называемый «последующий». Так, Ю.С. Климович предлагает законодательно закрепить механизм судебного контроля за принятием решений о производстве действий, ограничивающих конституционные права граждан, началом уголовного преследования и применения мер принуждения [11].

Тем не менее необходимо вернуться к указанной Концепции и при этом учесть уровень развития информационных технологий. Н.А. Колоколов, например, отмечает, что в США судья-магистрат выдает ордер на проведение действия, затрагивающего личную жизнь человека и гражданина, лишь на основании устных показаний офицера полиции под присягой, сообщенных по телефону или с помощью иного технического средства. Наличие такого правила исключает необходимость хождения лиц, собирающих информацию о преступлении и совершивших его лиц, по различным инстанциям. Удивительно, что российский законодатель, творящий в эпоху информационной революции, об этом пока не догадался [12, с. 35].

3. Ликвидация института понятых.

В соответствии с ч. 1 ст. 64 понятым является не заинтересованное в исходе уголовного дела совершеннолетнее лицо, участвующее в производстве следственного действия, для удостоверения его факта, хода и результатов в случаях, предусмотренных УПК. Понятым посвящена и ст. 202; кроме этого нормы, регламентирующие участие понятых в следственных действиях, содержатся и в ст. 5, 87, 204, 206 и др. Законодателем понятой включен в группу «иных участников уголовного процесса».

В специальной литературе отмечается, что понятые введены испанской инквизицией, так как инквизиторам не доверяли, в их адрес высказывалось много нареканий, обвинений в фальсификации. По этой причине были введены понятые и нотариус, которые должны были «обеспечить» законность и беспристрастность. И спустя столетия назначение понятых не поменялось – они по-прежнему осуществляют «контроль» за деятельностью должностных лиц. Иначе говоря, имеет место презумпция недоверия должностным лицам.

Должностные лица уголовного преследования должны действовать в строгом соответствии с требованиями УПК. От того, что при проведении следственных действий присутствуют посторонние лица, не происходит ни увеличение количества доказательств, ни усиление дока-

зательств. Обеспечение законности в деятельности следователя (иных должностных лиц) видится не в привлечении посторонних лиц, а в применении технических средств, более широком участии специалиста, защитника, представителя, законного представителя, усилении ответственности за фальсификацию доказательств. Фальсифицировать доказательства при желании всегда можно, и здесь понятия не панацея.

Так, за упразднение института понятых выступает и А. Шимко [13]. Следственная практика свидетельствует о проблемах, связанных с подбором и участием понятых. По мнению указанного автора, привлечение понятых к участию в следственных действиях не гарантирует беспристрастности, незаинтересованности и проверяемости результатов следственного действия, проведенного с их участием. Институт понятых – только видимый гарант соблюдения уголовно-процессуальной формы, не обеспечивающий защиту прав и интересов граждан, проверяемость доказательств в случаях незаконных действий правоохранительных органов.

4. Отказ от обязательной письменной бумажной фиксации отдельных следственных действий.

Проблема ускорения и соответственно удешевления уголовного процесса имеет место в работе правоприменителей многих государств. Трудно найти проблему, которая бы волновала западных процессуалистов больше, нежели проблема ускорения уголовного судопроизводства. Ускорение уголовного процесса приравнено по своему значению и месту в уголовно-процессуальной науке к такому «колоссу», как, например, доказательственное право [14, с. 37, 39].

Предназначение процессуальной экономии состоит в экономичном (т. е. быстром, недорогом и простом) и притом максимально возможном полном достижении задач, стоящих перед уголовным процессом. Суть процессуальной экономии – достижение результата с наименьшими затратами.

В ходе производства следственного действия или непосредственно после его окончания составляется его протокол «... документ, в котором удостоверяются факт производства, содержание и результаты процессуальных действий, составленный в порядке, установленном УПК» (п. 34 ст. 6).

Так, протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. Для обеспечения полноты протокола могут быть применены стенографирование, кино съемка, звуко- и видеозапись. Стенографическая запись, материалы кино съемки, звуко- и видеозаписи хранятся при уголовном деле (ч. 2 ст. 193 УПК). Стенографирование и кино съемка (а в последнее время и звукозапись – без видеозаписи) на практике при проведении следственных действий уже несколько десятилетий не используются. Сегодня цифровые технологии постепенно практически вытеснили обычную фотографию, в том числе и в уголовном процессе.

В настоящем многие сферы общественной жизни управляются посредством информационных технологий – комплекса программного и аппаратного обеспечения. Эффективность противодействия преступности находится в прямой зависимости от информационно-технологического обеспечения деятельности правоохранительных органов и правового регулирования такого обеспечения. Таким образом, использование современных научно-технических средств способствует быстрому и объективному раскрытию и расследованию преступлений.

При расследовании преступлений, в том числе преступлений против информационной безопасности [15], используются достижения в сфере информационных технологий (Национальный правовой Интернет-портал, справочные системы и т. д.). Вместе с тем основной и обязательной формой фиксации следственного действия остается письменная, на бумажном носителе.

В уголовном процессе ряда государств многие процессуальные действия (в том числе аналогичные нашим следственным) фиксируются с помощью аудиовидеозаписи. Это допросы малолетних, несовершеннолетних, потерпевших от преступлений против половой свободы и неприкосновенности и др.; ход опознаний, очных ставок, а также (по нашей терминологии) проверок показаний на месте. В итоговом документе этапа досудебного производства (обвинительное заключение, справка о результатах расследования) должна содержаться лишь квинтэссенция этих действий. Например, полицейские США и Германии, на которых возложены функции по расследованию преступлений, меньше всего занимаются составлением процессуальных документов; результаты проведенных действий фиксируют в памятной книжке сотрудника полиции, а впоследствии – в итоговом отчете о расследовании конкретного преступления. Данным отчетом по-

лицейские могут воспользоваться, когда их вызовут в суд и предложат дать под присягой показания по поводу того, что и как тот или иной узнал в ходе расследования [2, с. 218; 15, с. 21, 23].

Настал тот час, когда в каждом органе уголовного преследования должно быть помещение, оборудованное для указанных допросов, очных ставок, опознаний. В уголовном процессе Грузии досудебное производство уголовных дел фиксируется и ведется в электронном формате. Все процессуально-следственные документы регистрируются в электронном режиме в специальной программе (сrimcase), поэтому нет необходимости в письменной форме принимать показания и совершать другие действия [16, с. 68–70].

Таким образом, звуко- и видеофиксация не только экономит время и бюджетные средства (расходы на бумагу, электроэнергию и др.), но и предполагает другие преимущества [16].

Во-первых, суд будет иметь возможность получать доказательства не из протокола, составленного должностным лицом (из вторых рук), а из первоисточника (звуко- и видеофиксации следственного действия). Особую значимость это приобретает при оглашении показаний, данных в ходе досудебного производства (ст. 328 и 333 УПК). Это соответствует международным стандартам и принципу осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон (ст. 24 УПК).

Во-вторых, такую форму фиксации можно рассматривать как гарантию прав участников процесса, а также как средство, обеспечивающее достоверность доказательств [17].

Список использованных источников

1. Кальницкий, В.В. Следственные действия : учеб. пособие / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин. – Омск : Ом. Акад. МВД России, 2015. – 172 с.
2. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М. : Зерцало-М, 2001. – 480 с.
3. Драпкин, Л.Я. Проблемы дифференциации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / Л.Я. Драпкин, И.С. Тумаков // Рос. юрид. жур. – 2005. – № 1. – С. 88–91.
4. Бибило, Валентина. Понятие следственного действия в уголовном процессе / Валентина Бибило // Законность и правопорядок. – 2009. – № 1. – С. 41–45.
5. Герасимов, И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступления / И.Ф. Герасимов. – Свердловск : Сред.-ур. кн. изд-во, 1975. – 184 с.
6. Носкевич, И. Противодействие незаконному обороту наркотических средств / И. Носкевич // Законность и правопорядок. – 2013. – № 2. – С. 7–11.
7. Бедняков, И.Л. Досудебное производство : от Концепции судебной реформы к современности / И.Л. Бедняков // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 1. – С. 31.
8. Бибило, В.Н. Соотношение следственных, судебных и иных уголовно-процессуальных действий / В.Н. Бибило // Суд. весн. – 2015. – № 3. – С. 70–75.
9. Коновалов, С.Г. Негласные следственные действия в уголовном процессе Германии: проблемы концептуализации / С.Г. Коновалов // Уголовное судопроизводство. – 2018. – № 1. – С. 41–48.
10. Макбрайд, Джереми. Проблема предварительного заключения в регионе ОБСЕ (обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь 1999) / Джереми Макбрайд. – Варшава, 1999. – С. 26–27.
11. Климович, Ю.С. Природа и функциональный характер досудебного производства / Ю.С. Климович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апр. 2015 г. – Минск : Акад. МВД, 2015. – С. 213.
12. Колоколов, Н.А. Оценка судом чрезвычайных процессуальных ситуаций / Н.А. Колоколов // Уголов. процесс. – 2008. – № 6. – С. 31–48.
13. Шимко, А. Обязательное участие понятых в уголовном процессе: архаизм или необходимость? / А. Шимко // Законность и правопорядок. – 2015. – № 2. – С. 53–57.
14. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.
15. Ларичев, В.В. Предварительное расследование преступлений в США и Германии : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Ларичев ; Всерос. науч.-исследоват. ин-т МВД России. – М., 2004. – 21 с.
16. Гридюшко, П.В. Об электронной форме ведения уголовного процесса / П.В. Гридюшко, Н.С. Бушкевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 67–73.
17. Хаметов, Р.Б. Проблемы использования средств компьютерной техники и звукозаписи при протоколировании следственных действий / Р.Б. Хаметов, Н.А. Финогенов // Рос. следоват. – 2012. – № 16. – С. 2–5.

P.V. Mytnyk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INVESTIGATION: PARADIGM CHANGE?

The system of investigative actions, provided by the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, is proposed. Both criminal procedural legislation of foreign states (Germany, Georgia, Ukraine, etc.) and research works of specialists in the field of criminal procedure are partially analyzed. The author's view on improvement of legal regulation of investigative actions is expressed.

Keywords: detective activity, witnesses of inquest, sanctioning, system, investigator, investigative actions, criminal procedure, Code of Criminal Procedure.

УДК 340

А.Л. Савенок, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ**

Рассматриваются проблемы совершенствования нормотворческой техники. Отмечается, что действующее законодательство, регулирующее общий порядок подготовки нормативных правовых актов, не учитывает специфики конкретных отраслей. В практической деятельности это приводит к нарушению внутренней согласованности и логичности правовых предписаний. Предлагается для повышения эффективности правовых норм конкретных отраслей права разрабатывать и принимать отдельные правила их построения.

Ключевые слова: нормотворческая техника, эффективность права, правила построения правовых норм, построение диспозиций, построение санкций.

В юридической литературе рассматриваются различные направления повышения эффективности правовых норм. Однако все разнообразие предлагаемых мер можно условно разделить на группы, направленные на максимально точное изложение содержательной стороны правовых предписаний, в том числе определение значения терминов, и совершенствование самой формы выражения правовых предписаний [1]. Являясь отражением содержания и формы как категорий диалектики, содержание правовых норм неотрывно от их формы и существует только тогда, когда государственная воля соответствующим образом оформлена и в результате этого ее сущность превращена в определенное содержание. В то же время от совершенства формы правовых норм зависит то, как будет воспринято его содержание. По этой причине, как отметил Д.А. Керимов, единство содержания и формы права является обязательным условием его существования, так как благодаря этому единству право приобретает качественную определенность [2, с. 176].

Так, отечественная правовая система формировалась под влиянием идей мыслителей континентальной Европы и сложилась как система писаного права. Такой подход является традиционным для стран, относящихся к романо-германской семье права. Следование Беларуси европейским правовым традициям предопределило доминирующее положение нормативных правовых актов как формы (источника) права. С принятием Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон) также решился вопрос о законодательном закреплении самого понятия нормативного правового акта: «официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение» (ст. 1 Закона).

В условиях динамично меняющейся социальной реальности и необходимости наиболее адекватного регулирования общественных отношений нормативные правовые акты и их отдельные положения постоянно обновляются и дополняются. Однако такая деятельность долж-

на осуществляться по определенным правилам, так как это влияет на качество принимаемых нормативных правовых актов. В действующем законодательстве система правил подготовки проектов нормативных правовых актов получила название «нормотворческая техника». Учитывая, что в Беларуси основной формой (источником) права является нормативный правовой акт, то важнейшим фактором повышения эффективности правовых норм является высокий уровень нормотворческой техники. Однако среди ученых нет единства в вопросах совершенствования этой деятельности [2–4].

В Республике Беларусь общие требования, регламентирующие порядок принятия (издания) нормативных правовых актов, закреплены в Законе и Правилах подготовки проектов нормативных правовых актов, принятых Указом Президента 11 августа 2003 г. № 359 (Правила). В них подробно рассмотрены все процедурные вопросы нормотворчества и отдельные требования к его технике. Тем не менее принятие (издание) конкретных нормативных правовых актов требует обязательного учета особенностей их построения, а также специфики регулируемых правоотношений. В противном случае согласно практике обеспечить высокое качество принимаемых правовых норм не удастся. Однако по вполне понятным причинам специфика регулируемых правоотношений не всегда может быть полностью регламентирована положениями Закона и Правил. Это реально можно увидеть на примере построения кодифицированного нормативного правового акта – Уголовного кодекса Республики Беларусь. Несмотря на многолетнюю историю существования уголовного права и огромную практику построения и применения уголовно-правовых норм, сегодня еще не выработан оптимальный подход к формулированию правовых предписаний в этой значимой сфере. Во многом такое положение дел связано со слабым вниманием отечественных ученых к исследованию проблем уголовно-правового законотворчества.

Вообще с давних времен уголовное право выражается во вне в письменном виде и как традиция сохранилась до наших дней: именно письменный официальный документ сегодня является формой выражения содержания уголовного закона. При этом усложнение его содержания влечет за собой изменение формы. «Разнообразие содержания, – пишет М.И. Ковалев, – требует и разнообразия форм: трудно представить современное уголовное законодательство в форме, например, Салической правды или Судебника Ивана III» [5, с. 4]. Следовательно, форма всегда следует за функциональностью.

В ст. 23 Закона предписано, что при изложении правовых норм нормативного правового акта следует избегать как чрезмерно обобщенных, так и чрезмерно детализированных формулировок. С учетом специфики уголовно-правового законотворчества данное требование нашло реализацию при построении диспозиции статьи в способах ее построения: казуальном или абстрактном. В первом случае в тексте диспозиции перечисляют регулируемые нормой фактические обстоятельства или предполагаемые ею действия. При таком способе возможны пробелы, так как заранее нельзя предвидеть все конкретные жизненные обстоятельства и указать на них. Упрощение текста статьи приводит чаще всего к формулированию простой диспозиции. И хотя этот способ в отдельных случаях является наиболее целесообразным, но чаще всего свидетельствует о низком уровне нормотворческой техники. В свою очередь, абстрактному способу изложения диспозиции характерно предельное обобщение признаков, при помощи которых сформулирована диспозиция. Применение данного способа свидетельствует о достаточно высоком уровне развития нормотворческой техники, что позволяет четко формулировать правовое предписание. Описание в диспозиции основных признаков преступления, раскрывающих их существенные черты и не позволяющих различное толкование, говорит об их высоком качестве. Обычно такие диспозиции в теории права относят к описательным. Вместе с тем при абстрактном изложении диспозиции возможны проблемы с так называемыми оценочными понятиями «существенный вред», «тяжкие последствия», «исключительный цинизм» и пр. Именно в таких случаях практические работники испытывают трудности при квалификации деяния.

Что касается построения санкций, то каких-либо особых требований в законе не сформулировано. В ст. 29 Закона только указано, что Особенная часть кодифицированного нормативного правового акта может содержать нормы, которые обозначают «вид и меру негативных (отрицательных) последствий возможных нарушений правовых норм (юридическую ответственность)». Как видно, данное положение не содержит конкретных рекомендаций по конструированию

санкций статей Особенной части УК. В то же время важно учитывать, что важно не только своевременно определить необходимость криминализации тех или иных деяний, точно указать их признаки в диспозиции статьи уголовного закона, но и правильно установить вид и размер наказания. Без этого может быть утерян вообще смысл криминализации. По этой причине вопросам конструирования санкций статей уголовного закона следует уделять не меньшее значение, чем построению диспозиций. Отсутствие четких требований по конструированию санкций может приводить к нарушению логики в их построении. Для примера рассмотрим санкции статей УК, предусматривающих ответственность за некоторые формы хищений. Как свидетельствует обзор судебной практики, особых проблем при применении этих санкций не возникает. Они применяются чаще других и, исходя из логики, должны быть достаточно совершенны с точки зрения нормотворческой техники.

Согласно УК за тайное похищение имущества (кража) в рамках санкции ч. 1 ст. 205 УК может быть назначено наказание наряду с другими в виде лишения свободы на срок до трех лет. В соответствии со ст. 12 «Категории преступлений» это преступление является менее тяжким. За совершение преступления по ч. 4 этой же статьи (тяжкое преступление) в рамках существующих санкций также может быть назначено наказание в виде лишения свободы три года. Такое же построение санкций, связанных с лишением свободы, и в ст. 209 УК «Мошенничество». Вот только по непонятным причинам в ч. 4 ст. 205 УК верхний предел санкции предусматривает лишение свободы до двенадцати лет, а в ст. 209 УК – до десяти лет. Предполагается, что мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере, чем-то отличается по степени тяжести от кражи, совершенной организованной группой либо в особо крупном размере, однако нигде это различие не указано, а тем более обосновано теоретически.

Также представляет интерес сравнение санкций в виде лишения свободы преступлений, предусмотренных ст. 210 УК «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями» и ст. 211 УК «Присвоение либо растрата». Как в первом, так и во втором случае основной состав (ч. 1) предусматривает одинаковый срок лишения свободы – до четырех лет. Что же касается других частей указанных статей, то они обнаруживают существенное различие.

Нельзя обойти вниманием в этой главе УК построение санкций, предусматривающих лишение свободы в ст. 212 «Хищение путем использования компьютерной техники», ч. 1 которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет и соответствует по степени тяжести краже (ч. 1 ст. 205). Однако хищение путем использования компьютерной техники, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере, предусматривает наказание в виде лишения свободы до пятнадцати лет и по верхнему пределу санкции соответствует разбою (ст. 207) и вымогательству (ст. 208), соответственно оставив позади все остальные формы хищения.

Даже краткий анализ санкций отдельных статей Особенной части УК обнаруживает их несогласованность. Если же при назначении наказания использовать положения Общей части, а это необходимо делать обязательно, то окажется непонятным, как вообще назначается окончательное наказание. Затронутый аспект достаточно сложной проблемы, которая составляет предмет самостоятельного исследования и в полном объеме не рассматривается, наглядно демонстрирует нарушение логики в построении не только санкций статей, но и уголовно-правовых норм в целом. В связи с этим очень важно выработать понятный всем механизм построения санкций статей Особенной части, а также последующий порядок их применения при назначении окончательного наказания.

Так, в ст. 28 Закона дается описание основных структурных элементов нормативного правового акта, однако конкретных требований по формулированию статьи нормативного правового акта не указано. Такое положение дел в процессе нормотворчества может приводить к нарушению внутреннего согласования и логики построения статей, что наглядно можно увидеть при конструировании статей Особенной части УК.

Требование четкой дифференциации общественно опасных деяний ведет к необходимости формулировать наряду с основным составом структурные элементы статьи УК: ее части, содержащие, как правило, отягчающие и особо отягчающие признаки. Так, если в ч. 1 указано определенное общественно опасное деяние, то ч. 2 должна начинаться словами «То же деяние ...», а часть третья «Деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 настоящей статьи ...». Этот способ можно изобразить как «основной состав – квалифицированный состав – особо квалифицированный со-

став». Такой порядок построения статей Особенной части позволит прийти к необходимому единообразию и устранить бессистемность в формировании частей, что характерно для УК. Так, в одних случаях квалифицированный и особо квалифицированный составы излагаются по схеме, обозначенной выше (например, ст. 147, 181, 182 и др.), в других – каждая часть начинается с названия общественно опасного деяния (например, ст. 205, 206, 207 и др.), в третьих – применяется смешанный порядок (например, ст. 156, 178, 201 и др.). Кроме того, отдельные статьи сформулированы таким образом, что санкция ч. 2 является более мягкой по сравнению с основным составом (например, ст. 265, 266 и др.). А в ст. 293 «Массовые беспорядки», состоящей из трех частей, санкция ч. 2 является более мягкой по сравнению с ч. 1, а ч. 3 – по сравнению с ч. 2.

Следует отметить, что по технике построения в УК есть статьи, которые не вкладываются в вышеприведенную схему, так как ч. 2 или 3 нельзя отнести к квалифицированным составам (например, ч. 1 и 2 ст. 228 УК «Контрабанда»). Кроме того, в профессиональной литературе выделяют единый состав преступления с альтернативными признаками, которые также имеют особенность и не вкладываются в общую схему. Выход из этой ситуации видится в разработке и принятии в установленном порядке правил конструирования уголовного закона, которые будут учитывать его специфику. В этих правилах логично закрепить соответствующие типовые конструкции для построения статей с разными диспозициями (простые, описательные, бланкетные, ссылочные и смешанные) и различным количеством частей (простой состав, квалифицированный и особо квалифицированный). В случае криминализации деяния законодатель из уже существующей совокупности возможных вариантов построения статей выберет наиболее приемлемый в конкретной ситуации. Может случиться, что в отдельных случаях увеличится количество статей в главах, чего не стоит опасаться. Главное – это не объем текста закона, а его простота и доступность в понимании как населением, так и правоприменителем.

Таким образом, исходя из того, что Закон и Правила носят общий характер и не учитывают специфику конкретных отраслей права, представляется целесообразным разработать и принять в установленном порядке отдельные правила построения нормативных правовых актов, регулирующих важнейшие сферы человеческой деятельности. Данная мера призвана существенно повысить эффективность конкретных отраслей права.

Список использованных источников

1. Савенок, А.Л. Теория эффективности уголовного закона / А.Л. Савенок ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017.
2. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – М. : Аванта+, 2000.
3. Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М.Л. Давыдова ; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009.
4. Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / сост. В.М. Баранов и Н.А. Климентьева. – 2-е изд., доп. и перераб. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2005.
5. Ковалев, М.И. Роль законодательной техники в конструировании уголовного законодательства // Вопр. совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе : межвуз. сб. науч. тр. / Свердл. юрид. ин-т ; редкол.: М.И. Ковалев (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1986.

Дата поступления в редакцию: 07.05.18

A.L. Savenok, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF THE RULE-MAKING TECHNOLOGY AS AN IMPORTANT DIRECTION OF EFFECTIVENESS INCREASE OF LEGAL NORMS

The problems of improvement of the rule-making technology are considered. It is noted that the current legislation regulating the general procedure for elaboration of normative legal acts does not take into account the specifics of certain spheres of law. In practical activities, this situation leads to violation of internal consistency and logicity of legal regulations. In order to increase the effectiveness of the legal norms of certain areas of law, it is proposed to develop and adopt separate rules for their elaboration.

Keywords: rule-making technology, effectiveness of law, rules of elaboration of legal norms, construction of dispositions, construction of sanctions.

УДК 343.985

Ю.М. Юбко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: Y_Yubko@mail.ru);

Т.Л. Щерба, кандидат юридических наук, доцент кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: shcherba.tatiana@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Рассматриваются подходы к организации деятельности органа дознания по уголовным делам, возбужденным по признакам преступления, предусмотренного ст. 173 УК Республики Беларусь. Называются особенности производства дознания по уголовным делам рассматриваемой категории на основе анализа действующего законодательства, мнений ученых и сложившейся практики.

Ключевые слова: вовлечение в антиобщественное поведение, доказывание, несовершеннолетний, следственные действия, следственная ситуация.

Положения ст. 32 Конституции Республики Беларусь устанавливают гарантии государства по осуществлению защиты материнства, отцовства, детства и семьи. В соответствии с указанной нормой современное национальное уголовное законодательство особое внимание уделяет защите прав несовершеннолетних, предусматривая уголовную ответственность за их вовлечение в антиобщественное поведение. Совершение данного преступления может оказать негативное влияние на становление личности несовершеннолетнего, причиняя вред его нормальному нравственному развитию с одной стороны, и может формировать предпосылки для совершения им преступлений в дальнейшем с другой. Отмеченное позволяет констатировать повышенную общественную опасность вовлечения несовершеннолетних в антиобщественное поведение, так как отсутствие твердых мировоззренческих взглядов и жизненных установок у данных лиц свидетельствует о подверженности последних негативным воздействиям, существующим и продолжающим усиливаться на современном этапе развития нашего общества (алкоголизм, наркомания и т. п.).

Обозначенная проблема была и остается сегодня одной из самых значимых в социуме, и органы дознания Республики Беларусь обязаны уделять ей пристальное внимание: своевременно выявлять лиц, вовлекающих несовершеннолетних в антиобщественное поведение; квалифицированно проводить следственные и иные процессуальные действия для установления и закрепления следов совершенного преступления.

Статистические данные о результатах практической деятельности в рассматриваемой сфере не отражают объективной картины по борьбе с преступлениями, ответственность за которые предусмотрена ст. 173 УК в связи с латентностью данных деяний (рис. 1).

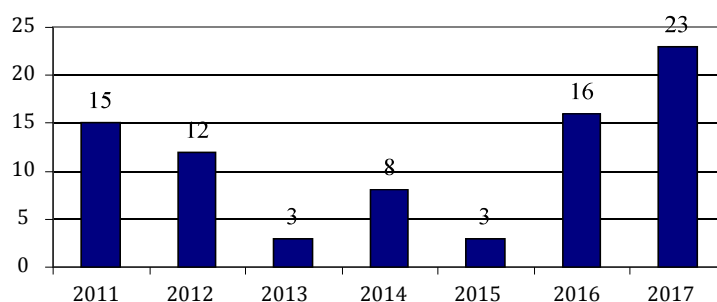

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений по ст. 173 УК

Однако не только статистические показатели свидетельствуют о необходимости активизации деятельности в рассматриваемом направлении, но и имеющие место в практической деятельности проблемы, где последние связаны:

с выявлением вовлечения несовершеннолетних в антиобщественное поведение в повседневной деятельности органа дознания;

установлением, собиранием и закреплением фактических данных по заявлениям (сообщениям), позволяющим принять процессуальное решение о возбуждении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 173 УК Республики Беларусь;

особенностями производства неотложных следственных и иных процессуальных действий по установлению и закреплению фактических данных, свидетельствующих о вовлечении несовершеннолетнего в антиобщественное поведение по возбужденному органом дознания уголовному делу.

Решение отмеченных проблемных аспектов в значительной мере относится к компетенции МВД Республики Беларусь и его территориальных органов (п. 1 ч. 1 ст. 37 УПК) и в соответствии со ст. 2 Закона от 17 июля 2017 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» является их приоритетной задачей.

Так, ранее высказывались суждения по отдельным проблемным моментам, затрагивающим выявление эпизодов вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение; был определен порядок собирания, проверки и оценки доказательств по заявлениям (сообщениям) о преступлениях рассматриваемого вида для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела с учетом особенностей двух наиболее распространенных следственных ситуаций, возникающих в практической деятельности органов внутренних дел [1]. И здесь представляется целесообразным более детально рассмотреть установление и закрепление следов преступной деятельности лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, свидетельствующих о вовлечении им заведомо несовершеннолетнего в антиобщественное поведение на первоначальном этапе расследования.

Две следственные ситуации, складывающиеся в стадии возбуждения уголовного дела, определяют на первоначальном этапе производства по уголовному делу алгоритм действий сотрудника органа дознания по установлению и закреплению следов преступления. В рамках первой ситуации при наличии достоверно установленных фактов вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение (информационно определенная ситуация) имеются соответствующие материалы административных производств о привлечении взрослого к ответственности по ст. 17.4 КоАП. В данном случае достоверно установленная информация, содержащаяся в материалах административных производств, может быть преобразована в доказательственную посредством формирования источников доказательств по уголовному делу путем производства отдельных неотложных следственных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 186 УПК.

При этом необходимо принимать во внимание, что по эпизодам привлечения взрослого к административной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение с учетом требований ст. 2.8 КоАП исчисляется срок (в течение 1 года), по истечении которого физическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию. В этой следственной ситуации «временной фактор» оказывает влияние на производство комплекса неотложных следственных действий. Разрыв во времени между привлечением лица к административной ответственности (конкретные эпизоды, нашедшие отражение в административном производстве) и началом производства по уголовному делу не позволяет в полной мере в процессе доказывания реализовать возможный комплекс неотложных следственных и других процессуальных действий, перечисленных законодателем в ч. 1 ст. 186 УПК, а именно – осмотр, освидетельствование и т. д. кроме допросов.

По эпизодам привлечения взрослого к административной ответственности необходимо осуществить производство:

допроса несовершеннолетнего с целью получения показаний по вовлечению его в систематическое употребление спиртных напитков, либо систематическое немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, либо в бродяжничество или попрошайничество;

допроса подозреваемого с целью получения показаний о наличии его осведомленности о возрасте несовершеннолетнего, его умышленных противоправных действиях, направленных

на систематическое вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или других одурманивающих веществ, либо в бродяжничество или попрошайничество;

допросов свидетелей об обстоятельствах вовлечения несовершеннолетнего взрослым в антиобщественное поведение; личности несовершеннолетнего; личности взрослого лица, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 173 УК.

В рассматриваемой следственной ситуации орган уголовного преследования может непосредственно выявить эпизод (эпизоды) вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение. При наличии такового (таковых) комплекс неотложных следственных и иных процессуальных действий в процессе доказывания должен быть реализован лицом, производящим дознание, по возможности в полном объеме, а именно:

осмотр места происшествия (цель – обнаружение, фиксация и изъятие следов, свидетельствующих о систематическом употреблении спиртных напитков, немедицинском употреблении сильнодействующих или других одурманивающих веществ, бродяжничестве или попрошайничестве);

освидетельствование несовершеннолетнего (на предмет выявления у него признаков потребления спиртных напитков, немедицинского употребления сильнодействующих или других одурманивающих веществ; обнаружения на его теле телесных повреждений, свидетельствующих о применении в отношении него насилия);

освидетельствование подозреваемого (цель – выявление у него признаков потребления спиртных напитков, немедицинского употребления сильнодействующих или других одурманивающих веществ);

обыск, выемка (цель – изъятие спиртных напитков; сильнодействующих или других одурманивающих веществ; предметов, свидетельствующих о попрошайничестве);

осмотр технических средств мобильной связи и компьютерной техники (цель – установление фактов знакомства и общения несовершеннолетнего и взрослого, вовлекавшего первого в антиобщественное поведение);

назначение судебно-медицинской экспертизы физического лица (несовершеннолетнего) (цель – установление характера повреждений, механизма возникновения, срока причинения, степени их тяжести);

назначение судебно-психиатрической экспертизы (цель – установление зависимости несовершеннолетнего от спиртных напитков, сильнодействующих или других одурманивающих веществ);

предъявление подозреваемого для опознания свидетелям либо несовершеннолетнему;

предъявление несовершеннолетнего для опознания свидетелям;

допрос свидетелей о фактах и обстоятельствах вовлечения несовершеннолетнего взрослым в систематическое употребление спиртных напитков, немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, в бродяжничество или попрошайничество; о личности несовершеннолетнего; личности взрослого, подозреваемого в совершении преступления.

Наряду с отмеченными следственными действиями в рамках рассматриваемой следственной ситуации на первоначальном этапе расследования лицом, производящим дознание, могут быть проведены также и другие, неупомянутые следственные и иные процессуальные действия, отраженные в ч. 1 ст. 186 УПК.

Вместе с тем система источников доказательств при производстве дознания на первоначальном этапе по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 173 УК, не может быть ограничена рамками перечня, отмеченного законодателем в ч. 1 ст. 186 УПК, в связи с тем, что согласно ч. 2 ст. 88, ст. 96 и ст. 100 УПК к этой системе должны быть отнесены и вещественные доказательства, а также иные документы и другие носители информации. По этой причине необходимо обратить особое внимание на отдельные из них: материалы административных производств о привлечении взрослого лица к ответственности по ст. 17.4 КоАП и сведения, запрашиваемые у операторов сотовой связи о состоявшихся телефонных переговорах (анализ биллинговой информации).

Сведения, представленные операторами сотовой связи, доказывают эпизоды общения подозреваемого с несовершеннолетним, вовлекаемым в антиобщественное поведение.

Материалы административных производств представляют интерес для лица, производящего дознание по уголовному делу, с позиции доказанности факта совершения взрослым ряда эпизодов вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, являющихся составляющими элементами уголовно-правового признака «систематическое вовлечение в ...».

Говоря об отражении в уголовном деле фактов привлечения подозреваемого к административной ответственности по ст. 17.4 КоАП в рамках расследуемого уголовного дела, следует разрешить вопрос: «Ограничиться ли лицу, производящему дознание по ст. 173 УК, ответом из Единого банка данных о правонарушениях или приобщить к материалам уголовного дела рассмотренный материал об административном правонарушении по ст. 17.4 КоАП?». Так, представляется целесообразным, что в уголовном деле должны присутствовать как ответ из Единого банка данных о допущенном взрослым лицом правонарушении, так и материалы административного производства. Наличие одного ответа, констатирующего факт привлечения к административной ответственности взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, в материалах уголовного дела недостаточно. Здесь необходимо располагать информацией о способе и обстановке вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, особенности которого будут отражены в материалах административного производства. Лицо, производящее дознание, должно учитывать данные обстоятельства, проверять и детализировать их особенности при производстве допросов участников процесса применительно к конкретному эпизоду вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение со стороны взрослого. Выяснение и закрепление способа и обстановки вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение на данном этапе производства расследования с одной стороны необходимо для выполнения требований ч. 1 ст. 186 УПК, т. е. «... установления и закрепления следов преступления», а с другой – для выполнения требований п. 1 ч. 1 ст. 89 УПК – установления наличия общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 173 УК, элементами которого являются время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления. Особенности способа и обстановки вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение по каждому эпизоду будут впоследствии проверены следователем и учтены при формулировании обвинения по переданному органу дознания уголовному делу.

Вместе с вопросом о наличии материалов административного производства в уголовном деле возникают и другие:

о процессуальном порядке их изъятия из органа, проводившего административный процесс, по ст. 17.4 КоАП;

форме их изъятия из органа, проводившего административный процесс, по ст. 17.4 КоАП.

Говоря о процессуальном порядке изъятия административных материалов, необходимо иметь в виду, что собирание доказательств по уголовному делу может быть осуществлено как путем производства следственных, так и других процессуальных действий. В этой связи следует вести речь о выемке материалов административного производства или реализации требования ч. 2 ст. 103 УПК, согласно которому орган уголовного преследования вправе требовать их представления от органа, проводившего административный процесс.

С учетом того обстоятельства, что процессуальная форма «истребования материалов» законодателем в УПК детально не конкретизирована, а также наличие в ПИКоАП ограничений (ст. 10.8, 2.15) только относительно права надзирающего прокурора по истребованию административного дела или права должностного лица органа, ведущего административный процесс, представлять сведения, содержащиеся в деле об административном правонарушении, видится целесообразным производить изъятие материалов административного дела путем проведения выемки, так как постановление, вынесенное лицом, производящим дознание о ее проведении в соответствии с ч. 4 ст. 39 УПК по находящемуся у него в производстве уголовному делу, является обязательным к исполнению для всех должностных лиц.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.4 КоАП, находятся в административной комиссии районного (городского) исполнительного комитета или администрации района в городе (ст. 3.4 ПИКоАП) в одних случаях, а в других – в районной (городской), районной в городе комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 3.5 ПИКоАП) после их рассмотрения и вступления в силу принятого по ним решения. В связи с тем, что они по своему содержанию являются документами, в которых зафиксирована информация, отражающая один или несколько эпизодов вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, позволяющих доказать по уголовному делу признак «систематическое вовлечение...», последние должны быть изъяты путем производства выемки. По смыслу ст. 96, 209 УПК, обладая статусом

документов, материалы административного производства должны быть изъяты в оригинале. Вместе с тем после их изъятия у органов, осуществивших рассмотрение по существу, могут возникнуть сложности организационного порядка, связанные с его отсутствием (истребование прокурором в порядке надзора; соблюдение порядка его уничтожения и т. д.). Кроме того, данное административное дело состоит на учете в единой государственной системе регистрации и учета правонарушений, в которой содержится информация о его нахождении и органе, принявшем решение по существу. Отмеченные обстоятельства позволяют высказать следующее суждение. После производства выемки административное дело должно быть осмотрено лицом, производящим дознание непосредственно в органе, где оно находится на хранении. Затем следует вынести постановление о признании его по уголовному делу вещественным доказательством и передать на ответственное хранение должностному лицу данного органа. В этом случае логично сделать копию осмотренного административного дела, заверить ее подлинность и приобщить к материалам уголовного дела.

В рамках рассматриваемой следственной ситуации лицо, производящее дознание, обязано оценить законность привлечения взрослого к административной ответственности в каждом конкретном случае. При отсутствии данных нарушений целесообразно констатировать наличие доказанности данных эпизодов как таковых.

Во второй следственной ситуации при отсутствии информации о привлечении лица к административной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение орган дознания тем не менее располагает информацией о том, что взрослый систематически вовлекал несовершеннолетнего в антиобщественное поведение. В исследуемой ситуации система источников доказательств по уголовному делу будет формироваться по аналогии с первой следственной ситуацией за исключением доказанных эпизодов, нашедших отражение в рассмотренных административных делах. При этом необходимо иметь в виду, что в данной ситуации наличие признака «систематическое употребление» придется устанавливать путем доказывания каждого факта вовлечения взрослым несовершеннолетнего в антиобщественное поведение.

Наряду с доказыванием данного признака проблемным аспектом в ряде случаев является также получение объективных показаний как у несовершеннолетнего потерпевшего, когда его вовлечение в антиобщественное поведение осуществлял один из родителей, педагогический работник или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, так и у подозреваемого. Для устранения противодействия при получении показаний отмеченных участников необходимо использовать возможности специальных знаний, применяемых специалистами Следственного комитета Республики Беларусь при организации расследования сексуальных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Аналогия их применения при производстве по уголовному делу о вовлечении несовершеннолетнего в антиобщественное поведение видится допустимой и обусловленной, как представляется, наличием насилия или угроз его применения в отношении несовершеннолетнего, совершением преступления хорошо знакомым лицом, утаиванием информации о механизме совершения преступления как при совершении сексуальных преступлений, так и при их вовлечении в антиобщественное поведение.

Применение специальных знаний по уголовным делам рассматриваемой категории необходимо использовать по следующим двум направлениям:

- назначение психофизиологической экспертизы в отношении подозреваемого лица;
- опрос несовершеннолетнего в дружественной комнате.

Производство психофизиологической экспертизы с помощью полиграфа – довольно перспективное направление для совершенствования методики расследования рассматриваемого вида преступлений.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что по уголовным делам о половых преступлениях следователями успешно используются результаты опросов, которые проводятся психологами в дружественных ребенку комнатах. В Республике Беларусь с 2009 г. представители органов уголовного преследования и государственных экспертных учреждений совместно с Международным общественным объединением «Понимание» работают над разработкой и внедрением новых методов проведения следственных действий в отношении несовершеннолетних жертв и свидетелей насильственных преступлений, в частности, опросов в дружественных ре-

бенку комнатах. При этом судом в качестве доказательственной используются информация, полученная в ходе таких опросов, а также сведения из производных от указанной процедуры источников (показания психолога, производившего опрос; заключение психолого-психиатрической экспертизы потерпевшего).

Использование опроса в дружественных ребенку комнатах направлено на решение двух задач: сохранение психики ребенка и снижение уровня ее повторного травмирования в ходе предварительного расследования; получение максимально полных и достоверных показаний несовершеннолетнего потерпевшего.

В ходе получения показаний ребенка обычно особые сложности вызывают: описание непосредственно события совершенного преступления; перечисление эпизодов противоправной деятельности; конкретизация и достоверное воспроизведение отдельных событий, фактов, имеющих существенное значение, для уголовного дела [2]. Это в равной мере характерно и для вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, в особенности в случаях применения насилия в отношении ребенка или совершения указанного преступления лицом, ответственным за его воспитание и развитие.

Используемая психологами методика опроса позволяет устранить указанные выше проблемы при получении показаний несовершеннолетнего.

Стоит также отметить, что проведение опроса в дружественных детям комнатах не заменяет собой допрос несовершеннолетнего потерпевшего, а является лишь эффективным способом получения дополнительной информации.

Таким образом, для усовершенствования методики расследования вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение целесообразно:

осуществить выемку административного дела; произвести его осмотр непосредственно в органе, где оно находится на хранении; вынести постановление о признании его по уголовному делу вещественным доказательством и передать на ответственное хранение должностному лицу данного органа. Сделать копию осмотренного административного дела, заверив ее подлинность, и приобщить к материалам уголовного дела;

внедрить в практику расследования использования психофизиологических экспертиз в отношении лиц, подозреваемых во вовлечении несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, а также опросов, проводимых психологами, в дружественных ребенку комнатах.

Список использованных источников

1. Щерба, Т.Л. Особенности проведения проверки по заявлениям или сообщениям о вовлечении несовершеннолетних в антиобщественное поведение / Т.Л. Щерба, Ю.М. Юбко // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 5. – С. 42–47.

2. Варавко, Ю.В. Совершенствование процедуры получения показаний несовершеннолетнего потерпевшего по уголовным делам о насильственных действиях сексуального характера / Ю.В. Варавко // Современные проблемы и перспективы развития досудебного производства по материалам и уголовным делам : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. // М-во внутр. дел Республики Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – С. 28–30.

Дата поступления в редакцию: 06.02.18

Y.M. Yubko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department for Investigating the Crimes of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; T.L. Shcherba, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department for Investigating the Crimes of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

FEATURES INQUEST IN CRIMINAL CASES INVOLVING MINORS IN ANTISOCIAL BEHAVIOR

In this article, approaches to the organization of the activity of the inquiry body in criminal cases, initiated on the grounds of the crime provided for in Art. 173 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. Based on the analysis of the current legislation, opinions of scientists and established practice, the authors consider the specifics of the investigation of criminal cases in this category.

Keywords: involvement in antisocial behavior, proving, minor, investigative actions, investigative situation.

УДК 343.3/.7

М.А. Вакульчик, старший преподаватель кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ma.vakulchik@gmail.com)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУВЕРЕННОЙ БЕЛАРУСИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

По результатам опроса специалистов рассматриваются причины, создающие угрозу национальной безопасности Беларуси. Отмечается опыт Казахстана по данному вопросу, в частности введение в УПК Казахстана гл. 30 о негласных следственных действиях. Обосновывается положительная сторона таких нововведений. Подчеркиваются положительные стороны нововведения с практической точки зрения для Республики Беларусь.

Ключевые слова: взаимодействие, ОВД, органы государственной безопасности, теоретическая основа взаимодействия, правовая основа взаимодействия, объекты и субъекты взаимодействия, организация и осуществление взаимодействия, противодействие экономической преступности, экономическая безопасность, национальная безопасность.

Концепция национальной безопасности, утвержденная Указом Президента от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», представляет состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Национальные интересы в экономической сфере согласно нововведению в Концепцию начинаются с краткого анализа экономического роста и серьезных негативных факторов, осложняющих достижение жизненно важных интересов Республики Беларусь и образующих во многом факторы, создающие угрозу безопасности государства в экономической сфере.

Результаты опроса (2007–2017 гг.) – 300 респондентов из числа научных и практических работников сферы юриспруденции, непосредственно связанных с экономической специализацией (практические работники подразделений БЭП, в том числе обучающиеся заочно или проходившие повышение квалификации в Академии МВД, а также Могилевском институте МВД Республики Беларусь), свидетельствуют, что к указанным в прежней редакции Концепции, создающим угрозу безопасности Республики Беларусь в экономической сфере, относятся следующие позиции:

рост изношенности производственных мощностей; использование несовершенных технологий, характеризующихся повышенной энергоемкостью и ресурсоемкостью, низким качеством продукции и высокими издержками производства (отметили 74,3 % опрошенных и 23 согласны из 25 экспертов из числа ученых, правоведов и экономистов, руководителей оперативно-розыскных подразделений, кафедр и циклов, профессорско-преподавательского состава, руководителей и сотрудников подразделений криминальной милиции МВД Беларуси, включая Управления БЭП и БОП, отдела оперативно-информационной работы).

несогласованность отношений собственности и структуры производственных отношений; неравенство условий для субъектов хозяйствования с различными формами собственности (61 %). Так, снижение конкурентоспособности белорусских товаров на внешних рынках (47 %) связывается с принятием зарубежными государствами решений и мер, ставящих в невыгодные условия белорусских товаропроизводителей (85 %) (Авраменко, А.И. Основные факторы и угрозы экономической безопасности Республики Беларусь // Теория и практика обеспечения эко-

номической безопасности в Республике Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 14 дек. 2012 г. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – С. 3–9).

По новым факторам, создающим угрозу безопасности Республики Беларусь в экономической сфере, мнения респондентов выглядят следующим образом:

требования повышения заработной платы в промышленности не связано, по мнению многих тружеников и их руководителей, с повышением производительности и качества труда, с темпами и качеством строительства (54 %);

возрождение уникального опыта БССР по подготовке рабочих кадров через систему профессионального образования (59 %) осуществляется медленно;

уровень организации производства, квалификация управленцев, менеджеров среднего звена не всегда соответствует современным требованиям (61 %);

процесс отказа, там где это допустимо, от разрешительного принципа при открытии малого бизнеса, организации и индивидуального предпринимательства, замены его на регистрационный (53 %) происходит медленно;

замена в сознании и практической деятельности сотрудников подразделений БЭП «взлотекущего» оперативного обслуживания закрепленных объектов на современный наступательный и точечный оперативно-розыскной мониторинг оперативной обстановки на закрепленных объектах, по линиям работы подразделений по борьбе с экономической преступностью и организованной преступностью, среди контингентов, имеющих склонности и возможности совершать хищения, злоупотребления служебными полномочиями, коррупционные преступления (48 %), является медленной;

активное изучение и осмысление положительного опыта оперативно-розыскной деятельности зарубежных стран (41 %) происходит недостаточно.

По рассматриваемому вопросу интересен опыт Республики Казахстан, законодатели которой по предложению ученых Академии МВД Республики Казахстан пошли на смелый шаг, введя в Уголовно-процессуальный кодекс специальную гл. 30 «Негласные следственные действия», виды которых определены в ст. 231: негласный аудиоконтроль и (или) видеоконтроль лица или места; негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электронной (телекоммуникационной) связи; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласное проникновение и (или) обследование места; негласное наблюдение за лицом или местом; негласная контролируемая поставка; негласный контрольный закуп; негласное внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности.

При таком подходе к законодательному регулированию негласных следственных действий (оперативно-розыскные мероприятия) открываются реальные и одинаковые возможности для оперативных подразделений правоохранительных органов Беларуси в плане закрепления в деталях самых острых и эффективных следственных действий (оперативно-розыскные мероприятия), а также предоставляют возможности нахождения форм и методов реального креативного взаимодействия указанных субъектов ОРД. Таким образом, в данном случае совместными усилиями можно (и нужно в реальной практике) осуществлять оперативно-розыскной мониторинг на закрепленных объектах, оперативную проверку и перепроверку первичной информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес; осуществлять предупредительно-профилактическую работу в интересах обеспечения национальной, в том числе экономической, безопасности государства; предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений любых видов и форм (включая экономическое), оперативно-розыскное «сопровождение» расследования преступлений и подготовку материалов к рассмотрению в суде.

Таким образом, реальный современный подход к негласным силам, средствам и методам ОРД, адекватный применяемым ухищрениям, уловкам, в выборе замаскированных изощренных способов совершения и сокрытия следов преступлений позволит поднять на качественно более высокий уровень внутреннее (в конкретном ведомстве) и внешнее (межведомственное) взаимодействие в борьбе с преступностью.

Большинство респондентов (55 %) безоговорочно одобрили приоритетные направления обеспечения безопасности Республики Беларусь в экономической сфере, представленные в Концепции.

Резюмируя изложенное, представляется возможным сделать следующие выводы:

утвержденный Главой государства документ и сегодня, как показывает анализ, является основой для исследователей проблем национальной безопасности Республики Беларусь, в том числе важнейшей ее составляющей – безопасности экономической;

анализ актуальных вопросов взаимодействия оперативных подразделений правоохранительных органов республики в указанной области свидетельствует о значительных научных достижениях ученых суверенной Беларуси и возможностях развития на этой основе, расширения и углубления научного поиска;

опыт ученых и законодателей Республики Казахстан требует осмысления, обсуждения и имеет все шансы для применения в Беларуси, где созданы благоприятные условия, возможности, способы и средства эффективного противодействия экономической преступности.

Дата поступления в редакцию: 03.05.18

M.A. Vakulchik, Senior Lecturer of the Department of Crime Investigation of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THEORETICAL AND LEGAL BASIS OF INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN PROTECTING THE ECONOMIC INTERESTS OF SOVEREIGN BELARUS AND COUNTERACTING ECONOMIC CRIME

The historical prerequisites for the creation of theoretical and legal basis of interaction of law enforcement bodies and bodies State security in protecting the economic interests of Belarus and counteracting economic crime and the current state and prospects for improving the effectiveness of the interaction of subjects are considered.

Keywords: cooperation, theoretical basis of interaction, legal basis for interaction, objects and subjects of interaction, organization and implementation of interaction, counteraction economic crime, economic security, national security.

УДК 343.985

Я.Ю. Дударчик, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: yaroslav.dudarchik@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ (ЭКОНОМИЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются некоторые научные подходы к классификации следственных ситуаций. Обосновывается выбор классификации следственных ситуаций мошенничества в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. Предлагаются алгоритмы действий, соответствующие выделенным следственным ситуациям.

Ключевые слова: следственная ситуация, следственные действия, мошенничество, предпринимательская деятельность.

Формирование и принятие наиболее целесообразного решения, направленного на разрешение задач, стоящих перед следователем, определение направлений расследования, выбор и проведение следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий по делам о мошенничестве в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности основываются на анализе следственных ситуаций. Правильная оценка следственных ситуаций позволяет должным образом сориентироваться во всем многообразии фактического материала для принятия тактических и стратегических решений по делу; выдвинуть наиболее обоснованные следственные версии и определить (скорректировать) направления дальнейшего расследования; свести к минимуму число ошибочных решений следователя.

Так, исследованием вопроса следственных ситуаций занимались Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, В.Е. Корноухов, И.М. Лузгин, А.Г. Филиппов и др. [1–8]). Авторами сформирована терминология, изучены вопросы понятия следственной ситуации, ее содержания, места данной категории в системе криминалистических знаний, а также предложены актуальные направления дальнейшего исследования.

Один из основоположников теории следственных ситуаций Л.Я. Драпкин классифицировал следственные ситуации на простые (благоприятные) и сложные (неблагоприятные). Далее сложные подразделил на пять групп: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно-неупорядоченные, комбинированные (смешанные). При этом дополнительно все выделенные классификационные группы были дифференцированы на исходные, промежуточные и конечные [9, с. 24–25].

Профессор А.Г. Филиппов, в свою очередь, обращал внимание на то, что для науки криминалистики наибольший интерес представляют типичные следственные ситуации. Определить круг таких ситуаций применительно к различным этапам расследования по каждому виду преступлений и предложить соответствующие рекомендации для следователей и работников органов дознания – одна из основных задач криминалистической методики на современном этапе ее развития [8, с. 58]. Характерными признаками типичных следственных ситуаций расследования мошенничества в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности ученый определил их сложность, наличие тактического риска, противодействие расследованию, что выражается в сокрытии (непредставлении) или уничтожении документов, имеющих важное значение для уголовного дела, использовании фиктивных документов с заведомым лжепредпринимательских структур либо другие действия (создание ложных алиби, в том числе путем использования профессиональных знаний в сфере предпринимательской деятельности, и т. д.).

По мнению Г.Н. Мухина, следственные ситуации в процессе расследования мошенничества в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности по условиям проведения расследования (степени информированности) и возможности решения задач расследования условно можно разделить на благоприятные, неблагоприятные, нейтральные [10, с. 11].

При благоприятной следственной ситуации основная цель следователя – обеспечение реализации имеющихся возможностей и решение задач, поставленных в ходе расследования. При неблагоприятной – следователю необходимо принять меры воздействия на ситуацию для ее возможного изменения на благоприятную. При этом нужно учитывать, как отмечается в криминалистической литературе, высокую степень логико-познавательной проблемности, конфликтности, тактического риска и организационно-управленческой неупорядоченности неблагоприятных следственных ситуаций. Нейтральные ситуации занимают промежуточное положение между двумя названными и характеризуются наличием частичной информации о тех или иных обстоятельствах расследуемого события; неполнотой сведений, необходимых для сбора доказательственной информации по делу; отсутствием обстоятельств, препятствующих решению задач расследования, установлению объективной истины по уголовному делу. Исходя из представленной классификации можно выделить некоторые типичные следственные ситуации расследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности: имеется достоверная информация о субъекте преступления, задокументированы следы преступной деятельности, но при этом требуется дополнительно установить способ совершения мошенничества, точный размер причиненного ущерба и пр. В таком случае расследование начинается в относительно благоприятных условиях со значительным объемом информации.

Если говорить о благоприятной следственной ситуации, то видится две ее разновидности:

информация о совершении мошенничества получена органом дознания в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий (характерна в случаях возбуждения уголовного дела по материалам органа дознания при проведении комплекса проверочных и иных оперативно-розыскных мероприятий);

информация о совершении мошенничества получена органом дознания в результате подачи гражданином (гражданами) заявления (заявлений) о совершении преступления (преступлений).

В первом случае уголовное дело возбуждается по материалам органа дознания в результате проведенных им оперативно-розыскных мероприятий, следовательно, имело место непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления. В такой ситуации обычно задокументированы следы преступной деятельности и установлен подозреваемый, но при этом могут отсутствовать точные данные о размере вреда, причиненного преступлением, а также документы, содержащие сведения о следах преступления. В этом случае возбуждению уголовного дела, как правило, предшествовала оперативная разработка. Осуществлялся целенаправленный поиск информации и ее документирование, проводились оперативно-розыскные мероприятия, результаты которых легализованы в уголовный процесс в установленном законом порядке. Следствием данных действий явилось задержание лица с поличным в порядке ст. 108 УПК Республики Беларусь.

В большинстве случаев оперативно-розыскные мероприятия проводятся сотрудниками подразделений БЭП (83,4 %). В некоторых уголовные дела возбуждались по материалам проверок, осуществляемых оперативными сотрудниками Комитета государственной безопасности (6,4 %), Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД (6,2 %), Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля (4 %).

При таком порядке вещей работа следователя направлена на изучение документов, в том числе устанавливающих обязанности должностных лиц, виновных в совершении мошенничества.

Второй разновидностью следственных ситуаций являются те, где поводом к возбуждению уголовного дела служат материалы проверок контролирующих органов. В таких случаях обычно уже проведены инвентаризация и (или) проверка финансово-хозяйственной деятельности, документально выявлен размер вреда, причиненного преступлением, однако не установлен полный круг лиц, причастных к его совершению. По изученным архивным уголовным делам проверки проводились преимущественно специалистами Комитета государственного контроля, контрольно-ревизионных служб различных ведомств, а также контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Республики Беларусь. Данный перечень субъектов проверок характерен для предприятий республиканской и коммунальной форм собственности.

При возбуждении уголовного дела в отношении лица по материалам проверки контрольных органов действия органа уголовного преследования в первую очередь должны быть направлены на решение задачи по установлению и закреплению следов преступления. В этом случае целесообразен следующий порядок действий: изучение и проведение формального и нормативного анализа акта проверки, выяснение точного размера причиненного ущерба, механизма и способа совершения хищения; допросы лиц, проводивших проверку и выявивших нарушения законодательства; допросы лиц, от которых получали объяснения в ходе проверки работники контрольных органов; определение перечня документов, подлежащих изъятию (бухгалтерская документация, договоры, документы, подтверждающие выполнение работ и поставки товаров, перечисление и оплату за выполненные работы и поставленные товары и т. д.); проведение выемок и изъятие оригиналов документов, содержащих следы преступной деятельности; их осмотры и приобщение в качестве вещественных доказательств; назначение при необходимости технико-криминалистической экспертизы документов, почерковедческой, экономической и иных видов экспертиз; изучение личности преступника, проведение допросов подозреваемых лиц, при необходимости принимаются меры к их задержанию, осуществление очных ставок при наличии существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц, а также иные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

Следственные ситуации, характеризующиеся наличием недостоверной либо непроверенной информации о субъекте преступления, размере ущерба и других обстоятельствах преступления, характерны для 9,6 % изученных архивных уголовных дел, по которым одним из поводов к возбуждению уголовного дела послужили заявления граждан, потерпевших от преступных действий виновных лиц. Основными заявителями по делам рассматриваемой категории являются обманутые граждане.

Когда уголовное дело возбуждается в отношении лица по заявлениям потерпевших (обычно обманутых граждан), действия следователя на первоначальном этапе должны быть направле-

ны на решение следующих задач: установление способа совершения мошенничества; установление полного круга лиц, причастных к совершению мошенничества; определение размера вреда, причиненного преступлением; установление всех лиц, потерпевших от преступных действий виновных лиц; изучение основных нормативных правовых документов, регулирующих правоотношения в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (деятельности), с целью уяснения порядка заключения различных договоров, механизма принятия денежных средств от контрагентов и др.

Для разрешения обозначенных задач может быть предложен следующий порядок следственных и иных процессуальных действий: допросы потерпевших, направленные на установление обстоятельств возникновения и исполнения договорных правоотношений, порядка внесения денежных средств за приобретенный товар и (или) оказанную услугу; выемка у контрагентов соответствующих оригиналов документов, подтверждающих наличие договорных отношений с организацией и перечисление ими денежных средств, направленных на выполнение взятых на себя обязательств (договор и приложения к нему, которыми являются график платежей, спецификация, акт выполненных работ и т. д.); принятие мер к обнаружению и наложению ареста на имущество подозреваемого в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданских исков по делу или возможной конфискации имущества, в том числе путем наложения ареста на расчетные счета и вклады в банках и иных кредитных учреждениях, включая организации, подконтрольные подозреваемому; проведение обысков по месту жительства и работы подозреваемого для установления похищенного имущества (денежных средств, перечисленных контрагентами, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела); изъятие путем обысков и выемок в организации оригиналов первичной бухгалтерской учетной документации; изучение договоров с контрагентами, на основании которых принимались денежные средства от граждан и юридических лиц, а также документов, подтверждающих внесение (перечисление) ими денежных средств на расчетные счета третьих организаций, в том числе приходно-расходных документов (квитанции к приходным ордерам, платежные поручения), актов выполненных работ, договоров на поставку товаров, товарно-транспортных и товарных накладных и т. д.); назначение и проведение инвентаризации остатков материальных ценностей по складскому учету; направление запросов в Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь для установления сомнительных операций при осуществлении деятельности, фактов взаимодействия со лжепредпринимательскими структурами; назначение и проведение документальной проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности организации для документального подтверждения противоправной деятельности подозреваемого лица, при необходимости – экономической экспертизы для определения полноты и своевременности выполнения сторонами договорных обязательств, а также соответствия осуществленных расчетных и финансово-хозяйственных операций требованиям нормативных правовых актов, регулирующих их совершение; изъятие банковской документации по месту обслуживания организации (о движении денежных средств по расчетному счету с приложением выписок по счету), товарно-транспортных и товарных накладных, других сопроводительных документов по поставке материальных ценностей; допросы перевозчиков, указанных в сопроводительных документах, с целью выявления фактов реализации поставщиками товаров за наличный расчет, с последующим обналичиванием денежных средств; установление и допросы лиц, имеющих отношение к учредительной деятельности организации, отработка их оперативным путем на предмет причастности к совершенному мошенничеству; проведение допросов лиц, подозреваемых в совершении мошенничества, при наличии оснований и достаточных доказательств их вины; планирование мероприятий по их дальнейшему задержанию и избранию меры пресечения; дача поручений органу дознания на проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий.

В тех случаях, когда событие установлено, однако отсутствует информация о субъекте преступления и предположительно известен способ совершения мошенничества, уголовное дело, как правило, возбуждается по поступившим сообщениям должностных лиц организации (24,8 % изученных архивных уголовных дел). Для рассматриваемой ситуации характерен дефицит ин-

формации об обстоятельствах расследуемого преступления (место, время, способ мошенничества, лицо, его совершившее).

Еще одной разновидностью следственных ситуаций является такая, при которой уголовное дело возбуждается по факту совершения мошенничества при отпуске товарно-материальных ценностей со складских помещений и других мест хранения. Для них свойственна наибольшая степень неопределенности, первоочередные задачи расследования носят преимущественно поисковый характер, т. е. направлены на установление и задержание лиц, совершивших мошенничество, поиск похищенного имущества, установление возможных свидетелей и очевидцев. Подозреваемые чаще всего устанавливаются в процессе расследования уголовного дела, за редким исключением, когда лицо задерживается на месте преступления с поличным. Для данных следственных ситуаций может быть предложен следующий порядок процессуальных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий: осмотр места происшествия (место хранения или нахождения материальных ценностей), в ходе которого определяется способ совершения мошенничества (обман (предоставление фиктивных документов) либо злоупотребление доверием (злоупотребление доверием материально-ответственных лиц) и изымаются возможные следы преступления; принятие мер к установлению возможных свидетелей и очевидцев совершенного мошенничества (в первую очередь сотрудников охраны объекта); допросы лиц, ответственных за учет и хранение товарно-материальных ценностей; назначение и проведение инвентаризации склада с целью определения точного размера похищенного имущества; выемка и осмотр документов, подтверждающих факт оприходования товарно-материальных ценностей в организации; отработка по поручению следователя оперативным путем лиц из числа работников предприятия, их знакомых, а также лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, и пр.

Проведенный анализ следственных ситуаций расследования мошенничества в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности позволяет типизировать следственные ситуации по одному из их компонентов, а если быть еще более точным лишь по одному из образующих его элементов. Обычно в качестве объекта типизации избирается элемент, относящийся к компоненту информационного характера, а именно наличие информации о событии и его участниках. По этой причине, когда говорят о следственных ситуациях, необходимо четко представлять, что заложено в основе типизации. Из многочисленных классификаций практически значимой представляется классификация, в основе которой – отношения между участниками: конфликтные, бесконфликтные и нейтральные. Эта классификация заимствована криминалистами у психологов и основывается на характеристике одного из элементов психологических компонентов ситуации: соперничества и противодействия сторон, цели и интересы которых при расследовании преступления не совпадают.

Таким образом, исходя из предложенной классификации, можно выделить некоторые следственные ситуации расследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Первая ситуация связана с наличием достоверной информации о субъекте преступления, задокументированием следов преступной деятельности. Однако дополнительно требуется установить способ совершения мошенничества, точный размер причиненного ущерба и другие обстоятельства. Вторая характеризуется наличием недостоверной либо непроверенной информации о субъекте преступления, размере ущерба и других обстоятельствах преступления, по которым одним из поводов к возбуждению уголовного дела послужили заявления граждан, потерпевших от преступных действий виновных лиц. Третья ситуация связана с фактом установления события. Однако в данном случае информация о субъекте преступления отсутствует и предположительно известен способ совершения мошенничества, а уголовное дело обычно возбуждается по поступившим сообщениям должностных лиц организации. Для рассматриваемой ситуации характерен дефицит информации об обстоятельствах расследуемого события (место, время, способ мошенничества, лицо, его совершившее).

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Избранные труды / Р.С. Белкин. – М. : Норма, 2010. – 767 с.
2. Васильев, А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблочков. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 143 с.

3. Гавло, В.К. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты / В.К. Гавло, В.Е. Клочко, Д.В. Ким ; под ред. В.К. Гавло. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 224 с.
4. Герасимов, И.Ф. Вопросы развития и совершенствования методики расследования отдельных видов преступлений / И.Ф. Герасимов // Науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1976. – Вып. 50 : Вопр. методики расследования преступлений. – С. 5–16.
5. Драпкин, Л.Я. Основы теории следственных ситуаций / Л.Я. Драпкин. – Свердловск : Изд-во Ур. ун-та, 1987. – 163 с.
6. Корноухов, В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы / В.Е. Корноухов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 223 с.
7. Лузгин, И.М. Методологические проблемы расследования / И.М. Лузгин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 215 с.
8. Филиппов, А.Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи / А.Г. Филиппов. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
9. Драпкин, Л.Я. Основы теории следственных ситуаций / Л.Я. Драпкин. – Свердловск : Изд-во Ур. ун-та, 1987. – 163 с.
10. Криминалистика : учебник : в 3 ч. / под ред. Г.Н. Мухина. – 2-е изд., испр. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2010. – Ч. 2 : Криминалистическая тактика. – 243 с.

Дата поступления в редакцию: 25.05.18

J.Y. Dudarchik, *Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

FEATURES CLASSIFICATION INVESTIGATIVE SITUATIONS IN THE PROCESS OF INVESTIGATING FRAUD IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL AND OTHER ECONOMIC ACTIVITIES (ECONOMIC)

Explores scientific approaches to the classification of the investigative situations. Justifying the choice of classification investigative fraud situations entrepreneurial and other economic (economic activity). Algorithms of action, which are dedicated by the investigative situations.

Keywords: situation of inquiry investigations, fraud, business.

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.352

В.М. Веремеенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета ми-
лиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vitalik.VVM@yandex.ru)

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Анализируется содержание субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 430–432 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Рассматриваются разные точки зрения по исследуемой теме. Уделяется особое внимание характеристике признаков субъективной стороны анализируемых деяний: мотиву и цели. Предлагается авторская точка зрения и выносятся предложения по дискуссионным вопросам данной проблемы.

Ключевые слова: взяточничество, субъективная сторона преступлений, составляющих взяточничество, вина, мотив и цель.

Последовательное и решительное противодействие взяточничеству – наиболее опасному проявлению коррупции – одна из основных политико-правовых задач белорусского государства сегодня. Для ее успешного решения важно изучить наиболее актуальные дискуссионные вопросы уголовно-правовой оценки преступлений, составляющих взяточничество. Одной из сложных правовых проблем здесь выступает характеристика и оценка особенностей субъективной стороны рассматриваемой группы преступлений. Как известно, установление определенной формы субъективного отношения лица к совершаемому им общественно опасному посягательству является неперенным условием уголовного осуждения за любое преступление. Конкретное содержание вины при даче (получении) взятки или посредничестве во взяточничестве, мотив и цель преступной деятельности виновных характеризуют степень общественной опасности содеянного и самого преступника влияют на квалификацию. Данная проблема актуальна была всегда, и ее изучению уделялось достаточное внимание в трудах многих ученых: Н.А. Бабия, В.Н. Боркова, Г.Н. Борзенкова, Б.В. Волженкина, А.И. Добродея, Б.Д. Завидова, Б.В. Здравомыслова, А.М. Клима, В.В. Лосева, Э.А. Саркисовой, О.Н. Ситковца, В.М. Хомича, П.С. Яни и др.

Тем не менее ряд вопросов субъективной стороны преступлений, составляющих взяточничество, остаются спорными и нуждаются в дальнейшем изучении. Так, единообразного решения еще не получили вопросы о содержании интеллектуального и волевого моментов вины рассматриваемых преступлений; отсутствует единство мнений о содержании и соотношении мотива и цели данных деяний; не отражена специфика уголовно-правовой оценки их субъективной стороны как коррупционных преступлений.

Указанные обстоятельства определяют актуальность и обуславливают выбор заявленной темы.

Итак, в науке уголовного права общепринято представление о субъективной стороне преступления как о совокупности признаков, характеризующих психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию. Такими признаками принято считать вину, мотив и цель [1, с. 170; 2, с. 181].

Для того чтобы разобраться в сути вопроса, необходимо проанализировать субъективную сторону преступлений, составляющих взяточничество. При этом рассмотрение признаков субъективной стороны видится логичным с состава преступления – получения взятки. Так, основным и обязательным признаком субъективной стороны любого преступления, в том числе и

указанного выше, является вина. В теории уголовного права и юридической литературе общепризнанной была и остается точка зрения, в соответствии с которой преступления, составляющие взяточничество, в том числе получение взятки, могут быть совершены только умышленно. По поводу вида умысла такого единства мнений нет, но преобладающей остается позиция авторов в том, что получение взятки – преступление, совершаемое с прямым умыслом [3, с. 303; 4, с. 11; 5, с. 26]. Вместе с тем некоторые ученые предлагают при характеристике субъективной стороны преступлений, составляющих взяточничество, вести речь только об умышленной форме вины без деления ее на виды умысла. Такая позиция обосновывается тем, что, так как эти деяния относятся к преступлениям с формальным составом, последствия их совершения так же, как и психическое к ним отношение, находятся за рамками составов [6, с. 49]. Признавая право на существование подобной позиции, важно вместе с тем обратить внимание на то, что характеристика вины рассматриваемых преступлений ограничивается психическим отношением к деянию. Сами же деяния – получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве – по своим объективным свойствам обладают признаком общественной опасности независимо от факта наступления вредных последствий. В юридической литературе обоснованно отмечается, что в таких преступлениях умысел может быть только прямым [7, с. 153; 8, с. 745]. А содержание объективной стороны указанных преступлений показывает, что их совершение с косвенным умыслом или по неосторожности невозможно.

Если говорить о содержании вины применительно к рассматриваемому преступлению, то следует вести речь о совокупности сознания и воли, интеллектуального и волевого моментов, предопределяющих поведение лица, совершающего общественно опасное деяние. Содержание интеллектуального момента умысла при получении взятки в науке уголовного права трактуется как осознание виновным общественно опасного характера своего деяния: принятие для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера за совершение или несовершение действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 430 УК Республики Беларусь [9, с. 847; 10, с. 670]. Это значит, что умыслом виновного должно охватываться осознание им того, что принимаемые им материальные ценности и имущественные выгоды являются незаконным вознаграждением и предоставляются ему исключительно в связи с занимаемым им должностным положением. Кроме того, по мнению многих авторов, к характеристике интеллектуального момента получения взятки следует отнести также знание должностным лицом того обстоятельства, что лицо, передающее материальные ценности, расценивает их как взятку, а не как, например, возвращение долга, уплату штрафа и т. п. [3, с. 303; 5, с. 139; 11, с. 74].

Так, получение взятки, дача взятки и посредничество во взяточничестве относятся к коррупционным преступлениям. В условиях активизации борьбы с коррупцией содержание умысла виновного в получении взятки, как представляется, выходит за рамки традиционных представлений, тем самым приобретая социально-правовой оттенок. Принимая взятку, должностное лицо, не только осознает общественную опасность совершаемого им деяния вообще, но и факт того, что это лицо посягает на нормальную деятельность органов власти и управления, подрывает их авторитет, совершает наиболее опасное для общества и государства преступление – коррупционное.

Волевым моментом в умысле должностного лица является желание получить взятку от взяткодателя или представляемых им лиц за выполнение или невыполнение в их интересах определенных действий (бездействия), которое оно должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий. В этом деянии видится наиболее яркое выражение сущности продажности (подкупности) должностных лиц государства, т. е. их коррупционный характер. И здесь виновное лицо не может не осознавать собственного желания совершить преступление.

Итак, самостоятельными признаками субъективной стороны любого состава преступления являются мотив и цель. Мотив преступления – это внутреннее побуждение к преступному деянию, которым руководствуется лицо, совершая преступление, его психологическая причина [1, с. 209; 8, с. 796; 12, с. 180]. Мотив и цель преступления тесно связаны между собой, но по времени мотив возникает, как правило, прежде цели. В науке уголовного права цель определяется как результат, к которому стремится лицо, совершая преступление, как мысленная модель будущего желаемого результата [1, с. 209; 8, с. 811; 12, с. 181]. На это указывают сами действия, называемые в законе, – принятие должностным лицом материальных ценностей либо приобретение

выгод имущественного характера. Исходя из этого, цель получения взятки можно определить как конкретный результат, к которому непосредственно стремится должностное лицо, сознательно нарушая свои должностные обязанности, используя вопреки интересам службы и требованиям закона свои служебные полномочия: получить предмет взятки.

Как известно, диспозиция ст. 430 УК не содержит указания на мотив и цель получения взятки. По этой причине некоторые авторы видят обязательным признаком получения взятки только вину и даже не упоминают о мотиве и цели совершения данного деяния [4, с. 11; 13, с. 42, 43]. И хотя непосредственно в законе нет прямого указания на эти признаки, тем не менее содержание диспозиции указанной статьи УК позволяет утверждать о наличии в действиях должностного лица корысти. Это вытекает, по мнению Б.В. Волженкина, «из самой природы получения взятки как специального вида корыстного злоупотребления должностными полномочиями и материального характера предмета взяточничества» [14, с. 220].

По поводу наличия и соотношения мотива и цели как признаков субъективной стороны получения взятки существуют различные точки зрения. Одни авторы обязательным признаком указанного преступления считают корыстный мотив [15, с. 55], другие – корыстную цель [3, с. 303; 5, с. 26, 139].

Кроме названных точек зрения по данному вопросу существуют и другие, авторы которых получение взятки относят к категории преступлений, совершаемых с корыстным мотивом и целью [6, с. 50, 121; 14, с. 220; 16, с. 18].

Логично согласиться с мнением авторов, которые обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 430 УК, видят корыстную цель. Ведь во всех случаях совершения данного преступления должностное лицо стремится к достижению желаемого результата: принять незаконное материальное вознаграждение, т. е. получить материальную выгоду – ключевую характеристику корыстной цели. Что касается признания корыстного мотива обязательным признаком субъективной стороны получения взятки, то с этим тоже можно согласиться, но с оговоркой: указанное преступление будет иметь место только в случае, когда мотивом его совершения является корысть. На практике встречаются ситуации, когда должностное лицо принимает предмет взятки (например, деньги, строительные материалы и т. п.), но использует их не для личного обогащения, а для нужд организации, ее работников. В этом и аналогичных случаях человек руководствуется не корыстным мотивом, а ложно понятыми интересами службы. На основании признаков объективной стороны содеянного должностное лицо привлекается к ответственности за получение взятки. Правильно ли это? Как представляется, одни и те же действия должностного лица, даже будучи направлены к одной и той же цели, при наличии различного мотива в подобных случаях требуют и различной квалификации. В этой связи следует согласиться с позицией Н.А. Бабия, который отмечал, что вряд ли чиновничий произвол обязательно нужно подводить под статью о взятке. Правильно будет усилить ответственность за злоупотребление и превышение полномочий и привлекать должностных лиц за подобное поведение именно за указанные преступления [3, с. 316].

Переходя к рассмотрению таких составов преступлений, как дача взятки и посредничество во взяточничестве, необходимо отметить, что в теории уголовного права общепризнанной является точка зрения, в соответствии с которой субъективная сторона указанных составов преступлений характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла [3, с. 439, 464; 9, с. 850, 852; 17, с. 675, 677; 18, с. 70]. Интеллектуальный момент дачи взятки выражается в осознании виновным общественно опасного характера своего деяния, всех объективных признаков преступления, а именно в осознании того, что он передает должностному лицу незаконное вознаграждение как взятку за выполнение или невыполнение каких-либо действий с использованием служебных полномочий. При этом дающий взятку должен осознавать факт отсутствия у должностного лица прав на получение вознаграждения.

Содержание волевого момента умысла выражается в желании дать взятку.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 432 УК, вина также устанавливается по отношению к деянию. Субъект должен осознавать общественно опасный характер своего деяния. Интеллектуальный момент умысла выражается в осознании виновным того, что, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, он передает взятку от взяткодателя взятко-

получателю. Также для наличия вины посредника достаточно знания им того обстоятельства, что он передает взятку, и при этом не требуется знания им таких обстоятельств, как содержание действий, за совершение которых дается или получается взятка [3, с. 464].

Волевой момент умысла при посредничестве во взяточничестве заключается в желании виновного лица передать взятку от взяткодателя взяткополучателю.

Как видно из содержания диспозиций ст. 431, 432 УК, они не содержат указаний на мотив и цель. Следовательно, законодатель не ограничивает ответственность за эти преступления каким-либо заранее заданными мотивом и целью. Вместе с тем правильное решение вопросов, связанных с мотивами и целями дачи взятки и посредничества во взяточничестве, позволяет полнее раскрыть содержание этих преступлений, установить их особенности и отграничить от смежных составов.

Несмотря на значимость данных признаков субъективной стороны преступления, изучение публикаций по обозначенной проблеме свидетельствует о том, что в них нет четкого разграничения мотивов и целей рассматриваемых преступлений, в большинстве случаев происходит их отождествление, подмена цели мотивом и наоборот; в качестве мотивов и целей называются одни и те же побуждения [4, с. 16; 6, с. 136, 142; 14, с. 241], с чем вряд ли можно согласиться. Так, мотив и цель – различные психологические феномены, самостоятельные признаки субъективной стороны, имеющие различное содержание и по-разному характеризующие обстоятельства совершения преступления и личность правонарушителя.

Как известно, мотив – побудительная сила к достижению определенной цели [8, с. 796; 17, с. 90]. Мотивом дачи взятки могут быть различные побуждения – корысть, карьеризм, стремление удовлетворить свои личные потребности в обход закона или установленного порядка, желание удовлетворить потребности подчиненных работников и т. п.

По поводу мотивов совершения преступления, предусмотренного ст. 432 УК, необходимо отметить следующее. Обычно посредник действует из корысти или иных личных побуждений, рассчитывая на получение материального вознаграждения от взяткодателя или взяткополучателя, на продвижение по службе и т. д. Иногда на участие в преступлении его толкают ложно понятые интересы службы либо своего предприятия, желание оказать услугу должностному лицу, от которого он зависит по службе, родственнику или знакомому.

Характеризуя субъективную необходимость преступного деяния и отвечая на вопрос, почему лицо совершает преступление и чем руководствуется при этом, можно отметить, что указанные побуждения тем самым являются мотивами рассматриваемых деяний, формируя и определяя цель преступления и ее содержание. Тогда что является целью совершения этих преступлений? В научной и учебной литературе отмечается, что цель характеризует направленность преступного деяния и отвечает на вопрос, для чего лицо совершает преступление [1, с. 209; 12, с. 181]. Итак, как представляется, взятка дается для того, чтобы она была принята должностным лицом с целью побудить его к совершению в пользу взяткодателя или представляемых им лиц указанных в законе действий (бездействия) по службе либо отблагодарить должностное лицо за их совершение. Это и будет являться целью совершения данного преступления.

Цель совершения преступления – посредничество во взяточничестве – в целом, по мнению автора, совпадает с целью дачи взятки, хотя имеет и некоторые особенности. Так, посредник в даче взятки разделяет интересы с взяткодателем, преследуя общую с ним цель – передачу и принятие взятки надлежащим субъектом. Однако эта цель может быть конечной для посредника, стремящегося таким образом поспособствовать взяткодателю и взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения о получении и даче взятки, и промежуточной для взяткодателя, которому важно побудить должностное лицо к совершению оговоренных действий (бездействия) либо отблагодарить за их совершение.

Результаты анализа субъективной стороны преступлений, составляющих взяточничество, позволяют сформулировать следующие выводы.

По мнению автора, преступления, предусмотренные ст. 430–432 УК, совершаются только с прямым умыслом. Так как по конструкции объективной стороны они относятся к так называемым преступлениям с формальным составом; содержание умысла в них ограничивается интеллектуальным и волевым отношением лица к общественно опасному деянию.

Содержание умысла рассматриваемых составов преступлений включает осознание лицом общественной опасности совершения указанных действий, всех объективных признаков деяний и желание совершить названные действия.

По поводу мотивов и целей рассматриваемых составов преступлений в юридической литературе нет единства мнений. Автором обоснована точка зрения, что корыстные мотив и цель являются обязательными признаками получения взятки.

В большинстве случаев авторы не разграничивают мотив и цель таких составов преступлений как дача взятки и посредничество во взяточничестве, происходит их объединение и отождествление, что представляется неверным. Ведь такой подход размывает рамки этих признаков субъективной стороны преступления, утрачивается самостоятельность и исключительность каждого из них, возникают сложности в правоприменительной практике.

Видение обозначенной проблемы, полагает автор, заключается в том, что вопрос о мотивах и целях рассматриваемых преступлений требует более обстоятельного изучения, а подход к его решению должен определяться представлением о том, что, несмотря на некую схожесть, мотив и цель – самостоятельные признаки субъективной стороны преступления, имеющие различное содержание.

Список использованных источников

1. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
2. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 559 с.
3. Бабий, Н.А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта / Н.А. Бабий. – Минск : Тесей, 2011. – 860 с.
4. Завидов, Б.Д. Взятничество. Уголовно-правовой анализ получения и дачи взятки (ст. 290 и 291 УК РФ) : пособие для юристов, работников правоохранительных органов и других правоприменителей / Б.Д. Завидов. – М. : ПРИОР, 2002. – 32 с.
5. Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б.В. Здравомыслов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 168 с.
6. Лосев, В.В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В.В. Лосев. – Минск : Амалфея, 2010. – 176 с.
7. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика / Л.Д. Гаухман. – 4-е изд. перераб. и дополн. – М. : ЦентрЮрИнфор-Пресс, 2010. – 557 с.
8. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / В.Б. Малинин. – 2-е изд. – СПб. : ГКА, 2005. – Т. 4 : Состав преступления. – 2010. – 864 с.
9. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А.И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.
10. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.
11. Добродей, А. Уголовно-правовая оценка получения взятки (ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь) / А. Добродей // Юрист. – 2007. – № 7. – С. 73–76.
12. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 727 с.
13. Коржанский, Н.И. Квалификация следователем должностных преступлений : учеб. пособие / Н.И. Коржанский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1986. – 72 с.
14. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.
15. Динека, В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России : учеб. пособие / В.И. Динека. – М. : Юрид. ин-т МВД Рос. Федерации, 1998. – 69 с.
16. Никонов, П.В. Уголовно-правовая характеристика получения взятки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / П.В. Никонов ; Байк. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2005. – 26 с.
17. Скларов, С.В. Вина и мотивы преступного поведения / С.В. Скларов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 326 с.
18. Чашин, К.В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве : монография / К.В. Чашин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 288 с.

Дата поступления в редакцию: 15.01.18

V.M. Veremeenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Operational-Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIMES CONCERNING THE BRIBERY: PECULIARITIES OF THE CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS

The subjective side of crimes provided for in Art. 430–432 of the Criminal Code of the Republic of Belarus is analyzed. It discusses various points of view on the topic under study. Particular attention is given to characterizing such signs of the subjective side of the acts being analyzed, as a motive and purpose. Authors own judgments and suggestions on the discussion issues of this problem are expressed.

Keywords: bribery, the subjective side of crimes concerning the bribery, fault, motive and purpose.

УДК 340

*М.А. Дубко, следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь
(e-mail: mihail-dubko@tut.by)*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ (ст. 352 УК)

Рассматриваются теоретические вопросы установления уголовной ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией и направления совершенствования уголовно-правовой регламентации ответственности за данное деяние. Изучаются вопросы криминализации информационных преступлений сквозь призму правового режима информации. Сформулированы предложения по изменению уголовного закона в части ответственности за различные формы противоправного получения информации.

Ключевые слова: информационная безопасность, завладение компьютерной информацией, несанкционированное копирование, криминализация.

Более десяти лет назад в статье Н.Ф. Ахраменка «Преступления против информационной безопасности: краткий реестр проблем» рассматривались проблемные аспекты уголовной ответственности за совершение преступлений против информационной безопасности, связанные с несовершенством норм уголовного закона. При этом автором было высказано мнение, что «действующее законодательство проблему борьбы с компьютерной преступностью уголовно-правовыми методами не сняло, а лишь создало иллюзию ее решения» [1, с. 240].

Сегодня обозначенные недостатки правовой регламентации и практики применения не только сохранили актуальность, но их число значительно увеличилось, в связи с чем можно формулировать самостоятельный «реестр проблем» относительно отдельных норм гл. 31 УК.

Так, с введением в действие белорусского уголовного закона установлена уголовная ответственность за неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК). В совокупности с недостаточной научной проработкой в целом вопросов уголовной ответственности за различные формы противоправного получения информации трудности при юридической оценке и расследовании деяний, подпадающих под признаки данного общественно опасного деяния, создают особенности законодательной конструкции указанной статьи (насыщенность диспозиции специальными терминами, оценочный характер последствий, нормативная неопределенность формы вины по отношению к ним), а также отсутствие единообразной правоприменительной практики.

Так как законодатели различных государств неодинаково подходят к вопросам криминализации деяний, связанных с неправомерным завладением компьютерной информацией, разобраться в вопросе поможет сравнительный анализ уголовного законодательства государств-участников СНГ. В результате можно выделить два основных подхода к криминализации неправомерного завладения компьютерной информацией в уголовных законах обозначенных государств: прямой уголовно-правовой запрет и придание неправомерному (несанкционированному) копированию компьютерной информации статуса одного из последствий несанкционированного доступа к компьютерной информации. Однако указанные подходы имеют недостатки. Так, криминализа-

ция несанкционированного копирования компьютерной информации, обусловленная только формой ее представления, вызывает конкуренцию с иными нормами уголовного закона. Также при одновременной криминализации копирования компьютерной информации и иного ее завладения возникает диспропорция в степени общественной опасности деяний в рамках одного состава. При последнем подходе соответствующие составы преступлений содержат указание только на копирование компьютерной информации (например, ст. 272 УК Российской Федерации, ст. 334 УК Туркменистана), в то время как при прямом уголовном запрете уголовно наказуемым является не только копирование, но и иное неправомерное завладение, в том числе перехват компьютерной информации. Рассмотрев уголовное законодательство ряда иных европейских государств (Австрия, Бельгия, Германия, Голландия, Республика Польша, Швейцария, Эстонская Республика и др.), также можно говорить и об отсутствии единых подходов в части конструктивных признаков данного деяния, санкций и условий уголовной ответственности за его совершение.

В этой связи по-прежнему актуален вопрос выработки оптимальной модели уголовно-правовой регламентации ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией не только в рамках главы о преступлениях против информационной безопасности, но и в целом системы уголовного закона, так как конструировать норму необходимо в связи с «общим контекстом кодекса» [2, с. 137]. Правовое обеспечение информационной безопасности в современных условиях должно включать использование новых методологических подходов [3, с. 313].

Согласно модельному Информационному кодексу для государств – участников СНГ, принятому постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 23 ноября 2012 г. № 38-6, установленный в соответствии с законодательством порядок создания, распространения, использования, хранения и уничтожения информации является правовым режимом информации. В целом правовые режимы вводятся для создания особых подходов к регулированию тех сфер, которые неэффективно или нецелесообразно регулировать в общем порядке [4, с. 42]. При этом установление уголовно-правового запрета в отношении ряда деяний, посягающих на безопасность компьютерной информации, видится одной из характеристик ее правового режима.

Итак, правовой режим различных видов информации кроме Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (Закон) регламентирован целым рядом иных законодательных актов: Гражданским кодексом, Банковским кодексом, Налоговым кодексом, Уголовно-процессуальным кодексом, Избирательным кодексом, Законами от 19 июля 2010 г. «О государственных секретах», 5 января 2013 г. «О коммерческой тайне», 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» и др. Комплексный анализ названных нормативных документов позволил сформулировать следующие выводы:

перечисленные в ст. 17 Закона виды информации отнесены к информации, распространение и (или) представление которой ограничено, по причине возможности наступления вредных и даже общественно опасных последствий в случае свободного доступа к ней и беспрепятственного ее распространения;

к тому или иному виду информации, распространение и (или) представление которой ограничено, она относится в зависимости от собственного содержания и негативных последствий ее свободного оборота, а не от формы представления (закрепления). Это подтверждает то, что критерием ценности информации служит прогноз негативных последствий, наступающих вследствие завладения ею вероятным противником, конкурентом или злоумышленником [5, с. 14];

в большинстве случаев выделение указанных категорий информации направлено на закрепление определенных гарантий ее защиты и запрета на использование такой информации (необходимость получения согласия лица на использование личных сведений, запрет их разглашения и др.);

в отношении каждого вида информации, распространение и (или) представление которой ограничено, законодательными актами установлен порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления, нарушение которого влечет установленную законодательством ответственность, в том числе уголовную;

одна и та же информация может быть отнесена к различным видам информации, распространение и (или) представление которой ограничено. Так, информация, затрагивающая неприкосновенность частной жизни и ставшая известной на законных основаниях другим лицам,

должна охраняться в зависимости от обстоятельств ее получения в режиме соответствующей профессиональной тайны [6].

Анализ литературных источников (И.Ю. Богдановская, В.С. Бондаренко, Е.А. Войниканис, Л.Н. Мороз, Д.Г. Полещук, Л.К. Терещенко, Е.Н. Яковец и др. [4, 7–11]) также позволяет сделать вывод, что правовой режим информации есть характеристика информации как объекта правоотношений, вытекающая из ее нематериальной природы. На это указывает также дефиниция информации, содержащаяся в ст. 1 Закона. А.В. Полушкин, формулируя определение информационного правонарушения¹, указывает, что им является общественно опасное, противоправное, виновное деяние в информационной сфере и (или) с использованием информационных средств и технологий работы с информацией независимо от ее формы [12, с. 9].

В отечественной литературе в сфере информационного и уголовного права вопросы принципов, условий и иных социально-правовых аспектов установления юридической ответственности, в том числе уголовной, за совершение противоправных действий в отношении компьютерной информации не нашли отражения. Однако на основании анализа норм УК, предусматривающих уголовную ответственность за общественно опасные деяния, предметом которых является информация (сведения, сообщения, данные), можем сделать вывод о том, что основными критериями их криминализации выступают содержание информации, являющейся предметом преступления (различные виды охраняемых законом тайн), и, соответственно, установленный в отношении информации правовой режим. Общественная опасность таких деяний обуславливается причинением (возможностью причинения) существенного вреда в результате неправомерного обладания данной информацией, включая последующее ее использование (разглашение). При установлении уголовной ответственности данный подход в зависимости от вида информации позволяет определить объект данных преступлений (преступление против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против порядка осуществления экономической деятельности и др.), предусмотреть особенности условий уголовной ответственности (ст. 33 УК) и уголовного преследования за их совершение (ст. 26 УПК).

В то же время в ст. 352 УК криминализировано деяние, где предметом выступает информация по признаку формы представления, которая одновременно по содержанию может являться банковской тайной, тайной личной жизни, государственными секретами. Данное обстоятельство на практике приводит к возникновению спорных вопросов, связанных с выбором нормы, подлежащей применению (например, в случае завладения реквизитами банковских платежных карт). При этом орган уголовного преследования ставится в условия выбора нормы в зависимости от разнородных характеристик информации (содержание и форма). На практике предпочтение отдается форме, что в том числе обуславливается закреплением за специализированными подразделениями «компетенции» по раскрытию и расследованию преступлений в сфере высоких технологий (преступлений против информационной безопасности).

Ранее нами сформулировано основание самостоятельной криминализации данного деяния и названы факторы, обуславливающие общественную опасность несанкционированного копирования компьютерной информации, при этом при дальнейшем совершенствовании уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение данного деяния последние необходимо учитывать [13, 14]. Таким образом, логичен вывод о целесообразности дифференциации уголовной ответственности за перечисленные в ст. 352 УК деяния (несанкционированное копирование, иное неправомерное завладение) посредством сохранения в данной статье ответственности только за неправомерное получение компьютерной информации, в том числе путем перехвата, в результате которого обладатель информации либо ее получатель лишаются возможности использовать данную информацию. Одновременно предлагается установить повышенную ответственность за противоправное получение компьютерной информации путем дополнения составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за противоправное получение сведений безотносительно формы их представления, таким квалифицирующим при-

¹ Разновидностью информационного правонарушения следует считать в том числе компьютерное преступление, киберпреступление и др.

знаком, как сопряженность с несанкционированным доступом к компьютерной информации, компьютерной системе или сети. Данный квалифицирующий признак одновременно указывает на особенности предмета преступления (компьютерную информацию) и отражает значительное увеличение степени общественной опасности запрещаемого деяния в сравнении с деянием, предусмотренным основным составом. В результате несанкционированное копирование компьютерной информации будет полностью охватываться этими нормами.

Основной задачей уголовного закона является охрана прав и свобод человека, что необходимо учитывать при конструировании уголовно-правовых норм. Так, для обладателя информации неважно, какие противоправные действия в отношении информации совершены – уничтожение, модификация, «хищение» информации; основополагающим является их негативный результат – утрата информации либо невозможность ее использования. Как отмечает А.И. Халиуллин, доступность, целостность, конфиденциальность и иные характеристики информации в равной степени определяют ее значимость для субъекта информационного обмена [15, с. 23]. Видится обоснованной унификация законодательной конструкции уголовно-правовых норм гл. 31 УК, предусматривающих ответственность за компьютерный саботаж, модификацию компьютерной информации и неправомерное завладение компьютерной информацией, а также обеспечение согласованности санкций в ст. 350–352 УК и иных составах преступлений, предусматривающих ответственность за противоправное получение информации.

Так, перечисленные выше предложения и выводы формируют элементы новой теоретической модели уголовно-правовой регламентации ответственности за противоправное получение компьютерной информации, которая значительно отличается от существующей в УК и уголовном законодательстве государств – участников СНГ. Ее реализация требует внесения ряда изменений в уголовный закон. При этом с учетом продолжительного действия норм гл. 31 УК и практики их применения некоторые предложения могут быть подвергнуты критике. Это в том числе может быть обусловлено, оперируя экономическим понятием, «эффектом колеи» или QWERTY-эффектом – эффектом победы менее эффективного стандарта над более эффективным за счет относительно случайных обстоятельств момента выбора и последующего закрепления победы менее эффективного стандарта набранной пользовательской базой [16]. Не без оснований Н.Ф. Ахраменка, говоря о несовершенстве конструкций ст. 349–355 УК, одной из таких причин называет некритичное включение в гл. 31 УК соответствующих норм в редакции ст. 286–292 модельного УК государств – участников СНГ [1, с. 240].

На основании изложенного логичен вывод о необходимости совершенствования уголовно-правовой регламентации ответственности за рассматриваемое деяние. В этой связи предлагается выделить определенные направления в обозначенной сфере:

реализация подхода к установлению уголовной ответственности за противоправное получение (собрание, похищение, копирование, завладение, перехват) компьютерной информации, который в качестве основного критерия криминализации выделяет содержание информации, являющейся предметом преступления (различные виды охраняемых законом тайн), и, соответственно, установленный в отношении информации правовой режим;

дифференциация уголовной ответственности за различные способы неправомерного завладения компьютерной информацией;

унификация законодательной конструкции уголовно-правовых норм, закрепляющих ответственность за компьютерный саботаж, модификацию компьютерной информации и неправомерное завладение компьютерной информацией, а также обеспечение согласованности санкций в ст. 350–352 УК и иных составах преступлений, предусматривающих ответственность за противоправное получение информации.

Список использованных источников

1. Ахраменка, Н.Ф. Преступления против информационной безопасности: краткий реестр проблем / Н.Ф. Ахраменка // Право и демократия. – Минск, 2007. – Вып. 18. – С. 239–249.
2. Наумов, А. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность / А. Наумов // Уголов. право. – 2008. – № 4. – С. 134–137.
3. Информационное право : учеб. пособие / Г.А. Василевич [и др.]; под общ. ред. Г.А. Василевича и Д.А. Плетенева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 352 с.

4. Терещенко, Л.К. Правовой режим информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Л.К. Терещенко; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2011. – 54 с.
5. Яковец, Е.Н. Основы правовой защиты информации и интеллектуальной собственности : учеб. пособие / Е.Н. Яковец. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 440 с.
6. Саванович, Н.А. Личная информация граждан [Электронный ресурс] / Н.А. Саванович // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации / отв. ред. И.Ю. Богдановская. – М. : Юстицинформ, 2009. – 344 с.
8. Бондаренко, В.С. Сохранность информации при автоматизированной обработке / В.С. Бондаренко. – М. : Знание, 1981. – 64 с.
9. Войниканис, Е.А. Информация. Собственность. Интернет: традиция и новеллы в современном праве / Е.А. Войниканис, М.В. Якушев. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 176 с.
10. Мороз, Л.Н. Информационное право. Общая часть / Л.Н. Мороз. – Минск : Право и жизнь, 2007. – 276 с.
11. Полещук, Д.Г. Понятие и объект преступления против информационной безопасности / Д.Г. Полещук // Право.бу. – 2016. – № 6. – С. 87–92.
12. Полушкин, А.В. Информационные правонарушения: понятие и виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.В. Полушкин; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2009. – 25 с.
13. Дубко, М. А. Основание и причины криминализации неправомерного завладения компьютерной информацией / М.А. Дубко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 87–91.
14. Дубко, М.А. Несанкционированное копирование как способ неправомерного завладения компьютерной информацией / М.А. Дубко // Законность и правопорядок. – 2017. – № 4. – С. 58–63.
15. Халиуллин, А.И. Неправомерное копирование как последствие преступления в сфере компьютерной информации / А.И. Халиуллин // Рос. следователь. – 2015. – № 8. – С. 23–26.
16. Калеев, С.В. «Эффект блокировки» в практике принятия управленческих решений [Электронный ресурс] / С.В. Калеев // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/03/7846>. – Дата доступа: 09.04.2018.

Дата поступления в редакцию: 09.04.18

M.A. Dubko, Investigator (serious crime), Investigative Committee of the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL-LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR THE COMPUTER INFORMATION MISAPPROPRIATION (ART. 352 OF THE CRIMINAL CODE)

Theoretical questions of establishing criminal liability for misappropriation of computer information and directions for improving criminal-legal regulation of responsibility for the act. The issues of criminalization of information crimes through the prism of the legal regime of information are considered. As a result, proposals have been formulated to amend the criminal law with regard to liability for various forms of unlawful receipt of information.

Keywords: information security, computer information misappropriation, unauthorized copying, criminalization.

УДК 343.8

*А.А. Жук, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь
(e-mail: alex.zhuk82@gmail.com)*

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (вторая половина XVI в. – начало XX в.)

Осуществляется попытка проанализировать процесс зарождения и развития тюремного заключения и лишения свободы как вида уголовного наказания на белорусских землях во второй половине XVI – начале XX в. Рассматривается исторический аспект возникновения понятия «тюрьма», зарождения тюрем и тюремного заключения как вида наказания на белорусской территории. Анализируются основные положения нормативных документов, явившихся правовой основой карательной системы на белорусских землях в рассматриваемый период.

Ключевые слова: тюрьма, лишение свободы, Статут ВКЛ, труд заключенных.

Существовавшие на белорусских землях в догосударственный период средства воздействия на людей (возмездие, талион, система выкупов), виновных в том или ином преступлении, можно рассматривать как первоначальные этапы развития уголовного наказания, которые затем, на более высокой стадии развития, трансформируются в смертную казнь, телесные наказания, денежные взыскания (штраф), лишение свободы.

Такой вид уголовного наказания, как лишение свободы, возник позже других видов наказания. Первое упоминание о нем встречается во второй половине XVI в., и это наказание применялось только как предварительная мера до определения «настоящего наказания» (смертной казни, телесных наказаний и т. д.). Данный вид не отвечал требованиям публичности и казался слишком мягкой мерой, чтобы быть приравненным к наказанию как таковому. По убеждениям того времени преступник должен быть либо уничтожен, либо изгнан, но никак не сохранен и исправлен.

Согласно сохранившимся юридическим памятникам (Двинская уставная грамота 1397 г., Русская Правда, Судебник Казимира 1468 г.) в древних славянских государствах понятие «тюрьма» не употреблялось, так как в этом не было необходимости. Преступники в своем большинстве до принятия решения по их делам оставались по существующему тогда обычаю на поруках у общественных и частных лиц, отвечавших головой за их исчезновение. Ввиду строгости нравов наших предков преступников помещали в погреб, подземелья и клетки.

Указания на лишение свободы как принудительную меру против преступников встречаются в памятниках древнего права. Так, согласно Двинской уставной грамоте 1397 г. заключение стало сопровождаться «заковыванием в железа» (цепи). М.Ф. Владимирский-Буданов предполагал, что подземные тюрьмы устраивались в фундаменте крепостных башен (от нем. thurm – башня), откуда и пошло русское название «тюрьма» [1, с. 331]. И если в старину тюремное заключение применялось в качестве временного содержания до суда, то в XVI в. этот вид наказания становится одним из главных и применяется как в качестве основного, так и дополнительного наказания.

Вообще тюрьмы находились при судах и подразделялись на обыкновенные, земляные и каменные. Описание строений последних тюрем исторические источники права не содержат, но предполагается, что это были любые каменные либо деревянные здания, где можно было бы разместить преступников и откуда невозможно было бы сбежать. Обыкновенные тюрьмы представляли собой территорию, огороженную деревянным забором, так называемый тюремный двор, где находилось несколько бревенчатых домов, также обнесенных изгородью. Земляная тюрьма – выкопанная в земле яма со срубом из бревен, сверху которого находилась крыша с небольшим окном и вторым надворным срубом. Эти тюрьмы обычно предназначались для особо опасных государственных преступников, а также церковных мятежников и раскольников.

Тюремное содержание в тот период отличалось по своей тяжести: подземный острог предназначался для самых опасных преступников, остальные размещались в «верхней» тюрьме. Осужденные за особо тяжкие преступления, и в первую очередь за государственные, содержались, как правило, в столичном «замке Виленском» [3, с. 229]. В большинстве своем в ВКЛ тюрьмой служили вежи (башни) – оборонные сооружения.

Согласно Статуту ВКЛ 1588 г. (6, разд. IV, арт. 31; разд. XI, арт. 34) тюремному заключению подлежали приговоренные к смертной казни. Наказанию в виде лишения свободы подвергались лица, совершившие по мнению законодателя, менее тяжкие государственные преступления, преступления против правосудия, личности и др. Например, в 1624 г. в Бресте за пьянство был осужден к тюремному заключению сын мещанина Максима Алисиевича [4, с. 133].

Отмечая жестокость уголовных наказаний относительно древнего уголовного права белорусских земель, следует обратить внимание на то, что по сравнению с правом других европейских государств того времени оно было более гуманным. Последнее подтверждается неприменением наказания смертью к беременным женщинам; неприменением уголовных наказаний к детям и подросткам до 16 лет; установлением уголовной ответственности шляхтича за убийство простого человека, более высокой ответственности за преступления в отношении женщин, в относительно небольших сроках тюремного заключения [10, с. 18].

Судебное право и определенная им система наказаний, разработанная и закреплённая в Статуте ВКЛ 1588 г., действовали на белорусских землях и во время их вхождения в состав Речи Посполитой.

Первый раздел Речи Посполитой произошел в 1772 г. между тремя державами: Австрией, Пруссией и Россией. В результате к России отошли восточные земли Беларуси с Полоцком, Витебском, Оршей, Могилевом, Рогачевом, Гомелем. По наказу Екатерины II от 29 мая 1772 г. указанная территория была включена во вновь созданные губернии – Псковскую и Могилевскую. При этом устанавливалось, что суд и расправа на этих землях по личным делам должны производиться по местным законам и традициям и на их языке (по Статуту 1588 г.), а «дела же, что нарушали покой и тишину граждан» подлежали рассмотрению в учреждениях, определенных законодательством Российской империи. Таким образом, источниками права в этих губерниях по уголовным делам являлись Статут ВКЛ 1588 г., Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г. и другие законодательные акты.

Постепенно карательная система и наказание на белорусских землях сближаются с существовавшими в России. Действие Статута ВКЛ 1588 г. было отменено в Витебской и Могилевской губерниях в 1831 г., Виленской, Гродненской и Минской – в 1840 г. [11, с. 247].

Важным источником предписаний о системе наказаний и их исполнении в Российской империи на момент присоединения к ней белорусских земель был Артикул воинский 1715 г. [7, с. 74–77]. Документ представлял собой первый систематизированный сборник уголовно-правовых норм России и, следуя тенденции к усилению карательной политики в обеспечении защиты интересов господствующего класса, расширял применение смертной казни, телесных наказаний, тюремного заключения, а также вводил наказания в виде ссылки на каторгу, галеры, новые разновидности позорящих наказаний.

Следует отметить, что в целом в период правления Петра I наблюдалась наивысшая в уголовно-правовой истории Российской империи жестокость наказаний. По Артикулу воинскому 1715 г. и все еще действовавшему Соборному уложению 1649 г. смертная казнь предусматривалась за огромное количество преступлений. Лишение свободы, появление которого в России связывают с Судебником 1550 г., еще не стало преобладающим. Тогда государство уделяло намного больше внимания ссылке преступников, особенностью при этом являлось официально признаваемое использование труда осужденных преступников для решения государственных хозяйственных задач. Практика лишения свободы, связанная с использованием труда заключенных на строительстве крепостей, фортов, иных оборонительных сооружений, впервые широко стала применяться при Петре I [10, с. 23]. Позже лишение свободы в системе уголовных наказаний занимает главенствующее положение.

В контексте регулирования института наказания в виде лишения свободы Артикул воинский характеризуется весьма противоречиво. Наказания, так или иначе связанные с лишением свободы, встречаются всего лишь в 17 артикулах и имеют различные формы: «заковывания в железа», «посажение в железы» (арт. 1, 9, 38, 48), ссылка на каторгу, ссылка на галеры (арт. 63, 65, 149, 167, 196), тюремное заключение (арт. 149, 151, 154, 158, 176), заключение без дополнительных поселений (арт. 151, 181). В большинстве случаев наказание, связанное с лишением свободы, не имеет определенных сроков. Исключение составляют несколько артикулов. Так, согласно арт. 10 за отсутствие в третий раз на молитве без уважительных причин рядовой мог быть наказан «заковыванием в железа» сроком на одни сутки, по арт. 151 за оскорбление офицером офицера полагалось заключение на полгода. В соответствии с арт. 167 преступник мог быть сослан на каторгу навечно. Во всех других артикулах, где речь идет о лишении свободы, сроки не указываются.

Следует отметить, что в том же Артикуле воинском такая форма, как ссылка на каторгу (галеры), отличается от тюремного заключения. В названном правовом акте ссылка на каторгу встречается всего в пяти артикулах (арт. 63, 65, 149, 167, 196). Но фактически это наказание применялось весьма широко и регулировалось большим количеством указов [7, с. 63].

В начале XVIII в. проблема труда преступников в сфере исполнения наказаний вышла на первый план. Уничтожая одних посредством смертной казни и в большом количестве в целях устрашения, государство вместе с тем стремилось получить максимальную выгоду от преступников, которых оставляли в живых и лишали свободы. Однако лишение свободы в рассматриваемый период еще не находит широкого распространения, что было обусловлено общей тенденцией уголовной политики к усилению устрашающей роли наказания и, соответственно, к увеличе-

нию роли смертной казни. Лишение свободы применяется в основном в виде ссылки на каторгу. Каторжане использовались сначала на строительстве государственных сооружений, позже – на рудниках и заводах. Места пребывания каторжан определяли порядок и условия отбывания наказания, значительно отличавшиеся в разных регионах страны, что потребовало принятия новых законов, регулирующих лишение свободы.

В этой связи в 1832 г. принимается Устав о ссыльных и об этапах, а несколько позже – Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (Свод). Это был первый правовой акт, комплексно регулирующий вопросы содержания под стражей как арестованных в порядке предварительного расследования, так и осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы. В Своде получили первоначальную правовую регламентацию некоторые пенитенциарные институты, в частности, регулировались вопросы улучшения «нравственного состояния» осужденных. Так, для надзора за поведением заключенных, содержащихся в исправительном арестантском отделении, предусматривалось «отмечать в специальном списке о каждом особо всякое взыскание, которому этот арестант подвергался во время пребывания в исправительном отделении, и сверх того – в конце каждого месяца – общее о поведении его заключение, с означением успехов в его послушании и прилежании к труду» (ст. 310) [5, с. 6–7]. Как и многие другие правовые документы периода Российской империи, Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею предусматривал для лиц привилегированного сословия создание более комфортных условий содержания в местах лишения свободы. Свод закрепил определенные виды мест содержания под стражей: помещения для подвергаемых аресту, исправительные приюты для несовершеннолетних, арестантские отделения при полиции, тюрьмы (губернские, областные и уездные тюремные замки), Санкт-Петербургскую и Московскую исправительные тюрьмы, исправительные арестантские отделения, тюрьмы для содержания осужденных к каторжным работам, пересыльные тюрьмы. Данный правовой документ имел широкую сферу регулирования лишения свободы, что являлось отличительной чертой законов Российской империи XIX в.

Принятие Устава о ссыльных и об этапах 1832 г. (Устав) было знаменательным событием в пенитенциарной истории Российской империи, так как документ был первым кодифицированным нормативным правовым актом, урегулировавшим исполнение наказания в виде ссылки на каторжные работы и поселение. Итак, характерная для Российской империи форма лишения свободы получила правовое закрепление, подведя итог полуторавековой практике регулирования этих вопросов отдельными, часто случайными указами, правительственными постановлениями, губернскими решениями и усмотрениями администрации мест ссылки [10, с. 32]. И хотя Устав урегулировал только одну разновидность лишения свободы – ссылку на каторжные работы, тем не менее он характеризовал общую тенденцию развития наказания в виде лишения свободы и его правового регулирования: законодатель впервые обратился к регламентации правового положения осужденных, ввел гуманные (для того времени) нормы условий содержания, предписал вести работу по исправлению осужденных. Эти положения были развиты в последующих пенитенциарных нормативных актах и отражали гуманность исполнения наказаний.

Дальнейшая систематизация уголовного права была проведена при Николае I и завершилась принятием 15 августа 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, переизданное в 1885 г. [2, с. 15–33]. Так, карательная система была приведена в соответствие с Законом об отмене крепостного права и Законом об ограничении телесных наказаний. Уложение устанавливало два главных вида наказаний – уголовные и исправительные.

Развитием идей демократии и гуманности стало Уголовное уложение, принятое 22 марта 1903 г. [8, с. 71]. В документе предусматривалась новая система наказаний: смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, заключение в крепости, заключение в тюрьме, арест, денежная пеня. Однако институт лишения свободы по Уложению 1903 г. так и не был реализован.

В конце XIX – начале XX в. начался активный поиск новых мер борьбы с преступностью, так как огромная практика исполнения наказания в виде лишения свободы не подтвердила иллюзий и надежд, которые прежде связывались с этим видом наказания. Дальнейшее развитие царского пенитенциарного законодательства продолжало осуществляться преимущественно путем

внесения изменений и дополнений в Устав о содержащихся под стражею и Устав о ссыльных и об этапах, тюремные инструкции и издание циркуляров, регулирующих различные стороны отбывания наказания в виде лишения свободы.

Министром юстиции сенатором А. Хвостовым в декабре 1915 г. была утверждена Общая тюремная инструкция. Этот нормативный правовой акт явился по сути прообразом Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и определил общие обязанности службы чинов тюремной стражи, организацию работы тюремных надзирателей, внутренний тюремный распорядок, условия содержания арестантов, порядок их освобождения из мест лишения свободы. Инструкция содержала нормы, указывающие на цели привлечения заключенных к работам, например: отвлечение осужденных от праздности; приучение их к производительному труду; обучение полезным профессиям; предоставление заработка, который давал бы возможность оказывать помощь семье и накапливать сбережения для обеспечения своего существования после освобождения.

Принятие нового Уголовного уложения и Общей тюремной инструкции практически не повлияло на складывающуюся ситуацию в местах заключения, но как событие характеризовало очередной этап развития в Российской империи правового института наказания в виде лишения свободы. Норм о телесных наказаниях однако он уже не предусматривал. Значительно упростилось наказание в виде каторги, более четко обозначилось правовое положение осужденных. Среди средств формирования у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, нормам, правилам и традициям человеческого общежития значимое место в рассматриваемый период занимало условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

Вопросы применения института условно-досрочного освобождения в Российской империи начали обсуждаться в конце XIX в. Впервые проект Закона «Об условно-досрочном освобождении» был внесен на рассмотрение в Государственную Думу в конце 1906 г., в окончательном виде был принят законодателями 12 июня 1909 г., а 22 июня 1909 г. получил «высочайшую санкцию» Николая II.

В исправительно-воспитательных заведениях институт условно-досрочного освобождения существовал с 1866 г. и получил дальнейшее развитие в Законе от 19 апреля 1909 г. «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних». В целом, принятие Закона «Об условно-досрочном освобождении» способствовало улучшению дисциплины в исправительных учреждениях, стимулировало правопослушное поведение у осужденных и позволило привлечь внимание общественности к исполнению уголовных наказаний.

Таким образом, с момента вхождения белорусских земель в состав Российской империи и до революционного переворота 1917 г. институт лишения свободы получил существенное развитие, «вобрал» ряд прогрессивных гуманистических идей и сформировался соотносительно карательной политики государства, которая нашла свое выражение в издаваемых законах, предписаниях и нормативных правовых актах.

Список использованных источников

1. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1915. – 699 с.
2. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М.Н. Гернет. – М., 1951. – Т. 2. – 582 с.
3. Демченко, Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в трех его редакциях (1529, 1566 и 1588 гг.) : в 3 ч. / Г.В. Демченко. – Киев, 1894. – Ч. 1 – 273 с.
4. Копыцкий, З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З.Ю. Копыцкий. – Минск, 1978. – 193 с.
5. Мелентьев, М.П. Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века : сб. норматив. актов / М.П. Мелентьев, В.М. Ковалев, И.В. Упоров. – Рязань, 1998. – 129 с.
6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – Мінск, 2002. – 207 с.
7. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов / под ред. А.И. Зубкова. – М., 2002. – 572 с.
8. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2001. – 108 с.
9. Упоров, И.В. Правовое регулирование института наказания в виде лишения свободы в первой четверти XVIII века / И.В. Упоров // Следователь. 1999. – № 1 – С. 8.

10. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность : монография / А.В. Шарков. – Минск, 2010. – 322 с.

11. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск, 1991. – 270 с.

Дата поступления в редакцию: 10.01.18

A.A. Zhuk, *Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the MIA of the Republic of Belarus*
IMPRISONMENT AS A FORM OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE BELARUSIAN LANDS: THE ORIGINS AND DEVELOPMENT (second half of XVI-th century – early XX-th century)

An attempt is made to analyze the process of the inception and development of imprisonment and imprisonment as a form of criminal punishment in the Belarusian lands in the second half of the 16th – early 20th century. The historical aspect of the concept of “prison”, the origin of prisons and imprisonment as a form of punishment in the Belarusian territory is considered. The main provisions of normative documents, which were the legal basis of the punitive system on Belarusian lands during the period under review.

Keywords: prison, imprisonment, the Statute on prison labor.

УДК 343.96

М.Ю. Кашинский, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: m.kashinsky@yandex.ru)

ПРЕСТУПНОСТЬ ЛИЦ С РАССТРОЙСТВАМИ ПСИХИКИ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Рассматривается актуальность криминологического исследования преступности и противоправного поведения лиц с расстройствами психики. Подчеркиваются высокая распространенность и сложная природа преступности и противоправного поведения лиц с расстройствами психики; недостаточность эффективности существующих профилактических мер криминологического характера. Обосновывается необходимость использования современной криминологией системно-комплексного и междисциплинарного подходов к изучению проблемного поля преступности и отклоняющегося поведения лиц с расстройствами психики.

Ключевые слова: преступность лиц с расстройствами психики, противоправное поведение лиц с расстройствами психики, системно-комплексный и междисциплинарный подходы в криминологии.

Сегодня отечественная криминологическая наука, по мнению профессора В.А. Ананича, находится в фазе активного развития, ее наработки востребованы на государственном уровне, структурами системы юстиции, в правоохранительной и правоприменительной практике, законодательской деятельности. В то же время в развитии криминологического знания наличествуют и вопросы проблемного характера, требующие всестороннего изучения, оценки и решения [1, с. 141], среди которых особое место занимает проблема предупреждения преступности лиц с расстройствами психики.

По данным анализа зарубежной юридической литературы в современном мире наблюдается значительный рост преступности лиц с расстройствами психики и отмечается устойчивый рост среди населения криминогенно значимых психосоциальных девиаций (наркомания, токсикомания, алкоголизм, проституция, бездомность, насилие в семье и др.). К тому же среди привлекаемых к уголовной ответственности выявляется все большее количество лиц с психическими расстройствами, оказывающими влияние на интеллектуально-волевую сферу, т. е. играющими существенную роль в этиопатогенезе преступного поведения и определяющими пониженную способность прогнозировать последствия своих действий и (или) осознанно руководить ими [2, с. 7]. Так, в научных работах российских криминологов содержится информация о том, что от 20 до 60 % лиц, совершивших преступления, страдают различными расстройствами психической деятельности [3, с. 10], а среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, особенно за насильственные преступления, удельный вес лиц с психическими нарушениями составляет до 80 % случаев [4].

Относительное число лиц в отечественных учреждениях уголовно-исполнительной системы впервые в жизни с установленным диагнозом психического расстройства и зависимости от

психоактивных веществ, состоящих на учете, намного превышает общереспубликанский уровень, а заболеваемость психическими расстройствами занимает второе место среди всех болезней осужденных. В то же время психические расстройства и другие заболевания, влияющие на поведение многих осужденных и влекущие совершение правонарушений, не подвергаются надлежащему профилактическому воздействию [5, с. 4].

По данным Всемирной организации здравоохранения, психические расстройства относятся к числу наиболее распространенных болезней человека: ими страдает, как минимум, каждый десятый человек, и на них падает 10 % общего объема экономических потерь, вызванных болезнями человека, при этом число психически больных достигает на земном шаре от 17 до 100 человек на 1 тыс. населения, а общее число психически больных достигает приблизительно 150 млн. В настоящее время психически больные занимают почти 50 % всех больничных коек в мире. По сведениям Министерства здравоохранения Республики Беларусь, на диспансерном и профилактическом учете у врача-психиатра и врача-нарколога состоят более полумиллиона белорусских граждан, при этом «за последнее десятилетие прирост числа новых больных психическими расстройствами в Беларуси превысил 50 %. Каждый год количество новых заболевших приросло на 5 %». Важно также отметить, что расстройства психики оказывают не просто влияние на поведение индивида, но часто обуславливают его противоправное поведение. Проблема предупреждения противоправного поведения лиц с психическими нарушениями в разное время привлекала исследователей различных отраслей науки: философов, психиатров, психологов, педагогов, социологов, и конечно же юристов, сегодня она по-прежнему актуальна. В этой связи в зарубежной криминологии уже давно уделяется пристальное внимание корреляции психических расстройств и противоправного поведения [6, с. 315–316].

Изучением преступности и отклоняющегося поведения лиц с расстройствами психики занимались разные ученые: исследователи, стоявшие у истоков криминологии (Ч. Беккариа, Э. Дюркгейм, Э. Кречмер, Ч. Ломброзо, Э. Ферри и др.), и современники (Л. Берковиц, Э. Сатерленд, Д. Холмс и др.). В странах бывшего СССР к обозначенной проблеме отмечался очень большой интерес в научном мире (Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.Н. Бурлаков, И.Н. Введенский, М.В. Виноградов, Б.В. Волженкин, В.С. Воронин, Т.Б. Дмитриева, Я.И. Гишинский, Н.Д. Гомонов, В.А. Голумб, В.В. Гульдман, И.Н. Даньшин, А.И. Долгова, А.П. Дьяченко, А.Ф. Зелинский, К.Е. Игошев, Б.Г. Калманов, В.Н. Кудрявцев, Н.С. Лейкина, А.С. Михлин, И.С. Ной, С.С. Овчинский, А.Р. Ратинов, Н.И. Сазонова, В.П. Сальников, А.Б. Сахаров, А.П. Скиба, Б.А. Спасенников, В.Д. Филимонов и др.).

Однако проведенные примеры не исчерпывают названную проблему вообще и для Республики Беларусь в частности, так как затрагиваемые проблемы рассматривались, как правило, с позиции одной науки (социологии, психологии, психиатрии, уголовного права, криминалистики и др.) с использованием материалов конкретных стран и им же адресованные.

В Республике Беларусь системно и целенаправленно проблема предупреждения противоправного поведения лиц с расстройствами психики как отдельно взятая комплексная проблема ранее не исследовалась, рассматривались только некоторые ее аспекты (В.А. Ананич, Н.А. Барановский, Г.А. Василевич, О.В. Русецкий, В.М. Хомич, В.П. Шиенок, Г.Г. Шиханцов и др. – при разработке проблем профилактики преступности и ее фоновых явлений; А.И. Габа, Г.Н. Мухин – при изучении особенностей расследования общественно опасных деяний лиц с психическими аномалиями; А.Н. Пастушеня, В.Г. Стуканов, В.Б. Шабанов и др. – при исследовании проблемы предупреждения противоправного поведения в среде осужденных; А.Д. Балашов, Е.И. Скугаревская – при клинко-психопатологическом исследовании общественно опасных деяний невменяемых лиц, страдающих шизофренией; М.Л. Тушинский, А.В. Шевчук и др. – при освещении ряда медицинских вопросов аутоагрессии в УИС).

Вместе с тем, несмотря на активное развитие и достижения науки XIX–XX вв., на научно-техническую революцию середины XX в., системные междисциплинарные исследования, посвященные предупреждению преступности лиц с расстройствами психики, ни белорусскими, ни зарубежными учеными-юристами ранее не проводились.

В современной науке продолжает возрастать роль междисциплинарных исследований, которые становятся приоритетными все в большей мере [7, с. 7]. При этом в ходе своего развития процессы дифференциации научных знаний приводят к их интеграции, требующей взаимопонимания и взаимодействия различных наук, синтеза научного знания. Одно из основных на-

правлений интеграции научных знаний – формирование комплексных, междисциплинарных проблем и направлений исследований, при этом интеграция научных знаний является одной из фундаментальных закономерностей использования современных достижений науки и техники, что приводит к созданию базисного знания в каком-либо направлении [8, с. 123], к которому относится и междисциплинарная проблема – преступность и противоправное поведение лиц с расстройствами психики.

В рамках рассматриваемой проблемы бесспорным видится мнение профессора А.В. Дулова о том, что в развитии современной науки все больше проявляются интеграционные процессы. Усложняются объекты исследования, что требует взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний. Усложняющиеся процессы изучения объективного мира, социальной действительности делают интеграционные процессы обязательным условием развития наук. Такая же тенденция происходит и в праве [9, с. 3].

Следует подчеркнуть, что в современной криминологии, как междисциплинарной социально-правовой науке, которая изучает природу, сущность и закономерности происхождения и развития преступности и других взаимосвязанных с ней правонарушений, личность и образ жизни преступников и жертв преступлений, а также разрабатывает меры по их предупреждению, широко используются различные теории и методологические подходы научно-практического изучения преступности [10, с. 192]. Имеющий место в криминологической науке разброс в методологических подходах не позволяет объективно и всесторонне оценивать такое сложное социально-правовое явление, как преступность, что сказывается на построении выверенных криминологических концепций [1, с. 141]. В свою очередь, Ю.М. Антонян подтверждает, что в настоящее время «отмечается узкопрофильный характер криминологических исследований: недостаточность знания криминологами психологии, психиатрии, экономики, истории, биологии, этнологии и других наук; редкость комплексных междисциплинарных разработок, эмпирических исследований», при этом он подчеркивает необходимость кооперации криминологии с другими науками: социологией, демографией, культурологией, психологией, экономикой, педагогикой, психиатрией, этнологией, историей, биологией, политологией, философией... [11, с. 67]. Однако совершенно очевидно, что современную криминологию не может удовлетворить только социологическая, юридическая, психологическая, психофизиологическая, психиатрическая или иная характеристика преступного поведения, так как ни одна из них, взятая в отдельности, не является криминогенно значимой [12, с. 3].

Теоретическая и методологическая основа исследования проблемы преступности лиц с расстройствами психики видится обусловленной тесными взаимосвязями криминологии с судебной психиатрией, юридической психологией, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, общей теорией права, медициной, философией, социологией и другими науками, что определяет ее междисциплинарный характер. Трудность изучения преступности лиц с расстройствами психики усугубляется сложноорганизованностью ее структуры как объекта исследования. В частности, современной криминологией и в целом отечественной уголовно-правовой наукой еще недостаточно изучены вопросы о причинах и условиях преступности лиц с расстройствами психики; не раскрыты механизмы противоправного поведения лиц с расстройствами психики; не изучена криминогенность и правовая специфика различных психических состояний, их место, роль и значение. В теории и практике регулярно возникают проблемы толкования и применения уголовно-правовых норм, когда расстройства психики могут: выступать в качестве обстоятельств, исключающих уголовную ответственность (ч. 3 ст. 27, ст. 28 УК); быть связаны с ситуацией совершения преступления (ст. 30, 31, 140, 141 УК); влиять на возможность назначения или отбывания наказания (п. 17 ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 92 УК); смягчать либо понижать наказуемость лиц, совершивших преступления (ст. 29, ст. 31, ст. 141 УК); обуславливать необходимость назначения принудительных мер безопасности и лечения (ст. 100–107 УК). При этом нормы уголовно-исполнительного законодательства не учитывают состояния психического здоровья осужденных, в том числе и при оказании исправительного воздействия в процессе отбывания наказания.

Перечисленные уголовно-правовые проблемы невозможно исследовать без понимания самой сути расстройств психики, так как моноюридическое рассмотрение вопроса уголовно-правового значения психических расстройств неэффективно, когда не учитываются закономерности психического бытия. Вне межотраслевого анализа, требующего системно-методологической и со-

держательной разработки целостной концепции уголовно-правового значения психических расстройств, сложно обеспечить реализацию уголовного законодательства в соответствии с современными требованиями развития общества, его основными ценностями [2, с. 7].

Одним из универсальных принципов науки для исследования и решения сложной практической задачи является системный подход ибо свойство системности непременно сопутствует совершенствованию научного знания [13, с. 14]. Большинство современных ученых констатирует тот факт, что разрешить проблему преступности и связанных с ней социально-негативных явлений в обществе с позиции лишь одной, отдельно взятой науки, не представляется возможным. Дифференциация наук, их специфика не исключает, а предполагает наличие в них элементов синтетичности, проявляющихся в процессе комплексного исследования сложноорганизованных объектов, осуществляемого как в рамках одной лидирующей науки, опирающейся на другие области знания, так и в форме междисциплинарного синтеза [14, с. 6, 48–49].

Мы убеждены, что определяющими характеристиками современной криминологии являются именно междисциплинарность, системность и комплексность. По этой причине сегодня именно интегративно-междисциплинарный синтез позволит современной криминологии приобрести ее общенаучный статус. В этой связи в научно-исследовательских целях, исходя из основных принципов комплексного, системного и междисциплинарного подходов к изучению проблемного поля преступности и отклоняющегося поведения лиц с расстройствами психики, при проведении криминологического исследования логично обратиться к теоретическим разработкам смежных областей научного знания, занимавшихся исследованием данной проблемы, и прежде всего философии, судебной психиатрии, медицинской и юридической психологии, психофизиологии.

Высокая распространенность и сложная природа преступности, противоправного и отклоняющегося поведения лиц с расстройствами психики, неоднозначные подходы, существующие в юриспруденции к их определению, а также выраженный социально-негативный характер последствий такого поведения, недостаточная эффективность существующих профилактических мер криминологического характера свидетельствуют об особой актуальности исследований, направленных на изучение данного негативного явления.

Сегодня в основе разработки эффективных предложений по предупреждению противоправного поведения лиц с расстройствами психики должны быть заложены научные исследования, базирующиеся на системно-комплексном и междисциплинарном подходах, основанные на глубоком осмыслении проблемы на теоретико-методологическом (криминологическом), эмпирическом (уголовно-правовом, уголовно-исполнительном) и философско-психолого-психиатрическом уровнях.

Таким образом, на современном этапе развития науки, трансформации законодательства, неоднозначной практики первоочередность приобретает системно-комплексное, междисциплинарное исследование преступности и противоправного поведения лиц с расстройствами психики, как явления, создающего непосредственную угрозу общественной безопасности, жизни, здоровью и правам граждан с целью разработки и реализации адекватных, действенных правовых и организационных мер его предупреждения.

Список использованных источников

1. Ананич, В.А. Криминология современной Беларуси: состояние, проблемы, перспективы / В.А. Ананич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв., 2018 г. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь» ; ред. кол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2018 – С. 141–142.
2. Спасенников, Б.А. К вопросу о медицинском критерии невменяемости / Б.А. Спасенников, А.Н. Тихомиров // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 1. – С. 7–12.
3. Антонян, Ю.М. Преступность и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин ; отв. ред. В.Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1987. – 207 с.
4. Ильюк, Е.В. Применение принудительных мер медицинского характера при ограниченной вменяемости: проблемы применения [Электронный ресурс] / Е.В. Ильюк // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100156734> – Дата доступа: 12.01.2016.
5. Скиба, А.П. Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.П. Скиба. – Рязань, 2013. – 38 с.

6. Кашинский, М.Ю. Преступность лиц с психическими нарушениями // М.Ю. Кашинский // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.]; под ред. В.А. Ананича; учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 315–332.
7. Журавлев, А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке / А.Л. Журавлев // Психология: Современные направления междисциплинарных исследований. – М. : Ин-т психологии РАН, 2003. – С. 7–23.
8. Рубис, А.С. Достоверность как методологическая основа судебной экспертологии / А.С. Рубис, Р.М. Ропот // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 окт. 2017 г. / редкол. В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 119–125.
9. Дулов, А.В. Тенденции развития науки криминалистики / А.В. Дулов // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 окт. 2017 г. / редкол. В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 3–9.
10. Барановский, Н.А. Криминологическая экспертиза в системе предупреждения преступности / Н.А. Барановский, Н.Н. Шевчук // Вестн. ПГУ. № 13. Серия Д. Эконом. и юрид. науки. – 2012. – С. 189–194.
11. Антонян, Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи / Ю.М. Антонян // Юрид. наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4. – С. 67–75.
12. Калманов, Г.Б. Патопсихологические механизмы насильственного преступного поведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Г.Б. Калманов ; Всерос. НИИ МВД России. – М., 2002. – 46 с.
13. Берков, В.Ф. Философия и методология науки : учеб. пособие / В.Ф. Берков. – М. : Новое знание, 2004. – 336 с.
14. Методологические проблемы междисциплинарных исследований : (по материалам совет. лит.) : сб. обзоров / ред.-сост. Л.Э. Венцовский. – М. : ИНИОН, 1989. – 171 с.

Дата поступления в редакцию: 03.03.18

M.Y. Kashinsky, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE CRIMINALITY OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS AS A CRIMINOLOGICAL PROBLEM

The article is devoted to the relevance of criminological research of crime and illegal behavior of persons with mental disorders. Based on the high prevalence and complex nature of crime and illegal behavior of persons with mental disorders, the lack of effectiveness of existing preventive measures of criminological nature, the conclusion is made that the use of modern criminology system-integrated and interdisciplinary approaches to the study of the problem field of crime and deviating behavior of persons with mental disorders.

Keywords: the criminality of persons with mental disorders, unlawful conduct of persons with mental disorders, system-integrated and interdisciplinary approaches in criminology.

УДК 343.8

Н.В. Куйко, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: avant_n@mail.ru)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ВЗЫСКАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Анализируются международные стандарты привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания. Рассматриваются содержание и особенности привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных, предусмотренные Минимальными стандартами правилами ООН в отношении обращения с заключенными (ред. 2015 г.) и Европейскими пенитенциарными правилами (ред. 2006 г.).

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, правовое положение, исправление осужденных, наказание, дисциплинарный проступок, международные стандарты.

В процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы немаловажное значение имеет обеспечение правового положения осужденных с позиции реализации в правоприменительной деятельности требований общепризнанных международных стандартов в сфере отправления правосудия. Одним из актуальных направлений этой деятельности является применение в отношении отбывающих наказание мер взыскания, занимающих особое место в системе средств обеспечения режима и стимулирования правопослушного поведения рассматриваемой категории лиц.

Для совершенствования деятельности любая система должна развиваться, в том числе и УИС. Так, 20 июня 2016 г. подписан Приказ МВД № 167 об утверждении Концепции развития организаций уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториев МВД Республики Беларусь (Концепция). В п. 10 Концепции предусматривается научное прогнозирование развития организаций УИС с учетом изучения международного опыта, проведения прикладных научных исследований, направленных на выработку теоретических и методологических основ, практических рекомендаций по совершенствованию деятельности организаций УИС. Реализация указанного положения, а также выработка конкретных предложений по совершенствованию современной пенитенциарной системы Республики Беларусь возможны при условии анализа требований международных стандартов и актов в сфере отправления правосудия, затрагивающих вопросы применения мер взыскания в отношении осужденных. Полученные данные могут быть учтены при внесении изменений в уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь в процессе его совершенствования.

Необходимо отметить, что применение дисциплинарных процедур обычно предусмотрено тюремными правилами, в которых изложены основные дисциплинарные проступки и соответствующие им виды взысканий. С одной стороны они предоставляют администрации тюремных учреждений полномочия по применению мер взыскания; с другой – обеспечивают осужденным право на защиту и минимизацию злоупотреблений со стороны представителей администрации учреждений.

Анализируя международные стандарты применения мер взыскания в отношении осужденных к лишению свободы и зарубежный пенитенциарный опыт в данной сфере, целесообразно определить три ключевых момента, которые оказывают качественное влияние на эффективность применения наказания.

Во-первых, в основе разработки международных стандартов обращения с осужденными заложен опыт и достижения пенитенциарных систем и учреждений экономически развитых зарубежных государств, в первую очередь западноевропейских и США. Следовательно, большинство положений Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (МСП) [1], Европейских пенитенциарных правил [2, с. 18] и других стандартов в значительной мере реализованы в законодательстве и практике деятельности тюрем этих государств.

Во-вторых, важно определить принципиальное отличие УИС Республики Беларусь и государств с пенитенциарной системой тюремного типа, в основу которой положен принцип изолированного размещения осужденных – по одному или несколько человек в камере. Вследствие этого в зарубежных странах выше, чем в Республике Беларусь и ряде стран постсоветского пространства (Российская Федерация, Украина, Казахстан и др.), степень изоляции осужденных.

Так, интересен опыт России с ее Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., принятой распоряжением Правительства Российской Федерации 14 октября 2010 г. В указанной Концепции предусматриваются изменение структуры УИС, создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказ от коллективной формы содержания осужденных. Но по разным причинам и обстоятельствам реализовать обозначенное не получилось, в связи с чем в 2015 г. были внесены изменения в части необходимости создания условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях.

В Беларуси сформировалась отрядная система исполнения наказаний, в основе которой – принцип совместного содержания в одном помещении (отряде) значительного количества осужденных (до 100 человек). Внутри отряда установлен относительно свободный режим, позволя-

ющий осужденным без ограничений перемещаться на территории изолированного участка, в том числе проводить много времени на открытом воздухе, в случае нахождения в пределах отряда. Вообще законодательством и правоприменительной практикой в Республике Беларусь почти всегда рассматривается одиночное заключение как самое строгое дисциплинарное взыскание за невыполнение требований Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений.

В-третьих, мировая практика давно стремится определить общие подходы к содержанию лиц, совершивших преступления и отбывающих уголовные наказания, и требования по применению к ним различных мер воздействия, в частности, дисциплинарных мер. Это позволит обеспечить необходимые условия их пребывания в местах отбывания наказания, избежать пыток, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства видов обращения и наказания, защитить права человека, минимизировать негативное воздействие изоляции от общества на личность лица, отбывающего наказание.

МСП в п. 37 определяют аспекты, которые должны всегда регулироваться законодательством или нормативными правовыми актами компетентного административного органа:

поведение, представляющее собой дисциплинарное нарушение;

вид и продолжительность мер взыскания, которые могут быть наложены на заключенных; орган, имеющий право налагать такие меры взыскания;

любые меры принудительного отселения от общего контингента заключенных, как, например, одиночное заключение, изоляция, сегрегация, помещение в карцер или ограничение условий содержания, будь то в качестве дисциплинарного взыскания или для поддержания порядка и безопасности, включая ввод в действие принципов и процедур, регулирующих использование и пересмотр порядка применения и отмены любых мер принудительной изоляции.

Запрещаются в качестве наказания за дисциплинарные проступки действия, связанные с телесными наказаниями, заключением в темной камере и жестокими, бесчеловечными или унижающими человеческое достоинство видами наказания [3, с. 362].

При этом согласно п. 38 МСП тюремной администрации рекомендуется использовать по возможности механизмы предупреждения конфликтов, посредничества или любые иные альтернативные методы разрешения споров для предупреждения дисциплинарных нарушений или урегулирования конфликтов. Кроме этого, в отношении заключенных, которые в данное время или ранее были изолированы, тюремная администрация принимает необходимые меры для снижения возможных негативных последствий их заключения для них и для их общины после их освобождения из тюрьмы. Указанный подход направлен на минимизацию негативного воздействия изоляции на личность правонарушителя.

Раскрывая основополагающие принципы, заложенные в основе применения международных стандартов обращения с заключенными следует отметить, что меры взыскания в отношении заключенных могут применяться только согласно условиям, указанным в законодательстве или нормативных правовых актах, и принципам справедливости и надлежащей правовой процедуры. Соответственно, вполне логичным является требование, согласно которому каждый заключенный никогда не должен подвергаться повторному взысканию за одно и то же деяние или нарушение. Тюремная администрация должна обеспечивать соразмерность дисциплинарного взыскания и нарушения, за которые такое взыскание назначается. В обязательном порядке должен осуществляться правильный учет всех применяемых дисциплинарных мер. Также перед наложением дисциплинарного взыскания должен быть рассмотрен вопрос о том, могло ли в принципе и каким образом психическое заболевание заключенного или отклонение в его развитии повлиять на его поведение и совершение нарушения или деяния, послужившего поводом для принятия дисциплинарных мер. С учетом этого меры взыскания не должны налагаться в случае совершения деяния, являющегося прямым следствием психического заболевания или умственной отсталости заключенного [4, с. 24].

В соответствии с правилом 41 МСП любые заявления о совершении дисциплинарного нарушения тем или иным заключенным должны незамедлительно доводиться до сведения компетентного органа, который должен расследовать их без излишних задержек. С этой целью заключенных следует незамедлительно информировать на языке, который они понимают, о характере предъявляемых им обвинений; также они должны располагать достаточным временем

и условиями для подготовки своей защиты. В соответствии с установленной процедурой заключенным разрешается защищать себя лично или использовать юридическую помощь, когда этого требуют интересы правосудия, в частности в случаях, связанных с обвинениями в серьезном нарушении дисциплины. Если заключенные не понимают языка, на котором ведется слушание в рамках дисциплинарного разбирательства, или не говорят на нем, им бесплатно предоставляется помощь квалифицированного переводчика. Кроме того, у заключенных должна быть возможность добиваться судебного пересмотра наложенного на них дисциплинарного взыскания. А в тех случаях, когда нарушение дисциплины преследуется как преступление, заключенные должны иметь право на все надлежащие процессуальные гарантии, применимые к уголовному судопроизводству, включая беспрепятственный доступ к адвокату.

Правило 43 МСП предусматривает, что ни при каких обстоятельствах не могут налагаться ограничения или дисциплинарные взыскания, равнозначные пытке или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. При этом рекомендовано запретить: одиночное заключение на неопределенный срок; длительное одиночное заключение; помещение заключенного в камеру без освещения или в постоянно освещаемую камеру; телесное наказание или уменьшение рациона питания или питьевой воды заключенного; коллективное наказание.

Никогда нельзя применять в качестве меры взыскания за дисциплинарные нарушения средства усмирения. Также дисциплинарные взыскания или ограничительные меры не должны включать запрет на контакты с семьей, что негативно влияет на достижение целей наказания и эффективность ресоциализации осужденных. Ограничения на контакты с семьей могут устанавливаться только на непродолжительный срок и если это требуется для поддержания безопасности и порядка.

МСП определяют одиночное заключение как ограничение свободы заключенных в течение 22 часов или более в день без содержательных контактов с людьми. Длительное одиночное заключение означает одиночное заключение в течение срока, превышающего 15 дней подряд. К рассматриваемому виду заключения следует прибегать как к крайней мере лишь в исключительных случаях в течение как можно более короткого времени при условии осуществления независимого контроля и только с санкции компетентного органа. Данное наказание не должно налагаться в силу приговора заключенного; должно быть запрещено в отношении заключенных, страдающих психическим расстройством или имеющих физические недостатки, если принятие таких мер приведет к ухудшению их состояния; запрещено в случаях, связанных с женщинами и детьми (см. стандарты и нормы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: правило 67 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (резолюция 45/113, приложение), правило 22 Правил ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) (резолюция 65/229, приложение)).

МСП в правиле 46 закрепляют требования к деятельности медицинских работников при применении мер взыскания в отношении лиц, отбывающих наказание. Так, медицинские работники не должны участвовать в наложении дисциплинарных взысканий или принятии других ограничительных мер, но обязаны уделять особое внимание здоровью заключенных, подвергнутых любой форме принудительной изоляции, при этом ежедневно посещая таких заключенных и предоставляя надлежащую медицинскую помощь и лечение по просьбе таких заключенных или тюремного персонала. В обязательном порядке медицинские работники должны информировать руководителя тюремного учреждения о любом негативном воздействии дисциплинарных взысканий или других ограничительных мер на физическое или психическое здоровье заключенного, подвергнутого таким взысканиям или мерам, и доводить свое мнение до руководства, если считают необходимым прервать или изменить взыскание или меру по причинам физического или психического состояния заключенного. Кроме того, медицинские работники должны иметь право рассматривать и рекомендовать изменения в режиме принудительной изоляции заключенного для обеспечения стабильного состояния здоровья или предотвращения обострения психического расстройства или физических недостатков заключенного в результате такой изоляции.

Использование кандалов, цепей или других средств усмирения, которые по своей природе являются унижающими достоинство или болезненными, должно быть запрещено.

Во многом аналогичные требования устанавливаются в Европейских пенитенциарных правилах (ЕПП), в частности, в правиле 56 подчеркивается, что дисциплинарные процедуры следует применять только как крайнее средство. Там, где это возможно администрация пенитенциарного учреждения должна использовать механизмы восстановительного правосудия и медиации для урегулирования споров с заключенными или между ними [5, с. 111].

Вообще пенитенциарные учреждения по своей природе являются закрытыми, где в заключении против их воли содержатся большие группы людей, обычно одного пола. Бывает, что время от времени некоторые из заключенных различными способами нарушают тюремные правила и нормы. Для урегулирования подобных инцидентов необходимы четкие процедуры [4, с. 130].

Правило 57 ЕПП указывает, что дисциплинарным нарушением может считаться только поведение, которое представляет угрозу для внутреннего распорядка, режима или безопасности. Этим подчеркивается необходимость четкого определения дисциплинарных нарушений, а процедуры привлечения за них к ответственности должны основываться на принципе справедливости. То есть все пенитенциарные учреждения должны иметь четко сформулированные правила, где перечисляются те действия или бездействие, которые составляют нарушение дисциплины и предусматривают возможность принятия дисциплинарных мер. В связи с этим все заключенные должны быть заранее ознакомлены с действующими в пенитенциарном учреждении нормами и правилами, которые должны иметь четкий юридический статус.

В правиле 57.2 ЕПП перечисляются обязательные к нормативному закреплению элементы, определяемые национальным законодательством применительно к сфере применения мер взыскания: действия или бездействие заключенных, представляющие собой дисциплинарные проступки; процедуры, которым необходимо следовать при дисциплинарных слушаниях; виды и продолжительность наложенного наказания; орган, уполномоченный налагать такое наказание; доступ к процессу обжалования и уполномоченный на это орган.

В правиле 58 ЕПП подчеркивается: если сотрудник пенитенциарного учреждения решил, что заключенный (осужденный) нарушил требования дисциплины, он должен как можно скорее сообщить об этом факте в компетентный орган (должностным лицам), имеющий право применять дисциплинарные меры. В некоторых странах, прежде чем прибегнуть к дисциплинарным мерам, общепринятой практикой считается вынесение неофициального предупреждения за мелкие дисциплинарные проступки. При этом необходимо предпринять шаги, направленные на то, чтобы подобные предупреждения носили справедливый и последовательный характер и не приводили к созданию системы неофициальных санкций [4, с. 131].

В соответствии с правилом 59 ЕПП любой заключенный, которому предъявлено обвинение в нарушении дисциплины, имеет право заранее ознакомиться с деталями обвинения, и ему должно быть предоставлено достаточно времени для подготовки защиты, а также при необходимости обеспечивается бесплатно услугами переводчика. При этом допускается возможность защищать себя лично или с привлечением правовой помощи, если это требуется в интересах правосудия. В том случае, если заключенный до проведения слушаний содержится в изоляции, процедура слушаний не должна безосновательно затягиваться в связи с проведением внутреннего или внешнего расследования. Обвиняемый в нарушении заключенный должен присутствовать при рассмотрении его дела.

В правиле 60 ЕПП подчеркивается, что любое наказание, наложенное в результате осуждения за дисциплинарный проступок, должно соответствовать закону, строгость которого должна быть пропорциональна допущенному нарушению. При этом коллективное наказание и телесное наказание, наказание помещением в карцер без окон и все иные виды негуманного или унижающего наказания запрещены. Для поддержания социально полезных связей и укрепления родственных отношений дисциплинарное наказание не должно предусматривать полного запрещения контактов с семьей. Что касается одиночного заключения, то оно должно использоваться в качестве наказания только в исключительных случаях и на конкретно установленный срок, который должен быть как можно короче [6, с. 16]. При этом в обязательном порядке средства ограничения свободы движения никогда не должны применяться для наказания.

В случае, если заключенный признается виновным в совершении дисциплинарного проступка, он должен иметь возможность обжалования примененных к нему мер в компетентном и независимом вышестоящем органе (п. 61 ЕПП). В данном правиле отмечается, что если заклю-

ченный признается виновным в предъявленном ему обвинении, то он имеет право на то, чтобы опротестовать подобное решение в вышестоящей независимой инстанции. В дисциплинарных нормах и правилах должно оговариваться, какой именно орган это должен быть; как правильно подготовить и подать апелляцию; должны содержаться положения, гарантирующие своевременное рассмотрение такой апелляции.

ЕПП также содержат требования, согласно которым ни один заключенный в пенитенциарном учреждении не должен наниматься на работу или наделяться полномочиями, связанными с обеспечением дисциплинарного режима.

Таким образом, подводя итог анализу международных стандартов применения мер взыскания в отношении осужденных к лишению свободы, можно сформулировать следующие выводы.

Международные пенитенциарные стандарты отчетливо ориентируют все государства на расширение практики применения прогрессивной системы отбывания наказания, в основе которой – обеспечение правового положения осужденных и создание эффективной системы привлечения осужденных к ответственности в случае нарушения установленных правил отбывания наказания. При этом подчеркивается необходимость разумной минимизации негативного воздействия от применяемых в отношении осужденных дисциплинарных мер. Вместе с тем эти международные стандарты содержат рекомендации, касающиеся порядка применения мер взыскания, основным содержанием которых является исключительный характер применения в качестве мер дисциплинарного воздействия одиночного заключения. Одновременно они ориентируют государства на четкое законодательное закрепление понятия «дисциплинарный проступок», определение его признаков, создание четкой системы применяемых мер взыскания, соотносящихся по степени правоограничений с уровнем тяжести допущенных нарушений установленного порядка отбывания наказания, действенной системы защиты правового положения лица, в отношении которого были применены меры взыскания.

Представляется целесообразным расширять международное сотрудничество в пенитенциарной сфере на базе изучения деятельности зарубежных тюремных систем, форм и методов работы по применению мер дисциплинарного воздействия, апробирования методик обучения персонала, прохождения взаимных стажировок в пенитенциарных учреждениях, более широкого внедрения в деятельность уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь при реализации Концепции развития организаций уголовно-исполнительной системы лечебно-трудовых профилакториев МВД Республики Беларусь требований Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными, Европейских пенитенциарных правил, иных международных стандартов в сфере отправления правосудия применительно к институту применения мер дисциплинарного воздействия. Обозначенное будет способствовать реформированию белорусского законодательства и практики его применения, интеграции Республики Беларусь в мировое сообщество.

Важно, чтобы осужденные с момента прибытия в исправительные учреждения для отбывания наказания знали требования уголовно-исполнительного законодательства, которые они должны выполнять, а также возможные меры реагирования со стороны администрации в случае несоблюдения установленных правил поведения.

Дальнейшее исследование международных стандартов и актов в сфере отправления правосудия, положительного опыта зарубежных стран в указанной сфере с последующим взвешенным внедрением в отечественную правоприменительную практику будет способствовать повышению эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, а также достижению цели исправления.

Список используемых источников

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf. – Дата доступа: 10.04.2018.

2. Европейские пенитенциарные правила. Рекомендация Rec (2006) 2. Комментарий к тексту Европейских пенитенциарных правил Комитета Министров Совета Европы к государствам-членам // Сб. конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2008. – 235 с.

3. Уголовно-исполнительное право. Особенная часть : учебник / под общ. ред. Г.А. Корниенко ; науч. ред. : А.Я. Гришко, В.Н. Черный. – 3-е изд., испр. и доп. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. – 822 с.
4. Международные стандарты прав заключенных / ОО «Харьк. правозащит. группа» ; сост.: Е.Е. Захаров, В.А. Човган. – Харьков : Права человека, 2015. – 336 с.
5. Минкина, Н.И. Перспективы совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в условиях развития медиации / Н.И. Минкина // Современ. право. – 2016. – № 11. – С. 110–114.
6. Уткин, В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы / В.А. Уткин // Уголов.-исполн. система: право, экономика, упр. – 2016. – № 1. – С. 14–18.

Дата поступления в редакцию: 28.03.18

N.V. Kiyko, Candidate of Juridical Sciences, Head at the Department of Criminal Executive Rights of the Criminal Executive Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERNATIONAL STANDARDS OF APPLICATION OF RESPONSIBILITY MEASURES FOR CONDEMNED

The article analyzes the international standards for bringing convicted persons to disciplinary liability for violation of the order and conditions of serving their sentences. The author reveals the content and peculiarities of bringing to trial the convicts, provided for by the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Ed., 2015) and the European Prison Rules (Ed., 2006).

Keywords: criminal-executive system, legal status, correction of convicts, punishment, disciplinary offense, international standards.

УДК 343.62

О.А. Осипенко, магистр юридических наук, инспектор специального отдела Следственного изолятора № 1 управления ДИН МВД по г. Минску и Минской области
(e-mail: ol-ga-pa@yandex.ru)

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ОТ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ И МЕР БОРЬБЫ С ЭТИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

На основании изучения судебной практики и криминологического анализа преступлений, связанных с уклонением родителей от содержания детей, освещаются проблемные вопросы правового регулирования уголовной ответственности за их совершение и обосновываются необходимые изменения в законодательстве. Предлагается комплекс мер по борьбе с рассматриваемыми преступлениями, охватывающий различные направления предупредительного воздействия.

Ключевые слова: уклонение родителей от содержания детей, уголовная ответственность, объективная сторона преступления, меры борьбы с преступностью, судебная практика.

Преступления в виде уклонения родителей от содержания детей или возмещения расходов государства на их содержание, предусмотренные ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь, занимают около 15 % в структуре преступности, а их доля возросла с 2004 г. в 1,4 раза. Числу лиц, ежегодно осуждаемых за эти преступления, принадлежит второе место в общем количестве осуждаемых за различные преступления, уступая количеству лиц, совершивших кражи. Если за период 2004–2017 гг. преступность в Беларуси сократилась на 44 %, то указанная родительская преступность – лишь на 21 %. Совершенствование борьбы с уклонением родителей от содержания детей требует реализации комплекса мер, включая эффективное использование уголовно-правовых, что обеспечивается оптимизацией правовой регламентации уголовной ответственности за указанные деяния, а также практики ее применения.

Так, ст. 174 УК содержит два основных состава преступления и квалифицированный. Состав ч. 1 данной статьи определяет уклонение от содержания детей более трех месяцев в течение года. Состав ч. 2 представлен как уклонение от возмещения расходов, затраченных государством

на содержание детей, повлекшее за собой неисполнение или неполное исполнение обязательств по возмещению расходов, в котором установлены три формы уклонения.

Для совершенствования правовой регламентации уголовной ответственности необходимо обратиться к анализу проблем, возникающих в практике правоприменения. Так, изучение уголовных дел показало, что уклонение от содержания детей оценивается в первую очередь по критерию неисполнения обязанности по уплате алиментов более трех месяцев в течение года, что означает базовую оценку по материальному критерию. При наличии факта неисполнения этой обязанности более трех месяцев в течение года далее оценивается виновность ее неисполнения. При вынесении приговора судом также констатируется задолженность по уплате алиментов, что означает указание на причиненный материальный ущерб. Все это говорит о том, что уголовная противоправность деяния в виде уклонения от содержания детей (ч. 1 ст. 174) устанавливается по алгоритму формально-материального состава. В этой связи целесообразно состав преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 174, сформулировать как формально-материальный, определив вредные последствия в виде неуплаты средств на содержание детей в сумме, соответствующей должной уплате за три и более месяца, что позволит суммировать ежемесячную недоплату алиментов, соотнеся ее с требуемой суммой за три месяца.

Еще один проблемный вопрос в регламентации ответственности за уклонение родителей от содержания детей (ч. 1 ст. 174 УК) заключается в наличии правовой неопределенности по оценке неполной уплаты алиментов за месяц, которая часто встречается в практике исполнения алиментных обязанностей¹. Решение этой проблемы возможно путем соотнесения недостающих сумм ежемесячных выплат алиментов с требуемой их суммой за три месяца, учитывая при этом годовой период оценки недостающих выплат алиментов.

Необходимо обратить внимание также на использование в ч. 1 ст. 174 временного признака уклонения от уплаты алиментов, который определен как более трех месяцев. Такая формулировка не вполне приемлема. Это связано с тем, что заработная плата, из которой удерживаются алименты, начисляется и выплачивается (не считая аванса) после истечения месяца, в котором осуществлялась трудовая деятельность. Таким образом, фактический срок неуплаты алиментов для признания лица виновно уклоняющимся от их уплаты будет составлять не менее четырех месяцев. По этой причине целесообразно уточнить формулировку периода уклонения, заменив ее словами «три и более месяца».

Одной из проблем является непогашение задолженности по уплате алиментов, которая образовалась до привлечения к уголовной ответственности и сохраняется (и даже увеличивается) после отбытия наказания. Эта задолженность не может засчитываться в счет нового обвинения в неуплате средств на содержание детей, и поэтому она длительное время не погашается. Понуждение к ее погашению может быть обеспечено судебным установлением обязанности осуществить его в течение определенного периода времени, например, до одного года под угрозой уголовного преследования, что требует нормативного правового закрепления.

Необходимо обратить внимание и на наличие правового противоречия между формулировками ч. 1 ст. 174 УК и ст. 91 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (КоБС). Последняя выступает базовой нормой для судебного возложения обязанностей родителей уплачивать алименты, неисполнение которой влечет уголовную ответственность. В этой норме установлено, что основанием для уплаты алиментов с определением их размера выступает не только судебное постановление, но и ранее заключенные между родителями: соглашение о детях, соглашение об уплате алиментов, брачный договор. В то же время в ч. 1 ст. 174 в качестве основания, устанавливающего обязанность уплачивать средства на содержание детей, указано только судебное постановление. Для исключения такого противоречия целесообразно в качестве основания такой обязанности признавать указанные выше договорные документы, которые могут изменяться в судебном порядке при наличии оснований.

¹ Сёмин, А.А. Некоторые вопросы уголовной ответственности за уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении / А.А. Сёмин // Проблемы борьбы с преступностью подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 янв. 2011 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; под общ. ред. В.Б. Шабанова. – Минск, 2011. – С. 123–124.

С учетом всех вышеприведенных предложений обоснованно сформулировать диспозицию ч. 1 ст. 174 УК в следующей редакции: «Уклонение от уплаты средств на содержание детей в размере, установленном Соглашением об уплате алиментов, или Соглашением о детях, или Брачным договором, а при их отсутствии судебным постановлением, повлекшее неуплату этих средств в совокупном размере три и более месяцев в течение гола, а равно уклонение от погашения задолженности по уплате этих средств после отбытия наказания или административного взыскания за уклонение от уплаты средств на содержание детей или прекращения нахождения в лечебно-трудовом профилактории в течение срока, установленного судом, но не более одного года».

Уклонение родителей от содержания детей относится к виду преступлений, характеризующегося длительным невыполнением возложенной на лицо обязанности. Моментом юридического начала совершения преступления можно считать совершение активных действий по уклонению от содержания детей в виде перемены места жительства без уведомления, подделки документов и т. п., но фактически этот момент определяется первым месяцем неисполнения материальной обязанности по содержанию детей. Моментом юридического окончания преступления следует считать тот, с которого возложенная на лицо обязанность считается невыполненной более трех месяцев в течение года. Изучение материалов уголовных дел показывает, что в ряде случаев вопрос о возбуждении уголовного дела ставится, когда срок неуплаты алиментов значительно превышает установленный, и образуются большие суммы задолженности. На это влияет и неопределенность должного срока уплаты алиментов. Его установление связано со сроком выплаты заработной платы и требует поправок в трудовом и семейном законодательстве. Решение проблемы видится во внесении дополнений в ст. 73 Трудового кодекса Республики Беларусь (сроки и периодичность выплаты заработной платы) и ст. 92 КоБС (размер алиментов, взыскиваемых с родителей на несовершеннолетних детей), которые должны установить крайний срок уплаты алиментов. Исходя из практики выплаты заработной платы различными категориями нанимателей, можно предложить установить этот срок не позднее 15 числа месяца, следующего за месяцем оплачиваемого труда.

Одна из проблем правового регулирования касается субъекта рассматриваемого преступления. Он является специальным и к его признакам относятся правовой статус родителя, возраст, дееспособность, гражданство, судимость, которые определяются уголовным, семейным и гражданским законодательствами. Эти признаки имеют значение для установления обязанности уплаты средств на содержание детей, исполнение которой обеспечивается уголовной ответственностью. Проблемным вопросом выступают различия в определении возраста, с которого возлагается обязанность возмещения государственных расходов на содержание детей и обязанность уплаты алиментов. Так, в ст. 93 КоБС установлена обязанность возмещения государственных расходов на содержание детей только для совершеннолетних родителей или несовершеннолетних при признании их эмансипированными, а до достижения ими совершеннолетия средства на возмещение расходов государства по содержанию детей обязаны уплачивать родители несовершеннолетних родителей. В то же время в ст. 92 КоБС и других его нормах отсутствует определение возраста, с которого устанавливается обязанность уплачивать алименты. При ее отсутствии действует общее правило ст. 27 УК о привлечении к ответственности с 16 лет. Это положение не соответствует принципу справедливости, а также ставит несовершеннолетнего, обязанного уплачивать алименты, в более сложное положение по сравнению со взрослым по исполнению такой алиментной обязанности, что увеличивает риск ее неисполнения и привлечения к уголовной ответственности, что, в свою очередь, ухудшает перспективы налаживания правомерного образа жизни в будущем. В этой связи целесообразно нормативно закрепить аналогичное условие в отношении несовершеннолетних родителей по уплате ими алиментов с возложением данной обязанности на их родителей до достижения совершеннолетия или признания эмансипированными.

Основываясь на изучении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 174, с учетом анализа проблемных вопросов и ошибок в практике правоприменения есть основания представить следующие предложения по правильному применению законодательства при их квалификации:

потерпевшим от указанного преступления считать несовершеннолетнего, а также несовершеннолетнего нетрудоспособного и нуждающегося в материальной помощи ребенка, а родителя (или лицо, его заменяющее), с которым проживает ребенок, и выступает его законным пред-

ставителем, а также потерпевшим в связи с необходимостью материально обеспечивать ребенка (детей) только за свой счет;

при оценке объективной стороны преступления в виде уклонения от уплаты средств на содержание детей или возмещение расходов государства на их содержание нужно исследовать принятие лицом, обязанным уплачивать средства на содержание детей, исчерпывающих мер для поиска и создания возможности исполнения данной обязанности, включая поиск места работы, соблюдение трудовой дисциплины при наличии работы. Также необходимо исследование наличия объективных причин неустройства на работу или увольнения с работы не по вине лица;

учитывать причинение вреда здоровью или иного вреда ребенку (детям) и (или) родителю, с которым он (они) проживает, в качестве отягчающего обстоятельства, указанного в п. 13 ст. 64 УК (совершение преступления, повлекшего тяжкие последствия) для чего исследовать: а) наличие вреда здоровью ребенка в связи с недостатками в материальном обеспечении его питания, одеждой, лекарственными средствами; б) наличие материально бедственного состояния родителя, содержащего ребенка, в связи с неуплатой алиментов;

не считать основанием, исключаящим вину в уклонении от выполнения обязанности по возмещению расходов государства на содержание детей в форме неявки на работу десять и более рабочих дней в течение трех месяцев, низкую заработную плату обязанного лица, не позволяющую возмещать эти расходы в полном объеме;

определять возможность применения ст. 89 УК по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 174 УК, с учетом возмещения обвиняемым ущерба (включая погашение задолженности) и материального возмещения морального вреда, наличия у него постоянного места работы или иного законного источника средств для уплаты алиментов, а также применения ранее к нему этой нормы.

Анализ судебной практики за предыдущее десятилетие назначения наказаний за совершение преступлений, предусмотренных ст. 174, показал ее явные изменения: возрастание назначения лишения свободы и ареста; существенное снижение назначения исправительных работ; увеличение назначения общественных работ. Эффективность принимаемых мер по критерию специального рецидива преступлений имеет отрицательную тенденцию: рецидив возрос с 2006 г. примерно на 30 % и остается мало изменчивым в последние годы – около 46 % в 2014–2017 гг. (общий рецидив среди осужденных по ст. 174 – около 65 %). При этом среди лиц, допустивших специальный рецидив, количество ранее судимых за уклонение от уплаты алиментов (ч. 1 ст. 174 УК) около трех четвертей. Принудительное лечение от алкоголизма назначалось в 2015–2017 гг.: 19,2 % осуждаемым по ч. 1 ст. 174 УК; 68,7 % осуждаемым по ч. 2; 50,7 % осуждаемым по ч. 3 этой же статьи. По данным экспертов, признаки алкоголизма присущи более 90 % лиц, осуждаемых по ст. 174, что указывает на необходимость более активного применения к ним мер принудительного лечения, особенно лицам, осуждаемым по ч. 1 ст. 174, в том числе при назначении наказаний, не связанных с содержанием в исправительных учреждениях.

Учитывая представленные данные, а также проанализировав по ряду критериев эффективность каждого вида наказания, из предусмотренных в санкциях ст. 174, можно рекомендовать следующий их выбор при осуждении отдельных категорий лиц:

ограничение свободы с направлением в ИУОТ назначать лицам, которым требуется принудительное лечение от алкоголизма (наркомании), или допускающим семейное насилие, длительное время неработающим, допустившим специальный рецидив после отбытия более мягкого наказания;

лишение свободы назначать лицам, которым требуется принудительное лечение от алкоголизма (наркомании) и длительно не работавшим, скрывавшимся либо допустившим специальный рецидив после отбытия ограничения или лишения свободы.

При этом для более широкого использования наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, как оптимального для лиц, осуждаемых по ст. 174, и повышения его исправительного потенциала целесообразно снять запрет на его назначение лицам, к которым применяется принудительное лечение от алкоголизма, наркомании и токсикомании. Для этого предлагается внести следующие изменения в УК: 1) п. 6 ч. 5 ст. 55 УК после слов «меры безопасности и лечения» дополнить словами «за исключением их назначения в соответствии со статьей 107

настоящего кодекса»; 2) в ч. 2 ст. 107 УК после слов «к аресту» дополнить словами «ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа».

Для совершенствования мер по предупреждению преступлений, предусмотренных ст. 174 УК, необходимо учитывать криминологическую характеристику лиц, их совершающих. Эти лица характеризуются следующим образом (по данным 2015–2017 гг.): а) по полу 72,7 % – мужчины и 27,3 % женщины, причем около 95 % осужденных по ч. 1 ст. 174 УК – мужчины и около 80 % по ч. 2 ст. этой статьи – женщины; б) по возрасту: 75,7 % 30–49 лет, 14,9 % 25–29 лет, 4,5 % 18–24 года; в) жителей городов 71,6 %, а сельской местности 26,2 %; уровень родительской преступности на тысячи человек жителей городов – 0,73, а сельских жителей – 1,05 (рост с 2007 г. в 1,4 раза); г) граждане Беларуси 98,7 %; д) образование среднее у 42,4% (снижение с 2014 г. в 1,5 раза), начальное и неполное среднее у 25,3% (рост в 2 в раза), средне-специальное 29,0%; е) неработающих трудоспособных около 50 %, доля ранее судимых среди неработающих – более 50 %; специальный рецидив преступлений 46 % (4,5 тыс. чел в год), общий рецидив имеют около 65 % осуждаемых; з) применение принудительного лечения от алкоголизма назначалось осужденным по ч. 1 ст. 174 УК в 20,8 % приговоров, по ч. 2 – в 68,1%, по ч. 3 – в 50,7%. При этом, по мнению экспертов, признаки алкоголизма присущи более 90% лиц, осуждаемых по ст. 174, что указывает на необходимость более активного применения принудительного лечения от него.

Для комплексного подхода к борьбе с преступностью в виде уклонения родителей от содержания детей и возмещения государственных расходов на их содержание предлагается дополнительно введение ряда мер.

Создание государственной базы данных о лицах, обязанных уплачивать средства на содержание детей, а также законодательное установление нанимателю обязанности выяснять наличие у нанимаемого взысканий средств на содержание детей, а также уведомлять государственный орган, ведающий такими взысканиями, о приеме на работу и увольнении с работы лица, обязанного их уплачивать (необходимо дополнение в ст. 54 ТК).

Введение административной ответственности за уклонение от содержания детей в течение одного месяца, что позволит на более раннем этапе осуществлять их розыск и оказывать предупредительное воздействие. Для этого предлагается внести изменения в название ст. 9.27 КоАП и дополнение в ч. 2 этой статьи. «Статья 9.27. Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов государства на содержание детей». Дополненную ч. 2 изложить следующим образом: «Уклонение родителей от уплаты средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей, повлекшее неуплату этих средств в сумме должной уплаты за один месяц и более в течение года – влекут...». При введении административной ответственности за уклонение от уплаты алиментов ее использование в качестве преюдиции для привлечения к уголовной ответственности нецелесообразно.

Персонализация доли обоих родителей в возмещении средств, затраченных государством на содержание их детей, для чего предлагается внести изменения: а) в ч. 1 п. 10 Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 (Декрет № 18): слово «солидарно» заменить словами «в долях, устанавливаемых судом»; б) в ст. 7 ч. 7 ст. 93 КоБС, дополнив ее такими же словами.

Оптимизация размера средств, которые родители обязаны выплачивать на возмещение государственных расходов на содержание детей, для обеспечения реальной возможности их уплаты и физического выживания родителей, для чего предлагается определить остаток средств на собственное использование не менее 70 % бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения. В этой связи предлагается часть первую пункта двенадцать Декрета № 18, а также часть седьмую статьи 93 КоБС дополнить предложением: «При удержании возмещаемых расходов из заработной платы и иных доходов обязанного лица, не содержащегося в местах лишения свободы или в лечебно-трудовом профилактории, в его распоряжении должно оставаться не менее 70 % средств бюджета прожиточного минимума на душу населения».

Распространение дополнительных гарантий трудовой занятости на родителей, обязанных уплачивать алименты на трех и более детей по аналогии с гарантиями для лиц, обязанных уплачивать средства на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, для чего абзац пятый статьи 11 Закона Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» дополнить после слов «по судебному постановлению в органы по труду, занятости и социальной защите» словами «а также родителей, обязанных уплачивать алименты на трех и более детей».

Поэтапное создание по опыту ряда стран ЕС механизма государственной гарантии уплаты алиментов, который должен предусматривать уплату государством алиментов родителю, с которым проживают дети, – со взысканием этих средств с родителя, обязанного их уплачивать. На первом этапе такие гарантии обеспечить в отношении родителей, содержащих трех и более детей, а в дальнейшем распространить на родителей, содержащих двух детей, и затем – одного ребенка.

Дата поступления в редакцию: 03.05.18

O.A. Osipenko, *Master of Juridical Sciences, inspector of the Special Department of the Remand Prison № 1 of the Department of Correction of the MIA of Minsk and Minsk region*

POSSIBILITIES FOR IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR EVADING PARENTS FROM KEEPING CHILDREN AND MEASURES TO COMBAT THESE CRIMES

Based on the study of judicial practice and the criminological analysis of crimes related to evasion of parents about the content of children, problematic issues of the legal regulation of criminal responsibility for their commission are highlighted and new laws are proposed. A set of measures is proposed to combat these crimes, covering various areas of preventive action.

Keywords: evasion of parents from the maintenance of children, criminal responsibility, the objective side of the crime, measures to combat crime, judicial practice.

УДК 343.9.018.3

Б.С. Сафроненко, *адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: zapovi4@mail.ru)*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-РЕЦИДИВИСТА

Раскрываются этапы становления и развития законодательства в сфере регулирования борьбы с преступностью, в том числе рецидивом преступлений. Проводится ретроспективный анализ памятников права по определению круга субъектов, подпадающих под понятие личности преступника-рецидивиста. Изучается правовое положение «личность преступника-рецидивиста» на разных этапах формирования государственности. Осуществляется попытка разграничения понятий «рецидив преступлений» и «повторность преступлений».

Ключевые слова: личность преступника-рецидивиста, рецидив преступлений, повторность преступлений.

Первые упоминания о рецидиве преступлений и личности преступника-рецидивиста встречаются в источниках уголовного права Древнего мира: Законах Ману и Своде законов Хаммурапи. Анализ данных источников дает основание полагать, что они не представляют собой цельной системы уголовного законодательства, в основном в них были определены меры гражданско-правового характера. Так, согласно § 169 Свода законов Хаммурапи царя Вавилона, правившего в XVIII в. до н. э., в случае совершения сыном по отношению к отцу тяжкого греха, появлялось основание, достаточное для лишения его наследства, но судьи должны были первый раз простить его. В случае совершения тяжкого греха повторно отец мог лишить своего сына наследства [1, с. 20]. В Законах Ману, действующих на территории Древней Индии в период между II в. до н. э. и II в. н. э., уже появляются предпосылки для введения уголовных норм. Так, п. 277 гл. 9 гласил: при первой краже отрезать у вора два пальца, при второй – руку и ногу, при третьей – вор заслуживал смертной казни [1, с. 33].

Таким образом, предполагается, что законодательство рассматриваемой эпохи имело очень узкую направленность и регулировало в основном отношения в сфере защиты личного имущества. Так, основными субъектами, в отношении которых рассматривалась ответственность за повторные преступления, выступали лица, совершившие воровство. Считалось, что преступник, совершивший повторное преступление, уже неисправим, а в большинстве случаев единственной мерой наказания за вновь совершенное преступление являлась смертная казнь. Также

установлено, что в законодательных актах того периода понятие «рецидив преступлений» рассматривалось как повторность совершения однородных преступлений с отсутствием временного разграничения между содеянным, а дифференциация мер наказания осуществлялась в соответствии с классовой принадлежностью. Субъектами, подпадающими под понятие «преступник-рецидивист» того времени, могли быть только свободные граждане; рабы в большинстве случаев после совершения первого преступления приговаривались к смерти. Подтверждением совершения лицом преступления являлось его клеймение, и такая процедура применялась вплоть до 1649 г. (Соборное уложение).

Первые упоминания о профессиональных преступниках относятся к концу XV – началу XVI вв., и политика государств направляется на регулирование уголовной ответственности за рецидив преступлений. Законодательным подтверждением тому выступают законодательные акты конца XV – начала XVI вв.: Псковская судная грамота, Судебники 1495 и 1550 гг., Двинская уставная грамота. И если в первых трех документах ответственность предусматривалась только за повторно совершенное деяние, то в Двинской уставной грамоте уже шла речь об ужесточении ответственности за совершение преступления в третий раз [2, с. 184]. Также в актах местного управления, например, в ст. 11 «Медынского губного наказа» 1555 г. устанавливалась смертная казнь за татьбу, совершенную преступником в третий или четвертый раз [2, с. 222].

Если говорить о нахождении территории современной Беларуси в составе Великого Княжества Литовского XIII – XVI вв., то применительно к исследуемому вопросу следует сказать об одном из ярких источников уголовного права той эпохи – Статуте Великого Княжества Литовского, где уже детально была регламентирована ответственность за повторение воровства. Также в этом документе одним из первых появляется категория повторности преступления – «несовершеннолетний преступник-рецидивист». Так, в разд. XIV предусматривалось наказание за воровство детьми простых людей с оговоркой на неоднократность преступных деяний: «такім жа чынам павінна разумецца і аб непаўналетніх дзецях простых людзей. А аднак жа такі непаўналетні хлопец, калі б быў злоўлены ў некалькіх выпадках крадзяжу з рэчавымі доказамі, такога суд павінен караць па свайму меркаванню, гэта значыць не смерцю, але якім-небудзь цялесным пакараннем» [3, с. 202].

При проведении сравнительного анализа уголовных законодательств зарубежных стран рассматриваемого периода («Каролина» 1532 г., Уголовный кодекс Франции 1810 г., Уголовное уложение герцогства Виртембергского 1838 г., Уголовное уложение королевства Ганноверского 1840 г. и др.) понятие и основания квалификации рецидива были схожие. Но, в отличие от отечественного законодательства, в большинстве из зарубежных под рецидивом понималось только многократное повторение преступлений (три раза и более).

При этом важно отметить, что для правовых источников уголовного законодательства периода XIII–XVI вв. характерен тот факт, что ответственность за деяния наступала при повторном совершении тождественных, а в исключительных случаях – однородных преступлений. Для того чтобы лицо было признано преступником-рецидивистом, ему было необходимо отбыть наказание за предыдущее преступление. В тот период времени рецидив преступлений предусматривался в качестве квалифицирующего признака и являлся обстоятельством, ужесточающим наказание.

Так, проект Уложения о наказаниях 1813 г. характеризует личность преступника, совершившего повторное преступление: «развратнее было прежнее его поведение, чем чаще он уже был под судом, был обличаем в других преступлениях и за оные наказан» (п. 4 § 89 Общей части). Проект также устанавливал меры наказания в соответствии с особыми причинами (§ 90): совершение однородных преступлений, квалификация мер ответственности в соответствии с повторностью преступлений.

Новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных издается в 1885 г. В документе устанавливается критерий, увеличивающий тяжесть совершенного преступления, а также вина лица: «совершение того же или однородного преступного деяния по отбытии наказания за предшествующее преступное деяние или после освобождения от наказания за общим милостивым манифестом или в силу особого монаршего снисхождения» [4, с. 61]. В зависимости от вида преступления предусматривались различные сроки, по истечении которых исключалось усиление наказания за последующие преступления. Таким образом, выделялись следующие признаки рецидива: повторение однородных или тождественных преступлений; отбытие

наказания за предыдущее преступление; наличие временного промежутка между первым и последующим преступлением [5, с. 10].

По мнению Ю.И. Шутова, в развитии советского уголовного законодательства по борьбе с рецидивом преступлений было три периода: от победы Октябрьской революции до начала 30-х гг.; от начала 30-х до середины 50-х гг.; с середины 50-х гг. до 1964 г. [6, с. 46].

Вообще как таковое понятие «рецидивист» впервые отмечается в ст. 29 Временной инструкции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», в которой употребляется понятие «упорный рецидивист». Изучение данного нормативного акта дает возможность предположить, что упорным рецидивистом считалось лицо, совершившее несколько преступлений и не поддающееся либо слабо поддающееся исправлению.

Следующее упоминание о рассматриваемой категории преступников относится к 1922 г. В соответствии с Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. при назначении наказания выделялись три категории лиц, совершивших преступления: «лицо, совершившее преступление впервые», «рецидивист», «профессиональный преступник». Однако, несмотря на разграничение понятий, неясность терминологии в законодательстве данного периода времени так и сохранилась.

От начала 30-х до середины 50-х гг. XX в. в РСФСР наличие явления рецидивной преступности отрицалось, и криминологические исследования в этой области фактически были прекращены. На законодательном уровне предпринимались попытки заменить термин «рецидив» на понятие «лицо, представляющее опасность для общества». Для обозначения повторности преступлений в Уголовном кодексе БССР 1928 г. применялись уже другие термины: «совершение преступления в виде промысла», «судится во второй раз», «систематически». Но после смерти И.В. Сталина законодательно возвращаются понятия «рецидив» и «рецидивист».

Важным этапом в законодательном закреплении рассматриваемых понятий начинается после введения в действие Основ уголовного законодательства 1958 г., где впервые появляется понятие «особо опасный рецидивист». На фоне поднявшейся волны преступности (появление профессиональных преступников – «воры в законе») введение ответственности за рецидив преступлений сыграло существенную роль в борьбе с этим явлением. Однако следует отметить, что упомянутый выше нормативный акт содержал только упоминание о понятии «особо опасный рецидивист», при этом первоначальной редакции его толкования не было. В данный акт самостоятельная статья (ст. 23.1) была внесена только 11 июля 1969 г. Законом «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», где разъяснялось понятие «особо опасный рецидивист». Так, уже и в уголовных кодексах союзных республик впервые были названы признаки «особо опасного рецидива». Кроме формальных (наличия судимости, осуждения лица за предыдущее преступление) в них закреплялось положение о том, что при признании лица особо опасным рецидивистом суды должны учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела. При этом решающее значение придавалось личностным особенностям преступников, а не формальным признакам. Судебная практика придерживалась однозначно позиции законодателя в том, что особо опасным рецидивистом должно признаваться лицо, своим поведением демонстрирующее исключительную опасность для общества и нуждающееся в особых мерах воздействия [7, 142 с.].

Анализ Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. дает основание установить, что при совершении лицом повторных преступлений акцент делался не на совершенное им преступление, а на личность преступника. Достаточно было совершить несколько умышленных преступлений, указанных в ст. 24.1 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., чтобы по решению суда преступник мог быть признан особо опасным рецидивистом, и, как следствие, ему вменялось назначение более строгого наказания и отбывание наказания в колонии особого режима.

Новый Уголовный кодекс в Республике Беларусь вводится с 1 января 2001 г. В данный нормативный акт включены все достижения юридической науки того времени и достижения законодательной практики других государств и мирового опыта уголовно-правовой борьбы с преступностью.

Если проводить анализ содержания Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. с нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г., то можно отметить, что в первом акте законодательства регламентируется только понятие «особо опасный рецидив» (ст. 24), а в современном законо-

дательстве данное понятие имеет три категории: рецидив (ч. 1 ст. 43), опасный рецидив (ч. 2 ст. 43), особо опасный рецидив (ч. 3 ст. 43).

При сравнении Уголовного кодекса 1999 г. и Уголовных кодексов стран – участниц СНГ выявлено, что в их большинстве при определении понятия «рецидива» за основу взяты нормы, содержащиеся в ст. 20 Модельного Уголовного кодекса. Отличие имеется только в Уголовном кодексе Узбекистана, в котором говорится о возможности признания лица особо опасным рецидивистом только по приговору суда (ст. 34).

Характерной особенностью Уголовного кодекса 1999 г. также является закрепление специальных мер уголовной ответственности: профилактическое наблюдение и превентивный надзор. В случае несоблюдения требований либо уклонения от превентивного надзора лицо подвергается уголовной ответственности в установленном законодательством порядке. Меры превентивного надзора реализуют предупредительно-профилактическую функцию уголовного права в отношении отбывших наказание осужденных, которые не могут быть сочтены криминологически законопослушными [8, с. 117].

Таким образом, Уголовный кодекс 1999 г. впервые в практике правового регулирования не только дал определение рецидива и его видов, но и закрепил в рамках института уголовной ответственности специальные дополнительные меры, непосредственно направленные на предупреждение рецидива со стороны осужденных, отбывших наказание [5, с. 18].

При этом следует отметить, то что нормы профилактического наблюдения получили отражение и в статьях Уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь. При проведении аналогии Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь от 11 января 2000 г. с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации важно обратить внимание, что в белорусском законодательстве в данном случае детально разрешается ряд вопросов: профилактическое наблюдение за отбыванием наказания теми, кто не лишен свободы (ст. 196); порядок установления превентивного надзора (ст. 199); порядок его осуществления (ст. 200); обязанности осужденного, находящегося под превентивным надзором (ст. 201); ответственность за нарушение его правил (ст. 203). В свою очередь, в законодательстве Российской Федерации аналогичные институты носят достаточно общий, обтекаемый характер.

В целом, белорусское законодательство в становлении и развитии, регулируя борьбу с преступностью, в том числе с рецидивом, прошло следующие этапы:

I. 1270–1497 гг. – централизация государства, закрепление положений о повторности преступлений и рецидиве в законодательных актах (грамотах), выделение в качестве повторных и только рецидивных преступлений.

II. 1497–1607 гг. – Судебник 1497 г.: развитие понятия повторных преступлений.

III. 1607–1649 гг. – Соборное уложение царя Алексея Михайловича: термин «рецидив» характеризует все случаи повторения преступлений; устанавливаются обязательные признаки рецидива (повторение лишь тождественных преступлений, отбытие наказания за предыдущее преступление).

IV. 1649–1727 гг. – признание преступлением нарушения законов и ослушания царской воли в законодательных актах. Законодательно не внесены значительные изменения в понятие рецидива по сравнению с Соборным уложением 1649 г.; отсутствие внутреннего единства и неразвитости исследуемого понятия.

V. 1727–1885 гг. – дальнейшее развитие законодательного понятия «рецидив». Расширение объема понятия «повторение преступлений» (Проект Уложения о наказаниях 1813 г.). Признание того, что повторение преступлений умножает вину преступника; установление обязанности суда усиливать ответственность за повторение преступлений, указанных в законах (Свод законов 1832 г.).

VI. 1917–1921 гг. – становление основ нового государства; слом старой государственной машины; ликвидация старых уголовных законов; использование революционного правотворчества масс.

VII. 1922–1923 гг. – первая модификация советского уголовного законодательства; создание первых уголовных кодексов, уделяющих большое внимание вопросам регулирования уголовно-правовой ответственности преступника.

VIII. 1924–1958 гг. – период Основных начал уголовного законодательства Союза ССР (1924 г.); значительное место отводится регламентации уголовно-правовой борьбы с рецидивом преступлений; исключение в 1929 г. из законодательства понятия «рецидив».

IX. 1958–1996 гг. – принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.) и ряда других законов уголовно-правового характера, служащих важной вехой в дальнейшем развитии борьбы с рецидивом [9, с. 13–15].

X. 1996–1999 гг. – принятие Уголовного кодекса Республики Беларусь, вступившего в силу с 9 июля 1999 г. Законодательное закрепление понятий «рецидив», «опасный рецидив» и «особо опасный рецидив», ответственности за рецидив преступлений. Закрепление специальных мер уголовной ответственности: профилактическое наблюдение и превентивный надзор. Совершенствование уголовно-правовых средств борьбы с рецидивной преступностью.

XI. С 1999 г. по настоящее время – совершенствование уголовно-правовых и иных средств борьбы с рецидивной преступностью.

Исторический анализ законодательства в сфере правового регулирования понятий «рецидив преступлений», «повторность преступлений», правового положения личности преступника-рецидивиста позволяет заключить, что каждый этап формирования государственности был очередной ступенькой для развития современного уголовного законодательства в сфере противодействия рецидивной преступности.

На первоначальных этапах развития государственности понятие личности преступника сводилось только к совершению тождественных преступлений в сфере имущественного права – воровства, в связи с чем разграничение между повторностью и рецидивом преступлений отсутствует. Меры наказания зависели в полной мере от классовой принадлежности преступника. Наказание за данные преступления в большинстве случаев имело характер возмездия, поэтому чаще всего рецидивисты приговаривались к смерти. Но с развитием общества появляется дифференциация мер ответственности за совершенные преступления. Личность преступника-рецидивиста уже не рассматривается как неисправимая личность. Появляются целые институты, изучающие рецидивную преступность с целью воздействия на личность по недопущению совершения ими повторных преступлений.

Список использованных источников

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. – М. : Юрид. лит., 1984. – 472 с.
2. Российское законодательство X–XX вв. : тексты и коммент. : в 9 т. / отв. ред. А.Д. Горский. – М. : Юрид. лит. – Т. 2. – 1985. – 572 с.
3. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / пер. А.С. Шагуна. – Минск : Беларусь, 2002. – 207 с.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (с изм. и доп.) / Н.С. Таганцев. – СПб. : Гос. тип., 1913. – 1226 с.
5. Предупреждение рецидивной преступности : монография / В.А. Ананич, С.Ю. Часнок. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 99 с.
6. Шутов, Ю.И. Рецидивная преступность и меры борьбы с ней по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.И. Шутов. – Свердловск, 1965. – 252 л.
7. Васильев, А.И. Закрепление результатов исправления и перевоспитания лиц, освобожденных из ИТУ : учеб. пособие / А.И. Васильев, В.Е. Южанин. – Рязань : РВШ МВД СССР, 1990. – 283 с.
8. Хомич, В.М. Формы реализации уголовной ответственности / В.М. Хомич. – Минск : БГУ, 1998. – 132 с.
9. Власов, Д.В. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидива насильственных преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Власов ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД. – М., 2006. – 27 с.

Дата поступления в редакцию: 05.01.18

B.S. Safronenka, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

LEGISLATIVE PURPOSE OF PERSONALITY OF THE CRIME-RECTIFIER: RETROSPECTIVE ANALYSIS

The stages of formation and development of legislation in the sphere of regulation of combating crime, including the relapse of crimes, are disclosed. A retrospective analysis of the monuments of law is carried out to determine the circle of subjects falling under the notion of the identity of the offender-recidivist. The legal status of the personality of the recidivist is studied at different stages in the formation of statehood. An attempt is made to distinguish between the concepts of "relapse of crimes" and "repetition of crimes".

Keywords: the identity of the offender-recidivist, relapse of crimes, repetition of crimes.

УДК 343.82

Ю.И. Селятыцкий, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: yura.5577@tut.by);

Ю.А. Сурженко, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: adunkt85@mail.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

Рассматриваются направления совершенствования правового обеспечения и организационной деятельности исправительных учреждений при возникновении чрезвычайных ситуаций техногенного характера, а также взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с подразделениями иных государственных органов. Предлагается формулировка и обосновывается необходимость внесения изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь.

Ключевые слова: исправительные учреждения, особые условия, чрезвычайная ситуация, чрезвычайная ситуация техногенного характера, техногенная авария, техногенная катастрофа.

В последние десятилетия в мире наметилась тенденция увеличения количества природных и техногенных катастроф, что во многом обусловлено различными антропогенными факторами. Так, п. 5, 27, 32, 44 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь относят предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций к одному из основных направлений обеспечения национальной безопасности.

О значимости рассматриваемого направления свидетельствует также принятие ряда нормативных правовых актов: Концепции совершенствования государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны, Закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», постановления Совета Министров Республики Беларусь «О государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» и т. д. В соответствии с указанными актами законодательства в Республике Беларусь принята классификация, согласно которой чрезвычайные ситуации подразделяются на две группы: чрезвычайные ситуации природного характера; чрезвычайные ситуации техногенного характера.

В рамках темы необходимо отметить, что на территории Беларуси функционируют более 500 химически опасных объектов с общим запасом сильнодействующих ядовитых веществ более 50 тыс. тонн и другие потенциально опасные объекты [1, с. 16]. К тому же на территории республики находятся 96 могильников радиоактивных материалов и отходов, исходит опасность от Смоленской и Ровенской АЭС, которые к настоящему времени устарели и не в полной мере соответствуют современным так называемым постфукусимским требованиям безопасности. Данные обстоятельства обуславливают существование в стране достаточно высокой вероятности возникновения различного рода чрезвычайных ситуаций техногенного характера, которые формируют серьезные угрозы для нормальной жизнедеятельности населения Республики Беларусь.

В рамках рассматриваемой темы целесообразно отметить, что возникновение чрезвычайных ситуаций техногенного характера связано с пожарами, авариями, взрывами на различных потенциально опасных объектах, сопровождающихся обычно распространением сильнодействующих ядовитых или химически опасных веществ на прилегающих территориях. При этом возникновение указанных угроз не может не отражаться на функционировании и некоторых специфических объектов, в частности, исправительных учреждений. В этой связи представляется, что для предотвращения в ИУ различных негативных реакций осужденных, связанных с указанной категорией чрезвычайных ситуаций, администрации учреждения необходимо первой известить их о произошедшем событии. В противном случае при получении таковой информации от третьей стороны (родственники, средства массовой информации и др.) действия администрации могут

быть крайне отрицательно расценены осужденными, что потенциально негативно отразится на соблюдении требований режима в ИУ и выполнении законных требований сотрудников учреждения. Также риск получения подобного рода информации из третьих источников здесь существенно возрастает при наличии в ИУ даже незначительного количества запрещенных предметов: мобильных телефонов, планшетов и прочих средств сотовой и иной связи.

Кроме того, несвоевременное проведение сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы необходимых мероприятий, в том числе информационных, может быть интерпретировано осужденными как намеренное сокрытие таковых сведений, безразличное отношение к их судьбам, жизни и здоровью, а также здоровью их родственников, прибывших либо находящихся на свидании в ИУ. В данном случае резкая протестная реакция со стороны осужденных может привести к возникновению или обострению конфликтной ситуации с администрацией учреждения, чем спровоцировать в ИУ групповые неповиновения или массовые беспорядки.

В связи с вышеназванным представляется обоснованным проведение комплекса мероприятий, стабилизирующих обстановку в ИУ и обеспечивающих в нем установленный порядок исполнения и отбывания наказания.

В первую очередь в таких случаях логично организовать из числа работников УИС информационные группы, которые смогли бы грамотно доводить необходимую информацию до осужденных (с учетом специфики возможно привлечение сотрудников иных ведомств, например, Министерства по чрезвычайным ситуациям или Министерства здравоохранения). В задачи указанных групп следует включить проведение разъяснения характера причиненного учреждению ущерба, возможных негативных последствий жизни и здоровью лиц, отбывающих наказания, вследствие поражения опасными факторами техногенной чрезвычайной ситуации в случае неисполнения, игнорирования законных требований работников ИУ. В то же время содержание такой информации и процесс ее доведения должны тщательно прорабатываться для исключения или максимального снижения риска возникновения и распространения в учреждении возможных панических настроений [2, с. 17].

Значимой и необходимой является организация выдачи осужденным средств индивидуальной защиты в соответствии с действующими стандартами обеспечения безопасности в таких условиях [3–5]. Учитывая, что снабжение всех ИУ требует большого количества этих средств, а следовательно, и значительных финансовых затрат, важно сформировать в управлениях Департамента исполнения наказаний по областям определенные резервы и предоставлять их соответствующему учреждению в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Кроме того, рациональной и экономически выгодной представляется организация взаимодействия УДИН с подразделениями по чрезвычайным ситуациям, иными государственными органами и организациями по вопросам использования имеющейся у них специальной техники и экипировки, в том числе средств защиты.

Таким образом, своевременное обеспечение осужденных средствами индивидуальной защиты либо проведение мероприятий по снижению воздействия на них неблагоприятных факторов чрезвычайной ситуации позволит выработать чувство определенной степени личной безопасности и защищенности в ИУ. При этом также возможно существенное снижение уровня фрустрации и психологического напряжения в среде осужденных, которые, по мнению Н.Н. Пуховского, естественны для людей при возникновении подобных ситуаций [6, с. 113], что, в свою очередь, может способствовать предотвращению паники и хаоса в поведении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Следует обозначить, что техногенное бедствие требует от сотрудников УИС принятия соответствующих мер по защите жизни и здоровья не только осужденных и работников ИУ, но и иных лиц, находящихся в районе учреждения (например, родственников лиц, отбывающих наказание). Таким образом, в случае отсутствия у этих лиц возможности самостоятельно в требуемые сроки покинуть район, подвергшийся воздействию неблагоприятных факторов (например, по причине удаленного расположения ИУ от населенных пунктов или наличия определенных проблем в транспортном сообщении), администрация учреждения должна обеспечить их организованный вывоз. Отсутствие опасений за жизни своих близких предотвращает получение осужденными определенного рода психотравм, способных детерминировать агрессивное необдуманное поведение, в первую очередь направленное в отношении сотрудников УИС [7, с. 113].

Ко всему сказанному следует добавить, что проведение многих мероприятий, осуществляемых сотрудниками ИУ в повседневной деятельности, представляется недопустимым при возникновении чрезвычайной ситуации техногенного характера, способной причинить вред жизни или здоровью людей в районе расположения учреждения. К таким мероприятиям могут относиться, например, выдача осужденным посылок, бандеролей, мелких пакетов, заказных писем, прием передач, продажа продуктов питания и предметов первой необходимости, предоставление свиданий, проведение различных массовых мероприятий и т. п. Ограничение проведения подобных мероприятий, как и в случае возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера, целесообразно осуществлять при помощи правового средства – режима особого положения. Однако в случае с техногенными чрезвычайными ситуациями администрация учреждения не наделена правом на его введение, в связи с чем при возникновении последних в практической деятельности могут появиться определенные трудности, связанные с обеспечением и поддержанием необходимых режимных требований в учреждении. Данное обстоятельство обуславливает необходимость законодательного закрепления возможности введения режима особого положения в ИУ в случае возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера, что скорее всего будет способствовать предупреждению либо нивелированию различного рода проблемных моментов.

Кроме того, для минимизации негативных последствий чрезвычайных ситуаций к проведению необходимых аварийно-восстановительных работ на территории ИУ допустимо привлечение осужденных в соответствии со ст. 98 «Привлечение к труду осужденных к лишению свободы» и ст. 101 «Привлечение осужденных к лишению свободы к работам без оплаты труда» Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь при условии соблюдения соответствующих мер безопасности.

Таким образом, можно определить основные направления по совершенствованию правового обеспечения и организационной деятельности исправительных учреждений при возникновении чрезвычайных ситуаций техногенного характера:

внесение изменения в ст. 76 «Режим особого положения в исправительных учреждениях» УИК, в связи с чем в ч. 1 настоящей статьи словосочетание «В случае стихийных бедствий» заменить словами «В случае чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера». Данная корректировка направлена на повышение эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы, предупреждение и пресечение правонарушений при возникновении рассматриваемых условий;

при проведении профилактических мероприятий в период чрезвычайной ситуации техногенного характера целесообразно осуществление информационного взаимодействия с осужденными и их родственниками, в процессе которого освещаются вопросы состояния оперативной обстановки в ИУ и возможные прогнозы ее развития, с целью предотвращения распространения негативных слухов, предупреждения групповых неповиновений и иных серьезных правонарушений со стороны осужденных;

проведение мероприятий по минимизации воздействия на осужденных, сотрудников и иных лиц неблагоприятных факторов, в том числе связанных с предоставлением им средств индивидуальной защиты, изготовлением таких средств из подручных материалов и т. п., а также организация проведения необходимых аварийно-спасательных работ, оказание медицинской помощи.

Список использованных источников

1. Сантарович, В.М. Защита населения и хозяйственных объектов в чрезвычайных ситуациях. Радиационная безопасность / В.М. Сантарович, А.В. Долидович, В.В. Захарченко. – Мозырь : Белый ветер, 2005. – 371 с.
2. Сухов, А.Н. Общение осужденных при чрезвычайных обстоятельствах в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособие / А.Н. Сухов. – Рязань : Рязан. высш. шк. МВД СССР, 1984. – 60 с.
3. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Аварийно-спасательные работы при ликвидации последствий аварий на химически опасных объектах. Общие требования = Бяспека ў надзвычайных сітуацыях. Аварыйна-выратавальныя работы пры ліквідацыі наступстваў аварый на хімічна небяспечных аб'ектах. Агульныя патрабаванні : ГОСТ 22.08.05-2002. – Введ. 09.12.03. – Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2004. – 4 с.

4. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Ликвидация чрезвычайных ситуаций. Общие требования = Бяспека ў надзвычайных сітуацыях. Ліквідацыя надзвычайных сітуацый. Агульныя патрабаванні : СТБ 1537-2005. – Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2005. – 7 с.

5. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Средства индивидуальной защиты от радиоактивных веществ. Общие и технические требования = Бяспека ў надзвычайных сітуацыях. Сродкі індыўідуальнай засцярогі ад радыеактыўных рэчываў. Агульныя тэхнічныя патрабаванні : ГОСТ 22.3.06-2002. – Введ. 01.01.05. – Минск : Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации : Госстандарт Респ. Беларусь, 2004. – 6 с.

6. Пуховский, Н.Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций / Н.Н. Пуховский; под ред. В.В. Макарова. – М. : Акад. проект, 2000. – 286 с.

Дата поступления в редакцию: 11.05.18

Y.I. Seliatytski, Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head at the Department of Tactical Training of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; Y.A. Surzhenko, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Tactical Training of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ACTIVITY OF CORRECTIONAL FACILITIES AT OCCURRENCE OF EMERGENCY SITUATIONS OF TECHNOGENIC CHARACTER

Directions of perfection of legal maintenance and organizational activity of correctional facilities at occurrence of emergency situations of technogenic character, interaction of bodies and establishments of criminally-executive system with divisions of other state structures are considered. The offer on modification of the Criminally-executive code of the Republic of Belarus is formulated and proved.

Keywords: correctional facilities, imprisonment, special conditions, an emergency situation, an emergency situation of technogenic character, technogenic accident, technogenic catastrophe.

УДК 343.541

В.В. Стальбовский, ад'юнкт навучна-педагагічнага факультэта Акадэміі МВД Рэспублікі Беларусь
(e-mail: vudiksvv@gmail.com)

КАЗУС «ПЕДОФИЛИИ» КАК ЯВЛЕНИЯ СОГЛАСНО ТЕОРИИ ОВЕРТОНА

Рассматривается суть теории Окно Овертона в ракурсе развития современных тенденций распространения явления педофилии в мировом масштабе. Анализируется процесс принятия обществом асоциальных и деструктивных элементов, способствующих восприятию педофилии нейтрально. Выстраивается логическая последовательность психологического усвоения гражданскими институтами явлений и процессов, реализующих пропаганду идеологии педофилии.

Предлагаются меры, способствующие нейтрализации потенциально опасных направлений установления в обществе толерантного отношения к сексуальным посягательствам и декриминализации половых преступлений в отношении детей.

Ключевые слова: педофилия, теория Овертона, инфантосексуализм, педерозия, педосексуальность, интернет-сообщества педофилов, идеология педофилии.

Каждое явление и процесс в мире не возникает ниоткуда, у всего есть причины для появления и свойственные ему закономерности развития.

Пагубности электронной демократии не нужны доказательства, но требуются меры специфической профилактики. Проблема пропаганды и развития идеологии интернет-сообществ педофилов остается одной из актуальных и острых в современном мире, где многие преступления пытаются оправдать или нивелировать, используя всевозможные соответствующие теории. В этой связи интересно соотнести заявленную тему с технологией «Окно Овертона», согласно которой для каждой идеи или проблемы в социуме существует так называемое Окно возможностей. В пределах такого Окна идею могут или не могут поддерживать, пропагандировать, пытаться закрепить законодательно. Окно двигают, меняя спектр возможностей: от стадии «немыслимое» (абсолютно противоречащее общественной морали, отвергаемое всеми) до стадии «актуальная

политика» (широко обсуждаемое в информационных ресурсах и массах людей, принятое сознанием и закрепленное в законах). И такая позиция представляет не особый формат мозгового штурма, а более тонкую обоснованную технологию, эффективность которой заключается в последовательном системном применении и незаметном для общества самого факта воздействия.

Обращаясь к проблеме педофилии как явлению и интернет-сообществ как одной из его организационных форм, вызывает заинтересованность вопрос (согласно выбранной теории) возможности пошагового принятия обществом данной противозаконной тенденции, определения стадии нахождения этого явления согласно теории Овертона и дальнейшие перспективы развития и пагубности принятия ее обществом как естественного. Такой подход (порядок действий при изучении) позволит выработать эффективные направления противодействия рассматриваемому явлению на различных стадиях и уровнях государственно-правового регулирования общественных процессов.

Вообще, Дж. Овертон считал, что осью политического дискурса является большая или меньшая степень свободы, которую увязывал со степенью регламентации общественных институтов со стороны государства. Согласно модели Овертона в каждый момент времени некоторые идеи составляют действующую норму, образуя точку отсчета, а остальные идеи могут либо входить в диапазон допустимых, либо нет. Позже американский неоконсерватор Джошуа Тревиньо предложил для оценки допустимости идей следующую шкалу: немыслимые, радикальные, приемлемые, разумные, стандартные, действующая норма [1].

Итак, проблема педофилии не находится на нулевой стадии «немыслимое», а широко обсуждается, и здесь появляется много сторонников, муссируется вопрос отнесения ее к сексуальной ориентации, т. е. тема становится далеко не отвратительной и вполне обсуждаемой в обществе.

Как стала возможной реализация подобного процесса?

Именно свобода слова в формате развития информационных технологий и повсеместное использование интернета явились инструментами перевода темы педофилии из области «немыслимое» в область «радикальное». Попробуем допустить возможность обсуждения рассматриваемой темы учеными, для которых нет исследуемых запретных тем. Например, на международной конференции по проблеме педофилии, обсуждается представляющий интерес предмет, формируются и вводятся в научный оборот авторитетные высказывания. Таким образом, тема оказывается в рамках научной дискуссии, может обсуждаться и оставаться в пределах научной респектабельности. Так, Окно Овертона двинулось, обозначился переход позиций, тем самым уже обеспечен переход от непримиримо отрицательного отношения общества к более позитивному.

Одновременно с околонучной дискуссией появляется общество радикальных педофилов, и теоретически оно будет представлено в интернете. Радикальных педофилов заметят и процитируют во всех нужных средствах массовой информации. Этими действиями будет реализован еще один факт высказывания и тем самым создан образ педофила. Результатом первого движения Окна Овертона, которое реализовано в полной мере, сегодня является следующее: неприемлемая тема введена в оборот, табу десакрализовано, произошло разрушение однозначности проблемы – созданы «градации серого».

Следующим шагом движения Окна будет являться перевод темы педофилии из области «радикального» в область «возможного» («приемлемого»). Этот период сопровождается дальнейшим цитированием ученых, продолжением научных дискурсов, появлением новой терминологии, и, как следствие, созданием эвфемизма, необходимого для легализации немыслимой идеи под другим названием, которое в скором времени может быть заменено еще раз.

Именно сейчас педофилия рассматривается в рамках эвфемизмов: инфантосексуализм (англ. *infantosexuality*), падерозия (фр. *pädérose*), педосексуальность (англ. *pedosexuality*, нем. *Pädosexualität*). Использование специальной терминологии обусловлено тем, чтобы юридически неподкованный гражданин не мог понять сути явления. Скорее всего термин обретет новое определение, признав прежнее оскорбительным.

Введение в словарный оборот новых названий ставит целью отведение от проблемы ее сути, оторванность формы слова от содержания, лишение своих идеологических противников языка: педофилия превращается в инфантосексуализм, затем – в падерозию подобно тому, как преступник меняет фамилию и паспорта.

Параллельно игре с названиями происходит создание опорного прецедента – исторического, мифологического, актуального или просто выдуманного, но главное – легитимированного.

Он будет найден или придуман как доказательство того, что педофилия может быть в принципе узаконена, оправданием чему будут статьи с высказываниями про античных богов, любивших детей; про средневековую правящую элиту и их досуг с детьми.

Главная задача вакханалии переходных этапов – пусть частично, но вывести явление педофилии за рамки уголовного преследования хоть в какой-нибудь исторический момент.

После создания легитимирующего прецедента появляется возможность в данной плоскости двигать Окно Овертона с территории возможного в область рационального. И здесь завершается дробление единой проблемы, происходящей в ракурсе подобных высказываний опять-таки в средствах массовой информации.

В общественном сознании искусственно создается «поле боя» за проблему. На крайних флангах размещаются «подготовленные» субъекты, специальным образом появившиеся радикальные сторонники и радикальные противники педофилии.

Реальных противников (нормальные люди, не желающие оставаться безразличными к проблеме растабуирования педофилии) стараются упаковать вместе с «пугалами» и записать в радикальные ненавистники. Роль этих «пугал» – активно создавать образ неадекватных личностей, агрессивных борцов с педофилией, призывающих жестко наказывать подобные проявления каких-либо действий против несовершеннолетних в рамках сексуального влечения к ним. Присутствие их в средствах массовой информации обеспечивает всем перечисленным кроме реальных противников легализации.

Указанная психопатология давно описана в учебниках, но больными себя педофилы не считают, больными для них являются все неодобряющие «любовь» и пытающиеся как-то с этим бороться. Они стараются всячески дискредитировать, переворачивать ситуацию с ног на голову и придумали для этого термин «педоистерия». Но что же кроется за этой подменой понятий?

На самом деле все просто. Однажды педофилы собрались на одном из своих интернет-сообществ и начали решать, как устроить, чтобы с ними прекратилась борьба? Как заставить хоть кого-нибудь встать на их сторону? Что сделать бы такого, чтобы все борцы с педофилами выглядели жалкими и глупыми, что бы они не делали? Решение было найдено: борьбу с педофилией назвать «педоистерией» и внедрить этот термин в массовое сознание. Для осуществления планов использовались манипулятивные технологии, известные человечеству. Менее чем через год термин «педоистерия» стал употребляться даже журналистами государственных информационных ресурсов [2].

Итак, интернет-сообщества являются своеобразным плацдармом для формирования новых идей и внедрения их в общественное сознание. Интернет-сообщество педофилов – группа индивидов, объединенных в виртуальном пространстве единой целью оправдания педофилии как естественного общесоциального явления, обладающих психическими или физиологическими отклонениями. Каждый член группы имеет сексуальное влечение к детям допубертатного и раннепубертатного возраста, созданное для пропаганды, распространения, внедрения и увеличения приверженцев идеи о законности и естественности сексуальных взаимоотношений с детьми, манипулирования несовершеннолетними с целью реализации преступного умысла. Группа имеет свою внутреннюю иерархию, идеологию, манифест, сленг, запрещенные коллекции аудио- и видеоматериалов, рубрики по интересам, тематическую аудиторию в зависимости от присущей субъекту парафилии, коллективный мыслительный процесс которых направлен на признание педофилии сексуальной ориентацией [3].

При таком положении дел сами педофилы остаются в нейтральном положении между сторонниками и противниками рассматриваемого явления. Журналисты и ярые защитники явления педофилии под видом противников доказывают, что человечество на протяжении всей истории время от времени допускало возможность вступления с детьми в половые отношения, что было нормальным с их точки зрения. Сегодня проблема педофилии переходит в категорию «популярного»: Окно Овертона движется дальше. Для популяризации темы педофилии как сексуальной ориентации необходимо поддерживать ее поп-контентом, сопрягая с историческими и мифологическими личностями, а по возможности и с современными медиаперсонами. Тема массово проникает в новостные каналы и телешоу. Детей «любят» в кино широкого проката, в текстах песен и видеоклипах. Один из приемов популяризации выглядит так: на примере популярного героя, «любящего детей», его сексуальное отклонение отводится на второй план. На этом этапе разрабатываемую тему выводят в рейтинг новостных обзоров, вводят в заглавие ведущих газет

и журналов, она начинает автономно самовоспроизводиться в масс медиа, шоу бизнесе и политике. Другой эффективный прием заключается в том, что суть проблемы активно «забалтывают» на уровне операторов информации (журналисты, ведущие телепередачи, общественники и т. д.), «отсекая» от дискуссии специалистов. По мере снижения интереса к проблеме, когда уже всем стало скучно и обсуждение проблемы зашло в тупик, на «сцене» появляется специально выбранный профессионал, задающий тон дискуссии. Тем самым выбирается определенное направление разговора, тенденциозность которого задана движением Окна.

Для оправдания сторонников легализации используют очеловечивание преступников посредством создания их положительного образа через не сопряженные с преступлением характеристики.

Движение Окна Овертона происходит, когда тема разогрета до возможности перевести ее из категории «популярного» в «актуальную политику». И тогда начинается подготовка законодательной базы. Лоббистские группировки во власти консолидируются и «выходят из тени». В печати появляются социологические опросы [4], якобы подтверждающие высокий процент сторонников легализации педофилии. Политики начинают катать «пробные шары» публичных высказываний по поводу законодательного закрепления данной темы. В общественное сознание вводится новая догма – «запрещение любить по-особенному детей запрещено».

В итоге перед нами фирменное блюдо либерализма – толерантность как запрет на табу, запрет на исправление и предупреждение губительных для общества отклонений.

Во время последнего этапа движения Окна из категории «популярного» в «актуальную политику» общество уже сломлено. Самая живая его часть как-то будет сопротивляться законодательному закреплению не так давно еще немислимых вещей. Но в целом общество уже согласилось со своим поражением.

Итак, приняты законы, изменены (разрушены) нормы человеческого существования. Предполагаемое толкование явления неизбежно докатится до школ и детских садов. И следующее поколение может вырасти вообще без возможности на выживание. Например, содержание «Стандартов сексуального образования в Европе» требуется подвергнуть особой критике (содержит следующее предписание: в период с рождения до четырех лет ребенку оказывается просто необходимо осознавать свою гендерную идентичность; об ощущении радости и удовольствия от прикосновения к собственному телу, мастурбации в раннем возрасте; о разных видах любви и т. д.) [5].

Как «сломать» изучаемую технологию? Описанное Дж. Овертоном Окно возможностей легче всего движется в толерантном обществе, где нет идеалов и, как следствие, нет четкого разделения на правомерное и уголовно наказуемое.

На основании вышеизложенного логично предложить что:

для торможения процесса установления нейтрального отношения общества к явлению педофилии как деструктивного поведения индивидов с отклоняющимся сексуальным влечением к детям необходима разработка четкого алгоритма действий государственных институтов, основанного на принципиальности, жесткости, суровости, конкретной регламентации и уголовно-правового регулирования проблем не только в рамках предупреждения и профилактики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, но и проблем, связанных с явлениями и процессами, способствующими искажению сознания граждан (функционирование средств массовой информации, форумов, чатов, социальных сетей, интернет-сообществ, мультимедиа средств пропаганды и других информационных инструментов укоренения в сознании искаженного видения проблемы);

необходимо внедрение в национальных телерадиокомпаниях специальных комиссий по выявлению фэйковых новостей и контролю за тематической эстетикой телерадиопередач, содержание которых косвенным образом может влиять на идентификацию проблем в обществе;

установление административной, а за повторное нарушение и уголовной ответственности за пропаганду процессов и явлений, способствующих изменению отношения к педофилии, однополым бракам, нетрадиционной ориентации.

Несмотря на давление европейских тенденций по развалу моральных норм и традиций в мире под видом защиты прав и свобод граждан, Республика Беларусь должна сохранять жесткую позицию по отношению к процессам, не соответствующим нормальному развитию граждан с момента рождения и до момента формирования зрелой психически и физически здоровой личности.

Список использованных источников

1. Окно Овертона (также окно дискурса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Окно_Овертона. – Дата доступа: 19.11.2017.
2. Что такое педоистерия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agatacrysty.org/Crime-and-Punishment/chtotakoepedoisteriya.html>. – Дата доступа: 15.01.2018.
3. Стальбовский, В.В. Интернет-сообщества педофилов, как фактор распространения преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних / В.В. Стальбовский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2 – С. 116–121.
4. Архив опросов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pedofilie-info.cz/archiv-anket/> – Дата доступа: 15.01.2018.
5. Европейские стандарты сексуального воспитания детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/club/22394> – Дата доступа: 15.01.2018.

Дата поступления в редакцию: 01.02.18

V.V. Stalbovsky, *Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

THE “PEDOFILIA” CHANCE AS THE PHENOMENA ACCORDING TO THE OVERTON THEORY

The essence of the Overton Window theory is revealed according to the current trends in the spread of pedophilia on a global scale. The determinants that contribute to the spread and increase of pedophilic crimes characteristic for the Republic of Belarus are analyzed.

Proposed prevention measures based on a detailed analysis of the psychological aspect of the phenomenon of “pedophilia”, which contribute to reducing the risk of committing crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors, based on an analytical satiated society (for example, the Internet communities of pedophiles).

Keywords: pedophilia, Overton theory, infantosexuality, paederozia, pedosexuality, online community of pedophiles.

УДК 348.4

Т.Г. Терещенко, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: tati2034@yandex.ru)

**ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ**

Исследуются вопросы определения причин и условий коррупционной преступности в Республике Беларусь. С учетом правоприменительной практики выявляются негативные факторы, обуславливающие существование коррупции в обществе. Вносятся предложения по решению проблем для минимизации указанных последствий в организационно-управленческой, правовой и социальной сферах общества.

Ключевые слова: преступность, коррупция, причины и условия преступности, негативные факторы.

Всякое явление или событие (процесс), происходящее в природе или в обществе, обуславливается другим явлением или событием (процессом), т. е. определенными причинами или их совокупностью. Так, в философской концепции детерминизма определяется, что все причинно обусловлено и каждое явление порождает новое явление, данный процесс практически бесконечен.

Выявление причин и условий преступности немаловажно, так как раскрытие тех или иных детерминант или событий (процессов), которые сопровождают последние в пространстве и во времени, образуя диалектическую взаимосвязь, способствует достижению оптимального результата: снижают или удерживают на социально допустимом пределе уровня общественно опасные деяния в социуме.

Вопросы определения, типологии и классификации причин и условий преступности имеют не только теоретическое (В.А. Ананич, Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.Е. Эминов и др.), но и прикладное значение, что связано с формированием и реализацией комплекса мероприятий общего и специального криминологического порядка. Например, составление про-

грамм по борьбе с преступностью и коррупцией не может не коррелировать с необходимыми сведениями, так как немотивированная деятельность низко результативна.

Существование коррупционной преступности определяется прежде всего общими причинами, детерминирующими преступность в целом. Однако, как и у прочих видов преступности, у коррупционной имеются особенности в комплексе факторов, ее определяющих. Сегодня есть множество различных гипотез о причинах возникновения и условиях совершения того или иного вида преступлений, что обусловлено повышенным вниманием общественности к этой проблеме. Так, за период 2011–2017 гг. удельный вес коррупционных преступлений в Беларуси колебался от 1,4 до 2,5 %, и это только выявленные и зарегистрированные преступления. Однако стоит учитывать высокий уровень латентности коррупционных общественно опасных деяний, что, в свою очередь, влечет причинение значительных материальных затрат обществу и государству.

Так, коррупционная преступность – разноплановое явление, и ее причины разнообразны и многочисленны. Масштабы, специфика и динамика коррупционных преступлений – это следствие общих политических, социальных и экономических проблем государства. Таким образом, политические, экономические и социальные процессы, происходящие в обществе, интегрируют комплекс причин проявления коррупции. М.А. Левин отмечает, что коррупция является следствием и точным индикатором государственной политики: если режим неустойчив, то уровень проявления коррупции резко возрастает [1, с. 47]. А А.Х. Казарина, например, отмечает, что важным для познания коррупционной преступности является выделение обстоятельств, поддерживающих ее функционирование на макроуровне и непосредственно влияющих на решимость совершать преступления в конкретной сфере организационно-хозяйственной деятельности, на уровне конкретной личности [2, с. 211].

Применительно к теме исследования представляют интерес некоторые обстоятельства, возникающие в той или иной сфере общества и обуславливающие существование коррупционной преступности в современном белорусском государстве, а также комплекс наиболее эффективных мер в борьбе с ее проявлениями.

Итак, в качестве правовых причин можно отметить объективное отставание правовой регламентации отдельных сфер жизнедеятельности, провоцирующее возникновение коррупционных рисков.

В качестве одного из направлений развития норм права в сфере противодействия коррупции может выступать имплементация норм международного права в национальное законодательство и прежде всего в уголовно-правовое. Например, включение в Уголовный кодекс Республики Беларусь понятий «предложение», «обещание» и «испрашивание» преимущества, «принятие просьбы или обещания» соответствовало бы Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (ETS 173). Кроме того, расширение предмета активного и пассивного взяточничества с включением всех форм выгод материального и нематериального характера, независимо от того, имеют ли они измеримую финансовую ценность, и в соответствии с понятием «любое неправомерное преимущество». При этом обеспечить закрепление в УК положений о преступлениях, связанных со взяточничеством, таким образом, чтобы они однозначно включали случаи, когда выгода предназначена не только для должностного лица, а для третьего лица, физического или юридического (опять возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности юридического лица, т. е. об изменении теоретических и практических представлений о понятии «субъект преступления»).

При этом следует отметить низкую правовую информированность и правовую культуру белорусского общества в целом. Нередко граждане, обращаясь к служащим организаций и должностным лицам с целью решения определенного вопроса, не знают нормативной правовой базы, регламентирующей их права и обязанности, что способствует коррупциогенности в обществе.

Продолжая рассматривать организационно-управленческую сферу, можно выделить ряд обстоятельств, которые могут негативно сказаться на принятии решений и привести к росту коррупционных правонарушений и преступлений. К ним относятся дистанцированность большей части населения от управления имуществом, правотворческого процесса и правоприменения; отсутствие механизмов эффективного контроля над деятельностью должностных лиц (парламентского, судебного, социального; в этой связи актуально говорить о формировании граждан-

ского общества с активной позицией противодействия преступности и преодоления правового нигилизма); разросшийся чиновничий аппарат как следствие малоэффективной антибюрократической политики. Таким образом, полагается возможным продолжить практику использования системы электронных административных процедур, что является объективным препятствием для непосредственного общения между должностными лицами и гражданами. В результате снижается вероятность возникновения рисков коррупционного характера: возможности обещания ускорения административных процедур, положительного принятия решений и т. д. Также осуществляется реализация планомерной оптимизации кадрового аппарата с возможностью введения в систему государственной власти централизованного независимого и самостоятельного органа по борьбе с коррупцией. Таким образом, основы правового статуса подобного рода органов (например, Национальный орган честности) закрепляются в конституциях некоторых зарубежных стран (Марокко, Непал, Республика Мальдивы и др.).

Рассматривая экономические причины и условия коррупции, можно отметить объективные факторы, которые возникают в любом обществе переходного этапа: экономическая нестабильность (проявляется в существовании инфляции, относительно высоких темпах обесценивания денежных масс). В свою очередь, это может стать прямой предпосылкой для затруднительного содержания аппарата чиновников в финансовом аспекте, что провоцирует поиск последними нелегальных дополнительных источников обогащения для поддержания дорогостоящих привычек и качественного для них уровня жизни. Так, отсутствие эффективной рыночной конкуренции позволяет получать необоснованные сверхдоходы, тем самым способствуя нелегальным способам ведения бизнеса (дача и получение взяток для успешного продвижения своего товара, продукта и т. д.).

Особо стоит выделить причины психологического характера, которые основываются на моральных качествах (свойствах) личности. Обращаясь к положениям психологии, можно отметить интернализацию: процесс, в рамках которого объекты внешнего мира посредством восприятия превращаются в образы, формирующие часть нашего психического содержания, а именно ценностные ориентиры и идеалы. В свою очередь, интернализация личностного выбора – становление личностной автономии, основной итог которого – внутренняя необходимость воспринимать происходящие внутри и вне личности события как информационные. При этом последнее отражает регулирующее поведение человека, целью которого является реализация ценностей, имеющих статус интегрированных в «Я»-личность. Проблема выбора того или иного способа удовлетворения своих потребностей – составной элемент индивидуального механизма поведения, т. е. осознанный выбор преступного или не преступного способа поведения. В этой связи можно рассматривать выбор как способ постановки личностной цели, что предполагает конструирование альтернативы выбора, а также сознательное или бессознательное самоопределение в этих альтернативах. При этом статус цели приобретут соответствующие ценностно-смысловым критериям самой личности. И здесь возникает потребность в дальнейшем изучении концепта интернализации личностного выбора – механизма формирования внутренних ценностно-смысловых критериев личности преступника-коррупционера.

Так, система ценностей и установок большей части нашего общества не предполагает наличия нравственного барьера для пресечения или отказа от коррупционных действий. Этим обуславливается формирование коррупционной мотивации многих граждан, которые в дальнейшем продолжают распространять ложные идеи, способствуя интенсивному массовому разложению сознания лиц.

Определив некоторые факторы, которые могут провоцировать возникновение рисков коррупционного характера, интерес представляют способы их преодоления.

Так, предупреждение коррупционных преступлений представляет собой сложный, многогранный процесс, включающий применение экономических, финансовых, организационно-управленческих, правовых, технических, культурно-воспитательных и иных мер. При этом предупреждение может быть успешным только при комплексном воздействии на причины коррупционной преступности и условия, ее порождающие.

В.Д. Малков в этой связи отмечает, что деятельность по предупреждению преступлений может осуществляться в различных масштабах: на общегосударственном уровне, на отдельных предприятиях, в учреждениях и организациях, в отношении отдельных граждан (индивидуальных предпринимателей, руководителей или работников коммерческих организаций) [3, с. 122].

Автор при этом различает общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения. Аналогичную классификацию мер по предупреждению коррупционной преступности предлагает и В.Н. Кудрявцев, Г.Г. Шиханцов [4, с. 269].

Особое значение для предупреждения рассматриваемого вида преступлений имеют общесоциальные меры. Они направлены на раскрепощение предприимчивости, создание условий для реализации творческого потенциала личности в области экономических отношений путем свободного выбора любых форм хозяйствования с использованием государственной, коллективной и частной собственности; обеспечение равной правовой защиты предпринимательства в государственном и альтернативном секторах экономики; создание необходимой рыночной инфраструктуры. Общее предупредительное значение имеет внедрение демократических принципов саморегуляции экономических процессов на основе самофинансирования самокупаемости и самоуправления [2, с. 218].

Общесоциальные меры предупреждения предполагают проведение государством экономической политики, свободной от криминальных издержек, сужающей возможности теневой экономики, и направлены на разрешение глобальных экономических проблем, порождающих теневую экономику и связанную с ней преступность. При этом, как справедливо отмечает А.И. Алексеев, необходимо обеспечить разумное дистанцирование государственного и частного секторов экономики, нейтрализовать условия, способствующие перекачке с корыстной целью государственных средств в частно-предпринимательские структуры; стимулировать предпринимательское поведение, соответствующее интересам потребителей; установить жесткие меры ответственности за использование недобросовестной конкуренции, дискредитацию экономических и финансовых партнеров, за клановые проявления монополизма, связанные с коррупцией; создать условия для постепенного вытеснения из сферы производства и распределения криминальных методов регулирования экономических отношений. Усиление государственно-правовой защиты всех форм правомерно приобретенной собственности необходимо сочетать с методами по недопущению получения сверхприбылей противоправными способами, повышению ответственности за невыполнение экономических обязательств, несоблюдение финансово-кредитной, платежной и договорной дисциплины [4, с. 123].

В систему общесоциальных мер входит и криминологический прогноз, который позволяет предсказать возможные криминогенные последствия определенной экономической политики и выработать стратегию по их устранению, локализации или нейтрализации. В основе такого прогноза заложена осуществляемая криминологами экспертиза нормативных правовых актов с точки зрения их воздействия на преступность, ее детерминанты, систему мер борьбы с ней.

Не менее существенное значение имеют и меры, способствующие оздоровлению отношений в духовно-нравственной сфере, т. е. меры, направленные на формирование культуры и моральных норм, чувства гражданственности и позитивных интересов, преодоление правового нигилизма.

Особое значение имеют специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений. Эти меры непосредственно направлены на устранение либо нейтрализацию конкретных причин и условий таких преступлений.

Так, по мнению С.В. Ванюшкина, к последним следует отнести установление содержания служащим, способного обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни; повышенный контроль за доходами и расходами государственных и ряда иных категорий служащих, аспектами поведения, наиболее чувствительными к коррупции (выдаче информации, не подлежащему официальному распространению и т. п.), кадровой политикой с использованием в том числе ротации кадров; режим обеспечения безопасности лиц, осуществляющих борьбу с коррупцией, а также членами их семей [5, с. 512].

Так, Г.Г. Шиханцов дополняет специальные меры по борьбе с коррупцией, куда относит: проведение экспертизы действующего законодательства для выявления неопределенностей, способствующих росту коррупции среди государственных служащих; разграничение дисциплинарно, административно и уголовно наказуемых коррупционных правонарушений [4, с. 270]. Исключительно важным представляется и совершенствование института государственной службы, максимально эффективная организация работы управленческого аппарата.

Корпус государственных и муниципальных служащих обязан подчиняться особо жестко контролируемым этическим и дисциплинарным нормам. Специальные законы, содержащие по-

добные нормы, приняты в ряде стран. Например, в США такими нормативными актами являются Принципы этичного поведения правительственных чиновников и служащих (1990 г.), Закон об этике (1978 г.); в Великобритании – Статус Гражданской службы, Кодекс условий службы и оплаты государственных чиновников; Общие принципы поведения государственных служащих; в ФРГ – Федеральный закон о государственных служащих, Федеральный закон о дисциплинарном режиме государственной службы [4, с. 271].

В перечисленных нормативных актах подчеркивается престижность государственной службы и моральная ответственность лиц, состоящих на службе, перед обществом. «Федеральный служащий, – говорится в принципах этичного поведения США, – должен уважать и соблюдать фундаментальные принципы этичного поведения с тем, чтобы каждый гражданин мог быть полностью уверенным в моральной честности своего правительства. Служба обществу предполагает доверие со стороны общества и требует, чтобы служащий ставил преданность Конституции выше личной выгоды» [4, с. 271]. В этой связи важно продолжить работу по унификации Кодекса чести и стандартов поведения с целью приведения данных норм для единообразного применения во всех сферах жизнедеятельности [6, с. 202].

Необходимо также четко определить виды деятельности, несовместимые с выполнением государственных функций: ограничения на работу по совместительству, запрет на занятие предпринимательской деятельностью, обязанность передачи в доверительное управление государству на время выполнения государственных функций ценных бумаг, имущества, вкладов в предприятия и иных ценностей, использование которых влечет за собой получение доходов. Невыполнение этих требований должно повлечь за собой в обязательном порядке увольнение с государственной службы.

В обязательном порядке должны быть предусмотрены и реализованы достаточно жесткие меры финансового контроля. Сюда можно отнести представление при поступлении на службу сведений о доходах (личных и супруга), недвижимом и ценном движимом имуществе, вкладах в банках и ценных бумаг, обязательствах финансового характера, в том числе и за пределами Республики Беларусь, о своем прямом или опосредованном участии в качестве акционера или совладельца оффшорных, других компаний, фондов с указанием доли собственности. Указанный перечень мер борьбы с коррупцией не является исчерпывающим. Многие из них уже внедрены в национальное законодательство, но о реализации в аспекте их эффективности можно будет говорить спустя некоторое время.

Но, несмотря на принимаемые организационно-правовые меры по противодействию коррупции, в последние годы количество коррупционных деяний находится на высоком уровне.

Для повышения эффективности деятельности ОВД по борьбе с коррупцией необходимо также принять меры по активизации деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных преступлений; укомплектовать подразделения, осуществляющие борьбу с коррупцией наиболее опытными сотрудниками, включая качественный отбор сотрудников по принципу профессионализма, уровня образованности и этичного поведения.

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволил выявить причинно-условный комплекс коррупционной преступности, который сводится к наличию диспропорций в правовой, социальной, психологической, организационно-управленческой, воспитательной и иных сферах общества. С целью минимизации этих явлений целесообразно продолжить работу по усовершенствованию механизма противодействия коррупционной преступности. Данный механизм может состоять из следующих компонентов:

управленческого (планирование, координация, постоянный контроль, стимулирование деятельности в государственном и частном секторе);

правового (разработка и принятие нормативных правовых актов, корректировка действующих с целью преодоления рисков коррупционного характера);

структурного (активизация практики существующих организационных структур, а также социальных институтов на уровне гражданского общества);

ценностного (принципиальное изменение социальных ценностей, включая этические правила и стандарты поведения).

Что касается системы мер противодействия коррупции, то можно отметить, что общие меры борьбы – основа предупредительной деятельности, и они являются одной из сторон управления

политическими, экономическими и социальными процессами, реализуют антикриминогенный потенциал общества в целом, всех его институтов. Также они охватывают предупредительные меры долговременного характера, проводимые всеми институтами общества. Общие профилактические меры не персонифицированы. Специально-криминологические (предупредительные) меры представляют собой совокупность мероприятий, осуществляемых различными органами, должностными лицами и гражданами. Специальные дополняют и конкретизируют общие меры, целенаправлены, носят адресный характер.

Список используемых источников

1. Павленко, О.В. Противодействие коррупции: реальные и формальные подходы / О.В. Павленко // Следователь. – 2014. – № 1. – С. 46–48.
2. Криминология : учебник / С.Б. Алимов [и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М. : Юристъ, 1997. – 512 с.
3. Малков, В.Д. Должностная и коррупционная преступность, ее предупреждение : лекция / В.Д. Малков // Рос. криминол. взгляд. – 2008. – № 1. – С. 114–123.
4. Шиханцов, Г.Г. Криминология : учебник / Г.Г. Шиханцов. – Минск : изд-во Гревцова, 2009. – 295 с.
5. Криминология : учебник для вузов / Ю.Н. Аргунова [и др.] ; под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2002. – 831 с.
6. Терещенко, Т.Г. Этический кодекс поведения как элемент противодействия коррупции / Т.Г. Терещенко / Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 24 янв. 2018 г. : тез. докл. / А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 202–203.

Дата поступления в редакцию: 28.03.18

T.G. Tsiarashchanka, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head Deputy at the Department of Criminal Executive Rights of the Criminal Executive Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DETERMINATION AND PREVENTION OF CORRUPTION CRIME IN THE REPUBLIC OF BELARUS: SOME ASPECTS

The article explores the issues of determining the causes and conditions of corruption in the Republic of Belarus. The author, taking into account law enforcement practices, reveals the negative factors that cause the existence of corruption in the society, and proposes to overcome them in order to minimize these consequences in the organizational, managerial, legal and social spheres of society.

Keywords: crime, corruption, causes and conditions of crime, negative factors.

УДК 343.851

В.С. Шабаль, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: shabalbig@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ СВОЕВРЕМЕННОГО ПОЛУЧЕНИЯ ПОЛНЫХ И ДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО

Рассматриваются проблемы получения криминологической информации, необходимой в деятельности правоохранительных органов для предупреждения совершения преступлений. Анализируется организация ведения служебной документации сотрудниками ОВД, в которой отражается информация о личности осужденного и подучетного лица. Обосновывается необходимость внедрения в деятельность правоохранительных органов Республики Беларусь единого программного комплекса в виде подсистемы единого государственного банка данных о правонарушениях «Автоматизированная система учета осужденных».

Ключевые слова: предупреждение преступлений, исправление осужденных, автоматизированный банк данных, криминологическая характеристика, программное обеспечение.

Профилактика преступлений – одна из основных задач ОВД. Ее выполнение в полной мере актуально для ДИН и работников ИУ, в частности, по предупреждению совершения осужденными новых преступлений. Так как широко распространяются информационные технологии,

в том числе и в преступной среде, важно совершенствовать деятельность правоохранительных органов в направлении внедрения современной техники, особенно для накопления информации и ее обмена.

Особым направлением деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь является работа сотрудников ИУ по исправлению осужденных. Главная нагрузка по проведению воспитательной работы с ними в настоящее время приходится на начальника отряда (основной субъект профилактики в процессе исправления лица, совершившего преступление). Он в рамках своих должностных обязанностей изучает личность осужденного, разрабатывает программу индивидуальной воспитательной работы (ИВР), проводит воспитательные мероприятия, поддерживает связь с родственниками преступника, составляет характеристики, выявляет лиц отрицательной направленности, применяет меры поощрения и взыскания и т. д. Таким образом, начальник отряда в полном объеме занимается изучением личности осужденного, по результатам чего готовит документы, необходимые при принятии решения о переводе осужденного на улучшенные условия отбывания наказания, об изменении вида ИУ, замене неотбытой части наказания на более мягкое либо условно-досрочном освобождении от наказания.

На основании вышеперечисленного логичен вывод, что начальник отряда кроме своей основной деятельности по исправлению осужденного обязан составлять криминологическую характеристику, где отражается структура личности осужденного: ее свойства и черты, порождающие преступное поведение [1, с. 76]. Все названное в конечном итоге направлено на профилактику совершения повторного преступления после освобождения осужденного.

По мнению В.А. Ананича, сведения о лицах, совершающих преступления в целом, и по видам преступлений содержат значимую информацию о детерминантах преступлений [2, с. 4]. О востребованности качественных криминологических характеристик свидетельствуют статистические данные о совершении ранее судимыми лицами новых преступлений. Так, по данным МВД Республики Беларусь, среди выявленных лиц, совершивших преступления в 2017 г., 17 312 – имеющие судимость, что составляет 36,3 % от общего количества лиц и ниже показателя в 2016 г. на 6,1 % (18 433) [3]. Этот показатель в 2016 г. был ниже на 5 % по сравнению с 2015 г. Так, несмотря на тенденцию к снижению совершенных преступлений данной категорией граждан, общее число остается существенным. Но если проанализировать состав осужденных, находящихся в ИУ, то получится, что отбывающих наказание в виде лишения свободы три и более раз с каждым годом растет: 2014 г. – 10 845; 2015 г. – 11 529; 2016 г. – 12 033 [3, с. 208]. Обозначенные цифры могут указывать на то, что отбывающие наказание не исправляются и после освобождения совершают новые преступления, что указывает на необходимость совершенствования работы начальников отряда с осужденными по формированию готовности вести правопослушный образ жизни.

Так, за 2016 г. и первое полугодие 2017 г. судами общей юрисдикции осуждены около 10 % лиц за преступления против правосудия, к которым в том числе относятся уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы, исправительных работ, штрафа и т. д. При этом если говорить об уровне преступности в Республике Беларусь, то на протяжении последних лет он практически не меняется и в среднем составляет около 1 тыс. зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек [4, с. 205]. Обозначенные показатели могут свидетельствовать о необходимости совершенствования деятельности по предупреждению преступлений всеми субъектами, осуществляющими работу в данном направлении.

Одной из мер, которая сможет повлиять на ситуацию с уровнем преступности в Республике Беларусь, как представляется, является наличие качественной криминологической характеристики личности лица, совершившего преступление либо административное правонарушение. При получении судами объективной характеристики личности преступника (особенно рецидивиста) возможно будет правильно вынести решение по уголовному делу с назначением необходимого вида наказания либо иной меры уголовной ответственности, что в целом способствует достижению целей уголовной ответственности. Так, органы и учреждения, исполняющие наказания, с самого начала отбытия срока наказания смогут определить оптимальный вариант сочетания форм и методов работы, с помощью которых будут формироваться положительные качества у осужденного, способствующие его исправлению.

Численность осужденных в отрядах составляет около 100 человек в зависимости от конкретного ИУ и различных обстоятельств (например, в случае производственной необходимости, когда формируются большие бригады для работы в цехах с большим количеством осужденных, присутствует перелимит численности спецконтингента в учреждении и др.). Следует отметить, что в последние четыре года растет численность осужденных к лишению свободы. Так, по статистике ДИН, на конец 2017 г. численность осужденных в учреждениях закрытого типа и заключенных под стражу была на 20,8 % больше, чем на конец 2013 г. При этом практически вся документация велась рукописным способом, так как в кабинетах у большинства начальников отряда отсутствуют персональные компьютеры (ПК). По данной причине на заполнение документации затрачивается большая часть рабочего времени, тем самым снижается количество времени на изучение личности осужденного, применение в отношении него средств исправления, форм и методов воспитательной работы.

Обозначенную проблему можно решить в случае обеспечения начальников отряда ПК в рабочих кабинетах. Активное развитие информационных технологий во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь, требует предоставления возможности сотрудникам ОВД работы на ПК. В этом случае определенные процессы смогут быть автоматизированными. К элементам автоматизации следует отнести следующие: проведение расчетов; уведомления о сроках предоставления на комиссию о решении вопросов об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания на более мягкое, необходимости проведения какого-либо мероприятия и т. д.; заполнение в постановлениях, протоколах, характеристиках, планах, справках данных, которые нет необходимости вводить вручную, и др.

При подключении в единую сеть всех компьютеров появится возможность оперативной отправки необходимой информации заинтересованным субъектам (например, от начальника отряда мастеру на производстве, из ИУ в областные управления, из одного ИУ в другое, из ИУ следователю и т. д.). Здесь стоит отметить возникновение определенных рисков доступа осужденных к информации, содержащейся в ПК. Однако, во-первых, определенный риск доступа к информации на бумажных носителях, хранящейся в кабинете у работников ИУ, путем взлома дверного замка присутствует и сейчас. Во-вторых, кабинеты начальников отряда закрываются, за поведением осужденных осуществляется круглосуточный контроль и надзор, используются способы и методы оперативно-розыскной деятельности и пр. В-третьих, современные средства защиты информации находятся на таком уровне, что можно организовать их конфиденциальность более успешно, чем документацию на бумажном носителе. Таким образом, возможности доступа к ПК у осужденных ограничены, и определенные все же остающиеся риски не снижают общего предполагаемого эффекта от автоматизации работы начальника отряда по ведению служебной документации.

Не менее опасным является в том числе и доступ к базе данных осужденных, в которую могут быть внесены изменения и исправления. Здесь стоит отметить, что для защиты от несанкционированного доступа следует устанавливать персональные пароли, периодически менять их. Можно предусмотреть сессионные ключи, которые будут храниться в ИУ, например, в помещении у дежурного помощника начальника учреждения. Одним из средств защиты информации является также установка вне ИУ сервера, где будет храниться вся информация, например, в помещении административного здания. Кабинеты начальника отряда следует оборудовать только мониторами и устройствами для ввода информации, предусмотрев отсутствие возможности переноса данных на съемные носители, и т. д.

Многие отмечают в качестве негативного фактора (может возникнуть в результате внедрения базы данных в деятельность ИУ) вовлечение сотрудника в неслужебные связи, результатом чего будет доступ осужденного к ПК, внесение изменений, влияющих на оперативную обстановку. Однако и в настоящее время присутствуют данные негативные явления единичного характера, существенным образом не влияющие на работу ДИН в целом.

Так, М.В. Губич задается вопросом: «почему, несмотря на все положительные перспективы, человеком не используются достижения IT-индустрии при обработке, представлении, хранении правовой информации?» [5, с. 58]. В этой связи, несмотря на определенные риски и сложности по обеспечению работников ИУ ПК в служебных кабинетах с подключением к сетям данных, пред-

полагаемый положительный эффект позволяет сделать вывод о том, что следует проводить работу в этом направлении.

Стоит также отметить, что информация о личности осужденного востребована не только сотрудниками ДИН. Например, при расследовании преступлений еще до вынесения приговора судом на обвиняемого следственными органами собираются отдельные сведения (характеристики с места работы, учебы, из учреждений, в которых ранее гражданин отбывал наказание). При вынесении решения судом также учитывается личность виновного, для чего суду необходимы опять же характеристики.

Определенный интерес представляет информация для оперативных подразделений, собираемая в ИУ о личности осужденного. Например, информация о связях осужденного (данные о родственниках, близких и иных лицах, с которыми он общался во время отбытия наказания посредством телефонных разговоров, писем, свиданий). Перед освобождением работниками ИУ выясняются намерения осужденного после освобождения (будет ли он совершать преступления, употреблять наркотики, спиртные напитки и т. д.). В случае своевременного получения данной информации возможно будет предупредить совершение гражданином нового преступления, а также найти и задержать лицо, объявленное в розыск.

В настоящее время в различных подразделениях ОВД осуществляется процедура изучения личности осужденного, результаты которой отражаются во всевозможных видах документации. По этой причине криминологическая информация разрознена и часто противоречива по объективным и субъективным факторам (разное отношение сотрудников к ведению документации, изменения поведения осужденных и подучетных лиц в зависимости от ситуации). Также имеют место случаи составления характеристик формально, без отражения объективных данных о личности осужденного. В случае внедрения общего для всех правоохранительных органов банка данных информации об осужденных, в который будут помещаться сведения, их характеризующие, данный негативный момент будет устранен.

Каждый сотрудник, занимающийся воспитательной работой с осужденным и подучетным лицом, сможет изучить прежнюю информацию, содержащуюся в банке данных, значимую для составления криминологического портрета личности. Таким образом, будет выбран оптимальный комплекс средств исправления, форм и методов воспитательной работы, которые будут влиять на позитивное изменение личности осужденного и подучетного, что в дальнейшем предупредит совершение им нового преступления.

Сходный комплекс работает в УИИ в виде подсистемы единого государственного банка данных о правонарушениях «Форма б УИИ»: внедрен в автоматизированную систему ведения единого государственного банка данных о правонарушениях. В данном программном комплексе вводятся следующие сведения: биографические данные на осужденного (пол, дата рождения, место жительства и т. д.), контрольные и розыскные мероприятия, результаты о проводимых воспитательных мероприятиях, связи с родственниками и иными лицами, место работы и учебы, сверка с другими базами данных, особые приметы (шрамы, татуировки и т. д.), признаки (наркоман, алкоголик, лицо, обязанное возмещать расходы на содержание детей, и т. д.), судимости, ограничения, установленные судом (запрет на посещение определенных мест, на нахождение в определенном времени по месту жительства и т. д.), поощрения и взыскания (допущенные нарушения), сведения о заключении под стражу, отработанное время и полученная заработная плата.

Вышеперечисленное наглядно показывает, что предлагаемая информация актуальна для ИУ и участковых инспекторов милиции, по причине чего оптимизации применительно к деятельности других правоохранительных органов практически не требуется. В случае работы с осужденными и подучетными лицами в рамках данного программного комплекса информация будет консолидирована, что позволит обеспечить полноту и достоверность сведений, своевременность их получения. Стоит отметить и экономическую составляющую: бюджетные средства на распечатку бланков на бумажном носителе не будут затрачиваться, снизятся временные затраты на ведение служебной документации путем автоматизации многих процессов, обеспечится быстрая передача данных без оплаты услуг почты, появится возможность проведения выборки, составления характеристик на осужденных и т. д. Введение данной автоматизированной системы – первый шаг к внедрению электронного дела осужденного в деятельности ДИН.

Активное использование информационных ресурсов, в которых будут содержаться данные об осужденных, позволит обеспечить изучение личности преступника. Эти данные смогут запрашивать ученые при проведении исследований без необходимости лично посещать правоохранительные органы на всей территории Республики Беларусь.

Важным итогом внедрения данного программного комплекса станет обеспечение соблюдения законности, что позволит контролировать как работу каждого сотрудника с осужденным и подучетным лицом вышестоящими начальниками всех уровней без непосредственного контакта с проверяемым, так и самому сотруднику предоставить возможность не пропустить определенные процессуальные и иные сроки, что может ущемлять права данных лиц.

Таким образом, изложенное обосновывает необходимость внедрения единого программного комплекса для всех правоохранительных органов Республики Беларусь в виде подсистемы единого государственного банка данных о правонарушениях «Автоматизированная система учета осужденных», в который субъекты воспитательного воздействия на осужденных и подучетных будут вводить сведения о лице, степени его исправления, что обеспечит составление объективных криминологических характеристик, позволяющих достичь целей уголовной ответственности и предупредить совершение новых преступлений, а также снизит финансовые затраты на ведение служебной документации, отправку информации и т. д.

Список использованных источников

1. Антонян, Ю.М. Криминология. Избранные лекции / Ю.М. Антонян. – М. : Логос, 2004. – 447 с.
2. Ананич, В.А. Введение в криминологию : лекции / В.А. Ананич. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 159 с.
3. Статистический банк данных МВД Республики Беларусь за 2017 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163>. – Дата доступа: 13.02.2018.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2017 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_8024/. – Дата доступа: 19.12.2017.
5. Губич, М.В. Формализация языка нормативных правовых актов как средство повышения их эффективности / М.В. Губич // Тр. Профсоюзы. О-во. – 2016. – № 4. – С. 57–60.

Дата поступления в редакцию: 08.01.18

V.S. Shabal, Candidate of Juridical Sciences, Lecturer at the Department of Legal Informatics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PROBLEMS OF PROVIDING TIMELINESS, COMPLETENESS AND RELIABILITY OF INFORMATION ABOUT THE PERSONALITY OF THE CONDEMNED

The problems of obtaining criminological information necessary in the activity of law enforcement bodies to prevent the commission of crimes are considered. The organization of maintenance of official documentation by employees of law-enforcement bodies is analyzed, which reflects information about the identity of the convicted person and the person in charge. The necessity of introducing a single software complex into the activity of law enforcement bodies of the Republic of Belarus in the form of a subsystem of a single state data bank on offenses "Automated system of registration of convicts" is substantiated.

Keywords: crime prevention, correction of convicts, automated data bank, criminological characteristics, software.

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 347.626

А.С. Бондаренко, ассистент кафедры правовых дисциплин факультета коммуникаций и права Минского инновационного университета
(e-mail: anna_april@icloud.com)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В XX СТОЛЕТИИ

На основе анализа нормативных правовых актов и положений правовой доктрины рассматривается правовое регулирование семейных отношений в советский период: от фрагментарного регулирования вопросов брака и семьи на уровне отдельных нормативных актов до принятия кодифицированных актов, комплексно регулирующих семейные отношения. Выявлена тенденция увеличения количества норм, регулирующих имущественные отношения супругов. Исследуется вопрос усиления вмешательства государства в сферу брачно-семейных отношений, что было вызвано отказом от господствовавшего в белорусском законодательстве в течение нескольких столетий принципа раздельности имущества супругов, введением режима общности имущества, а также исключением возможности его изменения брачным договором.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения, имущественные отношения, супруги, правовой режим имущества, имущественные сделки, брачный договор, алиментные обязательства.

Разработка основных теоретических проблем права представляется возможной только с учетом изучения и осмысления соответствующего исторического опыта. Данное утверждение относится и к отрасли семейного права. Использование историко-правового метода исследования позволяет установить некоторые закономерности формирования и выявить тенденции развития института имущественных отношений супругов в конкретный исторический период. Изучением рассматриваемого вопроса занимались многие ученые. В частности, М.В. Антокольская, В.П. Никитина, А.И. Пергамент, Н.В. Рабинович, В.А. Тархов, Е.А. Чефранова и др. исследовали проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов после Октябрьской революции и в советский период развития белорусского семейного права.

Сразу после Октябрьской революции был принят ряд декретов, регулирующих брачно-семейные отношения. Первый Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» был принят 18 декабря 1917 г.; второй «О расторжении брака» – 19 декабря 1917 г., но имущественные отношения супругов названные декреты не регулировали. Н.В. Рабинович указывала, что только некоторый беглый намек на необходимость защиты женщины, как экономически более слабой стороны, чаще всего зависимой материально от мужа, можно найти в Декрете о расторжении брака, который предписывает суду при рассмотрении дел о прекращении брака разрешать вопрос о том, должен ли муж помогать жене, должен ли муж участвовать в пропитании и содержании жены при неимении или недостаточности у нее средств и неспособности ее к труду [1].

Принятый в 1918 г. «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (КЗАГС) был призван исчерпывающим образом урегулировать все вопросы семейного права, всю область семейных отношений, однако задачу применительно к имущественным отношениям супругов не решил. Следует отметить, что КЗАГС сохранил существовавший в дореволюционном российском законодательстве правовой режим раздельности имущества

супругов (ст. 105) [2]. Независимо от того, когда имущество было приобретено (до брака или во время брака), оно признавалось раздельной собственностью каждого из супругов, и они не отвечали своим имуществом по долгам друг друга. Сохраняя за супругами полную имущественную независимость, закон предоставлял им право вступать между собой во все дозволенные законом имущественно-договорные отношения. Соглашения между супругами, направленные на умаление имущественных прав жены или мужа, признавались недействительными и не обязательными как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставлялось право в любой момент отказаться от их исполнения (ст. 106). КЗАГС охранял права и интересы нуждающихся (не имеющих прожиточного минимума и нетрудоспособных) супругов. Такой супруг имел право на получение содержания от другого супруга, если тот имел возможность оказывать ему поддержку (ст. 107). Уклоняющиеся супруги обязывались к выполнению своих обязательств отделами социального обеспечения, которые могли выносить специальные постановления о выдаче содержания, его размере и форме. За этими постановлениями, подлежавшими обжалованию в местный суд, по сути, признавалась сила судебных решений [3, с. 406]. В случае смерти обязанного супруга содержание выплачивалось из оставшегося после него имущества на равных основаниях с родственниками умершего, но предпочтительно перед требованиями кредиторов умершего. Право нуждающегося и нетрудоспособного супруга на получение содержания сохранялось и в случае прекращения брака (развода) до изменения условий, служащих основанием для получения содержания, т. е. фактически пожизненно.

Так, КЗАГС действовал на территории Беларуси вплоть до принятия 27 января 1927 г. первого в отечественной истории Кодекса законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО). Права супругов на имущество КЗоБСО БССР определил по-новому, признав имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, их раздельным имуществом. В отношении имущества супругов, нажитого в браке, был закреплен режим общности приобретений: «Имущество, нажитое супругами во время брака совместным трудом, считается принадлежащим обоим супругам на началах общей собственности в равных долях» (ст. 21). Таким образом, вслед за КЗоБСО РСФСР 1926 г. КЗоБСО БССР отказывается от принципа раздельности имущества супругов, а также исключает возможность изменения установленного законом режима имущества супругов посредством брачного договора, чем, по мнению М.В. Антокольской, поставило имущественные отношения в неоправданно жесткие рамки. Супруги лишались права выбрать для себя модель регулирования имущественных отношений, которая в наибольшей степени соответствовала их интересам. Страх перед возможными злоупотреблениями правом (в тот период это была прежде всего боязнь умаления имущественной свободы женщин) приводил на практике к еще более серьезному умалению их прав. Женщина не могла с помощью договора закрепить за собой право на часть имущества семьи и в случае развода не получала ничего [4, с. 66].

Изменение подхода законодателя к правовому регулированию имущественных отношений супругов и закрепление режима общности их имущества объяснялось заботой об обеспечении интересов женщины – домашней хозяйки, не имевшей самостоятельного источника доходов, и желанием законодателя защитить ее интересы в случае развода [5, с. 39]. Например, Е.А. Чефранова, напротив, объясняла избранную правовую регламентацию имущественных отношений в семье не заботой о правах женщины, а стремлением к установлению приоритета общественных форм и сужению до минимума частной сферы жизнедеятельности советских граждан. Свою позицию автор аргументировала демографическими и статистическими данными в совокупности с другими законодательными новеллами, в частности, простотой оформления развода в органах загса, причем без вызова второго супруга. Как указывала Е.А. Чефранова, 82 % населения СССР составляли сельские жители, а крестьянка не была и не могла быть неработающей женщиной-домохозяйкой, ее вклад в доход, а не заработок, крестьянской семьи был весомым и значительным. Неблагоприятные для неработающей женщины последствия развода как основание введения режима общности имущества супругов исследователь поставила под сомнение выводом о редкости разводов: «в 1926 г. на каждую тысячу мужчин в стране приходилось только 5 разведенных, а на каждую тысячу женщин – 12 разведенных (в 1989 г. этот показатель составлял соответственно 57 разведенных на тысячу мужчин и 85 на каждую тысячу женщин)» [6].

В отношении имущества, составляющего их раздельную собственность, КЗоБСО БССР, также как и КЗАГС, разрешал супругам вступать между собою во все дозволенные законом иму-

щественно-договорные отношения. Недействительными и необязательными к исполнению как третьими лицами, так и супругами признавались соглашения между супругами, направленные на умаление имущественных прав жены или мужа и их детей (ст. 24). Аналогичные положения были закреплены в ст. 13, 23 КЗоБСО РСФСР 1926 г. и, соответственно, по поводу целесообразности их закрепления в среде российских ученых была развернута определенная полемика. Н.В. Рабинович полагала, что с усилением начала общности интересов супругов в имущественных отношениях названная статья приобрела формальный характер, утратив практическое и теоретическое значение [1, с. 33]. Не возражая относительно возможности заключения сделок между супругами, Г.М. Свердлов полагал, что оснований для сохранения ст. 23 КЗоБСО не имеется, так как в судах не встречается дел о признании недействительными договоров, направленных на умаление прав супругов [7, с. 181]. Признавая, что круг договоров, заключаемых между супругами, действительно не широк, В.П. Никитина, тем не менее отстаивала позицию о том, что «вступление в брак не влечет за собой ограничения правоспособности супругов, и в этом смысле они, как и все граждане, вправе вступать во всякого рода сделки... Но супруги связаны особыми семейными отношениями, сделки между ними имеют определенную специфику, являясь проявлением не только гражданской, но и семейной правоспособности, а потому в законе должно быть оговорено право супругов на заключение сделок» [8, с. 57]. Далее первая точка зрения возобладала в российском законодательстве, в то время как белорусский законодатель не отказался от закрепления нормы о праве супругов на совершение между собой имущественных сделок.

В КЗоБСО БССР были урегулированы также имущественные обязательства супругов по взаимному содержанию (алиментированию). В частности, было закреплено право нуждающегося вследствие нетрудоспособности или безработицы супруга на получение от другого супруга содержания, если тот по своему имущественному положению был в состоянии его предоставить. Кроме того, жена имела право на содержание от мужа в период кормления грудью ребенка (ст. 22 КЗоБСО БССР). Размер содержания определялся в исковом порядке судом. В случае развода нуждающийся нетрудоспособный супруг сохранял право на получение содержания от другого супруга, если нетрудоспособность наступила во время состояния в браке, или хотя и после, но в связи с состоянием в браке (ст. 28 КЗоБСО БССР).

Следующий этап развития брачно-семейного законодательства связан с принятием Закона СССР от 27 июня 1968 г., которым были утверждены Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (далее – Основы). Основы установили общие принципиальные положения этой отрасли законодательства и были призваны непосредственно урегулировать только отношения, которые требовали единообразного разрешения по всей стране. Законодательство союзных республик (кодексы о браке и семье и другие законодательные акты) должны были регулировать все брачно-семейные отношения с учетом национальных, местных и иных особенностей и традиций каждой республики [9, с. 8]. После издания Основ союзные республики приступили к разработке своих кодексов.

Уже 13 июня 1969 г. Верховный Совет БССР утвердил КоБС БССР, вступивший в действие с 1 ноября 1969 г. Также (как и КЗоБСО БССР) КоБС БССР в качестве законного режима закреплял принцип общности имущества, нажитого супругами во время брака, который А.И. Пергамента характеризовала как в наибольшей степени соответствующий сущности семейной жизни: в здоровой, крепкой семье не может встать вопрос о твоём и моём имуществе. Где делятся вместе радости и горести, вместе переживают успех и неудачу каждого, все является общим, тем более имущество [10, с. 21]. Более того, Е.М. Ворожейкин говорил о необходимости признания всего имущества супругов (нажитого как до брака, так и в браке) их общим совместным имуществом, так как принцип раздельности прав собственности на добрачное и некоторое иное имущество, указанное в законе, не соответствует перспективам развития советской семьи и ее формированию [11, с. 61].

Так, КоБС БССР предоставил супругам равные права владения, пользования и распоряжения имуществом, составлявшим их общую совместную собственность. Доли супругов в имуществе признавались равными даже в случае, когда один из них не имел самостоятельного заработка по причине ведения домашнего хозяйства, ухода за детьми или по другой уважительной причине (ст. 21). Подтверждалось также право супругов на вступление между собой во все разрешенные законом имущественные сделки (ст. 26). Возможность изменения правового режима имущества

супругов посредством заключения брачного договора исключалась. Любой договор подобного рода считался ничтожным.

Анализ текста КоБС БССР позволяет утверждать, что он более детально урегулировал алиментные обязательства супругов. Нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг, а также жена в период беременности и в течение года после рождения ребенка имели право по суду получать содержание от другого супруга, если последний в состоянии был его предоставить (ст. 27). Эти права сохранялись и после расторжения брака: разведенный нуждающийся супруг также имел право на содержание, если он стал нетрудоспособным до развода или в течение одного года после расторжения брака. В том случае, если супруги длительное время состояли в брачных отношениях, суд мог взыскать алименты в пользу разведенного супруга и тогда, когда этот супруг достиг пенсионного возраста, не позднее пяти лет с момента расторжения брака. Жене предоставлялось право на получение содержания от мужа в период беременности и в течение года после рождения ребенка, если беременность наступила до расторжения брака (ст. 28). Отпадение условий, являющихся основанием для получения содержания, а также вступление разведенного супруга в новый брак влекло прекращение алиментного обязательства.

Значительное обновление семейного законодательства было осуществлено в связи с кардинальными изменениями в социально-экономической жизни страны в начале 90-х гг. XX в. Так, место «личной собственности» заняла «частная собственность» супругов (ст. 23 КоБС БССР), на смену колхозному двору как форме семейной общности пришло крестьянское (фермерское) хозяйство как юридическое лицо и самостоятельный субъект гражданского оборота. Это свидетельствовало о смене идеологических установок в белорусском обществе и решительном намерении возродить институт частной собственности как неизменный атрибут рыночной экономики. Однако присутствием советскому праву принцип общности имущества супругов остался неизменным.

Таким образом, можно отметить, что правовое регулирование семейных отношений в советский период прошло путь от фрагментарного регулирования вопросов брака и семьи на уровне отдельных законов до принятия кодифицированных актов, комплексно регулирующих семейные отношения. Соответственно, все большее внимание уделялось правовому регулированию имущественных отношений супругов, включающих отношения по поводу заключения сделок между супругами, находящегося в их собственности имущества, взаимных алиментных обязательств. Отказ от господствовавшего в белорусском законодательстве в течение нескольких столетий принципа раздельности имущества супругов и введение режима общности имущества, исключение возможности изменения установленного законом режима имущества посредством брачного договора свидетельствовали об усилении вмешательства государства в сферу брачно-семейных отношений, отсутствии свободы договора и отрицании частной собственности.

Список использованных источников

1. Рабинович, Н.В. Личные и имущественные отношения в советской семье / Н.В. Рабинович. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1952. – 160 с.
2. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. – Изд. 2-е. – Л. ; М. : Рабочий Суд, тип. газ. «Вестн. Ленингр. Совета». – 1926. – 79 с.
3. Генкин, Д.М. История советского гражданского права / Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович. – М. : Полиграфкнига. – 1949. – 544 с.
4. Антокольская, М.В. Семейное право : учебник / М.В. Антокольская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Юрист, 2002. – 336 с.
5. Тархов, В.А. Советское семейное право / В.А. Тархов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1963. – 104 с.
6. Чефранова, Е.А. Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве / Е.А. Чефранова // История государства и права. – М. : Юрист, 2006. – № 11. – С. 19–22.
7. Свердлов, Г.М. Советское семейное право : учебник / Г.М. Свердлов. – М. : Госюриздат, 1958. – 299 с.
8. Никитина, В.П. Имущество супругов / В.П. Никитина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – 77 с.
9. Законодательство о браке и семье и практика его применения (к 20-летию Основ и КоБС РСФСР) : сб. ст. – Свердловск, 1989. – 150 с.
10. Пергамент, А.И. Основы законодательства о браке и семье / А.И. Пергамент. – М. : Знание, 1969. – 80 с.
11. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. – М. : Юрид. лит., 1972. – 336 с.

Дата поступления в редакцию: 11.01.18.

A.S. Bondarenko, Assistant at the Department of Legal Disciplines of the Faculty of Communications and Law
LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE XX CENTURY

Based on the analysis of normative legal acts and the provisions of legal doctrine, the author of the article justifies the conclusion that the legal regulation of family relations in the Soviet period has passed from fragmentary regulation of marriage and family issues at the level of separate normative acts to the adoption of codified acts that regulate family relations. The tendency of increase in quantity of the norms regulating property relations of spouses is revealed. The rejection of the principle of separating the property of spouses that dominated Belarusian legislation for several centuries, the introduction of a regime for the community of property, as well as the exclusion of the possibility of its modification by a marriage contract, attests to increased state interference in the sphere of marriage and family relations.

Keywords: marital relations, property relations, spouses, legal regime of property, property transactions, marriage contract, maintenance obligations.

УДК 347.25

Е.В. Ермоленко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: evgerms4@gmail.com)

ПРАВО ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Анализируются правовые основания возникновения права оперативного управления в системе ОВД Республики Беларусь. Рассматриваются особенности осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, закрепленным за юридическими лицами, обладающими правом оперативного управления в рамках осуществления правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: учреждение, казенное предприятие, вещные права, право собственности, ограниченные вещные права, право оперативного управления, правомочия владения, пользования, распоряжения.

Одна из составляющих гражданского права – вещное право, суть которого заключается в том, что субъект этого права удовлетворяет свои интересы, непосредственно воздействуя на вещь, находящуюся в сфере его деятельности. В систему вещных прав Республики Беларусь входят право собственности и иные вещные права, предусмотренные ст. 217 Гражданского кодекса Республики Беларусь, к которым, в частности, относится и право оперативного управления.

Собственность в Республике Беларусь согласно п. 1 ст. 213 ГК может быть государственной и частной. Субъектами права собственности (п. 2, 3 ст. 213 ГК) являются Республика Беларусь, ее административно-территориальные единицы, негосударственные юридические и физические лица.

Имущество, находящееся в государственной собственности, может закрепляться за государственными юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (ст. 216 ГК).

Право оперативного управления – достаточно молодой правовой институт для права Беларуси и России. В российской цивилистике названное право неоднократно становилось предметом научных исследований в работах Б.С. Мартынова (1924 г.), А.В. Венедиктова (1928, 1947, 1948, 1961 гг.), М. Липецкера (1935 г.), Ю.К. Толстого (1955, 1962, 1987, 1988 гг.), В.П. Шкредова (1967 г.), А.И. Беспалова (1969 г.), С.М. Корнеева (1971 г.), В.С. Якушева (1973 г.), Э.Г. Полонского (1980 г.), И.У. Жанайдарова (1988 г.), О.С. Иоффе (1989 г.), В.К. Андреева (1993 г.), О.А. Хатунцева (1998 г.), Д.В. Петрова (2002 г.), А.В. Плюты (2005 г.) и др. В белорусской юридической литературе вопросы, связанные с данным правом, цивилистами исследуются поверхностно. В работах, посвященных в основном праву собственности, только в общем виде отражены особенности реализации правомочий субъектами права оперативного управления. По этой причине изучение правовых основ возникновения исследуемого вещного права, пределов осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения, защиты вещных прав субъектов права оперативного управления действительно выступает актуальным направлением юридической науки и требует освещения.

Представляется, что достижение поставленной цели будет иметь наибольший практический интерес, если будут отражены особенности института права оперативного управления в деятельности системы ОВД Республики Беларусь.

Впервые законодательное закрепление право оперативного управления получило в Основах гражданского законодательства СССР 1961 г. Разработка конструкции права оперативного управления на доктринальном уровне принадлежит А.В. Венедиктову и заключается в том, что социалистическое государство является единым и единственным субъектом права собственности как права присвоения в отношении всех государственных имуществ [1, с. 322]. Государственные юридические лица (социалистические госорганы) наделяются государством на передаваемое им имущество правом оперативного управления, т. е. определенными правомочиями по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом, осуществляемыми не своей властью и не в своем интересе, но властью, предоставленной государством и в интересах государства [1, с. 591].

Правовой основой данной теории послужила концепция разделенной собственности или концепция «двух прав на один объект», известная со времен идей средневековых глоссаторов.

Таким образом, как отмечает Д.В. Петров, в советский период этот институт изначально предполагался как правовой механизм управления имуществом государственного собственника [2, с. 10], который впоследствии стал основой для создания института права хозяйственного ведения (ранее – право полного хозяйственного ведения).

В настоящее время в Республике Беларусь субъектами права оперативного управления в соответствии с п. 1 ст. 277 ГК могут быть только строго определенные юридические лица: республиканское унитарное предприятие (казенное предприятие), относящееся к категории коммерческих организаций; учреждение, относящееся к некоммерческим организациям; государственное объединение, относящееся к категории некоммерческих организаций, за исключением случаев принятия в соответствии с законодательством решений о признании их коммерческими организациями.

ОВД – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них действующим законодательством республики (ст. 1 Закона от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних Республики Беларусь»). Данная структура действует по поручению и от имени государства, которое наделяет ее властными полномочиями, необходимыми для выполнения поставленных задач. Систему ОВД образуют: организационно – МВД (центральный аппарат); территориальные ОВД; учреждения образования и организации здравоохранения, созданные для обеспечения выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел; функционально – милиция; подразделения по гражданству и миграции; подразделения охраны; подразделения финансов и тыла; органы и учреждения уголовно-исполнительной системы (ст. 11 Закона об ОВД). Все организации, входящие в систему ОВД, являются юридическими лицами, имеют печать с изображением Государственного герба Республики Беларусь и со своим наименованием.

В соответствии с п. 6 Положения «О Министерстве внутренних дел Республики Беларусь», утвержденном Указом Президента от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел» (далее – Указ № 611), имущество МВД является собственностью Республики Беларусь и закрепляется за ним на праве оперативного управления.

Анализ перечня государственных организаций, подчиненных МВД (его департаментам), утвержденного Указом № 611, позволяет сделать вывод, что организационно-правовыми формами юридических лиц системы ОВД являются республиканское унитарное предприятие (казенное предприятие) и учреждение.

Собственником имущества, находящегося в оперативном управлении казенного предприятия, может быть только Республика Беларусь (ст. 115 ГК). В свою очередь, собственником учреждения – любые субъекты права собственности: Республика Беларусь, административно-территориальные единицы, юридические и физические лица (ст. 120 ГК).

Учреждения и республиканские унитарные предприятия ОВД не являются собственниками переданного им имущества, которое на праве оперативного управления закрепляется за ними,

числится на балансе и используется в их деятельности для достижения поставленных целей. Как отмечает А.В. Плюта, юридические лица системы ОВД «обладают специальной правоспособностью, перед которыми учредитель – государство ставит многие социально-экономические задачи, связанные с решением ключевых общенациональных проблем» [3, л. 158]. Финансовое и материально-техническое обеспечение ОВД осуществляется за счет средств республиканского бюджета и иных источников, предусмотренных законодательством Республики Беларусь (ст. 43 Закона об ОВД).

Правовой режим имущества, закрепленного за субъектами права оперативного управления, устанавливается общими и специальными нормами гражданского законодательства. Так, в соответствии с п. 1 ст. 277 ГК предусмотрено, что такие субъекты, в отношении закрепленного за ними имущества осуществляют в пределах, установленных законодательством, а также в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества права владения, пользования и распоряжения им. Собственник имущества, закрепленного за казенным предприятием, учреждением на праве оперативного управления, вправе изъять лишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 277 ГК).

Анализ вышеуказанных правовых норм позволяет сделать вывод о том, что правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом, закрепленным за субъектами права оперативного управления, являются ограниченными, так как реализуются в пределах, предусмотренных законодательством, заданиями собственника и назначением имущества.

Кроме того, под такие ограничения подпадают все правомочия, составляющие содержание права оперативного управления, в том числе и правомочие владения.

Правомочие владения реализуется учреждениями ОВД путем фактического обладания и закрепления переданного имущества на самостоятельном балансе. Ограниченный характер рассматриваемого правомочия часто подвергался критике. Так, например, отмечается что правомочие владения либо есть, либо его нет, оно не может быть ограниченным. В связи с чем предлагается изменить формулировку п. 1 ст. 277 ГК и изложить ее в следующей редакции: «Казенное предприятие, учреждение или государственное объединение, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, в отношении закрепленного за ними имущества осуществляют права владения, а в пределах, установленных законодательством, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества, – права пользования и распоряжения им».

Реализация правомочия пользования имуществом, закрепленным за юридическими лицами системы ОВД, предопределяется целями, возложенными на них законодательством и учредительными документами. Как правило, такие цели носят некоммерческий характер и преследуют какой-либо государственный или общественный интерес.

Правомочие распоряжения осуществляется в следующем порядке. Так, казенное предприятие вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом лишь с согласия собственника этого имущества. Казенное предприятие вправе передавать в залог имущество, находящееся в государственной собственности, в порядке, установленном законодательными актами о распоряжении государственным имуществом, если иное не предусмотрено Президентом Республики Беларусь, в частности, в соответствии с Указом Президента от 4 июля 2012 г. № 294 «О порядке распоряжения государственным имуществом». Также казенное предприятие имеет право самостоятельно реализовывать товары (работы, услуги), если иное не установлено законодательством. Порядок распределения доходов казенного предприятия определяется собственником его имущества.

Что касается учреждения, то оно не вправе без согласия собственника отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом и имуществом, приобретенным за счет выделенных ему средств, если иное не установлено гражданским законодательством. Вступить в залоговые правоотношения учреждение вправе в порядке, установленном законодательными актами о распоряжении государственным имуществом, если иное не предусмотрено Президентом Республики Беларусь, а в отношении имущества, находящегося в частной собственности, – с согласия собственника этого имущества либо уполномоченного им лица.

Если в соответствии с учредительными документами учреждению предоставлено право осуществлять приносящую доходы деятельность, то полученные от такой деятельности доходы и приобретенное за счет их имущество поступают в самостоятельное распоряжение учреждения и учитываются на отдельном балансе (отдельно в книге учета доходов и расходов), если иное не предусмотрено законодательством.

Так, учреждение ОВД в лице начальника, получив дополнительные доходы от разрешенной деятельности, должно самостоятельно решать, на какие нужды их направить, и в каком количестве, а не в соответствии с заданиями собственника и назначением этого имущества. В этой связи лишение возможности распоряжения рассматриваемым имуществом может привести к ограничению возможности самофинансирования, а при отсутствии нормального финансирования со стороны собственника – учредителя (особенно государства) такое ограничение может иметь фатальные последствия для самих учреждений системы ОВД [4, л. 58–66].

Приобретение права оперативного управления на имущество определяется моментом передачи такого имущества казенному предприятию или учреждению (п. 1 ст. 280 ГК). По общему правилу основанием закрепления имущества является распоряжение о передаче имущества и постановке имущества на баланс учреждения.

Плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в оперативном управлении, а также иное имущество, приобретенное казенным предприятием и учреждением, поступают в оперативное управление таких лиц. Право собственности на эти плоды, продукцию, доходы и имущество приобретает собственник имущества указанных юридических лиц.

Право оперативного управления имуществом прекращается по основаниям и в порядке, предусмотренным законодательными актами для прекращения права собственности, а также в случаях правомерного изъятия имущества у казенного предприятия и учреждения по решению собственника. Особенностью данного права является право следования за «судьбой» имущества. Так, при переходе права собственности на имущество учреждения к другому лицу это учреждение сохраняет право оперативного управления на закрепленное за ним имущество. Однако право следования не присуще праву оперативного управления казенного предприятия, что в принципе противоречит самой сути такого юридического лица, так как собственником его имущества может выступать только Республика Беларусь.

Правовая защита вещных прав субъектов права оперативного управления осуществляется на основании гл. 20 ГК. Так, казенные предприятия и учреждения системы ОВД вправе использовать все возможные способы защиты своих гражданских прав. Согласно ст. 286 ГК такие лица имеют право на защиту владения также против собственника.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы и предложения:

организационно-правовыми формами юридических лиц системы ОВД являются республиканское унитарное предприятие (казенное предприятие) и учреждение;

учреждения и республиканские унитарные предприятия ОВД не являются собственниками переданного им имущества. Данное имущество за рассматриваемыми юридическими лицами закрепляется на праве оперативного управления;

предлагается законодательно закрепить положение о недопустимости ограничения правомочия владения субъектов права оперативного управления, изменив формулировку п. 1 ст. 277 ГК.

Список использованных источников

1. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 840 с.
2. Петров, Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления : монография / Д.В. Петров. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 359 с.
3. Плюта, А.В. Право оперативного управления в учреждениях органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.В. Плюта. – СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2005. – 183 л.
4. Ручкина, Г.Ф. Гражданская правосубъектность органов внутренних дел: организационно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Г.Ф. Ручкина : 12.00.03 ; Акад. упр. МВД России. – М., 1997. – 180 л.

Дата поступления в редакцию: 10.09.17

E.V. Ermolenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of a Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE RIGHT OF OPERATIONAL MANAGEMENT IN SYSTEM OF RIGHTS IN REM OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF REPUBLIC OF BELARUS

In article legal grounds of emergence of the right of operational management in system of internal affairs bodies of Republic of Belarus are analyzed. Features of implementation of competences of possession, use and the order of the property assigned to the legal entities having rights of operative administration within implementation of law-enforcement activity are considered.

Keywords: establishment, fiscal enterprise, rights in rem, ownership right, limited rights in rem, right of operative administration, competence of possession, use, order.

УДК 342.9

С.Г. Луговский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: 1482370@mail.ru)

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассматривается нормативное правовое регулирование деятельности по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД. Анализируется зарубежное законодательство и ответственность, предусмотренная на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Изучается механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД в судебных органах. Предлагается авторское видение процедуры совершенствования защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД.

Ключевые слова: защита чести и достоинства сотрудников ОВД, деловая репутация сотрудников ОВД, ОВД, истец, средства массовой информации, интернет, суд.

Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан наряду с защитой жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов – одна из основных задач ОВД. Их деятельность открыта для общества настолько, насколько это не противоречит требованиям законодательства Республики Беларусь, при этом основополагающими принципами деятельности ОВД являются законность, гласность, уважение и соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан. Право сотрудников ОВД на защиту чести, достоинства и деловой репутации – их конституционное право, а деловая репутация – одно из условий успешной деятельности. Проблема нарушения чести, достоинства и деловой репутации сотрудников правоохранительных органов в средствах массовой информации в настоящее время очень актуальна. Рассматривая право на защиту чести, достоинства и деловой репутации, важно отметить, что служба в ОВД – особый вид государственной службы. Так, при выполнении функциональных обязанностей сотрудники ОВД часто сталкиваются с посягательствами на их честь, достоинство и деловую репутацию. По мнению С.С. Киселева, уникальность МВД среди других органов государственной власти состоит в том, что органы правопорядка чаще других напрямую контактируют с гражданами, и именно сотрудники органов внутренних дел с учетом их широкого круга властных полномочий сталкиваются с постоянным противодействием [1, с. 238]. Также следует иметь в виду, что особенности правового статуса сотрудника заключаются в том, что при прохождении службы он наделяется широким кругом полномочий, что обеспечивается законодательно закрепленной системой правовых гарантий. При этом важно отметить, что согласно Закону от 17 июня 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел» сотрудник ОВД при исполнении служебных обязанностей является представителем власти и находится под особой защитой государства. И вообще обо всей милиции, ее сотрудниках судят по работе отдельного сотрудника, его нравственно-профессиональным качествам. В связи с этим особое реагирование государства на любое посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию сотрудника ОВД в частности и деловую репутацию органов

в целом, приобретает весомое значение, так как способствует прекращению процессов дестабилизации в стране и укреплению государственной власти. Следовательно, дискредитация сотрудника ОВД как представителя власти не может не отражаться на авторитете ОВД. Таким образом, любые противоправные действия, связанные с риском для жизни сотрудника милиции, автоматически посягают на интересы государства.

Иными словами, можно сказать, что никто не вправе нарушать достоинство личности, а также каким-либо образом посягать на честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников ОВД.

В Республике Беларусь систему правовых средств борьбы с правонарушениями, объектом посягательства которых является честь, достоинство и деловая (профессиональная) репутация должностного лица (в том числе сотрудника ОВД), деловая репутация государственного органа (в том числе ОВД), составляют следующие меры уголовной и административной ответственности: ст. 188 «Клевета», 189 «Оскорбление», 369 «Оскорбление представителя власти» УК Республики Беларусь; ст. 9.2 «Клевета», 9.3 «Оскорбление», 23.5 «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий» КоАП Республики Беларусь.

В зарубежном законодательстве (некоторые штаты США) оказание полицейским сопротивления, в том числе их оскорбление или нападение на них, является преступлением и влечет за собой штраф в размере от 5 тыс. до 10 тыс. долларов или тюремное заключение сроком от 3 до 10 лет. В законодательстве стран Европы содержатся особые наказания за клевету и оскорбление в отношении полицейских. Так, в Великобритании правонарушения, посягающие на честь, достоинство и репутацию должностных лиц полиции, лицо, вступившее в спор с полицейским, который попытался пресечь нарушение порядка, может быть обвинено в оскорблении и неповиновении полиции и привлечено к ответственности в виде тюремного заключения на срок до двух месяцев. Например, в Италии за публичное оскорбление сотрудника полиции предусмотрено лишение свободы на срок до 3 лет. Во Франции за устное оскорбление полицейских, находящихся при исполнении служебных обязанностей, виновные наказываются лишением свободы на срок от 15 дней до трех месяцев или штрафом от 300 до 500 евро. В ФРГ за клевету и оскорбление в отношении полицейского предусмотрено лишение свободы на срок до 5 лет или штраф. Кроме того, за устное оскорбление полицейского, несущего патрульную службу на автомобильных дорогах, штраф составляет от 250 до 4 тыс. евро, размер суммы штрафа зависит от тяжести правонарушения и доходов виновного, а исчисляется в судебном порядке.

Следует отметить, что право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации закреплено во Всеобщей Декларации прав человека, принятой и провозглашенной резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г.

Так, право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации закреплено в ст. 25 Конституции Республики Беларусь: государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Таким образом, достоинство человека подлежит защите. А уже в ст. 28 Конституции закреплено, что каждый имеет право на защиту от посягательства на его честь и достоинство, гарантия на которую закреплена в ст. 60 Конституции: каждому гарантируется защита его прав и свобод в суде. В свою очередь, сотрудникам ОВД гарантировано обращение для обеспечения и восстановления нарушенных прав в соответствующие государственные органы, в том числе и судебные. В связи с этим указанная норма Конституции предоставляет право сотруднику ОВД отстаивать свои законные права на честь и достоинство, и этот аспект является важным в системе гарантий правовой защиты в системе ОВД. Перечисленные гарантии представляют собой предусмотренные законодательством юридические средства, механизмы и процедуры, обеспечивающие эффективное исполнение сотрудниками ОВД возложенных на них обязанностей на высоком профессиональном уровне. Честь, достоинство личности и деловая репутация – неотчуждаемые качества человека, которыми тот обладает безотносительно к собственному статусу, заслугам, финансовым возможностям. Это одно из тех нематериальных благ (ст. 151 ГК), принадлежащих человеку от рождения, и оно неотчуждаемо и непередаваемо. Унижение достоинства личности и распространение ложных сведений, порочащих его, являются административными правонарушениями.

В словаре С.И. Ожегова понятие «честь» трактуется как моральные качества человека, его соответствующие принципы [2, с. 882]. Вместе с тем «достоинство» – совокупность высоких моральных

качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [4, с. 177]. Необходимо отметить, что А.А. Власов выделяет два аспекта понятия чести: внешний (объективный) и внутренний (субъективный). Внешняя сторона чести, по мнению ученого, заключается в признании и уважении заслуг личности со стороны общества и является ее репутацией, добрым именем, нашедшим выражение в высоком мнении окружающих, т. е. внешняя оценка чести тесно связана с понятиями «репутация», «доброе имя», «престиж». Внутренняя сторона чести заключается в способности человека оценивать свои действия и поступки, осознавать свою честь, репутацию.

Кроме того, с целью защиты своих прав, свобод, чести и достоинства сотрудники ОВД вправе взыскать с ответчика в судебном порядке, как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда. Согласно ч. 1 ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. При этом опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом».

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июня 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» органы внутренних дел или его сотрудник вправе потребовать от редакции опровержения распространенных в средстве массовой информации сведений, не соответствующих действительности. Так, сотрудник ОВД вправе потребовать от юридического лица, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, или владельца информационного ресурса (его составной части), размещенного в интернете, опровержения распространенных сведений, если эти сведения не соответствуют действительности и порочат его честь, достоинство или деловую репутацию. При этом опровергаемое информационное сообщение или материал подлежат удалению.

Вместе с тем сотрудник ОВД для опровержения указанных сведений, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, может обратиться в судебные органы и требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением. Следует отметить, что сотрудник ОВД сам должен выбрать способ защиты чести, достоинства и деловой репутации при обращении в различные государственные органы. Здесь видится возможным привлечение виновного к административной или уголовной ответственности, либо вопрос может быть переведен в плоскость гражданско-правовых отношений. Отметим, что с правовой точки зрения, если распространенная ложная информация включала не только сведения о должностном лице, но и о его принадлежности к определенному органу власти, в конечном счете, речь может идти и о причинении вреда деловой репутации государственной организации. Исходя из этого, такие материалы рассматриваются преимущественно в гражданско-правовом порядке.

В случае распространения в средствах массовой информации сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию ОВД, ответчиками будут выступать: автор и редакция соответствующего СМИ, если оспариваемые сведения были распространены в средствах массовой информации; авторы не соответствующих действительности, порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения; лицо, являющееся источником распространения сведений; редакция соответствующего средства массовой информации, т. е. организации; физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющие производство и выпуск данного СМИ при опубликовании или ином распространении не соответствующих действительности порочащих сведений без обозначения имени автора. Необходимо отметить, что если редакция СМИ не является юридическим лицом, то к участию в деле в качестве ответчика может быть привлечен учредитель данного СМИ.

В этой связи для защиты чести, достоинства и деловой репутации для опровержения ложных сведений необходимо соблюдение трех условий: они должны быть порочащими; распространены; не должны соответствовать действительности.

Итак, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь порочащие сведения не соответствуют действительности, умаляют честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных граждан, юридических лиц с точки зрения соблюдения законов, норм мора-

ли, обычаев. Например, сведения о нечестности, невыполнении профессионального долга, недостойном поведении в трудовом коллективе, семье.

Как представляется, доказывание истцом по таким делам заключается в следующем порядке: истец должен доказать в суде факт распространения сведений; факт их распространения лицом, к которому предъявлен иск; порочащий истца характер таких сведений. В том случае, когда сотрудником ОВД, в отношении которого средством массовой информации опубликованы соответствующие действительности сведения, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, оспаривается отказ редакции средства массовой информации опубликовать его ответ на данную публикацию, истец обязан доказать, что распространенные сведения ущемляют его права и охраняемые законом интересы. Ответчик доказывает соответствие таких сведений действительности. Важно отметить, что исковое заявление должно быть надлежащим образом оформлено, т. е. содержать реквизиты, предусмотренные в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Кроме того, исковое заявление подается в суд в письменной форме. При подаче заявления сотруднику ОВД, обращающемуся в суд за защитой нарушенных прав, в исковом заявлении необходимо указать: наименование суда, в который подается заявление; наименование истца, его место жительства, наименование представителя и его адрес, если заявление подается представителем; наименование (фамилия, имя, отчество) ответчика, а именно редакции или физического лица и его местонахождение, место жительства; указать обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие изложенные истцом обстоятельства; требования истца; перечень прилагаемых к заявлению документов.

Проведенный анализ ч. 1 ст. 153 ГК Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что при защите указанных прав действует презумпция, согласно которой именно распространитель обязан доказать, что распространяемые им порочащие сведения соответствуют действительности. Истцу остается доказать только сам факт распространения подобных сведений, то есть к исковому заявлению необходимо приложить вырезку (копию вырезки) из соответствующего периодического издания. В случае если порочащие сведения были транслированы по телевидению или радио, то следует запомнить: дату и время выхода передачи в эфир; название передачи; канал, по которому шла трансляция. В связи с этим следует отметить, что сотрудники ОВД при разрешении в суде своих дел обладают равными с другими гражданами правами.

Статистические данные свидетельствуют о том, что по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД в белорусской судебной практике немного. По выявленным фактам дискредитации сотрудники часто не обращаются в суд для опровержения порочащих сведений, что обусловлено загруженностью сотрудника, не имеющего свободного времени; малозначительностью деяния, громоздкостью и длительностью процедуры, необходимой для судебного рассмотрения и разрешения спора; неприятностью самой процедуры, в ходе которой выясняются моральные качества, деловая репутация сотрудника, соответствие порочащих сведений действительности. Но следует сказать и об обратном: сотрудники ОВД при защите нуждаются прежде всего в поддержке коллег, не желают тратить личное время и деньги на судебные разбирательства. Кроме того, в суде сотрудник ОВД должен доказать, что эти заявленные сведения умаляют честь и достоинство личности. Согласно практике в большинстве случаев при обращении в суд за защитой чести и достоинства судебные решения выносятся в пользу сотрудников с последующим опровержением порочащих сведений в СМИ. Так, например, в феврале прошедшего года в г. Молодечно на местном интернет-портале была размещена публикация, порочащая честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников ДПС ГАИ по вопросам, связанным с незаконным привлечением водителя к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь. По решению суда Молодечненского района портал и автор сообщения написали опровержение путем публикации резолютивной части решения суда, а также и материально компенсировали сотруднику ДПС ГАИ моральный вред и выплатили денежную компенсацию в размере 300 белорусских рублей и покрыли расходы на уплату госпошлины.

Также в октябре 2017 г. жителем Бобруйска на интернет-сайте был размещен видеоролик в саркастической форме о совершении сотрудниками ОВД УВД Могилевского облисполкома тяжкого преступления. В результате происшедшего в суде Бобруйского района и Бобруйска на-

чалось рассмотрение гражданского дела по исковому заявлению о защите чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц УВД Могилевского облисполкома и УВД Бобруйского горисполкома. В ходе судебного заседания было установлено, что после нескольких вопросов гражданин, разместивший указанные сведения, отказался от дачи показаний [3, с. 4].

Следует отметить, что в деятельности сотрудников ОВД подобные случаи не единичны (анонимные письма, жалобы в различные государственные органы, ОВД, ГУСБ МВД, прокуратуру, судебные органы, размещение сведений на интернет-сайте и т. д.). Вместе с тем использование механизмов судебной защиты предполагает длительный временной промежуток между появлением в СМИ порочащей информации и вынесенным судебным решением. В этой связи может пройти несколько месяцев с того момента, как сведения получили огласку, до их опровержения. Обычно за этот период формируется негативное общественное мнение о сотруднике ОВД и деятельности ОВД, а к появлению опровержения в СМИ данная информация будет неактуальной. В связи с этим указанные проблемы приводят к эмоциональному выгоранию, влияют на дальнейшее прохождение службы сотрудников ОВД (лишение премиальной доплаты, непродление контракта или продление контракта на непродолжительный срок, приостановление карьерного роста), что в целом негативно сказывается на репутации данного ведомства.

Таким образом, для организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД видится необходимым соответствующим подразделениям в ОВД (отдел анализа и контроля служебной дисциплины, Управление воспитательной работы, анализа и контроля служебной дисциплины и ГУСБ МВД) выявлять сведения, не соответствующие действительности либо ущемляющие права и законные интересы сотрудников ОВД, а также органов и подразделений внутренних дел, распространенных в средствах массовой информации; проводить проверки изложенных в публикациях СМИ сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников ОВД, а также деловую репутацию ОВД; принимать меры реагирования на распространенные в СМИ не соответствующие действительности сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию или ущемляющие права и законные интересы сотрудников ОВД.

Кроме того, по фактам распространения в СМИ, интернете и иными способами недостоверной информации и сведений, порочащих честь и достоинство сотрудников ОВД, деловую репутацию, необходимо проводить проверки. На этом основании при подтверждении данных о распространении не соответствующих действительности сведений либо иных сведений, ущемляющих права и законные интересы сотрудников ОВД, работников, будут приняты меры правовой защиты по опровержению распространенной в отношении подчиненного подразделения недостоверной информации, оказана правовая помощь сотрудникам и работникам в опровержении распространенной в отношении их недостоверной информации.

Таким образом, важно еще раз подчеркнуть, что появляющаяся в СМИ информация и сведения, порочащие честь и достоинство сотрудников ОВД как представителей власти, свидетельствуют о необходимости развития и совершенствования правовой защиты сотрудников ОВД от дискредитации в материалах, размещенных в интернете.

Список использованных источников

1. Кисилев, С.С. Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право, 2012. – № 3. – С. 238.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : ок. 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. На страже // Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь № 44 от 3 ноября 2017 г.

Дата поступления в редакцию: 26.01.18

S.G. Lugovskiy, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF CO-WORKERS OF INTERNAL ORGANS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

The article deals with the regulatory and legal regulation of activities to protect the integrity, dignity and business reputation of employees of law enforcement bodies. Analyzes foreign legislation and responsibility for protecting the honor, dignity and business reputation of the police. The mechanism of protection of honor, dignity and business reputation of employees of law-enforcement bodies in judicial bodies is shown. The ways of improving the protection of honor, dignity and business reputation of employees of law enforcement bodies are suggested.

Keywords: protection of honor and dignity of employees of law enforcement bodies, goodwill of employees of law enforcement bodies, internal affairs bodies, plaintiff, mass media, Internet, court.

УДК 346.34

В.В. Паращенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: victor1770@yandex.ru)

СОГЛАШЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Рассматриваются отдельные вопросы, связанные с общей характеристикой соглашения о государственно-частном партнерстве (ГЧП) как способе осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь. Анализируется инвестиционное законодательство, публикации ученых; обосновывается практическая значимость существенных характеристик договора о ГЧП, заключающееся в том, что в совокупности составные ее элементы позволяют отграничивать данный вид обязательства от схожих.

Ключевые слова: инвестиционное законодательство, договор о ГЧП, государственный партнер, частный партнер.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (ч. 1, 3 п. 50) закреплено поддержание долгосрочной макроэкономической стабильности посредством структурной перестройки экономики Республики Беларусь на основе прямых иностранных инвестиций как необходимое условие нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в экономической сфере. Для обеспечения обозначенного вопроса особое значение имеет последовательное стимулирование деловой активности, нацеленное на преодоление монополизма и развитие конкуренции в экономических отношениях, поощрение предпринимательской инициативы и формирование ГЧП.

В настоящее время в Республике Беларусь идет процесс реформирования инвестиционного законодательства, в связи с чем принимаются новые нормативные правовые акты, продумываются новые формы организации инвестиционной деятельности. Подтверждением может служить принятый Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-3 «О государственно-частном партнерстве» (Закон о ГЧП), направленный на привлечение инвестиций в экономику страны и предусматривающий современную форму организации совместного ведения бизнеса.

Так, ГЧП получило широкое развитие не только в странах-флагманах современной мировой экономики (США, Великобритания, Германия, Израиль и др.), но и на территории отдельных стран постсоветского пространства. Здесь к числу наиболее перспективных проектов сотрудничества следует отнести строительство скоростной городской магистрали в Санкт-Петербурге – Западного скоростного диаметра, строительство скоростной платной автодороги М-11 «Москва – Санкт-Петербург», строительство мостов через реку Лена в Якутии, реку Кама и Буй в Удмуртии и т. д.

Первым пилотным проектом ГЧП в Республике Беларусь является реконструкция автомобильной дороги М-10 на границе Российская Федерация – Гомель – Кобрин (начал реализовываться в 2017 г.). К числу перспективных проектов ГЧП Беларуси также следует отнести и строительство Бешенковичской ГЭС, и мусороперерабатывающего завода в Бобруйске, и детских дошкольных учреждений в регионах Минской области, и др.

Если говорить об опыте реализации ГЧП в отдельных государствах, то он показывает, что обозначенное сотрудничество может осуществляться в различных правовых формах: кооперации, договора (концессионный, лизинг, о ГЧП) и др.

Вообще под ГЧП следует понимать юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров для объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенное законом, осуществляемое в форме соглашения о ГЧП (абз. 3 п. 1 ст. 1 Закона о ГЧП).

Из данной нормы следует, что правовой формой такого сотрудничества выступает хорошо известный гражданскому праву институт договора (соглашения). При этом следует отметить, что соглашение о ГЧП для национального законодательства является новым видом обязательственных правоотношений, выступает средством правового регулирования отдельных направлений коммерческой деятельности и, соответственно, нуждается в дальнейшем теоретическом изучении и осмыслении. Как и всякому договору, договору о ГЧП присущи свои характерные черты.

Так, в соответствии с абз. 7 п. 1 ст. 1 Закона о ГЧП соглашение о ГЧП представляет собой заключенный в письменной форме договор между государственным и частным партнерами, который определяет права, обязанности и ответственность сторон, а также иные условия реализации проекта ГЧП. Следовательно, предшественником возникновения взаимовыгодного сотрудничества на основе данного партнерства выступает заключение заинтересованными субъектами договора – соглашения о ГЧП. Вместе с тем такая формулировка является весьма абстрактной и в полной мере не раскрывает сути рассматриваемого договора, не позволяет отграничить данный вид обязательственных правоотношений от подобных (например, договор простого товарищества, государственной закупки товаров, работ, услуг и др.). Это, в свою очередь, может привести к правовой неопределенности при реализации предписаний закона в практической деятельности субъектов хозяйствования.

В основе такого обязательства предусмотрена возможность извлечения прибыли, являющейся для сторон конечным результатом, к которому оба сообща стремятся, подтверждая тем самым наличие общих задач. Но общая цель выступает свидетельством неполного совпадения интересов сторон.

Ряд ученых высказываются об односторонности интересов участников ГЧП. Так, Е.А. Семенова, например, анализируя международный опыт развития такого партнерства, приходит к выводу, что его «феномен... неоднозначен... по сравнению с другими альтернативными вариантами такие проекты могут принести больше экономических выгод, в том числе больший доход при лучшем соотношении цены и качества. Но эти преимущества носят скорее потенциальный характер и могут возникнуть только если не допускать доминирования частных интересов над общественными» [1, с. 165].

Такого мнения придерживается и В.Г. Варнавский: мировой опыт показывает, что частные предприниматели охотно идут в проекты ГЧП. В то же время существует определенная опасность, что такое партнерство будет использоваться для реализации преимущественно частного интереса [2, с. 43].

Для выработки дефиниции соглашения о ГЧП представляется необходимым рассмотреть правовую природу данного обязательства. Так, договор о ГЧП считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям, т. е. в этом случае присутствует разбежка во времени между подписанием сторонами договора и его реальным исполнением. Это говорит о его консенсуальном характере.

На возмездный характер указанного обязательства обращает внимание фраза «взаимовыгодное сотрудничество». Признак возмездности предполагает, что выгоду в результате реализации условий договора получают обе стороны. Выгода государства здесь заключается в более эффективном использовании бюджетных средств, имущества, возможности развития инновационной деятельности, повышения качества товаров (работ, услуг) и др.

Интерес частного партнера, в свою очередь, направлен на извлечение прибыли. Он имеет обеспеченную законом возможность, например, при недостаточности финансовых ресурсов по-

лучить во владение и пользование преимущественно на длительный срок определенные объекты инфраструктуры, в том числе составляющие государственную собственность.

Взаимность соглашения о ГЧП означает, что и одна сторона, и вторая в результате принятых на себя по договору обязательств имеют права и обязанности, при этом праву одной стороны соответствует обязанность другой, и наоборот.

Общий смысл ГЧП предполагает осуществление сторонами соответствующего договора прав и обязанностей в течение определенного периода времени. Следовательно, договор о ГЧП – срочный вид обязательств. Существенным условием ГЧП является срок действия соглашения, который в обязательном порядке должен быть определен в договоре.

Соглашение о ГЧП следует отнести к фидуциарным договорам, так как в его основе заложена высокая степень доверия партнеров, объединивших материальные ресурсы для достижения общей цели. В этой связи В.С. Каменков и Д.П. Александров обращают внимание, что сотрудничество государства и субъекта предпринимательской деятельности, предполагающее паритетность и взаимный интерес, в большей степени, чем простое привлечение государством бизнеса для выполнения последних работ (услуг) для государственных нужд, раскрывает суть ГЧП [3, с. 45].

Ко всему прочему следует отметить, что как государственный, так и частный партнеры имеют или как минимум предполагают в данном обязательстве и свой личный интерес.

На рисковый характер соглашения о ГЧП указывает сфера его применения – предпринимательская деятельность, основная цель которой выступает извлечение прибыли. Таким образом, стороны при определенных условиях (форс-мажорные обстоятельства, изменение законодательства и др.) могут не достичь целей, на которые рассчитывали, заключая договор, а финансовые ресурсы, вложенные как государственным, так и частным партнером в проект, могут быть безвозвратно утрачены ими полностью или частично.

Стороны соглашения о ГЧП – государственный партнер и частный партнер, на стороне которых (одного и другого) могут выступать только специальные субъекты:

государственный партнер – Республика Беларусь, от имени которой выступают уполномоченные Президентом государственный орган или иная государственная организация, уполномоченные Советом Министров Республики Беларусь республиканский орган государственного управления или иная государственная организация, подчиненные Совету Министров, административно-территориальная единица, от имени которой выступает местный исполнительный и распорядительный орган, заключившие соглашение о ГЧП;

частный партнер – юридическое лицо (за исключением государственных унитарных предприятий, государственных учреждений и государственных объединений, а также хозяйственных обществ, более 50 % акций (долей в уставном фонде) которых принадлежит Республике Беларусь или ее административно-территориальной единице), иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, индивидуальный предприниматель, заключившие соглашение о ГЧП.

Участие в реализации проекта ГЧП в качестве стороны одной из сторон государства дало основание отдельным авторам говорить о наличии публичных начал в соглашении о ГЧП. Так, О.М. Куницкая предполагает, что ввиду участия в ГЧП государства как властного субъекта договор ГЧП логично отнести в группу инвестиционных договоров публично-правового характера [4, с. 68]. Данная точка зрения, безупречная на первый взгляд, имеет слабую сторону: в ней в полной мере не находит своей реализации принцип свободы договора. Основная же идея заявленного принципа состоит в том, что стороны сами определяют заключать или не заключать договор, согласуют его условия и др. А публично-правовой договор, в свою очередь, предполагает наличие властных полномочий у одной из сторон и, соответственно, частный партнер (коммерческая организация) по общему правилу не имеет права отказаться от заключения такого договора.

Предметом соглашения о ГЧП является осуществление в отношении объекта инфраструктуры проектирования, возведения и (или) реконструкции, реставрации, ремонта, модернизации, а также технического обслуживания и (или) эксплуатации (п. 2 ст. 24 Закона о ГЧП).

Законом также определен перечень сфер применения ГЧП, не являющийся исчерпывающим. ГЧП в соответствии со ст. 5 Закона о ГЧП может осуществляться в отношении объектов

инфраструктуры в следующих сферах: дорожная и транспортная деятельность; коммунальное хозяйство и коммунальные услуги; здравоохранение; социальное обслуживание; образование, культура; физическая культура, спорт, туризм; электросвязь; энергетика; переработка, транспортировка, хранение, поставка нефти; транспортировка, хранение, поставка газа, снабжение газом; агропромышленное производство; оборона, правоохранительная деятельность; научная, научно-техническая деятельность; иные сферы.

При этом следует учитывать требования отдельных положений Закона от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». Так, согласно ст. 7, 10 названного Закона к объектам, находящимся только в собственности государства, относятся различные категории земель (сельскохозяйственного назначения, водного и лесного фондов, общего пользования и др.); радиочастотный спектр, сети электросвязи специального назначения, государственные секреты, автомобильные дороги общего пользования, объекты инженерной инфраструктуры общего пользования и др.

К отдельным видам деятельности, на которые распространяется исключительное право государства, относятся: добыча, переработка руд драгоценных и радиоактивных металлов, руд редкоземельных элементов, драгоценных камней; деятельность по учреждению, организации и проведению лотерей в Республике Беларусь; осуществление внешней торговли (в части экспорта) минеральными или химическими, калийными удобрениями и т. д.

С учетом сказанного, можно выделить определенные сущностные особенности соглашения о ГЧП. То есть договор о ГЧП по своей природе – консесуальный, возмездный, взаимный, срочный, рискованный, фидуциарный; относится к самостоятельному виду гражданско-правовых обязательств (согласно правовой природе, субъектному составу, предмету). Областью его применения являются предпринимательская деятельность в целом, и ее разновидность – инвестиционная деятельность в частности.

Таким образом, на основании выявленных общих характеристик договора о ГЧП, его определение можно сформулировать как соглашение, в силу которого одна сторона (государственный партнер) и другая сторона (частный партнер) обязуются объединить свои вклады (ресурсы) и совместно осуществлять инвестиции в отношении объектов инфраструктуры без образования юридического лица с целью извлечения прибыли (дохода) и (или) достижения иного значимого результата в течение определенного срока.

Список использованных источников

1. Семенова, Е.А. Государственно-частное партнерство в экономике стран Западной Европы и России (опыт сравнительного анализа) / Е.А. Семенова // Проблемы нац. стратегии. – 2014. – № 4. – С. 152–165.
2. Варнаровский, В.Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики / В.Г. Варнаровский // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2011. – № 9. – С. 41–50.
3. Каменков, В.С. О роли государственно-частного партнерства в инновационном развитии / В.С. Каменков, Д.П. Александров // Проблемы упр. – 2011. – № 4. – С. 44–49.
4. Куницкая, О.М. Правовая характеристика договора государственно-частного партнерства / О.М. Куницкая // Весн. БДУ. Сер. 3. – 2013. – № 2. – С. 66–69.

Дата поступления в редакцию: 28.04.18

V.V. Parashchenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

AGREEMENT ON PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A WAY TO INVEST IN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BELARUS (GENERAL CHARACTERISTICS)

We consider certain issues related to the general characteristics of the agreement on public-private partnership as a way of investing in the territory of the Republic of Belarus. Based on the analysis of the investment legislation, a publication, scholars, substantiates the practical importance of the essential characteristics of the contract on public-private partnership, which consists in the fact that in the aggregate of its constituent elements allow to delimit this kind of commitment from similar.

Keywords: investment legislation, investment contract on public-private partnership, the public partner, the private partner.

УДК 342.76

Р.А. Середя, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Sereda_R@mail.ru)

ПРАВООХРАНЕНИЕ И ПРАВООГРАНИЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

В двух частях

Часть 1

Исследуются место и роль ОВД Республики Беларусь в сфере обеспечения прав и свобод человека. Рассматривается соотношение правоохранительной и правоограничительной деятельности сотрудников ОВД, а также социально-правовая обусловленность ограничения прав и свобод человека. Анализируются отдельные основания применения сотрудниками ОВД дел огнестрельного оружия с точки зрения соответствия принципам международных стандартов в данной области.

Ключевые слова: права человека, милиция, правоохранительная деятельность, ограничение прав, применение оружия, международные стандарты.

Сегодня вопрос обеспечения прав и свобод человека является одним из самых острых и обсуждаемых во всем мире. Правовое регулирование указанной сферы давно перешло с уровня национального права на уровень международный, что приводит к созданию универсальных стандартов в области прав и свобод человека. Предметом закрепления в документах международного уровня являются не только сами права и свободы человека, гарантии их реализации, но и пределы, условия их ограничения. При этом особое внимание международного сообщества обращено на деятельность органов полиции (милиции) как структур, которые в своей повседневной деятельности осуществляют принудительное вмешательство и ограничение прав и свобод человека. Наиболее острые проблемы, возникающие в ходе этой деятельности стали предметом регламентации ряда самостоятельных международных актов, относящихся к специальным стандартам в области прав человека. К ним относятся Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 34/169 от 17 декабря 1979 г. (Кодекс), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятый резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №43/173 от 9 декабря 1988 г. (Свод принципов), Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба от 27 августа – 7 сентября 1990 г. (Основные принципы).

Анализ указанных документов позволяет отметить, что основной болевой точкой в деятельности полиции (милиции), по мнению мирового сообщества, является соотношение применяемых данными органами мер принуждения с принципами гуманизма и приоритета прав и свобод человека.

С учетом обозначенного актуальным видится попытка научного осмысления места и роли должностных лиц по поддержанию правопорядка (на примере ОВД Республики Беларусь) в механизме обеспечения прав и свобод человека, а также определения социально-правовых оснований ограничения данных прав и свобод в их деятельности.

В первую очередь необходимо отметить, что ОВД обычно причисляются к группе правоохранительных органов. Не поднимая вопроса о сути и правовом регулировании статуса данной группы, хотелось бы обратить внимание на смысл их деятельности. И здесь правоохранительная деятельность ОВД может рассматриваться в объективном и субъективном смыслах.

Объективный смысл связан с охраной действующих правовых норм от несоблюдения либо нарушения, а также обусловлен привлечением правонарушителей к ответственности. С этой точки зрения правоохранительная деятельность осуществляется прежде всего в интересах государства и общества в целом, так как право (в объективном смысле) является главным инструментом регу-

лирования общественных отношений со стороны государства. При этом для выполнения данных целей обычно применяется наиболее широкий спектр мер принуждения со стороны ОВД.

Указанное направление правоохранительной деятельности определяет преваляровавшую длительное время парадигму места ОВД в системе государственных органов. Среди выполняемых ею функций ряд ученых [1, с. 10; 2, с. 47] ставят на первое место государственно-управленческую деятельность, связанную с применением мер организованного принуждения. В частности, А.А. Постникова и С.С. Касьянчик под полицейскими функциями ОВД понимают предупреждение и пресечение правонарушений, сопряженное с использованием организованного принуждения, применяемого вне рамок уголовного и уголовно-исполнительного процессов [3, с. 23]. Схожей позиции придерживается Ю.П. Соловей [4, с. 11]. Однако следует отметить, что приоритет указанного направления деятельности оказывает негативное влияние на имидж сотрудников ОВД в обществе и престиж данной профессии. В частности, по данным социологического исследования, проведенного В.Г. Стукановым, участниками фокус-групп и пользователями белорусских интернет-форумов среди причин отрицательного отношения к правоохранительным органам часто называются применение мер принуждения (в том числе и незаконное), а также выполнение несвойственных (политических) функций [5, с. 89–91].

Вместе с тем нельзя забывать о том, что в правовом и демократическом государстве объектом охраны должны быть не только интересы самого государства, сюда следует внести права и свободы каждого человека. Данный тезис получил закрепление на высшем уровне: ст. 2 Конституции Республики Беларусь провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью и целью общества и государства. Таким образом, очевидным является субъективный смысл правоохранительной деятельности ОВД: защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов всех лиц от противоправных посягательств.

Нет сомнения в том, что проводить категоричные разграничения указанных направлений правоохранительной деятельности, тем более противопоставлять их, нельзя: субъективные права человека существуют в неразрывной связи и обусловлены объективным правом. Исторический опыт показал, что даже естественные и неотчуждаемые права человека требуют правового закрепления и институционализации их защиты. Вместе с тем видится возможным обозначить направление, являющееся более приоритетным для должностных лиц по поддержанию правопорядка в современном понимании.

Прежде всего необходимо обратить внимание, что должность сотрудника ОВД относится к особой группе профессий: так называемым профессиям общественного доверия. Специфика данных профессий заключается в том, что их представителям другие люди вверяют свое благополучие, судьбу, жизнь и здоровье, ожидая квалифицированных и эффективных действий с их стороны. Причем выполнение этих действий неизбежно связано с вторжением в частную сферу человека, его личную жизнь и связанные с ней права и свободы.

К подобным профессиям можно отнести врачей, воспитателей детских учреждений, адвокатов и др. Так, от сотрудников ОВД граждане ожидают профессиональных действий по обеспечению безопасности, охране их жизни и здоровья в любой ситуации и без какой-либо дискриминации. Таким образом, правоохранительная деятельность ОВД в субъективном смысле отражает социально-обеспечивающую роль ОВД, обусловленную выполнением задач в интересах отдельных граждан либо социальных групп. Вообще отличительной чертой профессии сотрудника ОВД от иных профессий общественного доверия является возможность принудительного, насильственного вторжения в личную жизнь человека и ограничения его прав и свобод.

В связи с этим полагаем, что возможности такого ограничения должны быть обусловлены прежде выполнением указанной выше социальной функции милиции – охрану и защиту прав и свобод человека, которая должна являться для них приоритетной. Данный тезис нашел отражение на международном уровне, получив закрепление в вышеназванных международных стандартах. Ст. 1 Кодекса указывает, что должностные лица по поддержанию правопорядка постоянно выполняют возложенные на них законом обязанности, служа общине и защищая всех лиц от противоправных актов в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией. Кроме того, аналогичный вывод можно сделать из анализа ст. 2 Закона от 17 июля 2007 г. «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», где задача по защите прав, свобод и

законных интересов граждан находится на первом месте, опережая задачи по защите интересов общества и государства.

Таким образом, можно сказать, что концепция восприятия места и роли ОВД в государстве и обществе должна постепенно меняться, смещая акценты в выполняемых функциях с организационно-управленческих на социально-обеспечивающие. О новой социально-ориентированной парадигме места и роли полиции и аналогичных органов в современном обществе ведут речь многие отечественные и зарубежные ученые. Так, наряду с традиционными полицейскими функциями, ориентированными на обеспечение законности и правопорядка, выделяются функции, связанные с оказанием полицейских публичных услуг, обусловленных принадлежностью органов полиции (милиции) к профессиям общественного доверия. В частности, К.С. Бельский выделяет функцию «массового обслуживания населения» [6, с. 19], А.Н. Шкляревский указывает на функцию «социального обслуживания» [7, л. 55], а Ф.В. Васильев к функциям ОВД относит «оказание государственных (социальных) услуг» [8, с. 132]. Несмотря на то что указанное направление еще нуждается в глубокой научной разработке, нельзя не согласиться с тем, что социально-обеспечивающие функции полиции (милиции) в последние годы приобретают все большую актуальность.

Данная тенденция находит отклик и в правотворческой деятельности МВД Республики Беларусь. Так, Приказ МВД Республики Беларусь № 1 от 1 января 2005 г. «О вежливом и внимательном отношении сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск к гражданам» закрепил, что именно ОВД государство вверило в обязанность защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов своих граждан, предоставив при этом широкие полномочия, что налагает на сотрудников огромную ответственность перед гражданами. В дальнейшем Приказ МВД Республики Беларусь от 4 марта 2013 г. № 67 «Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь» развил данную идею, посвятив морально-этическим принципам взаимоотношений сотрудников ОВД с гражданами самостоятельную главу.

Таким образом, место и роль сотрудников ОВД Республики Беларусь в сфере общественных отношений, связанных с правами и свободами человека, видится в двух аспектах. С одной стороны, исходя из социальной роли профессий общественного доверия, приоритетной задачей ОВД является защита, охрана, а в некоторых случаях – реализация прав, свобод и законных интересов граждан (правоохранительный аспект).

Вместе с тем неотъемлемым компонентом выполнения большинства задач, стоящих перед сотрудниками ОВД, является принудительное ограничение прав и свобод человека и гражданина, в том числе относящихся к категории личных (правоограничительный аспект). В связи с этим возникает вопрос о соотношении указанных аспектов в повседневной деятельности сотрудников ОВД.

На первый взгляд, рассматривая деятельность подразделений ОВД, непосредственно контактирующих с населением (патрульно-постовая служба, ГАИ, служба участковых инспекторов и др.), можно сделать вывод о превалировании правоограничительной деятельности над правоохранительной. Так, при относительно низком уровне уличной преступности сотрудникам все реже приходится применять реальные меры, связанные с непосредственной защитой права и свобод граждан и по пресечению противоправных посягательств на них. Таким образом, правоохранительный аспект все больше переходит в плоскость либо косвенной защиты прав человека путем профилактических мероприятий, либо деятельности по восстановлению прав, нарушенных в результате противоправного деяния. При этом правоограничительные меры принудительного характера не перестают быть атрибутом повседневной деятельности сотрудников территориальных подразделений ОВД.

Тем не менее, как видится, правоохранительный аспект в деятельности сотрудников милиции преобладает, и основанием этому служит комплекс неотъемлемых прав и свобод человека, обеспечение и защита которых обязательна при применении в отношении лица любого правоограничения. Так, при задержании, доставлении и содержании лица в ОВД ему должна быть обеспечена безопасность жизни и здоровья; при применении физической силы и специальных средств должны гарантироваться свобода от пыток и иного жестокого обращения; при проведении процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, вторгающихся в лич-

ную жизнь человека, охраняется конфиденциальность полученных сведений. Перечень таких неотъемлемых прав получил закрепление в ст. 63 Конституции Республики Беларусь.

Таким образом, несмотря на имеющийся в деятельности ОВД диссонанс, обусловленный одновременным исполнением правоохранительных и правоограничительных функций, полагается, что задача по обеспечению и защите прав и свобод человека должна быть приоритетной во всем спектре применяемых сотрудниками ОВД полномочий, независимо от статуса лица и характера его поведения. При этом ограничения прав и свобод принудительного характера (в особенности – личных) должны быть обусловлены прежде всего достижением социально значимых целей, связанных с выполнением сотрудниками ОВД роли профессий общественного доверия.

Окончание следует

Список использованных источников

1. Антонова, В.П. Административное право и административный процесс : старые и новые проблемы (по материалам «Лазаревских чтений») / В.П. Антонова // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 5–32.
2. Бельский, К.С. Полицейское право как подотрасль административного права / К.С. Бельский, Б.П. Елисеев, И.И. Кучеров // Государство и право. – 2001. – № 12. – С. 45–53.
3. Постникова, А.А., Содержание и система полицейских функций органов внутренних дел Республики Беларусь / А.А. Постникова, С.С. Касьянчик // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 21–27.
4. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Ю.П. Соловей ; Акад. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – М., 1993. – 40 с.
5. Стуканов, В.Г. Информационно-педагогическая система формирования правосознания личности : [монография] / В.Г. Стуканов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 278 с.
6. Бельский, К.С. О функциях исполнительной власти / К.С. Бельский // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 14–21.
7. Шкляревский, А.Н. Административно-правовое обеспечение общественного порядка органами милиции Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.Н. Шкляревский. – Минск, 2010. – 121 л.
8. Правовое положение полиции МВД России : учебник / С.Ю. Анохина [и др.] ; под ред. Ф.П. Васильева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014. – 815 с.

Дата поступления в редакцию: 23.02.18

R.A. Sereda, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

LAW-ENFORCEMENT AND LEGAL RESTRICTMENT IN ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES: QUESTIONS OF CORELATIONS AND CAUSALITY (Part 1)

The article is devoted to the study of place and role of the internal affairs agencies of the Republic of Belarus in the sphere of ensuring human rights and freedoms. It deals with the correlations between law-enforcement and legal restrictment by law enforcement officials as well as the social and legal causality of the restriction of human rights and freedoms. Certain reasons for use of fire weapons by the law enforcement officials in the limits of correspondence with the principles of international standards in this field are analyzed.

Keywords: human rights, militia, law enforcement activity, restriction of rights, use of weapons, international standards.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (e-mail : danvik07@bk.ru)

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ НКВД/МВД БССР ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬЮ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944–1953 гг.)

На основании архивных и опубликованных исторических материалов анализируются основные формы и методы профессиональной подготовки и повышения служебной квалификации сотрудников специализированных учреждений отдела НКВД/МВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в первое послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: беспризорники, специальные исправительные учреждения для малолетних, воспитатели, кадры, повышение квалификации, семинары, совещания, обмен опытом.

Одним из последствий Великой Отечественной войны явилось резкое увеличение детского сиротства, беспризорности и безнадзорности. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью» предусматривало ряд организационно-правовых мер ОВД по ликвидации указанных социальных явлений. Так, 21 июня 1943 г. Приказом НКВД СССР был организован отдел по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью (ОБДББ) и аналогичные подразделения в союзных республиках. В НКВД БССР этот отдел был образован 1 сентября 1943 г. [1, ф. 11, оп. 1, д. 67, л. 1.]. Сотрудниками ОБДББ НКВД была оперативно развернута сеть детских комнат милиции (ДКМ), детских приемников-распределителей (ДПР), детских трудовых и трудовых воспитательных колоний (ДТВК). К ноябрю 1944 г. сотрудниками ОБДББ было выявлено и поставлено на учет 47 926 безнадзорных и беспризорных детей [1, ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 2, 14]. Несмотря на материальные трудности, к концу 1944 г. в БССР работали 22 приемника-распределителя. Минский ДПР принял детей через 12 дней после освобождения города [1, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 3]. В 1945 г. в детских приемниках-распределителях НКВД БССР содержались 16 016 детей [1, ф. 11, оп. 1, д. 67, л. 1].

Перед сотрудниками подразделений НКВД стояли сложные задачи. Инструкция о борьбе с детской преступностью и хулиганством (приказ НКВД СССР от 5 августа 1943 г.) предписывала ряд установок: принятие мер по ликвидации детской безнадзорности и беспризорности; организацию и руководство детскими приемниками-распределителями, трудовыми воспитательными колониями и колониями для осужденных несовершеннолетних, руководство воспитанием и режимом содержания в ДПР и ДТВК; трудовое воспитание, производственную деятельность колоний; комплектование штатов и подготовку кадров [1, ф. 51, оп. 1, д. 14, л. 109–110]. Сложным был и контингент поступавших детей. В отчете отдела НКВД БССР за 1944 г. отмечалось: «Поступающие дети, как правило, завшивлены, грязны, одежда рваная и частью отсутствует [1, ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 12]. Так, в «Положении о детском приемнике-распределителе» указывалось при приеме детей на необходимость их санитарно-гигиенической проверки и обработки, тщательного медосмотра, переодевания в чистую одежду. Эта тяжелая работа выполнялась штатными аттестованными и вольнонаемными сотрудниками ДПР, которые учили детей простейшим санитарно-гигиеническим навыкам [1, ф. 51, оп. 3, д. 5, л. 19]. Остро стояла проблема продовольствия и одежды. Однако наиболее важной была проблема кадров в подразделениях и учреждениях ОБДББ НКВД

БССР. Страна помогала, как могла. «К концу 1944 года в Белоруссию из различных областей страны было прислано: ...работников детских комнат и детских приемников – 21 человек» [2, с. 213]. Однако ликвидировать «кадровый голод» в короткие сроки было невозможно. У поступающих на службу сотрудников уровень образования был невысоким. «В милицию на службу нередко попадали люди случайные, неграмотные, неспособные по своим деловым качествам и образовательному уровню обеспечить порученный участок работы» [3, с. 67]. Непрестижность работы, сложности труда и малых окладов у сотрудников детских учреждений НКВД вызывали определенные трудности. В Директиве НКВД СССР от 14 февраля 1946 г. № 37 «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью» поручалось состав сотрудников детских колоний, не отвечающих требованиям, заменить более подготовленными [4, с. 452]. Однако проблема качества кадров была актуальной даже в 50-х гг. Штаты воспитателей детских колоний к концу 1953 г. были в профессиональном отношении неукомплектованы. В Витебской колонии из 10 воспитателей 3 имели среднее специальное педагогическое образование, в Бобруйской колонии из 6 воспитателей – 1, в Могилевской колонии из 9 – 1. Как указывалось в докладе о работе детских колоний Министерства юстиции БССР от 5 ноября 1953 г., на должности воспитателей принимались случайные люди без соответствующего образования и опыта работы [1, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 209]. Из-за нехватки кадров в колониях в 1944–1950-х гг. часто в качестве инструкторов производственного обучения использовались взрослые заключенные [1, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 37]. Также сложность заключалась в том, что персонал детских учреждений по образовательному уровню и опыту работы был достаточно пестрым. В них кроме кадровых офицеров – сотрудников ОБДББ НКВД, отделений УНКВД и инспекторов ДКМ работало много вольнонаемных сотрудников: воспитателей детских приемников-распределителей и колоний, медицинский и хозяйственный персонал, инструкторы производственного обучения, учителя школ колоний и др. Многочисленным и уязвимым звеном в кадрах детских учреждений являлись воспитатели. Здесь наиболее доступным выходом в решении проблемы кадров было создание системы повышения квалификации сотрудников подразделений и детских учреждений НКВД БССР без отрыва от производства. Невысокий образовательный уровень сотрудников, слабая деловая квалификация и профессиональная подготовка диктовали необходимость постоянной работы в данном направлении. Так, анализ архивных документов показывает, что в отделе НКВД/МВД БССР в послевоенные годы постепенно сложилась и действовала достаточно продуманная система повышения квалификации в форме постоянно действующих семинаров, различных совещаний (общие, профильные, отраслевые, кустовые), взаимопроверок, периодической аттестации сотрудников и др.

Одной из эффективных форм учебы были постоянно действующие семинары по повышению деловой квалификации и профессиональных знаний сотрудников. Дважды в месяц проводились двухчасовые занятия по тематическим планам, утвержденным министром. Для выступлений направлялись опытные и подготовленные сотрудники ОБДББ, преподаватели местных школ, работники отделов народного образования. В содержании семинаров присутствовала идеологическая составляющая. Так, в течение учебного 1952 г. прошли занятия по темам: «Решения XIX съезда КПСС по вопросам воспитания и обучения» и «Указания тов. Сталина И.В. и решения XIX съезда КПСС о принципах подбора и расстановки кадров». Для рассматриваемого периода это было вполне характерно. Как отмечал А.А. Резников, в воспитательной работе в НКВД. Тогда «особенно заметно влияние политического заказа, выразившегося в преобладающем внимании к теме партийного руководства кадровой работой в НКВД, партийного влияния на кадры» [5, с. 7]. Однако важно отметить, что большая часть времени занятий была посвящена сугубо профессиональным проблемам. В течение учебного года (1952–1953) на занятиях рассматривались узкоспециальные темы: «Основы законодательства по делам несовершеннолетних/Инструкции НКВД, Министерства юстиции и Прокуратуры СССР № 326/52/45 – 1943 г. и статьи УК РСФСР и УК союзных республик», «Порядок направления подростков в детские трудовые воспитательные колонии, оформления личных дел, проверка личности и учет воспитанников, ряд актуальных приказов и указаний МВД СССР, регламентирующих порядок направления и приема осужденных несовершеннолетних в детские трудовые колонии, проверку личности и учет подростков, руководство методической работой и повышением квалификации педагогических кадров дет-

ских колоний, организацию охраны, надзора и наблюдения за подростками, инспектирование детских колоний по вопросам учебно-воспитательной работы и др. [1, ф. 11, оп. 1, д. 57, л. 74, 75]. Планы семинаров по повышению квалификации аттестованных сотрудников на 1953 г. предусматривали в течение 94 часов изучение вопросов по направлениям: учебно-воспитательная работа, режим, производственное обучение, производство, медико-санитарная работа, финансовая работа, работа ДПР и работа с кадрами [1, ф. 11, оп. 1, д. 5, л. 73–79]. Темы занятий вольнонаемных сотрудников-воспитателей ДК и ДПР, медицинских и хозяйственных работников, мастеров производственного обучения были следующие: «Учебно-воспитательная работа», «Режим и содержание», «Производственное обучение», «Производство», «Медико-санитарная работа», «Финансовая работа», «Материально-техническое снабжение», «Работа детского приемника-распределителя» и «Работа с кадрами учреждения»; также учитывался профиль работы [1, ф. 11, оп. 1, д. 57, л. 79]. Таким образом, служебной подготовкой были охвачены все сферы деятельности детских учреждений.

В тематике занятий сотрудников детских колоний с 1946 г., когда их продукция стала учитываться в народнохозяйственных планах, появились проблемы качества производства: «Вопросы политехнического обучения в школах детских колоний», «Задачи отдела детских колоний МВД/УМВД и руководства детских колоний в области производственного обучения подростков», «Производственное планирование», «Организация труда подростков на производстве» и др. [1, ф. 11, оп. 1, д. 57, л. 76]. Со временем проблемы, поднимавшиеся на семинарах сотрудников колоний и приемников-распределителей, стали более приближенными к практике. Так, в 1952–1953 учебном году в Витебской ДК на семинаре для воспитателей, учителей и клубных работников изучались проблемы: «Физиологические особенности развития детей и подростков», «Творческое применение педагогического учения и опыта А.С. Макаренко в учебно-воспитательной работе колонии», «Работа учителя по предупреждению неуспеваемости учащихся в классе» и др. По итогам обучения слушатели семинаров сдавали экзамены [1, ф. 11, оп. 1, д. 57, л. 81].

Эффективной формой повышения квалификации сотрудников являлись производственные совещания. Об их значении свидетельствовал факт созыва 25 марта 1946 г. в НКВД СССР Всесоюзного совещания начальников отделов и отделений по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью наркоматов и областных управлений внутренних дел. В выступлении наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглова были определены основные направления работы отделов. По составу участников и тематике выделялись совещания республиканские, кустовые, по направлениям работы и специализированные, для отдельных категорий сотрудников. Повестки дня предусматривали обмен опытом и охватывали основные направления работы детских учреждений: учебно-воспитательной, производственной, финансово-хозяйственной, санитарно-гигиенической и т. д.

В БССР совещания начали проводиться с осени 1944 г. Уже в 1944–45 гг. ОБДББ НКВД БССР были организованы пять совещаний с начальниками ДПР и отделений УНКВД по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью, два совещания с медработниками детских учреждений и два совещания с инспекторами по учету. В марте 1945 г. состоялось совещание начальников и воспитателей ДПР, отделений УНКВД и директоров детских домов. По итогам совещаний были изданы приказы НКВД БССР по улучшению работы ДПР и произведена рассылка по детским учреждениям методических рекомендаций [1, ф. 11, оп. 1, д. 8, л. 6]. В 1946 г. проведены три республиканских совещания работников ДПР, два совещания инспекторов по учету и одно совещание медицинских работников, и такая практика сохранилась в последующие годы. Так, в 1953 г. на совещаниях воспитателей ДПР обсуждались следующие вопросы: разбор открытых занятий, планирование работы воспитателя, организация кружковой работы, политехническое образование, воспитание коллективизма, методика работы по изучению детей и др. [1, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 152]. Все совещания планировались отделом НКВД/МВД на год с утверждением планов у наркома, а их проведению предшествовала подготовка: устанавливался круг проблем, а также место, дата, бюджет средств и состав участников.

Особую роль для сотрудников специализированных подразделений играло республиканское совещание начальников отделений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью областных УНКВД, отделений уголовного розыска областных УНКВД, работников ДКМ, железнодоро-

рожной милиции, отделений службы и боевой подготовки и представителей Наркомпроса, прошедшее в Минске 29 июня 1945 г. Повестка дня включала инструктивно-информационный доклад «Об изъятии беспризорных и безнадзорных детей и их устройстве» оперуполномоченного ОБДББ НКВД СССР Маленковой. Выступившие начальники отделений УНКВД Гродненской области (Назаркин), Барановичской (Эльксин), Пинской (Ершова), инспектор ДКМ г. Могилева Мельников, заместитель начальника железнодорожного отдела милиции станции Минск-Пассажирская (Жуковец) осветили ситуацию с детской безнадзорностью, поделились опытом изъятия детей. В выступлениях был дан анализ причин детской беспризорности, недостатков в учете детей, в работе местных органов народного образования. Критически оценил работу милиции с детьми, потерявшими родителей, заместитель начальника Управления милиции НКВД БССР (Пинягин), отметивший, что органам милиции необходимо заниматься профилактической работой в связке с общественностью [1, ф. 11, оп. 1, д. 8, л. 112–113]. Недостатки в работе милиции по изъятию детей, отсутствие помощи местных партийно-советских органов приемникам-распределителям были вскрыты начальником отделения Пинского УНКВД Ершовой. Практические рекомендации содержались в выступлениях начальника Управления детскими домами Наркомпроса БССР Кунявского и начальника ОБДББ НКВД БССР Пономарева¹. Как видно из состава выступавших и поднятых проблем, обсуждение вылилось в заинтересованный обмен мнениями. Доклад и выступления в прениях способствовали выявлению недостатков в работе и обмену опытом [1, ф. 11, оп. 1, д. 8, л. 112–114].

Широко практиковались совещания на базе одной из детских колоний, что существенно повышало их эффективность. Так, в январе 1951 г. в Могилевскую ДК на республиканское совещание-семинар приехали начальники детских колоний, заместители начальников по учебно-воспитательной работе, инженеры производственного обучения, учителя, воспитатели и мастера производственного обучения. Расширенная повестка дня предусматривала обмен опытом участников, что также являлось одной из форм профессиональной учебы [1, ф. 11, оп. 1, д. 51, л. 16]. Повышали свою квалификацию работники детских учреждений и на кустовых совещаниях. Большую роль в обмене опытом борьбы с детской безнадзорностью сыграло совещание в Минске 27–30 августа 1946 г., куда съехались 104 офицера – старшие инспекторы по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью и начальники ДПР БССР, Латвийской, Литовской, Эстонской ССР, Брянской, Великолукской, Калининской, Калужской, Ленинградской, Новгородской, Псковской и Смоленской областей. Состоялся полезный обмен опытом профессионалов по улучшению воспитательной работы с детьми-сиротами, работы ДПР и устройстве их воспитанников [1, ф. 11, оп. 1, д. 69, л. 70]. Так, 8 февраля 1949 г. в Могилеве прошло кустовое совещание инспекторов по учету Гомельского, Витебского, Полоцкого, Речицкого, Бобруйского, Могилевского, Осиповичского ДПР. На совещании состоялся принципиальный разговор, в ходе которого были вскрыты недостатки в учетах. Подверглись критическому разбору ошибки в работе Речицкого, Могилевского и Бобруйского приемников, факты непрофессионализма отдельных сотрудников [1, ф. 11, оп. 1, д. 32, л. 9].

Кроме вышперечисленных форм повышения квалификации в начале 50-х гг. практически все сотрудники детских учреждений отдела детских колоний повышали свои знания в области партийного и комсомольского просвещения, профсоюзной учебы, многие обучались заочно в вузах, техникумах и училищах. В целом переподготовка и повышение квалификации сотрудников детских учреждений системы НКВД/МВД БССР во многом способствовали успешному выполнению служебного долга.

Список использованных источников

1. Архив МВД Республики Беларусь.
2. Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917–1987 гг. / В.Н. Савичев [и др.] ; под общ. ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
3. История органов внутренних дел : учеб. пособие / А.В. Вениосов [и др.] ; под общ. ред. В.А. Данилова, А.С. Жмуровского. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 158 с.
4. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 гг. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. – М. : МФД, 2002. – 631 с.

¹ Фамилии даются без инициалов согласно документам того времени.

5. Резников, А.А. Структура и кадровая политика органов внутренних дел СССР в 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / А.А. Резников ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2012. – 27 с.

Дата поступления в редакцию: 15.09.18

V.A. Danilov, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer at the Department of Theory and the History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

SOME ASPECTS ORGANIZATION OF IMPROVEMENT OF QUALIFICATION AND PROFESSIONAL KNOWLEDGE OF THE STAFF OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS/MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF BELARUS IN THE POST-WAR YEARS (1944–1953)

This article is based on archive materials and it analyze of development and the main directions of improvement of qualification and professional knowledge of the staff of special childrens institutions in the early post-war years.

Keywords: homeless child, the special penitentiary for minors, the rights of minors, educators, frames, seminars, meetings, exchange of experience.

УДК 351.74(476)(091)

С.Ф. Лапанович, *кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь*
(e-mail: sergl976@tut.by)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ (вторая половина 20–30-х гг. XX в.)

В двух частях

Часть 1

Рассматриваются основные направления деятельности первой милицейской школы в столице советской Беларуси по подготовке сотрудников младшего начальствующего состава в период второй половины 20-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: история советской милиции, ОВД, кадровая политика, милицейское образование, школа милиции, образовательный процесс.

Широкий интерес к истории возникновения правоохранительных органов вызвал столетний юбилей белорусской милиции, а среди различных аспектов процесса ее становления и развития очень значима проблематика профессиональной подготовки кадров милиции и история ее образования.

Изучение исторических аспектов милицейского образования началось в СССР в довоенный период, при этом специальные научные работы по проблемам организации и кадрового обеспечения советской милиции появились в РСФСР только в конце 60-х гг. XX в. (например, работы В.С. Гольдмана и П.Ф. Николаева) [1]. В послевоенный период к юбилейным датам выходили в свет коллективные труды по истории становления и развития советской милиции, где рассматривались и аспекты милицейского образования. После распада СССР данная проблематика достаточно широко освещалась в российской историко-правовой науке, в частности в диссертационных исследованиях (М.А. Кожевина, Д.С. Скрябин и др.); активно публиковались научно-популярные и публицистические работы, посвященные истории различных учреждений образования МВД России [2].

В Республике Беларусь история милицейского образования рассматривалась частично в работах ряда исследователей истории ОВД (А.Ф. Вишневецкий, А.С. Жмуровский, Ю.В. Курьянович и др.). Так, основные этапы истории милицейских учебных заведений среднего и высшего профиля советского и современного периодов были отражены в учебных пособиях по истории ОВД Беларуси, в коллективных трудах к 100-летию юбилею белорусской милиции [2].

В первой половине 20-х гг. XX в. в условиях послевоенной разрухи сложность выполняемых милицией задач требовала от личного состава более совершенных и твердых знаний. В этой связи особое внимание уделялось подбору и расстановке кадров и их подготовке в системе милицейских курсов и школ.

Предыстория Минской школы милиции связана с деятельностью командных курсов, которые начали функционировать, согласно приказам Главного управления милиции Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (приказ № 69 от 17 апреля 1921 г.) и Главного управления Рабоче-крестьянской милиции (РКМ) ССРБ (приказ № 83 от 27 июля 1921 г. «Об открытии курсов командного состава милицейской службы»), 19 августа 1921 г. в Минске. Перед слушателями курсов ставилась сложная задача: в короткий срок усвоить общеобразовательные предметы, одновременно получить основы юридических знаний, повысить уровень боевой и служебной подготовки [2].

В организационно-строевом отношении курсы представляли отдельную роту (от 60 до 150 человек), где курсанты находились на казарменном положении, а их жизнь уже регламентировалась требованиями Устава внутренней службы Красной Армии. В структурном отношении курсы были разделены на две части: учебную и строевую. После окончания учебы назначение на должности (вплоть до начальника уездной милиции) производилось начальником Главного управления РКМ ССРБ по представлению начальника курсов [3, с. 6–7].

В конце 1921 – начале 1922 гг. назрела необходимость преобразовать курсы командного состава милицейской службы в полноценные школы милиции. Примером для ССРБ явилась организационная структура профессиональной милицейской школьно-курсовой системы РСФСР, которая включала следующие уровни: первоначальную подготовку милиционеров и лиц, принятых в органы милиции, на 6–8-недельных курсах при губернских управлениях милиции; губернские милицейские школы для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения примерно 8 месяцев; школы среднего командного состава со сроком обучения 2 года [1].

Так, в марте 1922 г. на базе курсов командного состава в г. Минске была открыта Школа милиционеров (по ряду документов – Милицейская школа) при Главном управлении РКМ ССРБ. С момента образования школа находилась по улице Долгобродской (сейчас – проспект Машерова, 3). После объединения в 1924 г. Управления уголовного розыска с Управлением милиции стала называться Милицейской школой при Управлении милиции и уголовного розыска (УМиУР) НКВД БССР [2].

Серьезные изменения в процесс профессиональной подготовки милицейских кадров, как отмечает М.А. Кожевина, внес Декрет ВЦИК и СНК от 28 сентября 1925 г. «О введении в действие Положения о службе в Рабоче-Крестьянской милиции», которым в том числе определялись критерии отбора в милицию. Сотрудниками последней могли стать лица, пользующиеся избирательным правом, здоровые, имеющие определенное образование, преимущественно служившие в Красной Армии. Фактически полностью неграмотные и малограмотные уже не должны были допускаться для поступления в школы милиции, но кадровые проблемы не давали возможности всегда соблюдать это правило. В целом новые обстоятельства позволяли администрации школ сократить часы на общеобразовательные предметы, и за их счет увеличить изучение специальных дисциплин [1].

В первой половине 20-х гг. XX в. условия, в которых работали милицейские школы и курсы, не способствовали выпуску в достаточном количестве специалистов для органов милиции. Особо острая потребность ощущалась в квалифицированных кадрах младшего командного состава. В РСФСР решение этой проблемы связывалось с созданием ряда объединенных областных школ. В результате ликвидировались школы-резервы и губернские школы, так как областные школы обслуживали несколько регионов [1].

Похожие тенденции наблюдались и в БССР: 12 ноября 1925 г. НКВД издает приказ № 190 «О реорганизации школы милиционеров в школу младшего состава милиции»; 7 декабря 1925 г. по инициативе Минского городского Совета постановлением распорядительного заседания СНК БССР школе милиции было присвоено имя советского деятеля Михаила Васильевича Фрунзе.

Отметим, что Школа милиции имени М.В. Фрунзе при УМиУР НКВД БССР на общем фоне других милицейских школ СССР по уровню общеобразовательной и общепрофессиональной подготовки курсантов выглядела весьма достойно. Это было отмечено в сентябре 1926 г. на совещании в Москве, в котором приняли участие начальники милицейских школ из РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР. В докладе представителя РСФСР в качестве общего недостатка милицейского образования была названа сосредоточенность всей подготовки на специализации при недостаточном внимании к «развитию милиционера как общественного работника» [4]. Беларусь представлял начальник Минской школы милиции имени М.В. Фрунзе Такеро (инициалы в документах не указаны – *авт.*). По итогам деятельности школы был зачитан доклад, в целом работа Минской школы

была оценена положительно, особенно был отмечен высокий уровень дисциплинированности минских курсантов [5].

С весны 1927 г. школу милиции возглавил В. Бальзовский. Согласно архивным документам, в штатный состав школы входили:

начальник школы (осуществлял общее руководство всей учебно-строевой, воспитательной и административно-хозяйственной деятельностью, был председателем педсовета);

начальник учебно-строевой части (руководил работой преподавателей, отвечал за методическую работу);

заведующий строевым обучением (отвечал за строевую подготовку, физическое воспитание и военное дело);

помощники заведующего строевым обучением (отвечали за дисциплину и порядок в школе);

преподаватели (обеспечивали учебный процесс, по штату полагалось на 100 курсантов 9 преподавателей, нагрузка последних составляла 12 часов в неделю);

начальник административно-хозяйственной части (отвечал за материальное обеспечение школы) [6].

Также существовал и порядок поступления. Для поступающих существовали возрастные ограничения (21–30 лет). Заявление о зачислении в милицейскую школу необходимо было подать в Управление милиции НКВД. К заявлению прилагались справка врача о состоянии здоровья, военные документы, сведения о прежней должности. Кандидат на поступление должен был знать основы белорусского, русского языков, арифметики (знания проверялись по месту отправки, сведения оформлялись отдельным протоколом) [7]. В 1927 г. в школу были приняты 56 человек, из них 43 были командированы из окружных отделений милиции (Гомельского – 7, Бобруйского – 6, Мозырского – 3, Оршанского – 8, Могилевского – 5, Полоцкого – 3, Витебского – 3 и Минского округа – 8), а 13 направлены после демобилизации из Красной Армии. При этом 20-ти соискателям было отказано: 16-ти – по причинам малограмотности и 4-м по состоянию здоровья [8]. В течение учебного года количество курсантов менялось, а окончившие школу курсанты обязывались подпиской отслужить в милиции или уголовном розыске два года.

Обеспечение зачисленных курсантов осуществлялось за счет государства (обмундирование и общежитие). Но бытовые условия были сложными. Денежное довольствие (называлась месячная пенсия) составляло 28 руб. (в 1930 г. увеличено до 40 руб.), питание из общего котла – за счет обучающихся. По причине недостатка финансирования был поставлен вопрос о сокращении срока обучения на 1 месяц. Согласно протоколам заседания педагогического совета школы преподаватели и курсанты выступили категорически против, но, исходя из финансовых причин, было решено сократить курс младшего отделения [9]. Многочисленные обсуждения педагогическим коллективом проблемы сохранения достаточного уровня образования в условиях постоянного сокращения учебных часов привели его к выводу, что это возможно только при формировании обучающегося милиционера как самостоятельного и мотивированного работника [10].

Курс обучения на младшем отделении школы составлял 16 недель, всего 560 учебных часов, а на старшем – 24 (позже – 23) недели, всего 744 учебных часа (без учета каникул и практики). Учебный час длился 45 мин. Согласно учебным планам на 1927/28 учебный год учебные предметы подразделялись на четыре цикла: общеобразовательный – политический, правовой, профессионально-милицейский и военный со спортом. Группы младших и старших милиционеров обучались всего 48 недель (без учета каникул и практики) [11]. Учебные планы менялись во время учебного года (например, общеобразовательный цикл (в часах) был сокращен с 633 до 502, правовой увеличен с 226 до 277, профессионально-милицейский увеличен с 357 до 369, военный цикл увеличился с 142 до 184) [12].

Распорядок дня в милицейской школе также был четким. Подъем в 7.00, 7.00 до 7.45 – уборка и умывание, 7.45 до 8.00 – проверка и утренний осмотр, 8.00 до 8.35 – прогулка и гимнастика; 8.35 до 9.10 – чай на завтрак. С 9.10 до 11.45 – учебные занятия (3 лекции), 11.45 до 12.30 – обед и отдых. Вновь занятия с 12.30 до 16.00 (еще 3 лекции), 16.00 до 18.00 – полдник и время отдыха. С 18.00 – 21.00 – кружковые занятия, 21.00–21.30 – вечерний чай, 21.30–23.00 – время для самоподготовки к занятиям, а отбой – в 23.00. В праздничные дни подъем – 8.00, 9.00 до 14.00 – увольнение в город, затем служебные дела, отбой – в 24.00 [13].

Большое внимание в школе уделялось и воспитательному процессу. В Инструкции внутреннего распорядка школы устанавливалось, что «...курсанты своим поведением и дисциплинированностью должны служить примером и должны быть проникнуты сознанием собственного достоинства гражданина БССР, сотрудника Рабоче-Крестьянской милиции, исполняющего свои обязанности по защите интересов трудящихся... Курсант должен строго относиться к самому себе в исполнении обязанностей, стремиться к подчинению своих личных интересов, к развитию в себе ... чувства обязательности, решительности, пренебрежения к собственной безопасности, каждую минуту быть готовым к самопожертвованию»; подчеркивалось, что «как будущий начальник курсант должен на службе и после службы быть сдержанным, тактичным, вежливым, одетым по форме и везде должен защищать репутацию своей школы» [14]. В школе также активно работали развивающие вечерние кружки: драматический, музыкальный, хоровой, физкультурный, политико-газетно-литературный [15].

По распоряжению УМиУР республики в 1927 г. была выделена отдельная группа наиболее способных курсантов для подготовки к работе в уголовном розыске. В Минской школе милиции группа агентов уголовного розыска обучалась по сокращенной программе 18 недель, по этой причине за год успевали два раза проводить набор курсантов. Так, с 1928 г. школа милиции имени М.В. Фрунзе стала основной кузницей подготовки и переподготовки сотрудников уголовного розыска [16, с. 65].

Итак, в 1928 г. в школе милиции обучались три группы курсантов (три отделения): старшие милиционеры, младшие милиционеры и работники уголовного розыска.

На отделении старших милиционеров изучались предметы общеобразовательно-политического цикла (белорусский язык и история Беларуси, русский язык, математика, география, природоведение, обществознание и политическая работа), правового цикла (учение о государстве, уголовное право и процесс, принятые на тот момент кодексы (земельный, лесной и т. д.), гражданское право и процесс) и профессионально-милицейского цикла (организация и служба милиции, административное право, делопроизводство, проведение дознания, организация уголовного розыска, криминалистика, судебная медицина); цикла военного со спортом (санитарная грамота, армейские уставы, стрелковое дело, тактика, топография, воздушно-химическая оборона, физвоспитание). На отделении младших милиционеров – практически те же предметы, за исключением кодексов. На отделении уголовного розыска обучение проходило по сокращенной программе, в которой большинство общеобразовательных предметов не преподавалось [17].

В школе курсанты оценивались по следующим критериям: успеваемости в учебе (хорошо успевающие, средне успевающие (удовлетворительные) и неуспевающие) и результатам практической работы (практики) на местах [18]. Таким образом, важнейшей составляющей деятельности школы являлась практическая направленность процесса обучения. В соответствии с приказом начальника УМиУР от 10 февраля 1928 г. практические занятия с курсантами проводили работники милиции. Например, курсанты для изучения особенностей работы на местах прикреплялись непосредственно к квартальному надзирателю, под руководством которого изучали квартал, знакомились с порядком прописки, делали ночной обход участка, дежурили при отделении, самостоятельно проводили дознание. Учебный план обязывал курсантов еженедельно бывать в органах милиции и оказывать там помощь практическим работникам, а также вести правовую пропаганду среди населения [16, с. 63–64].

По результатам учебы и практики в 1928 г. в школе милиции курсантов-выпускников рекомендовали на должности: помощников начальника милиции района (4 чел.), агента 1-го разряда уголовного розыска (1 чел.), квартальных надзирателей (3 чел.), агентов 2-го разряда уголовного розыска (4 чел.), старших милиционеров (24 чел.), помощников квартального надзирателя (7 чел.), младших милиционеров (6 чел.) [19].

Приемом курсантов в 1929 г. уже занималась специальная комиссия: начальник службы милиции административного управления, помощник начальника уголовного розыска, представители медицинской службы, преподаватели школы. Комиссия проводила медицинский осмотр и собеседование по названным выше предметам. Случаи отказа в приеме в школу были связаны в основном с наличием дисциплинарных замечаний в личных делах [20]. Но иногда отказывали и по причине недостаточного уровня образования (например, закончившим профтехникум) либо,

наоборот, малограмотным. В этот период перестали принимать демобилизованных из Красной Армии без соответствующей рекомендации партийных органов, обязательным условием стало наличие 6-месячного стажа милицейской службы перед поступлением.

Руководство Минской школы активно взаимодействовало со своими коллегами в союзных республиках. Например, начальник школы милиции В. Бальзовский вел переписку с Московской, Саратовской, Свердловской и Воронежской школами милиции, получил приглашение посетить для обмена опытом от Всеукраинской школы милиции. В. Бальзовский интересовался у коллег штатом и кадровым составом курсантов, вопросами расходов на содержание школы.

В конце 20-х гг. (в одном помещении со школой) были открыты курсы переподготовки среднего командного состава милиции, которые возглавил бывший начальник школы милиции В. Бальзовский, должность начальника школы занял А. Чичковский.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в советских республиках сложилась централизованная система профессионального обучения кадров НКВД. Также была сформирована нормативная правовая база, которая регулировала подготовку специалиста от простого милиционера до среднего начсостава милиции [1, 21]. Как отмечает М.А. Кожевина, первой ступенью подготовки являлись месячные курсы для вновь пришедших в милицию, продолжением становились повторно-инструкторские курсы или краткосрочные курсы для младшего начсостава. Далее после одного года службы в милиции можно было поступить в школу младшего начсостава, отучившись год и проработав еще год, продолжить учебу в школе среднего начсостава, а после двухлетнего обучения получить соответствующую должность. Но исключение составлял старший и высший начсостав, обучение которого еще не проводилось в специальных милицейских учебных заведениях. Фактически система НКВД не имела собственных милицейских средних специальных и высших учебных заведений в довоенный период.

Окончание следует

Список использованных источников

1. Кожевина, М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / М.А. Кожевина. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2005. – 56 с.
2. Лапанович, С.Ф. Создание и деятельность школы милиции в Минске в первой половине 20-х гг. XX в. : в 2-х ч. // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016, № 2. – Ч. 1. – С. 145–150; 2017, № 1. – Ч. 2. – С. 181–187.
3. Болотников, В.Г. Минская специальная средняя школа милиции имени М.В. Фрунзе / В.Г. Болотников, Л.Т. Макаров // М-во внутр. дел СССР, Мин. спец. средняя школа милиции. – Минск, 1982. – 20 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12.
5. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
6. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.
7. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.
8. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 54–55.
9. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
10. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д.1. Л. 109–111.
11. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д.1. Л. 78, 126.
12. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д.10. Л. 196.
13. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–41.
14. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 8. Л. 41–42.
15. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.
16. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
17. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–3.
18. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
19. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 247, 260–261.
20. НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
21. Токарева, С.Н. Общеюридическая подготовка советских милиционеров в 1920-е годы / С.Н. Токарева // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2013. – № 3. – С. 199–202.

Дата поступления в редакцию: 28.03.18

S.F. Lapanovich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE ACTIVITIES OF MINSK SCHOOL OF MILITIA NAMED AFTER M.V. FRUNZE (second half of the 20's and 30's of the XX-th century) (Part 1)

The article deals with main areas of activity of the first militia school on training of junior command staff in the capital of Soviet Belarus during the second half of the 20's of the last century.

Keywords: history of the soviet militia, prewar period, staff policy, militia education, school of militia, educational process.

УДК 343.9

А.О. Лехкий, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: lexki@mail.ru)

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (XVI–XX вв.): ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ

Предпринимается попытка проведения ретроспективного анализа причин возникновения пенитенциарной преступности на белорусских землях в составе Великого княжества Литовского и Российской Империи. Обращается особое внимание на становление уголовного наказания в виде лишения свободы. Последнее рассматривается как основная площадка преступности среди осужденных. Исследуются условия и рассматриваются события, повлиявшие на формирование и развитие тюремной субкультуры.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, лишение свободы, пенитенциарная политика, тюремное заключение.

В ходе становления правового демократического и социального государства соблюдение законности и правопорядка является важным аспектом. В этой связи изучение истории построения государственных правовых институтов, обеспечивающих соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, представляется не только своевременным, но и необходимым для использования позитивного ретроспективного опыта.

В свое время известный русский правовед Н.С. Таганцев писал, что жизнь всех народов свидетельствует нам, что всегда и везде совершались и совершаются деяния, по разным основаниям не столько признаваемые недозволенными, но и вызывающие известные меры общества или государства, направленные против лиц, их учинивших, – деяния, признаваемые преступными; что всегда и везде существовали лица, более или менее упорно не подчиняющиеся требованиям правового порядка, велениям власти, его охраняющей [1, с. 1].

Современная уголовно-исполнительная политика Республики Беларусь отвечает принципам законности, плановости, системности, что позволяет успешно противостоять одной из угроз национальной безопасности нашего государства в виде преступности. Вместе с тем целенаправленный комплекс мер в данном направлении должен основываться и на приобретенном историческом опыте развития криминологической науки в контексте выявления причин и условий преступности, особенностей личности криминальной направленности, построения эффективной системы мер для ее предупреждения. Такой опыт должен не просто охватывать исторический аспект уголовно-исполнительных правоотношений, но и оказывать существенную помощь в поиске новых средств и способов ее усовершенствования.

Характеризуя современную преступность, стоит отметить, что традиционными внутренними угрозами для общества продолжают оставаться деяния, связанные с посягательствами на личность, общественный порядок и безопасность; экономические отношения; отношения собственности. В то же время применение уголовно-правовых санкций за совершение указанных общественно опасных деяний направлено в первую очередь на недопущение совершения подобных преступлений в будущем как преступниками, так и иными лицами, склонными к антисоциальному поведению. Тем не менее совершение новых преступлений уже осужденными лицами в исправительных учреждениях не позволяет реализовывать и достигать целей уголовной ответственности в контексте общей и частной превенции.

Несмотря на то что современная пенитенциарная преступность составляет незначительную долю от всего массива преступности в Республике Беларусь (0,1–0,2 % по данным за последние

десять лет), тем не менее из-за высокой степени общественной опасности и угрозы в целом для организации и проведения исправительного процесса, порядка и условий отбывания наказаний это предопределяет изучение данного вида общественно опасных посягательств, в том числе и в контексте ее ретроспективного анализа.

Так, содержательный анализ памятников права показал, что уже в Судебнике 1497 г. (основывался на нормах обычного писаного права) имело место упоминание о подобном рода деяниях, которые в настоящий момент можно отнести к преступным (например, задержанным лицам по факту воровства запрещалось давать чиновникам взятки). Однако более подробную правовую регламентацию подобного рода преступные деяния получили только в источниках права первой половины XVI в. – губных грамотах, уставных и указных книгах приказов (особенно Разбойного), Судебнике 1550 г. [2, с. 18].

Упоминание о пенитенциарных преступлениях и ответственности за их совершение приходит и на белорусские земли позднее, что находит свое отражение в статутах ВКЛ. В частности, нормы Статута ВКЛ 1588 г. содержат следующие положения: «если бы неоседлый тем же способом в такое заключение был дан, а с него бы удрал, которого теми штрафами не было бы с чего заставить и не был бы задержан и вторично пойман, тогда тот вряд должен нам, государю, письмом своим о том сообщить, а мы в то же время без всякого промедления должны такового неоседлого со всех государств наших изгнать, как о том в этом же статуте имеется запись» [3, с. 315]. Кроме законодательного запрета совершения побегов из заключения преступниками Статут содержал нормы, которые регулировали порядок отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы. Так, потерпевшая сторона могла осуществлять контроль исполнения наказания, а за послабление режима (перемещение осужденного на верхний этаж, установка печки для его обогрева и т. д.) представители тюремной администрации привлекались к ответственности.

Вообще в старину тюремное заключение применялось исключительно в качестве временного содержания до суда, однако именно в XVI в. данный вид наказания становится одним из главных и применяется как в качестве основного, так и дополнительного наказания [4, с. 17]. Так, закрепление лишения свободы в качестве основного наказания и, как следствие, развитие тюремной системы повлекли неизбежное развитие пенитенциарной преступности.

Однако стоит отметить, что даже в конце XVIII в. в тюрьмах как одном из видов исправительного учреждения, обеспечивающего изоляцию преступников от общества, отсутствовало не только адекватное материально-бытовое обеспечение, но и отдельное содержание мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних, подозреваемых и осужденных. Так, С.В. Познышев пишет: «...тюрьмы находились в таком же ужасном состоянии, как и в Западной Европе. Как и там, у нас в тюрьмах царили голод, холод, всевозможные болезни и страшная смертность... Колодники не разделялись ни по возрасту, ни по роду преступлений; не всегда разделялись они даже и по полу» [5, с. 17–18]. Такая обстановка неизбежно приводила к стратификации указанных лиц, возникновению собственной иерархии и уголовной субкультуры и, как следствие, – к развитию пенитенциарной преступности.

Находясь в невыносимых условиях отбывания наказания, профессиональные преступники вперемешку с подозреваемыми, заключенные в одном месте на длительный срок, устанавливали собственный устав и проводили свою идеологию. Таким образом возникла тюремная артель, община – первое организованное сообщество арестантов, положившее начало современной тюремной субкультуре. Высшим органом (арестантская сходка) разрешались определенные вопросы тюремной жизни: выбиралась тактика и выстраивалась стратегия отношений с администрацией тюремного учреждения, решались финансовые вопросы, проводилось назначение и осуществлялось распределение должностей среди арестантов, входивших в общину. Тюремная община стала главной преградой между осужденным и государством, практически полностью лишая его органы возможности исправительного воздействия на арестантов.

Возникновение тюремной артели в XVI–XVII вв. сыграло важнейшую роль и в развитии пенитенциарной преступности того времени. На протяжении практически двух веков развивались и укреплялись арестантские общественные отношения, предписывавшие правила поведения как среди самих осужденных, так и в общении с администрацией; устанавливающие место каждого в иерархии общины, объединявшие разрозненную ранее прослойку профессиональных преступников и укрепление своего влияния на преступность вне пределов тюрьмы [6, с. 33].

Во второй половине XIX в. повсеместно активизируются так называемые бродяги, стоявшие во главе тюремной общины. Отвергнутые обществом профессиональные преступники создавали внутри общины свой социум, полноправными членами которого являлись. Так, цели тюремной общины были направлены на противодействие тюремным правилам и дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, но такая форма самоуправления осужденных поддерживалась тюремной администрацией. С одной стороны, администрация вынуждена была считаться с артелью как с единственно существовавшей в то время системой самоуправления осужденных, с другой – артель являлась средством дополнительного дохода в виде взяток и поборов.

Известный исследователь Н.М. Ядринцев писал: всякие кражи, грабежи и обиды разыскиваются самой общиной или камерой обиженного; все буйства и драки прекращаются самими арестантами; таким образом, в хорошо организованных острожных и каторжных общинах начальство избавлено от всяких жалоб и претензий, которые иначе ему пришлось бы разбирать тысячами..., но, самое главное, в чем состоял недостаток и слабая струнка смотрителей и чем обыкновенно ловко пользовались арестанты, – это склонность прежних чиновников острога пользоваться разными источниками дохода, экономиями и поборами с арестантов [7, с. 194, 209]. Кроме того, представители администрации были необученными и боялись мести арестованных, не надзирали за ними в должной мере, в тюрьмах часто происходили беспорядки [8, с. 135].

Позже получившая развитие профессиональная преступная среда пополнилась так называемыми «Иванами» – предшественниками будущих воров в законе, ставших главными тюремными идеологами с практически неограниченной властью не только в местах лишения свободы, но и за их пределами.

С учетом сложившейся ситуации в исправительных учреждениях чиновники были вынуждены чаще обращаться к идее отдельного содержания осужденных как к одному из средств предупреждения пенитенциарной преступности. Однако в подавляющем большинстве тюремные камеры оставались переполненными еще долгое время.

Так, поддерживая идеи Д. Говарда о отдельном содержании осужденных, еще в 1923 г. С.В. Познышев писал: «первое, что необходимо сделать для того, чтобы обеспечить пенитенциарному учреждению посильное достижение цели исправления, – это разместить арестантов так, чтобы худшие не оказывали развращающего влияния на сравнительно лучших, чтобы заключенные не сливались в одну сплоченную массу, духовными вождями которой всегда являются наиболее бесстыдные и развращенные, и которая всегда сумеет парализовать и нейтрализовать всякое воспитательное воздействие и подчинить отдельную личность своим порядкам и традициям» [5, с. 114].

Возрастающий со стороны ученых интерес к наказанию в виде лишения свободы повлек за собой формирование нового направления в науке – пенитенциарии (тюрьмоведение), цель которого – борьба с пенитенциарной преступностью. Принято считать, что родоначальниками обозначенного научного направления являются известные тюремные исследователи и реформаторы конца XVIII в. Д. Говард и И. Бентам, которые в результате подробного изучения тюремных систем Англии и других государств Европы предложили новое видение принципов организации системы тюремных учреждений. Работы зарубежных ученых произвели впечатление на российскую императрицу Екатерину II, что повлекло создание Проекта об устройстве тюрем. Документ так и не вышел в свет, но оказал значительное влияние на дальнейшее развитие отечественной пенитенциарной политики. Содержание документа было направлено в том числе и на профилактику преступлений в тюремных учреждениях, так как в нем рассматривались вопросы режима, улучшения содержания осужденных в местах лишения свободы, соблюдения их прав и законных интересов; содержались предложения по отдельному содержанию арестантов в зависимости от пола, правового статуса и вида наказания.

Влияние передового опыта развития тюремной системы Европы внесло свои коррективы во взгляды государственных деятелей на пенитенциарную политику. Александром I в 1819 г. создается Попечительное о тюрьмах общество. При помощи ближайшего и постоянного надзора над заключенными, размещения их по роду преступлений и обвинений, наставления их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, занятия их приличными упражнениями и заключения провинившихся или буйствующих в уединенное место Уставом созданному обществу определено было заниматься нравственным направлением арестантов [9, с. 99]. Несмотря

на отсутствие регламентации вопросов устройства тюрем и режима содержания осужденных, создание такого общества сыграло свою роль в развитии уголовно-исполнительной системы.

Далее на протяжении XIX в. наблюдалось стремительное развитие тюремного законодательства. Различные нормативные правовые акты регламентировали общие условия устройства тюрем, режим содержания осужденных, их раздельное размещение в зависимости от возраста, половой и сословной принадлежности, организацию материально-бытового обеспечения и пищевого довольствия, порядок подачи жалоб, а также дисциплинарные требования, меры ответственности за их нарушение.

Однако уголовно-исполнительная политика рассматриваемого периода в истории не позволила в полной мере оценить пагубные последствия не только для личности, но и для состояния оперативной обстановки в пенитенциарных учреждениях. Так, в конце XVIII в. получает широкое распространение такой вид наказания, как ссылка (длительный период лишения свободы). При этом все большее количество осужденных, в том числе с территории белорусских земель, направляются в Тобольскую, Омскую, Тульскую губернии. В этой связи С.Н. Таганцев указывал на рост числа осужденных, приговоренных к ссылке [1, с. 114]. В то же время активное применение обозначенного вида наказания предоставило возможность профессиональным преступникам укрепить свою власть в рядах арестантов. Для этого создаются все условия в виде удаленности мест отбывания наказания от органов контроля, самоуправления тюремной администрации, отсутствия нормальных материально-бытовых условий и т. п. Так, Н.М. Ядринцев писал: «еще теснее связь и союз арестантский скреплялись в сибирских острогах, наполненных ссыльнокаторжными и бродягами: такие люди чувствовали еще больше солидарности; их взаимные интересы были еще прочнее: они были уже кастой или сословием в среде других людей» [7, с. 187].

Так, у М.Н. Гернета в «Истории царской тюрьмы» содержатся сведения об осмотре тюремным инспектором мест лишения свободы, в том числе на белорусских землях в 1822 г.: инспектором отмечается хорошее состояние замка в Витебске, острога в Рогачеве, хотя там и крыша протекла, и требовался ремонт печей, в отличном состоянии находился острог в Старом Быхове, построенный на 50 человек, но содержалось там всего двое; в Могилевском каменном остроге находились всего 16 арестантов, что было скорее исключением, чем правилом [9, с. 300]. Исправительные учреждения испытывали массу проблем в связи с ненадлежащим обустройством и значительным их переполнением. Так, в своем докладе Минский вице-губернатор указывал на названную проблему, например, в Бобруйской тюрьме, построенной на сорок мест, вмещается иногда до 260 человек [10, с. 133].

Переполненные тюрьмы, тенденция увеличения численности арестантов и отсутствие их занятости лишали администрацию мест лишения свободы возможности наладить дисциплину и организовать правопорядок. В этих условиях не прекращались конфликты и беспорядки, безнаказанно совершались преступления различного рода. Места лишения свободы воспитывали профессиональных преступников, которые вместо исправления оттачивали приобретенные преступные умения и навыки. В некоторых случаях арестант видел такой путь единственно возможным, так как, когда преступник выходит из тюрьмы, для него закрыто всякое честное общество и ему остается только общество разбойников и воров [11, с. 27]. В таких условиях какая-либо профилактика преступности среди арестантов сводилась практически к нулю.

Изучение идей и взглядов западноевропейских пенитенциаристов, обширный практический опыт построения пенитенциарной системы зарубежных государств находит свое отражение в тюремной реформе Российской Империи 1879 г. Одним из ее направлений являлось образование учреждений, где позволялось оказывать исправительное воздействие на осужденных, при этом не только изолировав его от общества, но и изменяя установки, цели, правила и ценности арестанта. Такие изменения пенитенциарной политики должны были позитивно сказаться на всех сферах, связанных с лишением свободы, в том числе и на пенитенциарной преступности. Несмотря на позитивные перемены в уголовно-исполнительной политике государства в указанный период, на рубеже XX в. тюремная администрация все еще использовала меры дисциплинарного и физического воздействия за совершение осужденными преступлений или покушения на их совершение в качестве профилактических мер. Например, отчет тюремного инспектора Воронежской губернии содержал сведения о трех арестантах, которые были наказаны закованием в ножные кандалы, из коих два за побег, а один за угрозу надзирателю [12].

Резюмируя изложенное, можно заключить, что формирование и развитие взглядов на пенитенциарные преступления на белорусских землях берут свое начало в период средневековья. Уголовно наказуемые деяния совершались осужденными лицами еще и ранее, тем не менее с учетом законодательного закрепления наказания в виде лишения свободы только в XVI в. подробную правовую регламентацию указанные социальные явления получили именно в указанный период. Постепенное развитие пенитенциарных учреждений сыграло существенную роль в формировании специфической субкультуры и появлении отдельных представителей тюремного мира (профессиональных преступников), которые навязывали свои стереотипы поведения, обращения с представителями администрации и между осужденными лицами. Тем не менее неудовлетворительное состояние мест лишения свободы в аспекте режимных мероприятий, отсутствие профильного обучения и образования у тюремных чиновников, упущение в системе правовой регламентации содержания осужденных к лишению свободы сыграли роль криминогенных условий для формирования пенитенциарной преступности. И несмотря на положительные изменения в пенитенциарной политике к началу XX в. и осуществление централизации управления тюремной системой, укрепление позиции администрации мест лишения свободы – вопрос совершения преступлений осужденными во время отбывания наказания оставался открытым (угрозы и физические расправы, побег, хищения имущества, причинение телесных повреждений и убийства). Тем не менее ретроспективный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы позволил обобщить и систематизировать криминогенные факторы, обусловившие возникновение и развитие пенитенциарной преступности на белорусских землях.

Список использованных источников

1. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : лекции : в 2 т. / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников ; Ин-т гос-ва и права. Рос. акад. наук. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.
2. Ваганов, А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Б. Ваганов. – Челябинск, 2012. – 215 л.
3. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1989. – 573 с.
4. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность : монография / А.В. Шарков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 323 с.
5. Познышев, С.В. Основы пенитенциарной науки / С.В. Познышев. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 343 с.
6. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. – Рязань : Акад. права и упр. Федер. службы исполн. наказаний, 2009. – 567 с.
7. Ядринцев, Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Н.М. Ядринцев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2015. – 752 с.
8. Курас, С.Л. Система управления в тюремном ведомстве дореволюционной России на страницах ведомственных изданий / С.Л. Курас // Власть. – 2016. – № 1. – С. 134–138.
9. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М.Н. Гернет. – изд. 2-е доп. и пересмотр. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – Т. 1. – 327 с.
10. Свирский, А.И. Погибшие люди : в 3 т. / А.И. Свирский. – СПб. : А.Н. Морозов, 1898. – Т. 2. – 223 с.
11. Станчева, Е. Несчастенькие: О преступлениях и преступниках. Очерк по общественной патологии и гигиене / Е. Станчева. – СПб. : Д.Г. Алексеев, 1900. – 79 с.
12. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). – Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Дело-производство 1. Д. 2148. л. б.

Дата поступления в редакцию: 10.01.18

A.O. Legkiy, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PENITENTIARY CRIME ON THE BELARUS LAND (XVI-XX centuries): ORIGINS AND EVOLUTION OF FORMATION OF VIEWS

An attempt is made to conduct a retrospective analysis of the causes of the emergence of penitentiary criminality on Belarussian lands as part of the Grand Duchy of Lithuania and the Russian Empire. Special attention is paid to the development of criminal punishment in the form of deprivation of liberty. The latter is regarded as the main site of crime among convicts. The conditions are examined and the events that affect the formation and development of the prison subculture are considered.

Keywords: penitentiary criminality, imprisonment, penitentiary policy, imprisonment.

УДК 340.1

В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vadim_pavlov@tut.by)

ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМА ПРАВОГЕНЕЗА В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПРАВУ

Рассматривается проблема современных подходов к государству в контексте проблемы правогенеза. Обосновывается, что новоевропейские подходы к государству, рассматривающие его с позиции узурпации гражданских свобод, утрачивают актуальность. Связывание и нарушение базовых прав человека сегодня в большей мере осуществляется как раз на фоне слабости традиционного государства, на что один из первых обратил внимание М. Фуко. Антропология права в качестве ориентира для правогенеза предлагает рассматривать не государство, а практики правового существования, укорененные в цивилизационно-культурных образцах и базовых ценностях того или иного общества, а государство в таком случае может выступить одним из главных средств защиты права.

Ключевые слова: антропология права, личность, человек, государство, ценность.

Один из самых важных вопросов общетеоретической юриспруденции – вопрос правогенеза, который практически всегда связывается с государством и его местом в правоустановлении. Ни одна общетеоретическая концепция не может игнорировать значимость государства в осуществлении права, хотя целый ряд правовых теорий не признает государство в качестве правоустанавливающей инстанции. Например, в либертарно-юридической концепции В.С. Нерсесянца государство рассматривается как производное от права явление, не имеющее своей собственной сущности, отличной от сущности права, хотя при этом предполагается, что «правовой закон», формальное равенство всегда обеспечивается принудительной силой государства. Государство, собственно, и есть форма выражения формального равенства [1, с. 70–78]. Следовательно, в случае нарушения принципа формального равенства государством оно превращается в аппарат насилия.

Иной точки зрения в отношении места государства в процессе правогенеза придерживался другой теоретик права – Л.С. Мамут. Ученый пытался уйти от новоевропейской либерально ориентированной тенденции «подозрения государства» в связывании свободы и нащупывал в понимании государства солидаристские мотивы и форму институционального выражения жизни социума [2].

Большинство современных политико-правовых концепций, которые относятся к пост- или неклассическим правовым концепциям (коммуникативная теория права, герменевтическая концепция права, диалогическая теория права и др.), также «уходят» от легистско-этикетского понимания государства в вопросе правогенеза и ставят его «под подозрение», однако уже не в качестве средства ограничения свободы, а в качестве выражения техник подчинения или «микрофизики власти». В работах М. Фуко [3], например, это подозрение распространяется не только и даже не столько на государство, сколько на современное общество и культуру в целом. Интересно отметить при этом, что господство «скрытых дискурсов» власти общества и государства возникает не благодаря доминированию государства, а благодаря именно историческому вытеснению и подавлению традиционного государства со стороны либеральной идеологии, которая трансформирует государство и превращает его в средство распространения и навязывания либерального мировоззрения и техник власти современной культуры. При этом власть в постклассических политико-правовых концепциях в основном рассматривается не столько как прямая сила со стороны государства, а как имплицитное воздействие на человека, его личность «микрофизики власти» – разнообразных техник и процедур, структурирующих возможное поле действия субъектов. Примером действия «микрофизики власти» являются господствующие в современном обществе техники потребления, стимулируемые брендингом и маркетингом, процедуры контроля, учета, регистрации, в том числе с использованием техники, которые структурно задают достаточно широкий круг социальных отношений, своего рода невидимо подчиняя себе поведение человека.

Каким образом можно определить значение современного государства в установлении начал правовой жизни? Современное государство, по крайней мере, если говорить о восточнославянском мире – Беларуси, России, некоторых азиатских странах (Китай, Казахстан), пока еще

сохраняет свою традиционную форму суверенной организации осуществления власти. Тем не менее глобальные тенденции общественной самоорганизации, государственно-властного укрепления, повсеместного усиления частнопроводных начал и, следовательно, постепенного вытеснения государства из процесса правоустановления сегодня оказывают влияние и на традиционные государства. Об этом свидетельствует актуальность в современном социальном дискурсе идей государственно-частного партнерства, широкого распространения медиативных и посреднических практик, создания правовых процедур самозанятости граждан и т. д. Таким образом, можно сказать, что сфера «государственного права» сужается, государство постепенно вытесняется из общественного сознания как главный источник правоустановления. Не последнюю роль в этом процессе играет и техника как объективный фактор развития социальной реальности. Интересно, однако, при этом отметить, что, когда речь заходит об упречных ситуациях, совершении правонарушений, социальных конфликтах, различного рода катаклизмах в обществе и т. д., государство призывается обществом как главный субъект обязанности обеспечения права и субъект ответственности за поддержание личной и общественной безопасности.

Анализ процесса эволюции общества и государственности, рассмотрение процессов формирования различных правовых систем, прослеживание правогенеза у различных народов подтверждает тот факт, что исторически государство не является первым источником правового. В принципе и сегодня большинство стран, имеющих в основании своего политико-правового устройства новоевропейские правовые стандарты (учение о правовом государстве и правах человека, приоритете человека, его прав и свобод над обществом и государством), также исходят из положения о том, что государство не является правоустанавливающей инстанцией, а есть лишь легальное и легитимное средство выражения права. Вместе с тем в социальном сознании именно государство, а не народ или абстрактное понятие общества, воспринимается в качестве правоустанавливающего авторитета.

Действительно, с точки зрения обычной юридической прагматики сложно отказать государству в праворегулирующем доминировании в рамках национальных правовых систем, даже несмотря на мощную современную тенденцию развития различных надгосударственных образований и господство либерального типа мышления. Данный факт признают практически все современные правоведы, несмотря на их принадлежность к различным правовым школам. Почти все общества живут в государственно организованной форме, а вот опыт разрушения государства, как видно сегодня на примере Сирии и Ирака, создает хаос и нарушает самые что ни есть базовые принципы человеческого существования – возникает банальная «война всех против всех», появляются рынки работорговли, происходят массовые убийства и др. Так, в свое время Г.Д. Гурвич отмечал, что именно в момент различного рода потрясений государственно организованной жизни, в периоды революций интуитивное позитивное право превалирует над правом формальным, однако затем снова устанавливается новое формальное право [4, с. 171]. Но где гарантия того, что это новое право будет лучшим нежели прежнее? Печальные примеры подобных революций находим в отечественной истории прошлого столетия, похожие примеры имеют место и сегодня.

С позиции антропологического подхода к праву обсуждение вопроса о правогенезе в плане традиционной постановки вопроса о конкуренции государства и иных образований (общества, социальных союзов, личности и т. д.) представляется неконструктивным. Очевидность того, что государство не является инстанцией правогенеза, не вызывает сомнения. Однако это не отменяет прагматического взгляда на государство как ведущий субъект практического осуществления права. Государство хотя и представляет особый субъект в политической системе общества, и оно обычно данным обществом таким образом и воспринимается, но по сути является таким же союзом, специальной организацией власти, как и иные коллективные субъекты. В этом плане близкой представляется позиция Л.С. Мамута. Недавние события в Турции при попытке совершения государственного переворота, продолжающаяся война в Сирии подтверждают шаткость восприятия государства как тотального субъекта власти.

Более актуальным вопросом в проблеме правогенеза в контексте политики права является не вопрос о конкуренции государства и общества, а вопрос о критериях праворегулирующей практики, в том числе и соответствующей деятельности государства: вопрос не «кто» является правоустанавливающим авторитетом, а «что» устанавливается, ведь не только государство, но и социальная группа, союз, общество, личность, априорный принцип и т. д. также могут стать источником неправового и несправедливого, искажающего элементарные базовые ценности права.

Такое ценностно-правовое измерение проблемы правогенеза нередко упускается из вида исследователями, которые делают основной акцент на поиске правоустанавливающего авторитета. Но и этот вопрос, важнейший для философии права, без аксиологического измерения утрачивает свою значимость.

В рамках антропологического подхода к праву целесообразно сместить методологические ориентиры с рассмотрения традиционного новоевропейского подхода по оппонированию государству в борьбе за первенство в правогенезе на поиск аксиологического критерия, который должен лежать в основе оценки правоустановления.

Антропология права, утверждающая принцип человекомерности права в качестве центрального для правовой системы [5, с. 36], соответственно требует концентрации внимания на вопросе отражения в правоустановлении ценностей личности в праве, личного правового существования, причем ценностей не как априорных принципов, а как реально складывающихся и проявляющихся в правовой действительности практик правового существования [6]. В самом общем виде практики правового существования выступают в антропологии права критерием и ориентиром для реально складывающегося правопорядка. В них и через них осуществляется воспроизводство личных и в то же время социокультурных ценностей. Практики правового существования, рассматриваемые в качестве правоустанавливающего критерия, должны способствовать цивилизационно-культурной идентичности, воспроизводству того или иного общества, народа, страны, что, в свою очередь, связано с воспроизводством ценностей в личном правовом опыте. Достижение этого возможно за счет антропологической ориентации права на базе собственной культурно-исторической традиции, но не за счет одного лишь совершенствования фундаментализма права, т. е. развития положений новоевропейской конституционно-правовой доктрины, ориентированной на универсализирующую трансформацию национальной правовой системы с опорой на так называемые мировые стандарты. Этот последний путь сегодня является ошибочным, на что обращает внимание в своей последней публикации В.Д. Зорькин [7].

Антропологизация права предполагает его особое человекомерное измерение, где, как и в новоевропейском правовом дискурсе, все усилия правового и государственного развития направлены в конечном счете на человека. Однако, в отличие от новоевропейской методологии, антропологическая концепция права рассматривает человека не абстрактно и не идеализированно, а в контексте его реальной деятельности с опорой на возможности формирования и удержания лицом личных правовых ценностей и их воспроизводства в правовой жизни. Методологическим критерием здесь может стать учение о личности, разрабатываемое в современной европейской философской мысли о человеке и в традиционной византийской антропологии: сегодня во многом они сближаются, оказывая взаимное влияние и выступая реальной альтернативой того разрушающего воздействия, которое оказывают на национальные правопорядки так называемые новые ценности в сфере прав человека (однополые «браки», их право на усыновление и удочерение, замена представления о традиционной семье, отцовстве, воспитании и т. д.).

Удержание человеком ценности, личной добродетели для самой по себе человеческой природы, как это предполагалось в новоевропейской (картезианской) модели человека, невозможно. Современная правовая действительность подтверждает ошибочность природно-субъектной антропологии эпохи Просвещения на примере распространившейся по всей Западной Европе правовой защиты явно антиантропологических по своему характеру, противоречащих самой человеческой природе юридических прав («соматические права человека»). Удержание ценности, добродетели, нравственно положенного возможно только через личностное усилие, личностное произволение в процессе практики существования, что и должно постоянно учитываться в процессе правоустановления.

Относительно государства следует сказать, что только оно и может осуществить закрепление и удержание нравственно оправданных практик личного правового существования посредством построения ценностной иерархии в источниках права. Вместе с тем для этого общество, как и само государство, должны исключить возможность злоупотребления: присвоения права определения данного критерия самой государственной властью без опоры на культурно-историческую традицию и социокультурные ценности. Это очень важный и тонкий момент. Государство, как бы его не социализировали, есть прежде всего институциональное образование, обладающее свойствами системы, по своим внутренним характеристикам объективно не различающее и нивелирующее личностное, человеческое. Примеры легализации однополых браков

парламентом Франции в 2013 г., принятие антидискриминационного закона в Грузии в 2014 г. при огромном социальном несогласии с этими решениями говорят сами за себя. В рамках государства антропологические критерии выявлены быть не могут из-за совершенно иной – институциональной – природы государственной деятельности, что, однако, не означает чего-то самого по себе негативного. Это просто объективный факт любой институциональной формы, в этом заключена специфическая особенность государственной деятельности. По этой причине в антропологической концепции права не система и институты, а личность в праве является ориентиром правового. Парадоксально, но именно такой подход способствует эффективному функционированию государства в выполнении им своего социального назначения.

Таким образом, рассмотрение государства в контексте проблемы правогенеза должно осуществляться посредством методологической переориентации – от поиска правоустанавливающего авторитета между оппонировавшими государству субъектами – к поиску критериев ценностных правовых содержаний и вменения государству обязанности их институциональной поддержки. В этом, как видится, и заключается роль современного государства как института обеспечения социальной стабильности и свободы человека.

Списков использованных источников

1. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М. : ИНФРА М, 1999. – 552 с.
2. Мамут, Л.С. Социальное государство с точки зрения права / Л.С. Мамут // Государство и право. – 2001. – № 7 – С. 5–14.
3. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году : пер. с фр. А.В. Дьяков / М. Фуко. – СПб., 2010. – 446 с.
4. Гурвич, Г.Д. Идея социального права / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной // Г.Д. Гурвич. Философия и социология права : избр. соч. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 41–212.
5. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.
6. Павлов, В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В.И. Павлов // Правоведение. – 2015. – № 4. – С. 71–97.
7. Зорькин, В.Д. Суть права / В.Д. Зорькин [Электронный ресурс] // Вопр. философии. – 2018. – № 1. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1851&Itemid=52. – Дата доступа: 07.03.2018.

Дата поступления в редакцию: 16.03.18

V.I. Pavlov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Theory State and Law History of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

STATE AND LAW GENESIS IN THE ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE LAW

The article deals with the problem of modern approaches to the state in the context of law genesis problems. It is proved that the liberal approach to the state, considering it from a position of usurpation of civil liberties, lose relevance today. Binding and violation of basic human rights today are increasingly carried out just on the background of the traditional weakness of the State in which one of the first drew attention to M. Foucault. Anthropology of law as a guide for law genesis offers dis-regarded not the state, and the practice of legal existence, rooted in the civilization and cultural patterns and basic values of a society, and in this case the state can address one of the main remedies.

Keywords: legal anthropology, person, people, state, value.

УДК 947.6 + 930

*А.М. Сувалаў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь
(e-mail: suvalau@tut.by)*

ДАСЛЕДАВАННІ ЭТНАГЕНЕЗУ БЕЛАРУСАЎ У 40-х гг. ХХ ст.

Разглядаюцца асноўныя падыходы ў вывучэнні беларускага этнасу ў 40-х гг. ХХ ст., перш за ўсё такіх вучоных, як У.В. Маўродзін, М.С. Дзяржавін, А.П. П'янкуў, Ф.Т. Канстанцінаў і У.І. Пічэта. Аналізуюцца асноўныя

навуковыя і ненавуковыя фактары, якія ўплывалі на фарміраванне падыходаў да праблемы этнагенезу беларусаў у перадаванні час, у Вялікую Айчынную вайну і ў першыя пасляваенныя гады.

Ключавыя словы: беларусы, этнагенез, гістарыяграфія, навуковая канцэпцыя, этнаграфія, этнас.

Перыяд 40-х гг. XX ст. мае некалькі падперыядаў, якія кардынальна адрозніваюцца паміж сабою. Першы – час да пачатку Вялікай Айчыннай вайны, калі Другая сусветная вайна ўжо пачалася, калі да БССР была вернута частка беларускіх этнічных тэрыторый, але для большай часткі краіны (СССР) яшчэ працягвалася мірнае жыццё. У навуковым плане ў гэты час ажыццяўляюцца ранейшыя даследаванні, з’яўляюцца некаторыя новыя падыходы ў вывучэнні праблемы этнагенезу беларусаў. Другі падперыяд – час Вялікай Айчыннай вайны – не самы лепшы час для правядзення грунтоўных навуковых даследаванняў па этнагенезу і іншых праблемах гістарычнага мінулага. Выключэнне складаюць толькі тыя тэмы, якія ў сувязі з надзённымі запатрабаваннямі часу могуць паспрыяць мабілізацыі грамадства на барацьбу з ворагам. Іншымі словамі кажучы, інтарэс да пэўнай тэмы быў звязаны з ідэалагічнымі запатрабаваннямі часу, і адпаведна мэты публікацый аўтараў у большай ступені былі арыентаваны не на атрыманне навуковых вынікаў, а на перакананне чытача ў правільнасці адстойваемых палітычных і ідэалагічных пазіцый. Адпаведна паколькі асноўнымі спажыўцамі або аўдыторыяй, на якую арыентаваліся аўтары, з’яўляліся не вузкія спецыялісты-прафесіяналы, а шырокія колы грамадства, то і сродкі давядзення поглядаў насілі не столькі навуковы, колькі навукова-публіцыстычны характар. Пасляваенны падперыяд – час, калі эйфарыя ад перамогі над нацыянал-сацыялізмам (нямецкім фашызмам) суправаджалася жаданнем канчаткова перамагчы звергнутага ворага ва ўсіх магчымых сферах жыццяздзейнасці, у тым ліку цалкам развянчаць яго расавыя тэорыі і нейтралізаваць спробы раз’яднаць адзінства савецкага народа-пераможцы.

Непасрэдна перад пачаткам Вялікай Айчыннай вайны пабачыў свет першы з запланаванай серыі зборнік, прысвечаны этнагенезу славян, які быў падрыхтаваны Інстытутам гісторыі матэрыяльнай культуры імя М.Я. Мара Акадэміі навук СССР [1]. Указаная серыя публікацый з выкарыстаннем археалагічных матэрыялаў павінна была вырашыць «адну з самых важных і вострых навуковых праблем» – праблему этнагенезу ўсходніх славян [1, с. 7]. Па сцвярджэнню аўтараў зборніка, да апошняга часу (да 1941 г.) археалагічныя даныя не карысталіся сярод гісторыкаў дастатковым прызнаннем у якасці крыніцы па тэме этнагенезу таго ці іншага народа [1, с. 7]. Метадалагічна значным і новым для навукі таго часу было прызнанне археалагічных матэрыялаў у якасці паўнаважнай гістарычнай крыніцы пры правядзенні даследаванняў этнагенезу ўсходніх славян [1, с. 7]. Вельмі малая колькасць пісьмовых крыніц, якія можна было б выкарыстаць пры правядзенні этнагенетычных даследаванняў, дазваляла будаваць даволі розныя канцэпцыі. Апошнія маглі ўтрымліваць вялікую колькасць дапушчэнняў і меркаванняў. У сувязі з чым прыцягненне новых крыніц, матэрыяльных рэшткаў культуры былога насельніцтва рэгіёнаў, дзе, па меркаванню аўтараў, славяне цалкам ці ўсходнія ў прыватнасці сфарміраваліся ў якасці самастойнай адзінкі, ставіла вывучэнне праблемы этнагенезу на новы і якасны падмурак, значна звужала поле рознага роду дапушчэнняў і галаслоўных меркаванняў. Значым, што пашырэнне крыніцазнаўчай базы па даследаваннях праблемы этнагенезу беларусаў праз уключэнне даных археалогіі, вельмі паспрыяла навуковаму абгрунтаванню тэорыі і канцэпцый этнагенезу славян, у тым ліку і этнагенезу беларусаў, але нельга перабольшваць значэнне даных археалогіі, якія можна выкарыстоўваць пры вывучэнні дадзенай тэмы толькі разам і ва ўзаемазвязі з данымі іншых навуковых дысцыплін.

У фарміраванні падыходаў да праблемы этнагенезу ўсходнеславянскіх народаў у гэты перыяд віднае месца займала асоба У.В. Маўродзіна. Нягледзячы на тое што асноўныя работы паважанага даследчыка па ўказанай тэматыцы пабачылі свет пазней, асноўныя яго ідэі можна прасачыць і па публікацыях 40-х гг. XX ст. Так, ужо па першых работах, прысвечаных гісторыі Усходняй Еўропы, бачна, што У.В. Маўродзін аб’ядноўваў усё ўсходняе славянства пад найменнем «рускія». У сітуацыях, калі неабходна было падкрэсліць, што гаворка ідзе толькі пра частку ўсходніх славян, аўтар дадаваў эпітэт «уласна» рускія («собственно русские, т. е. великорусские») [2, с. 5], а калі гаворка ішла пра ўкраінцаў, паняцце «рускія» бралася чамусьці ў двух-коссе, або таксама рабілася ўдакладненне кшталту «носители «русской», г. зн. украинской, культуры» [2, с. 23]. З’яўляючыся прыхільнікам і папулярызатарам «масквацэнтрысцкай» кан-

цэпцыі В.В. Ключэўскага, У.В. Маўродзін даследаваў і выкарыстоўваў у асноўным матэрыялы ўсходняй часткі ўсходнеславянскага рэгіёна.

Так, У.В. Маўродзін, у адрозненне ад М.Я. Мара і М.С. Дзяржавіна, быў прыхільнікам ідэі перасялення славян на тэрыторыю Усходняй Еўропы з Падунаў'я (перш за ўсё з тэрыторыі цяперашніх Венгрыі і Балгарыі) [3, с. 20, 21]. Аўтар адштурхоўваўся ад двух пастулатаў тагачаснай савецкай гістарычнай навукі: народ нікуды не знікае, таму славяне (як і іншыя народы) ёсць вынік асіміляцыі «дзсяткаў і сотняў дробных плямён ...» [3, с. 22–23]; усе перасяленні народаў «як правіла, не закранаюць асноўных мас насельніцтва ... як фізічнай велічыні» [3, с. 23]. Такім чынам, ён сумясціў ідэю аўтахтоннасці славянскага насельніцтва, якой прытрымліваўся М.Я. Мар, М.С. Дзяржавін і інш., з вядомай з'яваю ў гісторыі Еўропы – Вялікім перасяленнем народаў. Даследчык таксама імкнуўся ідэнтыфікаваць некаторыя археалагічныя культуры як славянскія. Так, па яго меркаванню, у III–V ст. н. э. на тэрыторыі Прыкарпацця і Сярэдняга Дняпра пачынаюць злівацца ў два «ачага» этнагенезу ўсходніх славян, якія ўяўлялі «аславянізаваныя рэшткі гэтадакійскіх, скіфскіх і сармацкіх плямён, а таксама далёкія нашчадкі тых, каго грэкі называлі гетамі, а рымляне – дакамі, бесамі, кастабокамі і г. д.» [3, с. 41]. Так, у сваіх даследаваннях У.В. Маўродзін імкнуўся выкарыстоўваць матэрыялы археалогіі, гісторыі, мовазнаўства і антрапалогіі.

У час вайны тэма этнагенезу беларусаў выкарыстоўвалася ў якасці аргумента пры вядзенні ідэалагічнай барацьбы. Асноўныя прапагандысты з боку нацыянал-сацыялістаў, прадстаўнікі беларускіх калабарцыяністаў, выступаючы на баку фашысцкай Германіі, выкарыстоўвалі гістарычны матэрыял для доказу прыналежнасці беларусаў да ліку еўрапейскіх народаў. Імпліцытна па іх публікацыях адчуваецца імкненне давесці наяўнасць розніцы перш за ўсё паміж двума ўсходнеславянскімі народамі: велікарусамі і беларусамі. Жаданне падкрэсліць самастойнасць беларускага народа, яго старажытнасць і адасобленнасць ад суседзяў прасочваецца ў прапагандысцкіх публікацыях акупацыйных улад. Аднак інтарэс у рамках артыкула састаўляюць навуковыя пазіцыі і погляды аўтараў і суадносна – падобныя крыніцы перыяду акупацыі.

Па падліках Ю. Туронка, падчас фашысцкай акупацыі ў Беларусі выйшлі 52 кнігі (для параўнання: у адной Латвіі – 1 500) [4, с. 32]. Калі яшчэ ўлічыць памеры краін і колькасны паказчыкі насельніцтва, то маштаб публікацыйнай дзейнасці ў Беларусі перыяду акупацыі будзе выглядаць больш чым сціпла. Пры гэтым толькі частка з апублікаваных кніг мела дачыненне да праблемы этнагенезу беларусаў. У гэтай сувязі варта ўзгадаць апублікаваны ў час нямецка-фашысцкай акупацыі папулярны нарыс Я.А. Найдзюка па гісторыі «Беларусь учора і сёння». Гэта было фактычна другое, перапрацаванае і дапоўненае аўтарам выданне нарыса 1940 г. Нарыс выйшаў пад рэдакцыяй І. Сівіцы, працаўніка аддзела культуры і палітыкі Генеральнага камісара Беларусі. Па сцвярджэнню А.П. Грыцкевіча, І. Сівіца паправіў тэкст падручніка ў кірунку, які адпавядаў нямецкай палітыцы ў Генеральнай акрузе Беларусь [5, с. 402]. Пры перавыданні гэтай публікацыі ў 1993 г. рэдактарскія праўкі І. Сівіца з прапагандысцкім характарам былі апушчаны, а ў тэкст Я.А. Найдзюка вярнулі тыя часткі, якія тычыліся перамогі славянскіх народаў над ордэнскімі войскамі пад Грунвальдам у 1410 г. і іншыя падобныя ім матэрыялы. У сваіх поглядах на этнагенез беларусаў Я.А. Найдзюк не выказвае нейкіх арыгінальных ідэй. Па-першае, ён казаў аб прышласці славянскага элемента ва Усходняй Еўропе з тэрыторыі паміж Дняпром, Віслай і Карпатамі [5, с. 12]. Па-другое, сярод продкаў беларусаў ён указвае шэсць славянскіх плямён: крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў, вяцічаў, севяран і драўлян [5, с. 13]. Па-трэцяе, «расавыя» карані беларусаў даследчык бачыў як вынік «зліцця» прышлых славян з мясцовымі балтамі (яцьвягамі і голядзю) [5, с. 14]. І апошняе, час выдзялення мовы беларусаў з праславянскай мовы адносіцца ім да перыяду не пазней VI ст. н. э. [5, с. 15]. Іншымі словамі, аўтар ніяк не абазначаў наяўнасць нейкага сумеснага з іншымі ўсходнеславянскімі народамі перыяду этнічнага развіцця. Нарыс Я.А. Найдзюка стаў адной з нямногіх публікацый, дзе закраналася праблема этнагенезу беларусаў, і якую можна хаця б часткова аднесці да ліку навуковых.

Таксама нельга сказаць, што ў перыяд Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны савецкія вучоныя адводзілі значнае месца даследаванню праблемы этнагенезу беларусаў. Інтарэс часцей узнікаў з запатрабаванняў часу, паколькі дзейнічаў лозунг: «Усё для фронту, усё для Перамогі». Таму зразумела, што на першы план выступала ідэя ўсенароднай барацьбы народаў Савецкага Саюза, аб'яднаных не толькі агульнымі ідэаламі, але і гістарычнай роднасцю і блізкасцю

беларусаў, украінцаў і рускіх (велікарусаў). Указанай акалічнасцю тлумачыцца тое, што публікацыі на тэму паходжання і этнічнай прыналежнасці беларусаў пачалі публікавацца больш інтэнсіўна адразу з заканчэннем Вялікай Айчыннай вайны. Бачна, што гэта свайго роду спрэчка «post factum» без указання пазіцыі апанентаў, якія былі не столькі навукоўцамі, з якімі неабходна весці прадметную дыскусію, колькі проста здраднікамі Радзімы і савецкіх ідэалаў. Па праблеме этнагенезу беларусаў былі апублікаваны работы М.С. Дзяржавіна, Ф.Т. Канстанцінава, У.І. Пічэты і А.П. П'янкава [6–10]. Указаныя публікацыі, акрамя работы М.С. Дзяржавіна, даволі сціслыя па памерах, больш падобныя на брашуры. Кожная з іх утрымлівае да 40 старонак тэксту і была першай спробай асэнсавання праблемы этнагенезу беларусаў, якія ўтрымліваюць толькі канцэптuallyя палажэнні і вызначаюць поле для будучых больш грунтоўных даследаванняў.

Першае месца і па часе з'яўлення і па сваім значэнні мае работа М.С. Дзяржавіна «Паходжанне рускага народа: велікарускага, украінскага і беларускага» (1944 г.), выдадзеная па асабістаму ўказанню І.В. Сталіна [6, с. 4]. Ужо пасля вайны ў 1948 г. за «Паходжанне рускага народа: велікарускага, украінскага і беларускага» і «Славян у старажытнасці» М.С. Дзяржавін атрымаў Сталінскую прэмію 1-й ступені. Указанне на апошняе падкрэслівае наш тэзіс аб афіцыйным прызнанні ідэй і палажэнняў, выказаных аўтарам адносна этнагенезу ўсходнеславянскіх народаў у цэлым і беларусаў у прыватнасці ў гэтых публікацыях.

М.С. Дзяржавін, як і яго настаўнік М.Я. Мар, лічыў славян аўтахтонным насельніцтвам: ні адзін «народ не знікае бяследна са сваіх месцаў пасялення, ... працягвае пераемнасна жыць у культурнай спадчыне наступных насельнікаў той жа тэрыторыі» [6, с. 8]. Так, М.С. Дзяржавін выводзіў усходніх славян з земляробчых плямён старажытнай Скіфіі, носьбітаў трыпольскай археалагічнай культуры, у якіх ён бачыў выключна толькі продкаў праславян (або протаславян) [6, с. 9]. Паколькі, па перакананню аўтара, з эпохі палеаліту і да наступлення жалезнага веку на гэтых тэрыторыях жыў адзін і той жа «ў асноўным ядры» народ, які «ў цэлым дае пэўны этнаграфічны тып», то «мы не маем ніякіх падстаў не бачыць у гэтым тыпе субстрат пазнейшага славянскага насельніцтва ... усходніх славян – украінцаў, беларусаў, велікарусаў» [6, с. 10]. Такім чынам, старажытнасць Русі адносілася на часы больш старадаўнія, чым з'явіліся варагі, што пазбаўляла прыхільнікаў нарманскай тэорыі якіх-небудзь аргументаў. Па меркаванню даследчыка, «нашы продкі» пражываюць на «тэрыторыі Савецкага Саюза» прыблізна сорак тысяч гадоў [6, с. 10]. Тэрытарыяльна ядро протаславянскай народнасці знаходзілася ў басейне сярэдняга Дняпра і Прыпяці – на тэрыторыях сучаснай Украіны і Беларусі. Цікава гучыць і палажэнне пра паходжанне рускага народа з глыбокай старажытнасці, калі пра «рускі народ як пра асаблівую этнаграфічную групу на еўрапейскім мацярыку не было яшчэ і гаворкі» [6, с. 7]. Зыходзячы з вышэйзгаданых разважанняў, М.С. Дзяржавін прыходзіць да сцвярджэння, што ўжо з першых стагоддзяў нашай эры ўсе славяне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы (ад Дона і вярхоўяў рэк Акі і Волгі на ўсходзе і да Эльбы (славянская Лаба) і басейна яе прытока Заалы на захадзе; ад Эгейскага мора, паўночнага Прычарнамор'я і Прыазоўя на поўдні і да Балтыйскага пабярэжжа і Ладажскага возера на поўначы), па мове, звычаях і ўсяму парадку свайго жыцця, складалі ў цэлым адзін народ [6, с. 42]. Праўда, ён прызнаваў, што гэты народ быў падзелены на мноства разрозненых плямён [6, с. 42]. Логіка этнагенезу беларусаў, як і іншых славянскіх народаў, па меркаванню М.С. Дзяржавіна, у развіцці аўтахтонных элементаў ад поўнага адзінства да паступовага распаду на паасобныя адзінкі, а затым і на яшчэ больш дробныя элементы. Так, з адзінага славянскага народа выдзяляюцца тры групы славянскіх народаў: усходнія, заходнія і паўднёвыя славяне. А затым гэтыя тры групы славян падзяляюцца на паасобныя народы: усходнія славяне – на велікарусаў, украінцаў і беларусаў, заходнія славяне – на чэхаў, славакаў, сербаў-лужычан, палякаў і паморскіх кашубаў са славінцамі, і паўднёвыя славяне – на славенаў, харватаў, сербаў, македонцаў і балгар [6, с. 42].

Адносна ўсходніх славян М.С. Дзяржавін, спасылаючыся на «Аповесць мінулых гадоў», пералічвае дванаццаць плямён VIII–X ст., якія складалі «ў цэлым рускі народ» [6, с. 42–43].

М.С. Дзяржавін неаднойчы падкрэсліваў тэзіс пра існаванне адзінага рускага народа, які складаецца з трох брацкіх народаў: велікарусаў, украінцаў і беларусаў [6, с. 7]. Менавіта гаворка ідзе не пра «народнасці», а пра «народы». Таксама паказальны момант: у межах адной і той жа работы паралельна выкарыстоўваюцца паняцці «велікаросы» і «велікаруссы» для абазначэння

адной з галін адзінага рускага народа [6, с. 7, 10, 42]. Важна не блытаць «велікарускі народ» з «вялікім рускім народам», пад якім М.С. Дзяржавін мае на ўвазе ўсіх усходніх славян, а не толькі яго частку – велікарусаў [6, с. 45].

Публікацыя Ф.Т. Канстанцінава (1946 г.) прадстаўляла сабой скарачаны варыянт лекцыі, прачытанай аўтарам у ДOME партыйнай асветы. Сам аўтар у сваіх поглядах прытрымліваўся ідэі аўтахтоннасці славянскага насельніцтва Беларусі і вызначыў асноўныя этапы станаўлення беларускага народа, пры гэтым акцэнт рабіўся на спрадвечную цягу беларусаў да сваіх адзінакроўных братоў-расіян (велікарусаў). У дадзеным палажэнні якраз і праяўляецца завочная дыскусія ідэалагічнага зместу, выкліканая абставінамі Другой сусветнай вайны. Астатнія палажэнні з'яўляліся пераказам канцэпцыі Я.Ф. Карскага.

На матэрыялах публічнага выступлення 1948 г. была заснавана і невялікая па памерах работа доктара гістарычных навук А.П. П'янкава «Паходжанне беларускага народа». Матывам яе з'яўлення стала неабходнасць барацьбы з трактоўкамі этнагенезу беларусаў, якімі карысталіся «беларускія нацыяналісты» (указваюцца аўтарам). Апошнія «цалкам няправільна адлюстроўвалі працэс фарміравання беларускага народа: паходжанне яго яны адрывалі ад гісторыі братніх народаў – рускага і ўкраінскага», канстатавалася, што ўсходнеславянскія народы маюць агульнае паходжанне і агульны шляхі гістарычнага развіцця [10, с. 3]. Даследчык заяўляў, што не пагаджаецца з прыхільнікам ідэі міграцыі славянскіх плямён на тэрыторыю Усходняй Еўропы «ў гатовым выглядзе» [10, с. 3–4]. Пагаджаючыся з М.Я. Марам аб неперапынным развіцці насельніцтва на тэрыторыі Беларусі з часоў палеаліту, ён лічыў, што фарміраванне плямён, з якіх пазней склаліся ўсходнеславянскія народы, прадстаўляла сабой «прадукт складанага скрывавання розных больш ранейшых плямён» [10, с. 4]. Сярод продкаў славян ён называў скіфаў, неўраў, венедаў і скалатаў. А.П. П'янкаў лічыў венедаў продкамі як славян, так і балтаў, летаў, літоўцаў, жмудзінаў, прусаў і г. д. Ад імя апошніх А.П. П'янкаў выводзіў і этнонім «славяне» [10, с. 4]. Уласна, продкамі беларусаў даследчык называе тры славянскія племёны (крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў), а таксама «літоўскае» племя яцьвягаў, якія падвергліся культурнаму ўплыву з боку ўсходніх славян [10, с. 7, 13]. Ён яшчэ не карыстаецца паняццем «старажытнаруская народнасць», але выдзяляе перыяд Кіеўскай Русі ў якасці агульнага этапа этнічнага развіцця ўсходнеславянскіх народаў [10, с. 7]. Такім чынам, выдзяленне ўсходнеславянскіх народаў у самастойныя этнічныя ўтварэнні (народнасці) адносілася да часоў феадальнай адасобленасці XIV–XVI ст. [10, с. 8, 14, 15]. Галоўнымі фактарамі, якія спрыялі фарміраванню беларусаў, А.П. П'янкаў называў эканамічны (развіццё феадальных адносін) і палітычны (захоп літоўскімі феадаламі будучых беларускіх зямель і далучэнне іх да Вялікага Княства Літоўскага, а пазней Рэчы Паспалітай) [10, с. 12–13, 18]. Менавіта па прычыне захопу літоўскімі феадаламі часткі зямель заходняй Русі даследчык лічыў правільным выводзіць этымалогію назвы «Чорная Русь» (землі, захопленыя Літвой) «у процівагу назве «Белая Русь» (землі на той час вольныя і свабодныя ад татара-мангольскага ярма) [10, с. 16–17].

Пазіцыя У. Пічэты «Утварэнне беларускага народа» (1946 г.) пабачыла свет ужо пасля Вялікай Айчыннай вайны ў часопісе «Вопросы истории» і кардынальна не адрознівалася ад класічных палажэнняў першай навуковай канцэпцыі этнагенезу беларусаў Я.Ф. Карскага. Аўтар пагаджаўся з Я.Ф. Карскім, што беларусы ўтварылі этнічную аднасць у выніку «скрывавання» («скрещення») розных славянскіх і неславянскіх элементаў [9, с. 8]. Галоўная крытычная заўвага з боку У. Пічэты ў дачыненні да поглядаў Я.Ф. Карскага – неўказанне і няўлік ролі сацыяльна-эканамічных працэсаў у фарміраванні беларускага народа [9, с. 8]. Падобная заўвага – даніна марксісцка-ленінскай традыцыі ў савецкай гуманітарнай навуцы. Метадалогія савецкай гістарычнай навукі грунтавалася на палажэннях марксісцкай філасофіі аб дэтэрмінаванні эканомікай (базай) усіх іншых працэсаў у грамадстве. Такім чынам, лагічна (з пазіцыі логікі прыхільнікаў марксісцка-ленінскай філасофіі і метадалогіі) указанне на падобнага роду памылку Я.Ф. Карскага, які сфармуляваў сваю канцэпцыю яшчэ ў дакастрычніцкі перыяд сваёй навуковай творчасці (канец XIX – пачатак XX ст.), калі марксісцка-ленінская метадалогія яшчэ толькі распрацоўвалася і не мела не тое што панавання, але і нейкага значнага пашырэння ў гістарычнай навуцы. Акрамя гэтай заўвагі У. Пічэта практычна нічога не дадаў да палажэнняў канцэпцыі Я.Ф. Карскага, а ў пытанні аб часе фарміравання беларускага народа пагаджаўся з паважаным акадэмікам [9, с. 8].

Такім чынам, задачы, якія ставілі сабе аўтары публікацый па праблеме этнагенезу беларусаў, такія як А.П. П'янкаў і Ф.Т. Канстанцінаў, былі дасягнуты толькі часткова. Была абазначана пра-

блема этнагенезу беларусаў, на аснове даследаванняў папярэднікаў (Я.Ф. Карскі, М.С. Дзяржавін і інш.) былі вызначаны асноўныя фактары ўзнікнення і развіцця такой этнічнай супольнасці як беларусы, былі зроблены спробы вызначэння часу ўзнікнення беларускага народа, вызначалася яго этнічная аснова (тры ўсходнеславянскія народнасці, ці племянныя саюзы крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў), рабіліся спробы вызначыць месца і ролю роднасных беларусам славян (перш за ўсё велікарусаў і ўкраінцаў) у фарміраванні нашых продкаў, уключыць у якасці аднаго з этапаў этнагенезу беларусаў перыяд агульнага этнічнага развіцця ўсходніх славян – старажытнаарускую народнасць.

У пасляваенных публікацыях знайшлі сваё адлюстраванне не толькі погляды і канцэпцыі, якія палягалі ў коле навуковых спрэчак і дыскусій. Нават у навуковых выданнях знаходзім палажэнні, з'яўленне якіх было абумоўлена ідэалагічнай барацьбой. Гэта ёсць і ў А.П. П'янкава, і ў Ф.Т. Канстанцінава. Нягледзячы на даволі сціслыя памеры даследаванняў, на слабую аргументаванасць і грунтоўнасць, ідэі А.П. П'янкава і ў меншай ступені Ф.Т. Канстанцінава сталі на пэўны перыяд узорнымі, ці эталоннымі пры характарыстыцы этнічнага мінулага беларусаў, паколькі ідэалагічна яны былі вытрыманы і адпавядалі запатрабаванням свайго часу. З пачатку 50-х гг. ХХ ст., калі Інстытутам гісторыі АН БССР было распачата комплекснае даследаванне тэмы паходжання беларусаў, даследаванне праблемы набывае комплекснасць, значна павялічваецца колькасць і якасць публікацый па праблеме этнагенезу беларусаў. Але аналіз вынікаў даследаванняў гэтага перыяду ўжо выходзіць за рамкі артыкула.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Этногенез восточных славян : в 2 т. / под ред. М.И. Артамонова. – Т. 1. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1941. – 288 с.
2. Мавродин, В.В. Образование русского национального государства / В.В. Мавродин. – 2-е изд. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. – 208 с.
3. Мавродин, В.В. Древняя Русь: происхождение русского народа и образование Киевского государства / В.В. Мавродин. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1946. – 312 с.
4. Скобла, М. Ахоўная сцяна Беларусі / М. Скобла // Наша вера. – 2011. – № 2. – С. 30–33.
5. Найдзюк, Я.А. Беларусь учора і сёння : папулярны нарыс з гісторыі Беларусі / Я.А. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 414 с.
6. Державин, Н.С. Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского. Славяне в древности / Н.С. Державин. – М. ; Минск : Рус. Правда, 2010. – 320 с.
7. Канстанцінаў, Ф. Аб паходжанні беларускага народа / Ф. Канстанцінаў // Бальшавік Беларусі. – 1945. – № 1–2. – С. 76–86.
8. Канстанцінаў, Ф.Т. Аб паходжанні беларускага народа / Ф.Т. Канстанцінаў. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1946. – 36 с.
9. Пичета, В.И. Образование белорусского народа / В.И. Пичета // Вопр. истории. – 1946. – № 5–6. – С. 3–29.
10. Пьянков, А.П. Происхождение белорусского народа / А.П. Пьянков. – Минск : Гос. изд. БССР, 1948. – 20 с.

Дата поступления в редакцию: 26.04.18

A.M. Suvalau, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer at the Department of Theory and the History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

STUDIES OF ETHNOGENESIS OF BYELORUSSIANS IN THE 40'S OF THE 20-TH CENTURY

The article examines the main approaches to the study of the Belarusian ethnos in the 40's of the 20-th century. First of all, scientists such as V.I. Mavrodin, N.S. Derzhavin, A.P. Pyankov, F.T. Konstantinov and V.I. Picheta. The main scientific and non-scientific factors that influenced the formation of approaches to the problem of ethnogenesis of Belarusians in the pre-war period, during the Great Patriotic War, and in the first post-war years are analyzed.

Keywords: Belarusians, ethnogenesis, historiography, scientific conception, ethnography, ethnicity.

УДК 159.9

Т.М. Казак, доктор психологических наук, член-корреспондент Международной академии психологических наук, профессор, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники;

А.Г. Зенкевич, директор Института повышения квалификации и переподготовки руководителей и специалистов транспортного комплекса Республики Беларусь Белорусского государственного университета транспорта
(e-mail: sasha_zenkevich@mail.ru)

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА РУКОВОДИТЕЛЕЙ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривается актуальность работы с кадровым резервом руководителей. Обосновывается необходимость мотивации в его формировании. Изучается необходимость нематериальной мотивации кадрового резерва в учреждении высшего образования. Приводятся результаты исследования по подбору кадрового резерва руководителей и анализ стажа и возраста резервистов на примере Белорусского государственного университета транспорта. Предлагаются авторские рекомендации по дальнейшему совершенствованию системы кадрового резерва руководителей в данном учреждении образования с учетом мотивации.

Ключевые слова: кадровый резерв, мотивация в формировании кадрового резерва, психологическое исследование кадрового резерва, совершенствование системы кадрового резерва руководителей.

Новые экономические отношения выдвигают новые требования к персоналу, что актуально для любого предприятия и учреждения высшего образования и включает не только подбор, обучение и расстановку кадров, но и формирование нового сознания, менталитета, использование методов мотивации.

Наиболее тесно понятие мотивации связано с проблемой управления персоналом, и важный фактор формирования эффективного кадрового резерва – его мотивирующий эффект. Продвижение по служебной лестнице, смена сферы деятельности побуждает сотрудников к саморазвитию, эффективной деятельности на благо организации.

Анализ современной литературы по управлению кадровым резервом показывает, что при достаточно подробном освещении основных технологий работы с кадровым резервом (отбор, обучение, оценка) часто из вида упускается именно мотивация. Целью мотивации и стимулирования участников системы кадрового резерва является создание условий для эффективного функционирования данной системы [1, с. 93].

В целом система мотивации персонала – один из основных кадровых вопросов, а ее разработка и внедрение в практику – достаточно сложный проект. И здесь прежде всего необходимо точно понимать суть основных терминов.

Мотивация – сознательный выбор личностью определенного типа поведения.

Стимулирование – целенаправленное воздействие на личность, создание внешней среды, побуждающей действовать заданным образом.

Стимулирование труда или управление мотивацией на предприятии (в учреждении) – тактика решения проблем повышения эффективности труда, которая побуждает работников лучше трудиться за счет удовлетворения собственных потребностей.

Система мотивации предприятия (учреждения) – установленные на предприятии (в учреждении) процедуры вознаграждения работников за эффективный труд, а также виды и размеры вознаграждений в зависимости от личного вклада каждого, его умений и компетенций.

Материальное стимулирование – управление мотивацией персонала посредством дополнительных (сверх должностного оклада) денежных выплат за достижение конкретных показателей трудовой деятельности в установленный период времени (месяц, квартал, год).

Нематериальное стимулирование – управление мотивацией персонала посредством повышения лояльности работников к предприятию за счет улучшения качества их трудовой жизни, формирования корпоративной культуры.

Оценка персонала – процесс определения эффективности деятельности сотрудников для реализации целей предприятия по установленным на предприятии конкретным показателям, позволяющий получить информацию для принятия дальнейших управленческих решений в сфере мотивации.

Назначение любой системы мотивации заключается в соблюдении ряда положений: побудить сотрудников работать на результат; реализовать стратегию роста учреждения; дать возможность более эффективным сотрудникам зарабатывать больше; повысить эффективность учреждения за счет эффективности работы сотрудников; создать прозрачную объективную систему оценки каждого сотрудника.

Эффективная система мотивации выстроена с соблюдением соответствующих принципов: объективности (размер вознаграждения работника должен определяться на основе объективной оценки результатов его труда); предсказуемости/управляемости (работник должен знать, какое вознаграждение он получит в зависимости от результатов своего труда); адекватности (вознаграждение должно быть адекватно трудовому вкладу каждого работника в результат деятельности всего коллектива, его опыту и уровню квалификации); своевременности (вознаграждение должно следовать за достижением результата как можно быстрее (в текущем периоде)); значимости (вознаграждение должно быть для сотрудника значимым); справедливости и прозрачности (правила определения вознаграждения должны быть понятны каждому сотруднику организации и быть справедливыми, в том числе с его точки зрения).

Мотивация в системе кадрового резерва необходима для удержания и повышения эффективности деятельности резервистов и для других участников системы кадрового резерва: руководителей резервистов и их наставников. Для эффективности работ системы с кадровым резервом применяются материальные и нематериальные формы поощрения [2]. И для кадрового резерва руководителей учреждения высшего образования более целесообразно использование нематериальной мотивации (табл. 1).

Таблица 1

Виды нематериальной мотивации

Вид мотивации	Целевая группа работников	Комментарий
Планирование карьеры	Работники, включенные в состав кадрового резерва	Основан на результатах оценки; базируется на развитии работников, профессиональной самореализации
Освещение деятельности системы кадрового резерва	Работники, включенные в состав кадрового резерва, наставники, руководители	Основан на создании благоприятной обстановки в рамках информационного сопровождения работы с кадровым резервом; базируется на трансляции корпоративных ценностей.

Вид мотивации	Целевая группа работников	Комментарий
Публикации в средствах массовой информации	Работники, включенные в состав кадрового резерва, наставники, руководители	Основан на результатах оценки и результатах деятельности; базируется на чувстве статусности и сопричастности
Публикации на сайте	Работники, включенные в состав кадрового резерва, наставники	Основан на результатах оценки и результатах деятельности; базируется на статусности и сопричастности
Вручение грамот, знаков отличия	Работники, включенные в состав кадрового резерва	Основан на конкурсном сравнении результатов оценки; базируется на признании заслуг, чувстве авторитета
Вручение дипломов	Работники, включенные в состав кадрового резерва, наставники	Основан на достижении особых результатов деятельности работника; базируется на публичном признании заслуг и успехов
Объявление благодарности	Работники, включенные в состав кадрового резерва, наставники, руководители	Основан на достижении высоких результатов деятельности работника; базируется на публичном признании заслуг и успехов
Регулярные встречи работников, включенных в состав кадрового резерва, с руководством учреждения	Работники, включенные в состав кадрового резерва	Основан на создании благоприятной обстановки в рамках информационного сопровождения работы с кадровым резервом; базируется на командообразовании и моральной поддержке

Так, в Белорусском государственном университете транспорта было проведено исследование по подбору кадрового резерва руководителей (принимали участие 105 респондентов от 23 до 69 лет). При проведении психологического тестирования использовался пакет психодиагностического инструментария «Персонал», разработанный Екатеринбургским НИИ охраны труда и предназначенный для диагностики деловых и личностных качеств, учитывающий критерии, по которым можно оценить деловые, личностные и профессионально важные качества отбираемых лиц. Исследование проводилось в несколько этапов. В качестве исходных эмпирических данных исследования использовались результаты тестирования. На момент проведения исследования распределение по возрасту участников исследования представлено на рисунке.

Социальные характеристики респондентов представлены нами следующим образом.

По половому составу 105 респондентов распределились так: 44 мужчины (41,9 %) и 61 женщина (58,1 %).

Семейное положение: 71 (67,6 %) состоят в браке, 19 (18,1 %) – не женаты/не замужем, 4 (3,8 %) – разведены и 1 человек (1 %) – вдова; 10 (9,5 %) респондентов не указали свое семейное положение.

Место рождения: 86 (81,9 %) респондентов родились в городе, 14 (13,3 %) – в сельской местности и 5 (4,8 %) – в городском поселке.

Образование: 104 (99 %) респондентов имеют высшее образование, 1 (1 %) – среднее, 9 (8,6 %) отметили обучение в магистратуре.

Ученая степень: 58 (55,2 %) респондентов не имеют ученой степени, 2 (1,9 %) – имеют степень магистров наук, 39 (37,1 %) – кандидаты наук и 6 (5,7 %) – доктора наук.

Ученое звание: 61 (58,1 %) не имеют ученого звания, 41 (39 %) имеют звание доцента и 3 (2,9 %) – звание профессора.

Стаж работы в занимаемой должности в диапазоне от 0 до 30 лет представлен в табл. 2.

Таблица 2

Стаж работы

Стаж работы, лет	0–5	6–10	11–15	16–20	21–25	26–30
Число респондентов	42	32	13	12	4	2
Процент респондентов	40	30,5	12,4	11,4	3,8	1,9

Уровень руководства: в зависимости от занимаемой в момент исследования должности выделены три уровня руководства: низший (64 сотрудника), средний (24 сотрудника) и высший (17 сотрудников).

Во время психологического опроса всем респондентам был задан вопрос: «Является ли мотивация основным критерием Вашего согласия для включения в кадровый резерв?». В качестве ответов были предложены три варианта: «Да», «Нет», «Затрудняюсь ответить». Анализ показал, что из 105 респондентов дали положительный ответ 72 опрошенных (68,6 %); отрицательный – 7 человек (6,6 %); затруднились ответить – 26 респондентов (24,8 %).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что большинство работников, состоящих в кадровом резерве исследуемого учреждения образования, осознанно сделали свой выбор. Также можно сделать вывод, что семь человек абсолютно не мотивированы и возможно их пребывание в кадровом резерве нецелесообразно. Почти четверть опрошенных колеблется, что свидетельствует об отсутствии в Белорусском государственном университете транспорта системного подхода к мотивации при управлении кадровым резервом и о необходимости разработки и внедрения специальных программ мотивации для всех участников процесса.

Включение в состав кадрового резерва является безусловным инструментом мотивации, но чтобы данный инструмент работал, должны быть четко определены «правила игры» по назначению резервистов во всех категориях на новые должности в рамках плана высвобождения и замещения должностей кадрового резерва. Для этого с каждым резервистом должны быть сформированы планы развития карьеры.

Инструментами нематериальной мотивации также являются обучение и развитие резервиста. Было бы также эффективно после проведения оценки резервистов отмечать и поощрять наиболее успешных. Резервист должен поощряться только в рамках переменной части оплаты труда. Возможна также единовременная премия за выдающиеся результаты. Надбавка или доплата за пребывание в кадровом резерве выплачиваться не должна.

Для резервистов различных категорий должны быть разработаны различные специальные программы удержания, которые должны явиться инструментом мотивации резервиста (у разных категорий резервистов будет разная мотивация). Такие программы включают инструменты материальной, нематериальной мотивации и социальные льготы. Однако поощряться в первую очередь должна именно активность самого резервиста. В частности, немалое количество резервистов выражают готовность к переезду. При построении системы кадрового резерва и системы управления карьеры и изменении менталитета молодых работников их количество будет увеличиваться [3, с. 212].

Наставники могут не получать материального поощрения, получать надбавки и доплаты или получать премии по показателям эффективности их резервистов через переменную часть оплаты труда. Для наставников следует предусмотреть рейтинги или конкурсы лучших наставников.

Так, управление персоналом и кадровым резервом является управленческой функцией любого руководителя, поэтому необходимо ввести ключевой показатель эффективности в переменную часть оплаты труда руководителей. Для них тоже должны существовать рейтинги и конкурсы, поощряющие активно занимающихся развитием и продвижением персонала. Основными видами нематериального поощрения, применяемыми в системе кадрового резерва являются: проведение рейтингов, конкурсов среди участников системы кадрового резерва («Лучший резервист», «Лучший наставник»); награждение лучших участников (объявление благодарности, вручение дипломов, грамот, значков, занесение на Доску почета); представление к участию в зарубежных конференциях, семинарах.

Таким образом, для успешного и эффективного управления кадровым резервом мотивация должна являться неотъемлемым составным элементом системы кадрового резерва учреждения образования «Белорусский государственный университет транспорта».

Список использованных источников

1. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации. Стратегия, маркетинг, интернационализация / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 304 с.
2. Назарук, Е. Методы работы с резервом руководящих кадров / Е. Назарук // Менеджер по персоналу, окт. 2007.
3. Мотивация трудовой деятельности : учеб. пособие / под ред. В.П. Пугачева. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 413 с.

Дата поступления в редакцию: 10.03.18

T.V. Kazak, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Professor at the Department of Engineering Psychology and Ergonomics of the Belarusian State University of Information Science and Technique and Radio Electronics; A.G. Zenkevich, Director of the Institute for Enhancing the Qualifications and Retraining of Managers and Specialists of the Transport Complex of the Republic of Belarus of the Educational Establishment «Belarusian State University of Transport»

THE ROLE OF MOTIVATION IN FORMATION HUMAN RESERVE MANAGERS INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

The article considers the relevance of work with the staff reserve of managers. The need for motivation in the formation of the personnel reserve is substantiated. The urgency of non-material motivation of the personnel reserve in the institution of higher education is considered. The data of research on selection of a personnel reserve of heads and the analysis of the experience and age of reservists on the example of the educational establishment «Belarusian State University of Transport» are given. Recommendations are given for the further improvement of the system of the personnel reserve of managers in the institution of education under consideration, taking into account the motivation.

Keywords: personnel reserve, motivation in the formation of the personnel reserve, psychological research of the personnel reserve, improvement of the system of personnel reserve of managers.

УДК 159.9:343.8

А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, заслуженный работник образования Республики Беларусь (e-mail: anp-1308@yandex.ru)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Предлагается схема индивидуального исправительного процесса, включающего диагностику криминальных склонностей и адаптационных дефицитов личности, определение исправительных задач и процесс их решения с использованием комплекса мер и психолого-педагогических технологий. Рассматриваются

два этапа указанного процесса: формирование у осужденного мотивации вести правопослушный образ жизни и его подготовка к ведению такого образа жизни. Для каждого этапа определяются исправительные психологические задачи, предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: исправление осужденных, этапы исправительного процесса, криминальные склонности, адаптационные дефициты личности, исправительные задачи, технологии исправления осужденных.

Главная цель деятельности уголовно-исполнительной системы – снижение рецидивной преступности. Для повышения результативности ее достижения необходимо качественное осуществление исправления осужденных, которое призвано согласно ст. 7 УИК формировать у них готовность к ведению правопослушного образа жизни. Эта готовность является внутренним (личностным) условием недопущения рецидива. Наряду с ней необходимы и социальные условия, прежде всего наличие возможности трудоустройства с заработной платой, что позволяет им хотя бы минимально приемлемо жить. Это внешнее условие имеет отношение к предупреждению рецидива корыстных преступлений и преступлений в виде уклонения от содержания детей. Что касается рецидива насильственных преступлений, то его предупреждение не требует никаких социальных условий, а зависит исключительно от исправленности осужденных. Особую важность в предупреждении рецидива имеет избавление осужденных от алкоголизма и наркомании, что присуще большинству из них (значительно больше, чем вынесено приговоров с принудительным лечением от названных зависимостей).

Для повышения результативности исправления осужденных необходимо обеспечить качественную и систематическую воспитательную и психокоррекционную работу с ними; включение каждого в обучение, трудовую и иную полезную деятельность, формирование в исправительных учреждениях социально-психологической атмосферы (ее идейно-ценностной составляющей), способствующей исправительному влиянию на осужденных.

Классическая модель исправительного процесса (признаваемая отечественными и зарубежными специалистами) аналогична процессу лечения человека от болезни. Она включает выявление криминогенных свойств личности (диагностика), определение исправительных задач, мер и способов их решения (планирование), реализацию этих мер и способов влияния (исправительное воздействие). Этот процесс осуществляется циклично: периодически проводится диагностика, на ее основе осуществляется коррекция задач, мер и способов.

В итоге изучение личности осужденного (диагностика) должно дать ответ на ряд вопросов: какие криминальные склонности ему присущи и какую степень выраженности они имеют и какие у него имеются дефициты для социальной адаптации и правомерной жизни? Для упорядочения ее изучения может быть предложена следующая таблица.

Оценочная матрица

Криминальные склонности и криминогенные зависимости	Выраженность	Дефициты для социальной адаптации	Выраженность
К корыстному преступлению		В профессиональной подготовленности	
К корыстно-насильственному преступлению		В готовности к систематическому труду	
К насильственному преступлению		В готовности к бытовому самообеспечению	
К сексуально-насильственному преступлению		В бесконфликтном конструктивном общении	
К уклонению от содержания детей		В построении правильных отношений с при совместном проживании (уживчивость)	
К иному виду преступного деяния		В построении правильных отношений с детьми при разводе	
Алкоголизм		В неподатливости влиянию криминогенных лиц	
Наркомания		В правильном взаимодействии с сотрудниками ОВД	
Игровая или иная криминогенная зависимость		Иные дезадаптационные предпосылки	

При оценке криминальных склонностей должны использоваться критерии степени их выраженности: от отсутствия признаков склонности определенного типа до высокой степени ее зрелости, в виде криминальной привычки или влечения. Такая оценка может быть дана, опираясь на разработанную авторами концепцию криминальной склонности личности и антикриминальной устойчивости личности, методику ее диагностики [1, с. 83–95; 2; 3, с. 54–65]. Отсутствие склонности к определенному виду преступления может иметь различное проявление: от отсутствия признаков такой склонности до наличия антикриминальной устойчивости по отношению к такому виду преступлений. Диапазон оценок степени выраженности криминальной склонности может быть следующим: высокая степень – эндогенный тип; средняя степень – экзогенно-эндогенный тип; невысокая степень – экзогенный тип; признаки криминальной склонности не проявляются либо противоречивы с преобладанием отрицательного содержания; умеренная антикриминальная устойчивость; зрелая антикриминальная устойчивость.

Адаптационные дефициты имеют две взаимосвязанные стороны: отсутствие стремлений действовать социально правильным образом и отсутствие умений так действовать. При их оценке необходимо также использовать определенные критерии степени выраженности: глубокий дефицит – наличие склонности действовать противоположно социально правильному варианту; значительный дефицит – неприемлемость действовать социально правильным образом; умеренный дефицит, обусловленный либо мотивационной неготовностью, либо отсутствием умений, либо сочетанием этих двух причин; минимальная адаптационная возможность – наличие невысокой мотивации и минимально необходимых умений; умеренная адаптационная возможность – наличие мотивации и подготовленности среднего уровня, что позволяет осуществить адаптацию при способствующих условиях; достаточная адаптационная возможность – высокая мотивация и подготовленность действовать социально правильно.

Проведение диагностики по указанным в матрице вопросам, включая обобщение наблюдений и всей имеющейся об осужденном информации, дает основания для постановки задач его исправления. Суть последних вытекает из выявленных криминогенных склонностей и адаптационных дефицитов: криминогенные склонности необходимо устранять, формируя антикриминальную устойчивость, а дефициты – восполнять, формируя адаптационные возможности. Оценка криминальных склонностей и адаптационных дефицитов представляет собой постоянный процесс получения диагностически значимой информации и уточнения выводов об оцениваемых свойствах личности. При изменении параметров криминальных склонностей и адаптационных дефицитов, выявлении новых или их нейтрализации с формированием положительных свойств корректируются и исправительные задачи.

Постановка исправительных задач – целевая составляющая индивидуальной исправительной программы. На наш взгляд, их специальная документальная формализация не требуется, так как она основывается на указанной в матрице диагностической информации – наличие криминальной склонности или адаптационного дефицита подразумевает исправительную задачу по их исправлению.

Следующая составляющая процесса исправления осужденного заключается в проведении многогранной работы по решению определенного рода исправительных задач. Этот процесс имеет свою стратегию и технологию, реализация чего должна опираться, с одной стороны, на структурно-функциональную модель готовности личности к правопослушному образу жизни [1, с. 98–113], с другой – на оптимальную модель исправительной психолого-педагогической технологии. Структурно-функциональная модель готовности личности к правопослушному образу жизни служит основой для конкретизации формирующих задач по подготовке осужденного к правопослушной жизнедеятельности в каждой ее сфере: к правомерному материальному обеспечению жизни; правомерному взаимодействию с другими людьми; выполнению обязанности по содержанию детей; проведению досуга без пьянства и других развлечений, имеющих криминогенный риск.

Общая стратегия решения исправительных задач должна предусматривать нейтрализацию криминальной предрасположенности и формирование правопослушной готовности. Ее реализация сталкивается с подсознательным сопротивлением осужденного. Оно, в свою очередь, пре-

пятствует отказу от прежних отрицательных взглядов, отношений, привычек, а также усвоению правильных убеждений, отношений, личных правил, выработке внутренних барьеров против совершения противоправных действий. Специальное значение в исправительном процессе имеет наркологическое лечение, обеспечивающее достижение стойкой ремиссии алкогольной или наркотической зависимости.

Для реализации обозначенной стратегии можно предложить модель, включающую два основных этапа. Первый – формирование мотивации и волевой решимости построить добропорядочный образ жизни после освобождения с отказом от прежнего, приводящего к преступлениям и наказаниям. Второй – формирование готовности к правопослушному образу жизни, включая выработку правильных жизненных планов и соответствующих им личных правил поведения в различных сферах и ситуациях, осознание должного Я-образа, правильных вариантов решения жизненных проблем, а также приобретение профессиональной квалификации и выработку умений, необходимых для правильного взаимодействия с людьми, бытового самообеспечения. По мере формирования и укрепления мотивации построения правопослушного образа жизни постепенно решаются задачи подготовки к нему.

Раскрывая суть первого этапа, следует отметить, что мотивация построить благополучную жизнь должна включать не только желание и волевою решимость не допускать совершения деяний, но и систематически трудиться, а также выполнять иные обязанности для обеспечения своей жизни. Первый этап индивидуального исправительного процесса предусматривает последовательное решение ряда психолого-педагогических задач.

1. Формирование высокой ценностной значимости трудовой законопослушной жизни на свободе, материальное обеспечение которой может быть невысоким, адекватным имеющимся у освобожденного профессиональным способностям и прилагаемым стараниям. Для этого необходимо:

формировать высокую ценностную значимость жизни в условиях свободы. Осуществляется это на основе обогащения положительных представлений о ней путем осмысления тех благ (доступных даже при невысоком материальном достатке), присущих свободной жизни, ценность которых человек осознает, когда лишается их при наказании. Решение этой задачи может быть более эффективным при групповом обсуждении благ свободной жизни на основе взаимодополнений. Такое обсуждение способствует развитию позитивного мышления, что важно в связи со склонностью осужденных скептически рассуждать о жизни после освобождения или видеть в ней период разгульного восполнения времени, проведенного в местах лишения свободы. Результат такого обсуждения для его закрепления в сознании должен быть четко сформулирован, например, в виде списка благ свободной жизни с возможным дополнением изображениями-символами для визуального эффекта;

обогащать положительную эмоционально-образную представленность свободной жизни в психическом мире личности. Обеспечивается это управляемой актуализацией положительных эмоционально-образных воспоминаний о жизни в условиях свободы; достигается при выполнении просьбы воспитателя представить, какие чувства испытывает человек, когда «обладает» определенным благом в свободной жизни. Наряду с самостоятельным ассоциированием положительного душевного состояния необходимо использовать и внушающую подсказку, в чем оно заключается: приятное спокойствие, чувство радости, удовлетворенности от радости близкого человека, ощущение своего достоинства, уверенности в том, что это всегда будет в будущем. Сопровождение представлений о благах свободной жизни эмоциональными и образными ассоциациями укрепляет положительное ценностное отношение к ней и ее желательность. Для усиления эмоционально-образного компонента ее ценности целесообразно обеспечить интеграцию и концентрацию таких воспоминаний, а также создание словесного «включателя» этого эмоционально-образного состояния в виде привлекательного термина, например, «радость свободы» или «счастье свободы» (более приемлемо для осужденных-женщин). Его создание необходимо для использования ассоциативных связей в процессе формирования свойств готовности к правопослушному образу жизни. Эффективным приемом является присоединение положительной эмоционально-образной представленности жизни на свободе к будущему осужденного. Для этого он должен под руководством воспитателя мысленно перенести положительное ощущение

такой жизни на свое будущее после освобождения через год, три, пять, десять... Усиление положительных образных ассоциаций может обеспечиваться демонстрацией фотографий, видеосюжетов, рисованием символических рисунков, написанием кратких эссе («маленькие и большие радости в жизни», «благополучие в жизни в моей душе»);

укреплять ожидания (от надежды до уверенности) построения благополучной жизни после освобождения, которые выступают составной частью стремления его осуществить. Важность решения этой задачи обусловлена тем, что многим осужденным присуще чувство неоправданных надежд на построение такой жизни, неуверенность в возможности справиться с трудностями и избежать нового наказания. Для укрепления положительных ожиданий необходимо вначале достичь признания осужденным, что построить благополучную правопослушную жизнь в принципе возможно. Затем может идти проективное обсуждение вопросов: «Есть ли люди, у которых при реальных не совсем благоприятных условиях это получается. У какого человека это может получиться? Что он для этого делает?». Далее целесообразна детализация для «накопления уверенности» в возможности построить благополучную правопослушную жизнь. Она заключается в том, что осужденные под управлением воспитателя последовательно осмысливают возможность обретения отдельных благ и решения отдельных задач по налаживанию правопослушной жизни, начиная от наиболее простых и переходя к более сложным. Параллельно продуцируется мысль о необходимости личного старания и принятия личной ответственности за это.

2. Усиление отрицательного отношения к лишению свободы и мотивации избежать повторного наказания, что нужно для формирования отрицательного отношения к криминогенному образу жизни и принятия личной ответственности за свое будущее. Для этого необходимо выполнить следующие психолого-педагогические действия:

осмысление отрицательной значимости наказания в обобщенном виде: что оно принесло плохого и что отняло, чем жизнь в период его отбывания хуже ее на свободе. Такое осмысление обеспечивает формирование ценностно-смыслового компонента отрицательного отношения к криминогенному образу жизни. Оно может быть более обогащенным при групповом варианте осмысления и обсуждения;

актуализация негативных воспоминаний о переживании наказания для усиления эмоциональной стороны отрицательного отношения к нему в контексте личной ответственности за случившееся. При кажущейся естественности отрицательного отношения к наказанию оно у многих осужденных не всегда именно такое в силу защитных механизмов, оберегающих от угнетающего чувства потерь, вины и депрессии. Осужденные могут подсознательно приуменьшать субъективную тяжесть наказания, глядя на него с точки зрения личной способности «достойно» пройти испытание, не показать себя слабым. Кроме того, у осужденных, неоднократно или длительно находящихся в местах лишения свободы, происходит привыкание к среде осужденных и отвыкание от жизни на свободе с ослаблением нормальных социальных связей. Еще один защитный феномен выражается в блокировании мыслей о жизненных потерях и негативных переживаниях, связанных с наказанием: осужденным не приятно и не хочется думать об этом. С учетом названных защитных явлений, актуализация негативных воспоминаний вначале может осуществляться с помощью вопросов о переживаниях другого человека («Что испытывает человек, отбывающий наказание?»), а затем прямых («Что неприятное в отбытии наказания? К чему трудно привыкнуть? Что больше всего портит настроение? От чего хочется избавиться?»). При этом необходимо добиться актуализации воспоминаний астенических чувств в виде тревожного напряжения, обреченности, беспомощности из-за невозможности что-либо изменить, сожаления, отчаяния, в отличие от воспоминания обиды и злобы на правоохранительные органы с самооправданием. Для актуализации таких негативных воспоминаний важно использовать приемы преодоления психологических защит, которые представлены в литературе [1, с. 130–134; 4]. Высказанные описания отрицательных переживаний необходимо совместно обобщить и четко выразить, как итог осмысления. Это будет способствовать концентрации отрицательного эмоционального образа наказания и снижения защитного размывания его отрицательного значения;

мысленное проектирование жизненного пути при совершении новых преступлений, когда некоторый период жизни на свободе будет сменяться более продолжительным периодом нахождения в местах лишения свободы. При данной ситуации необходимо рассчитывать возраст: во сколько лет наступит освобождение от наказания; если не стараться наладить правопослушную жизнь, то через сколько лет будет новое наказание и какой будет возраст; сколько лет придется отбывать и какой возраст будет при освобождении; через сколько лет вновь придется отбывать и какой это будет возраст, и т. д.? Такое проектирование позволяет взглянуть на преступную жизнь в масштабе жизненного пути и увидеть ее ущербность; у большинства осужденных возникает сильная защитная реакция, побуждающая к отказу от осмысления своего будущего при противоправном поведении, но это имеет пользу для исправительного влияния;

обесценивание благ, получаемых от преступной деятельности с подведением к мысли о том, что на них надо смотреть в неразрывной связи с жизненными потерями, душевными переживаниями и физическими лишениями, которые им присущи в связи с наступающим наказанием. Это необходимо прежде всего для корыстных или корыстно-насильственных преступников. Часть из них склонны оправдывать свою жизнь с неоднократными наказаниями, восхваляя периоды времени на свободе как обеспеченные удовлетворением потребностей и насыщенные развлечениями. Для иллюстрации уместно привести оценочную фразу профессионального вора, специализировавшегося на кражах компьютеров, имеющего 14 судимостей: «Я на 70 % удовлетворен своей жизнью. Она не хуже, чем у большинства людей, которые имеют обычную работу и живут на зарплату. Когда я в колонии, то моя жизнь немногим хуже, чем у них. Но когда я на свободе, то моя жизнь несравненно лучше, чем у них – я себе ни в чем не отказываю». Это убеждение играет защитную роль и отказ от него означает признание напрасности такой жизни и проведенных лет в местах лишения свободы, т. е. признание большой личной ошибки в построении своей судьбы. По этой логике аргументы переубеждения бесполезны. Необходимо использование кумулятивного эффекта в виде насыщения сознания воспоминаниями об отрицательных моментах преступной жизни и на этом фоне обесценивание «благ преступной жизни». Также полезна актуализация положительных воспоминаний о правомерном периоде жизни, если такой был с детализацией приятных его моментов или продуцированием воображения альтернативного жизненного пути, который может быть благоприятным.

формирование ожиданий неизбежности наказаний и иных отрицательных последствий при противоправном поведении. Это одна из наиболее сложных задач, так как типичным мнением осужденных, выражающим низкие ожидания отрицательных последствий, является следующее: «Если хорошо подготовиться и правильно совершить преступление, то никто его не раскроет». Наиболее сильное влияние, мотивирующее воздержание от противоправных действий, имеют ожидания эмоционального характера, выражающие высокую степень опасности раскрытия преступлений (в отличие от степени вероятности их раскрытия). Для формирования такого ожидания целесообразно использовать следующие приемы: обращение к примерам раскрытия тщательно подготовленных преступлений; использование ассоциативных аналогий, например, с «русской рулеткой»; применение метафор, поговорок, крылатых выражений о неизбежности наказания при совершении преступлений.

Второй этап исправления личности основывается на результатах первого (стремление построить такую жизнь с отказом от противоправного поведения) и носит характер проработки осужденным (под руководством воспитателя с использованием технологии коучинга) ряда ее составляющих:

жизненных планов в основных сферах жизнедеятельности и правильных вариантов разрешения вероятных жизненных проблем: где жить; как строить отношения с теми, с кем придется жить, как избегать конфликтов; как вести себя с детьми; как действовать для трудоустройства и как справиться с проблемами в этом деле; как себя зарекомендовать на работе; как строить отношения с сотрудниками милиции; как строить отношения с бывшими осужденными и друзьями; какой должен быть распорядок жизни; как с пользой проводить свободное время и избегать втягивания в пьянство; как наладить семейную жизнь или построить близкие отношения?

должного Я-образа: каким себя необходимо проявлять в различных сферах и социальных отношениях: на работе, с членами семьи, детьми, с работниками милиции и т. д.; какие проявления нельзя допускать. При коррекции Я-образа такая умственная проработка представляет только начальный этап. Далее необходимо использование техник, формирующих более глубокие установки на проявление требуемых качеств и волевой самоконтроль по сдерживанию проявления нежелательных;

формирование системы личных правил действий и поведения в разных сферах жизнедеятельности и при реализации определенных функций, отношений и при решении всевозможных жизненных задач. Эти правила определяют, как необходимо себя вести, действовать, строить отношения, поступать в определенных проблемных ситуациях. Также при этом важен и комплекс правил, выражающих личные запреты: как не следует поступать. Формирование системы таких правил требует их умственной выработки с письменной фиксацией, что более рационально для усвоения. Затем возможно применение техники самовнушения на фоне релаксации и техники умственного апробирования в воображаемых ситуациях и в виде ролевой игры.

формирование умений, необходимых для социальной адаптации и построения правомерного образа жизни, касается реализации выработанных личностных правил поведения, а также самоконтроля. Это может осуществляться в процессе обучения, консультирования, проведения тренинговых мероприятий, контроля за поведением, стимулирующего влияния и коррекции;

формирование устойчивости против употребления наркотиков и против пьянства является специальным направлением исправительного процесса, которое требует сочетания медицинских и психолого-педагогических средств. Оно нуждается в фундаментальной научной разработке. Воспитательное влияние призвано обеспечить формирование установки на прохождение наркологического лечения, которая предусматривает прежде всего ее ценностно-смысловой основы аналогично описанному выше формированию мотивации отказа от противоправного поведения.

Итак, в представленной модели индивидуального исправительного процесса отмечены общие этапы, присущие им задачи и психолого-педагогические способы их решения. Последующее развитие знаний в данной области требует обогащения таких задач и способов их эффективного решения с использованием идей, представленных в различных концепциях и школах психокоррекции с практической апробацией и определением особенностей реализации применительно к различным категориям осужденных.

Список использованных источников

1. Пастушеня, А.Н. Исправительная психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – 178 с.
2. Пастушеня, А.Н. Психолого-диагностический подход к оценке степени исправления осужденных // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – № 2. – 2014. – С. 208–214.
3. Пастушеня, А.Н. Юридическая психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушеня, А.А. Урбанович. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – 208 с.
4. Стуканов, В.Г. Исправительная психокоррекция личности преступника / В.Г. Стуканов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – 179 с.

Дата поступления в редакцию: 19.04.18

A.N. Pastushenya, Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Honores Educator of the Republic of Belarus

THE MODEL OF INDIVIDUAL CORRECTIONAL WORK WITH THE CONVICTED

The article describes the chewe of the individual correctional process, which includes the diagnostics of the criminal inclination and adaptational lack of personality identification of the correctional tasks and process of their solution. Identified two stages of this process: the formation of the motivation of the convicted to live law-abiding way of life and traning of the convicted to such way of life. For each of the stages correctional psychological tasks and the ways of their solution are determined.

Keywords: correction of the convicted, stages of the correctional process, criminal inclination, adaptational lack of personality, correctional tasks, technologies of correction of the convicts.

УДК 351.74:378.634.046.4

А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права (e-mail: podupeikoalex@mail.ru);

А.А. Кравченко, заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по международному сотрудничеству – начальник Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми (e-mail: countertrafficking@yandex.ru)

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются некоторые вопросы международного сотрудничества и повышения квалификации. Анализируется роль Международного учебного центра в подготовке квалифицированных специалистов для правоохранительных органов Республики Беларусь и зарубежных государств. Обосновывается необходимость изучения положительного зарубежного опыта и использование его в практической деятельности.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Международный учебный центр, повышение квалификации, тематика образовательных курсов, противодействие преступности.

В современном высшем учебном заведении одна из важнейших составляющих организации образовательного процесса – международное сотрудничество. Такая деятельность должна носить системный характер, преследуя целью изучение положительного зарубежного опыта для совершенствования учебного процесса, обогащения научной деятельности, материально-технической базы и расширения границ внедрения инновационных технологий.

Согласно ст. 118 Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании) «международное сотрудничество в сфере образования направлено на получение образования гражданами Республики Беларусь в организациях иностранных государств, иностранными гражданами и лицами без гражданства, временно пребывающими или временно проживающими в Республике Беларусь, в учреждениях образования Республики Беларусь, иных организациях системы образования Республики Беларусь, на обмен обучающимися, педагогическими работниками, а также на участие в международных образовательных мероприятиях».

В области образования цель международного сотрудничества предполагает повышение качества национального образования согласно современным требованиям социально-экономического развития общества и подготовку компетентного специалиста, обладающего не только знаниями, умениями, навыками, но и владеющего способами их реализации в деятельности и общении.

Чтобы соответствовать современным тенденциям развития мирового сообщества, необходимо постоянно совершенствовать собственный образовательный уровень, и основную роль здесь играет повышение квалификации. Дополнительное образование обеспечивает углубление профессиональных знаний и направлено на получение актуальных и востребованных компетенций (от лат. *competentio* – соответствие), чтобы действительно соответствовать изменяющимся реалиям современности. Целью повышения квалификации специалистов является обновление знаний в области теории и практики и совершенствование профессиональных навыков согласно новым требованиям законодательства. Процесс повышения квалификации требует разработки соответствующих образовательных программ. Для повышения квалификации руководящих работников и специалистов такая образовательная программа направлена на профессиональное совершенствование работников (ст. 242 Кодекса об образовании).

Обозначенные выше важнейшие направления – международное сотрудничество и повышение квалификации – в Академии МВД развиваются очень активно. Их совместное сочетание позволяет значительно повысить квалификацию и эффективность деятельности не только сотрудников ОВД, но и других правоохранительных органов Республики Беларусь и зарубежных государств.

Так, на международном рынке образовательных услуг Академия МВД имеет высокое признание, а зарубежным партнерам известна как мощный образовательный и научный центр, способный решать практические задачи по подготовке специалистов для различных правоохранительных органов, тем самым популяризируя деятельность, повышая престиж образовательного учреждения и укрепляя положительный имидж МВД Беларуси в целом.

В прошедшем году в Академии МВД проведены 57 международных мероприятий, в том числе обучающих. В них приняли участие 415 иностранных представителей из 24 стран (Россия, ОАЭ, Китай, Украина, Таджикистан, Сербия, Пакистан, Словакия, Молдова, Вьетнам, Латвия, Польша, Казахстан, Великобритания, Кыргызстан, Намибия, Швеция, Грузия, Франция, Эстония, Узбекистан, Болгария, Румыния, Испания), а также представители международных организаций.

В структуре Академии МВД Беларуси более десяти лет функционирует Международный учебный центр подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми (далее – Центр). Сегодня Центр занимает одно из ведущих мест в европейской системе подготовки специалистов по профилю антитрафика. Наряду с обучением слушателей новейшим методам управления, способам и средствам противодействия противоправной деятельности, связанной с миграцией и торговлей людьми, в Центре проводится активная работа по развитию транснационального и ведомственного сотрудничества, обобщается и распространяется опыт правоприменительной практики, предупреждения и минимизации социальных последствий торговли людьми и незаконной миграции.

Организация образовательного процесса в Международном учебном центре строится по ряду основных направлений: сочетание теоретического и практического обучения с научным сопровождением; постоянное совершенствование образовательных программ и внедрение новых учебных курсов, востребованных практикой; использование современных методик преподавания; обобщение и внедрение в учебный процесс перспективного зарубежного опыта; привлечение национальной и международной экспертной поддержки; поддержание обратной связи с участниками образовательных мероприятий и др.

На базе Международного учебного центра в 2017 г. проведены 10 курсов повышения квалификации (230 чел.), 43 других мероприятий (семинары, тренинги, круглые столы и др.), в которых приняли участие 988 человек, в том числе 157 иностранных специалистов и 73 представителя международных и неправительственных организаций. Для обеспечения учебного процесса были привлечены 26 международных и 44 национальных экспертов.

При разработке учебных курсов для сотрудников правоохранительных органов учитываются категории и уровень подготовки (должностное положение) слушателей для максимального приближения тематических планов к практической деятельности различных категорий обучаемых. При этом активная роль в разработке таких курсов принадлежит практическим сотрудникам различных подразделений МВД Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и др.

Тематика учебных курсов охватывает достаточно широкий круг вопросов: противодействие торговле людьми и распространению детской порнографии в интернете, борьба с организованной преступностью и преступлениями в сфере высоких технологий, управление миграцией, международная и национальная защита беженцев, противодействие экономическим преступлениям, в сфере незаконного оборота наркотиков, предупреждение и противодействие сексуальному насилию в отношении несовершеннолетних и др. В рамках обозначенных курсов слушатели приобретают практические навыки и формируют умения использования компьютерной техники и специального программного обеспечения для выявления различных преступлений, осмотра места происшествия, экспертного исследования документов, тактики опроса жертв торговли людьми, оказания психологической и первой медицинской помощи пострадавшим, визуальной психодиагностики эмоционального состояния человека, индивидуальной физической и тактической подготовки.

Необходимость разработки новых учебных курсов обусловлена практической деятельностью правоохранительных органов Республики Беларусь. Например, статистика свидетельствует, что за последние пять лет количество преступлений против половой неприкосновенности и свободы подростков увеличилось в 15 раз¹. При этом в милицейских сводках фигурируют фамилии

¹ «Пора побороть безразличие» // На страже от 19 января 2018 г. С. 15.

родственников жертв и люди, профессии которых обязывают помогать детям и воспитывать их. С учетом высокой степени латентности таких преступлений был разработан новый курс «Профилактика, выявление, документирование и расследование преступлений в сфере сексуального насилия в отношении несовершеннолетних», основными задачами изучения которого являются:

рассмотреть зарубежный и национальный опыт борьбы с преступлениями в сфере сексуального насилия в отношении несовершеннолетних;

уяснить разработанные методики деятельности субъектов по вопросам борьбы с преступлениями в сфере сексуального насилия в отношении несовершеннолетних;

изучить криминалистическую характеристику преступлений в сфере сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и практику противодействия им в Республике Беларусь;

обучить правовым и организационно-тактическим основам осуществления деятельности в борьбе с преступлениями в сфере сексуального насилия в отношении несовершеннолетних;

рассмотреть приоритетные направления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере сексуального насилия в отношении несовершеннолетних.

Также в процессе повышения квалификации рассматривается ряд актуальных вопросов: анализ правонарушений, связанных с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних; государственная защита несовершеннолетних из неблагополучных семей; методика выявления и раскрытия преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних; особенности выявления фактов сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в сети Интернет; проблемные вопросы доказывания по делам о детской порнографии; взаимодействие органов образования с ОВД по предупреждению, профилактике и выявлению фактов семейного неблагополучия; методики обмена информацией; предупреждение, профилактика и вмешательство на ранней стадии для минимизации рисков и угроз; оказание помощи пострадавшим от насилия детям в рамках работы системы уголовного правосудия; особенности работы с детьми с целью документирования и сбора доказательств и др.

Более того, в рамках проекта международной технической помощи «Содействие укреплению международного сотрудничества в сфере противодействия торговле людьми в контексте соблюдения прав человека» и для улучшения организации противодействия данному виду преступлений и совершенствования подготовки сотрудников были организованы два курса повышения квалификации «Координация межведомственного взаимодействия в области защиты детей от насилия» с участием международных экспертов из Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. При этом международную экспертную поддержку проведения тренинга оказали представители Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – независимый эксперт по вопросам защиты детей от сексуальных посягательств Реджинальд Хук и начальник управления здравоохранения и социальной защиты интернет-университета Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Эбби Дакрес.

В данных образовательных курсах приняли участие специалисты различных ведомств Республики Беларусь: Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Министерства образования, Министерства здравоохранения, Министерства труда и социальной защиты и др. Названные курсы повышения квалификации позволили изучить опыт Великобритании и Северной Ирландии по защите детей от сексуальных посягательств и поделиться национальным опытом с представителями различных ведомств.

Так, специалисты отмечают, что около 50 % регистрируемых половых преступлений совершается в интернете, и этот показатель растет. В данном случае важно выявлять правонарушителей еще во время подготовительных действий: при виртуальной интимной переписке с несовершеннолетними, обмене интимными фото- и видеофайлами и т. д.

Для создания эффективной системы защиты детей от посягательств на их личную половую неприкосновенность был разработан курс повышения квалификации «Противодействие детской порнографии в интернете». При этом обучение носит исключительно прикладной характер и направлено на овладение слушателями навыками применения специализированного программного обеспечения системы защиты детей, позволяющего устанавливать подозреваемых, распространяющих изображения с элементами детской порнографии, посредством IP-адреса, в том

числе в различных файлообменных сетях. По завершению обучения каждому выдается персонализированная международная лицензия на применение данного программного продукта.

Кроме вышеуказанного специалистами рассматриваются вопросы международного и национального регулирования в сфере противодействия детской порнографии; уголовно-правовая и криминалистическая характеристика преступлений, связанных с детской порнографией; деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с детской порнографией; международное сотрудничество в сфере противодействия детской порнографии и др.

Как отмечалось ранее, значительная часть преступлений сегодня совершается в социальных сетях. Противостоять им должны подготовленные специалисты ОВД и других ведомств. Для повышения квалификации практических работников правоохранительных органов в сфере высоких технологий был разработан и апробирован курс «Организация расследования преступлений в сфере высоких технологий». В процессе обучения по указанному курсу рассматриваются международные правовые механизмы и национальные уголовно-правовые средства борьбы с киберпреступлениями; методы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступной деятельности в сфере высоких технологий; тактика проведения обыска и выемки по уголовным делам о преступлениях в сфере высоких технологий; процесс выявления и расследования несанкционированного доступа к компьютерной информации и др.

Также важной и острой проблемой современности выступает вопрос распространения наркотических средств с помощью информационных технологий. В данном случае именно курс повышения квалификации «Раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков» позволяет углубить знания по ряду проблемных вопросов:

медицинские и социальные аспекты употребления наркотических веществ; правовое регулирование наркоконтроля; выявление преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков; организация расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков; криминалистическое исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и др.

А в основе курса «Снижение вреда и профилактика ВИЧ среди лиц, употребляющих наркотики» – подготовленное УНП ООН учебное пособие «Руководство по обучению сотрудников правоохранительных органов по вопросам снижения вреда и профилактики ВИЧ среди людей, употребляющих инъекционные наркотики».

Также на базе Академии МВД Республики Беларусь по ряду курсов иностранные специалисты имеют возможность получить навыки по планированию проведения оперативно-розыскных мероприятий, а по отдельным курсам – получить навыки по силовому задержанию подозреваемых с применением специальных средств и оружия, оказания первой медицинской помощи и т. д.

Всего за время функционирования Международного учебного центра разработано более 20 курсов повышения квалификации по различной проблематике.

Для обеспечения учебного процесса приглашаются специалисты более высокого профессионального уровня различных правоохранительных органов, занимающиеся противодействием различным преступным проявлениям. Представители других ведомств, международных и неправительственных организаций также активно участвуют в образовательном процессе в качестве экспертов и слушателей.

В соответствии с международными стандартами предусмотрены разнообразные виды занятий, в том числе тренинги, деловые и ролевые игры, практические выездные занятия, моделирование и решение ситуационных задач, выступления с докладами и др. Занятия проводятся в интерактивной форме с использованием различных информационных ресурсов и технических средств обучения. Обязательным для каждого является входное тестирование, собеседование по итогам обучения и изучение мнения слушателей об организации обучения.

Слушателями курсов повышения квалификации в Международном учебном центре являются иностранные специалисты правоохранительной сферы, сотрудники различных структурных подразделений Министерства внутренних дел, Генеральной прокуратуры, Государственного пограничного комитета, Государственного таможенного комитета, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Комитета государственного контроля, Верховного суда, а также Министерства иностранных дел, Министерства труда и социальной защиты, Министерства здравоохранения, Министерства образования и других ведомств.

Практический и положительный зарубежный опыт привносится благодаря международным экспертам, самим слушателям-представителям различных стран. Участие представителей Европола, Генерального секретариата Интерпола, Европейского пограничного агентства «Фронтекс», партнеров из различных стран и международных организаций позволяет не только рассмотреть общемировые тенденции противодействия преступности, но и изучить опыт предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также минимизации последствий данных явлений.

Таким образом, проведение совместных курсов повышения квалификации для национальных и иностранных специалистов способствует установлению дружеских контактов между правоохранителями, осуществлению совместных мероприятий, обмену данными об активных участниках преступных сообществ, налаживанию связей и координации действий в противодействии различным преступлениям.

Роль международного сотрудничества в повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь значительна. Такое взаимодействие позволяет приобрести положительный зарубежный опыт в противодействии преступным проявлениям, изучить новые методики работы и приобрести навыки по их применению, расширить кругозор и в конечном итоге – повысить эффективность своей деятельности.

Противодействие преступности требует согласованных действий и активного партнерского сотрудничества между государствами. Объединяя в процессе обучения специалистов из разных стран и давая им общую базу знаний, Международный учебный центр подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми служит важным инструментом укрепления потенциала компетентных органов и призван улучшить региональное и международное сотрудничество в данной области.

Дата поступления в редакцию: 20.02.18

A.A. Podupeyko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International law of the Academy of MIA of the Republic of Belarus; A.A. Kravchenko, Deputy Head of the Academy of MIA of the Republic of Belarus for International Cooperation – Head of the International training center on migration and combating trafficking in human beings

THE ROLE OF INTERNATIONAL COOPERATION IN ADVANCED TRAINING OF THE OFFICERS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article considers certain issues of international cooperation and advanced training. The role of the International Training Center in training of qualified specialists for law enforcement agencies of the Republic of Belarus and foreign countries is analyzed. The necessity of studying positive foreign experience and its use in practical activity is substantiated.

Keywords: international cooperation, International training center, advanced training, subject area of training courses, combating of crime.

УДК 351.746.1:159.9

*Л.М. Садовничая, старший преподаватель Института пограничной службы Республики Беларусь
(e-mail: sadovnichayal@mail.ru)*

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

Рассматривается психологическая готовность курсантов Института пограничной службы Республики Беларусь к профессиональной деятельности. Определяется уровень их профессионального становления; раскрывается суть психологической готовности к профессиональной деятельности, ее компоненты и методика ее формирования.

Ключевые слова: психологическая готовность, профессиональная деятельность, офицер-пограничник, становление и развитие, адаптация.

Проблема формирования психологической готовности курсантов к профессиональной деятельности вызывает повышенный интерес командиров и преподавателей учреждения образования военного ведомства, в частности определенный интерес вызывает развитие профессионально личностных качеств будущего офицера-пограничника [1].

Так, профессиональное становление курсантов предполагает развитие профессионального самосознания, совершенствование профессионально важных качеств личности, самообразование с целью развития и совершенствования учебно-профессиональных компетенций, а также формирование мотивационно-ценностного отношения к будущей профессии. Одним из приоритетных направлений является психологическая подготовка к военно-профессиональной деятельности.

Трудности, которые приходится преодолевать молодым офицерам-пограничникам, обусловлены объективными (выполнение поставленных задач по обеспечению пограничной безопасности, нерушимости государственной границы и территориальной целостности государства) и субъективными (этап адаптации и профессионального становления) предпосылками.

Исследование различных факторов психологической готовности военных специалистов отражено в работах А.В. Барабанщикова, В.И. Варварова, А.Д. Глоточкина, В.Ф. Дубяги, М.И. Дьяченко, Л.Ф. Железняк, Л.А. Кандыбовича, П.А. Корчемного, Л.Н. Кузнецова, С.В. Лазарева, В.Н. Лоскутова, Л.Е. Мерзляка, А.В. Мощенко, А.М. Столяренко, С.И. Съедина, В.В. Сысоева, Н.Ф. Феденко, Б.И. Фурманца и др. Теоретический анализ исследований ряда авторов [2–6] показал, что существующие точки зрения в определении сути готовности к профессиональной деятельности можно разделить на три группы: готовность рассматривается как психическое состояние личности (Н.Д. Левитов, Б.Ф. Ломов, А.А. Ухтомский и др.); ученые, трактующие готовность как устойчивую характеристику личности (качество), являющуюся результатом подготовленности к деятельности (М.А. Кобзев, В.А. Крутецкий и др.); объединяет названные ранее точки зрения (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович).

Большинство авторов в трактовке психологической готовности личности к профессиональной деятельности выделяют определенные компоненты: образ структуры действия, общее психофизическое состояние, психологическую направленность личности на выполнение необходимых действий и др., но разработка внутреннего настроя офицеров-пограничников на успех в предстоящей служебной деятельности сегодня должна быть более детальной и полной. Названные характеристики определялись исследователями в контексте логически и рационально обусловленной психологической готовности личности к профессиональной деятельности, оставляя за пределами проблемы так называемые бессознательные психологические структуры.

Итак, основу становления и развития психологической готовности курсантов к профессиональной деятельности составляют следующие позиции: формирование социальной (стратегической) ориентировки в профессиональной деятельности посредством определения в ходе учебного процесса учебных дисциплин, наиболее продуктивно обеспечивающих развитие такой ориентировки; развитие интуитивных способностей, обеспечивающих становление и поддержание внутреннего настроя на достижение успеха в профессиональной деятельности; достижение осознания социальной значимости и социально-психологической поддержки выполняемой ею профессиональной деятельности.

Процесс формирования такой готовности у курсантов может рассматриваться как закономерное изменение системного единства его личности и собственно представлений о последующей профессиональной деятельности. И это в совокупности есть результат образовательного процесса высшей школы, в котором реализуются стратегии, модели, алгоритмы и технологии продуктивного совершенствования профессионально важных качеств личности будущего специалиста [7]. Готовность будущего офицера воспринимать, понимать, оценивать и развивать акмеолого-психологические характеристики «Я-профессиональное» является продуктом интегральной деятельности всех участников образовательного процесса, обеспечивающих развитие курсанта как субъекта профессиональной деятельности. Но развить личность нельзя до определенного уровня. Необходимо постоянное совершенствование, которое предполагает наличие определенных перспектив: углубление разработки акмеологического аспекта психологической готовности к профессиональной деятельности, дальнейшая дифференциация структурных компонентов психологической готовности, расширение методического инструментария исследовательского, диагностического и развивающего назначений.

Вместе с тем исследование обозначенной проблемы, механизмов, особенностей, этапов и содержания позволяет говорить о разработке методики ее формирования, основываясь на следующих теоретических выводах.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности у курсантов есть целостное образование личности в виде: образа профессиональной деятельности; развитого у нее внутреннего позитивного настроения на достижение успеха в профессиональной деятельности; сформированности у личности представлений о социально-психологическом одобрении (поддержке) целевых установок профессиональной деятельности. Психологическая готовность как целостное проявление личности обеспечивает переход от условий обучения в УВО к профессиональной деятельности в территориальных органах с наименьшими психологическими нагрузками.

Проблема формирования психологической готовности курсантов к профессиональной деятельности напрямую связана со спецификой их будущей деятельности, проходящей в усложненных условиях и требующей высокой ответственности за принимаемые решения.

Формирование психологической готовности невозможно без учета развития логических и интуитивных способностей курсанта.

Формирование психологической готовности курсантов к профессиональной деятельности может быть осуществлено путем использования психологического тренинга. В основу методики психологического тренинга может быть положен принцип программирования позитивного настроения на будущую профессиональную деятельность. Его суть составляет совокупность методов релаксации, визуализации и программирования.

Изучение индивидуально-психологических особенностей личности является одним из основных составляющих элементов в работе по формированию психологической готовности курсанта к профессиональной деятельности. Именно на этой основе в сочетании с изучением личностно-смыслового отношения к целям и задачам будущей профессиональной деятельности в данных конкретных условиях возможны прогнозирование развития психологической готовности и выработка средств и методов ее формирования. Изучение и оценка сформированности психологической готовности могут быть основаны на использовании видео- и компьютерного психоанализа личности, психогометрического теста, методики «Я-состояния».

Значимая роль в подготовке к служебной деятельности выпускников УВО и тем трудностям, с которыми им придется столкнуться, принадлежит существующей практике стажировки выпускников, где молодой специалист получает возможность быстрее адаптироваться к новым для него условиям служебной деятельности.

Список использованных источников

1. Черепкова, Е.В. Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности у курсантов военных вузов : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Е.В. Черепкова ; Рос. Акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2002.
2. Абульханова-Славская, К.А. Проблемы активности личности / К.А. Абульханова-Славская // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. – М., 1988.
3. Утяшев, И.Р. Факторы и барьеры формирования морально-психологической готовности курсантов к будущей военно-профессиональной деятельности : в 2 т. / И.Р. Утяшев // Сб. науч. ст. № 2 (кн. 2). – М. : Воен. ун-т, 2003.
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М., 1982.
5. Столяренко, А.М. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел / А.М. Столяренко. – М., 1987.
6. Дьяченко, М.И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск, 1976.
7. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М. : Мысль, 1984.

Дата поступления в редакцию: 28.04.18

L.M. Sadovnichaya, Senior Lecturer, the Institute of Border Service of the Republic of Belarus

FORMING OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE CADETS OF THE INSTITUTE OF BORDER SERVICE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article gives the determination of psychological readiness of the cadets of the Institute of Border service of the Republic of Belarus – the future officers of the border service for professional activities and for professional formation, the essence of psychological readiness for professional activities, its components, and also the technique of its forming are revealed.

Keywords: psychological readiness, professional activities, officer of the border service, formation and development, adaptation.

УДК 159.9:34.01

В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Stukanoff@tut.by);

С.Б. Адашькова, старший инспектор группы психологического обеспечения управления организации исправительного процесса Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь
(e-mail: 4erpakova@mail.ru)

ФОРУМ-ТЕАТР КАК СРЕДСТВО ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ПСИХОКОРРЕКЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Рассматриваются перспективные направления совершенствования психологической работы в пенитенциарной сфере, в частности использование методов групповой психокоррекции. Раскрывается суть понятия «исправительная психокоррекция»; выделяются основные принципы исправительной психокоррекции. Представляется методика «форум-театр»; излагаются возможности ее применения в групповой коррекционной работе психолога в исправительном учреждении, обосновывается целесообразность использования данного метода в работе с осужденными. Описываются основные фазы подготовки и проведения форум-театра в исправительном учреждении.

Ключевые слова: исправление осужденных, исправительная психокоррекция, психологический контакт, форум-театр, методика, роль зрителей, «стопы», джокер.

Осуждение и помещение в исправительное учреждение, особенно для впервые осужденных, – это переживание экстремальной ситуации, имеющей последствия, полностью меняющие жизненный уклад. И здесь становятся другими не только условия физического существования, но и социальный статус личности: изоляция прерывает привычные социальные контакты и ограничивает возможность общения, особенно с близкими людьми.

Лишение свободы влечет трансформацию эмоциональной сферы личности: появляется комплекс специфических состояний и переживаний – напряженности, неуверенности в себе, чувства обособленности, тупика и безысходности. Так, Ю.М. Антонян, например, отмечает, что в условиях групповой изоляции формируется известный феномен одиночества в толпе, когда вокруг постоянно присутствует много людей, а тех, с кем можно было бы поговорить, поделиться, кому можно довериться, нет или почти нет [1, с. 216]. Т.Ю. Лапшина, в свою очередь, полагает, что одиночество обладает свойством подчинять себе другие психические процессы и состояния, нарушает внутреннюю целостность личности [2, с. 12].

Выход из такого кризиса в условиях лишения свободы может быть связан с раскрытием психотерапевтической роли исправления процессом наказания и достигается созданием условий для развития у осужденных предпосылок для переосмысления жизненного пути и роли наказания в нем. Обозначенное возможно реализовать, применяя в процессе исправления методы психологической коррекции личности.

Психологическая коррекция – целенаправленный процесс изменения определенной совокупности психологических свойств личности с помощью специальных методов воздействия, приводящих к устойчивому изменению некоторых характеристик социального поведения индивида [3, с. 12–13]. В условиях лишения свободы психокоррекция проводится для реализации первоочередной задачи уголовного наказания – исправления личности осужденного. В этой связи понятие «исправительная психологическая коррекция» можно назвать целенаправленным процессом психологического воздействия на определенную совокупность психологических

свойств личности преступника, детерминирующих социально-правовое поведение, для устранения либо уменьшения ее криминогенности и формирования готовности удовлетворять жизненные потребности и интересы правопослушным образом [4, с. 7–9].

Осуществление процесса исправительной психологической коррекции должно подчиняться ряду принципов, без которых цели исправления в процессе психокоррекции не могут быть достигнуты. Прежде всего это принцип ограничения психокоррекционного воздействия от психического насилия, т. е. сознательное отношение осужденного ко всем действиям психолога и добровольность участия в процессе исправительной трудовой коррекции. Данная установка предполагает согласие осужденного на предложенные ему психологические меры или отказ от них, предоставление возможности осужденному высказывать собственную точку зрения в процессе осуществления процесса психокоррекции [3, с. 17–16].

Одной из эффективных методик исправительной групповой психокоррекции является методика «форум-театр», адаптированная и успешно используемая авторами в пенитенциарной практике. Ее апробация начата в 2017 г. в исправительном учреждении «Исправительная колония № 4» г. Гомеля для осужденных женщин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы. Суть методики заключается в решении актуальных личностных и социальных проблем и сочетает элементы театрального представления и интерактивного обсуждения, т. е. на форуме зрители – непосредственные участники действия. Основоположником форум-театра является Августо Боаль, основатель и руководитель бразильского народного «Театра угнетенных». Главной темой его спектаклей стала ситуация угнетения и насилия. Суть представлений форум-театра – совместный со зрителями поиск решения проблемы или выхода из сложной жизненной ситуации. Темы спектаклей – различные социальные проблемы: воспитание детей, отношения между членами семьи, соседями, поиск работы, смысл жизни, наркомания, алкоголизм и т. п.

Главная цель применения методики «форум-театр» – обретение навыков разрешения существующей проблемы с использованием опыта других людей и подключением возможностей собственного эмоционального интеллекта. В ходе такого спектакля актеры разыгрывают хорошо знакомую зрителям проблемную ситуацию из реальной жизни, а зрители, проживая ее и представляя себя на месте главного героя, предлагают решения, которые могли бы направить развитие событий к лучшему. Наблюдая ситуацию, разыгрываемую актерами, зрители имеют возможность оценить поведение персонажей со стороны и высказать собственное видение возможного изменения линии поведения главного героя и хода событий в целом. Способы улучшения ситуации предлагаются на основании личного опыта зрителей. При этом уникальность и ценность каждого спектакля заключается именно в том, что во время представления задействованы не только актеры, но и зрители [5, с. 93].

Каждый персонаж спектакля выполняет определенную социальную роль: главный герой – жертва ситуации, другие персонажи – его окружение. Обязательным условием в форум-театре является разделение героев на «угнетенных» и «угнетателей». Вообще в постановке могут участвовать от 4 до 6 участников (один из них 100 % угнетатель, второй – 100 % угнетенный, один – 70 % угнетатель, второй – 70 % угнетенный). На протяжении действия происходит нарастание конфликта. В первых эпизодах происходит завязка, затем следует напряженное развитие действия, кульминация (самое драматическое место представления, момент личного выбора главного героя) и стоп-кадр. Постановка прерывается. Мизансцена обрывается «стоп-кадром»: не показывается разрешение ситуации, развязки никто не знает. Действие длится 15–20 мин по нарастающей и обрывается в кульминационный момент.

Весь сценарий состоит из 4–6 мизансцен, раскрывающих причины, приводящие главного героя к трагедии. Доступность и узнаваемость ситуаций является важным моментом в содержании сценария, надуманное или фантастическое не должно иметь места; все должно соответствовать реальной жизни.

Основная работа по представленной проблеме разворачивается в процессе сотрудничества с аудиторией. Посредником взаимодействия со зрителями выступает ведущий, или джокер. Последний, обращаясь к зрителям, может задавать примерные вопросы: «Могла ли такая ситуация произойти в жизни? Чем ситуация может закончиться? Могли ли герои или окружающие вести себя как-то иначе, чтобы ситуация развивалась по-другому?». Затем спектакль разыгрывается по-

вторно, а каждый желающий из зрительного зала может сам стать актером, предложив какую-то другую модель поведения одного из героев, при этом заменив кого-то из исполнителей [5, с. 98].

Основные отличия постановки такого театра от классической модели заключаются в ряде позиций: действие разворачивается в одной плоскости, а не на сцене; сценарии в большей степени приближены к повседневной жизни и быту; развязка отсутствует, а действие завершается в момент кульминации.

Основная суть метода «форум-театр» – поиск в рамках предложенного спектакля вместе с участниками возможных путей преодоления проблемы или выхода из сложной жизненной ситуации. Главное – заставить зрителя задуматься над обозначенными проблемами, прочувствовать их, предложить различные варианты решения. Уникальность рассматриваемой методики – отсутствие конкретных рекомендаций о том, как действовать, а поиск решения осуществляется совместными усилиями зрителей и актеров при обсуждении проблем, затронутых в спектакле и проигрывании возможных решений. Зрители не только знакомятся с трудной ситуацией, но и разрабатывают алгоритм, выстраивают модель поведения в сложной на первый взгляд безвыходной ситуации.

Также значимым выступает и то, что организация и проведение форум-театра в исправительных учреждениях предполагает обязательное соблюдение главных принципов исправительной психокоррекции: добровольность участия, информированность участников, учет конкретных особенностей личности осужденных [4, с. 7–9]. Пример исправительной колонии № 4 г. Гомеля иллюстрирует особенности подготовки и постановки спектаклей форум-театра в исправительных учреждениях.

Итак, начинать необходимо с подбора актеров на добровольной основе путем индивидуальных и коллективных бесед психолога в отрядном звене осужденных. Затем психологом приводятся информационная подготовка актеров, которые знакомятся с особенностями реализации метода «форум-театр» с учетом пенитенциарных задач исправительных учреждений. Далее с актерами проводятся тренинговые занятия, направленные на знакомство, сближение, формирование сплоченного коллектива и игровых навыков. В процессе беседы психолога с актерами выбираются возможные темы спектаклей в соответствии с целевой аудиторией зрителей. Это могут быть проблемы, отражающие переживания ситуации осуждения и лишения свободы, взаимоотношения с родственниками, события, привели к совершению преступления. Актуальными будут и сюжеты спектаклей, связанные с напряженными и конфликтными ситуациями взаимодействия осужденных в отрядах и на работе, медицинской части, столовой, отражающие специфику ежедневного общения, и другие события, волнующие осужденных.

На следующем этапе актеры под руководством психолога разрабатывают сценарий спектакля (при этом может использоваться метод «мозговой штурм»); здесь важно взаимодействие группы между собой. Правильно создать сценарий возможно только совместными усилиями, постоянно импровизируя, проигрывая ситуацию и записывая диалоги. В таком случае нарастание конфликта будет эмоциональным и естественным. Далее в работе – проигрывание готового сценария, обсуждение и коррекция недостатков, т. е. разработка и детализация эпизодов сценария, «вживание» актеров в роль. Детально прорабатываются диалоги персонажей, актеры «вживаются» в образ, вносятся необходимые ремарки по ходу постановки, выделяются и обсуждаются моменты в сценарии, которые требуют переигрывания, так называемые «стопы», возможность введения новых героев.

Далее происходит показ спектакля и его обсуждение (форум). Самая ответственная роль у ведущего – джокера. Именно он организует и регулирует взаимодействие между актерами и зрителями, четко формулирует вопросы, наталкивает зрителя на размышление. В роли джокера может выступить психолог или специально обученный и подготовленный осужденный. При возникновении проблемных ситуаций в группе или агрессивных реакций в принципе джокер должен проявлять эмпатию и безоценочное принятие, стремиться к созданию совместного диалога. Таким образом, основные задачи джокера – контроль ситуации внутри группы, организация обсуждения спектакля зрителями, умение вести дискуссию, принимать все мнения зрителя, не критикуя и не оценивая их [6, с. 18].

Перед началом фазы форума (очень важной) ведущий говорит о возможности делать «стопы» и заменять в любом месте одного из актеров. В таком случае спектакль разыгрывается заново.

во, и зритель, видя моменты, где ситуацию можно было бы разрешить, делает «стоп», и проходит неполная замена зрителями ролей актеров. Встраивается только один зритель, первый сделавший «стоп», который заменяет одного актера. Включение может происходить постепенно: роль сначала проговаривается, а потом проигрывается.

В исправительных учреждениях из-за специфики пенитенциарной среды «стопа» могут быть организованы следующим образом. Во-первых, с актерами заранее обсуждаются места, в которых могут быть осуществлены «стопа». Если зрители не проявляют активности или не высказываются, джокер предлагает переиграть именно эти места спектакля. Во-вторых, среди зрителей может находиться один дублер, который вводится для замены одного из героев в заранее запланированном эпизоде для того, чтобы продемонстрировать один из желательных вариантов поведения. В-третьих, один из актеров может высказать желание переиграть свою роль, потому что в ходе проигрывания спектакля увидел возможность другого поведения. В-четвертых, возможно словесное обсуждение со зрителями места для «стопов», и после этого актеры сами проигрывают роли в соответствии с высказанными предложениями зрителей.

Следующий этап – деролинг – позволяет вернуться к обычному поведению. В ходе деролинга каждый актер называет свое имя и основные личностные качества, которые отличают его от героя пьесы.

После деролинга в общем кругу зрителей и актеров проводится рефлексия, которая дает возможность отреагировать эмоции и чувства, возникшие в ходе спектакля и является продолжением деролинга, где актеры могут высказать мнение относительно того, как им было играть свою роль, хотелось ли изменить что-либо в ходе спектакля, похожи ли персонажи спектакля на кого-то из их жизни, самих актеров. Зрители, в свою очередь, могут поделиться собственными впечатлениями после просмотра, озвучить степень актуальности его темы в их жизни, рассказать, случались ли подобные события с ними. Совместная рефлексия проводится при небольшом количестве зрителей (до 15 человек), при большей численности участвуют актеры и зрители, которые выходили проигрывать роли.

Специфика методики «форум-театра» позволяет легко и непринужденно установить и поддерживать подлинный психологический контакт психолога с актерами и зрителями, который является важнейшим условием исправительной психокоррекции [4, с. 18–20]. В ходе подготовки и показа спектакля складываются особые отношения, характеризующиеся проявлением эмпатии, доверия, взаимопонимания [4]. Возможность экспериментировать, вести диалог, высказаться и быть услышанным пробуждает интерес у всех участников и обеспечивает успешность психокоррекционного воздействия.

Взаимодействие участников форум-театра осуществляется в непринужденных условиях, что позволяет успешно преодолеть психологические защиты осужденных и нейтрализовать психологические барьеры в общении.

Итак, рассматриваемая методика имеет профилактическую воспитательную направленность, развивает умение фантазировать, думать и оценивать психологическое состояние людей, изобретая различные модели поведения. Участие в форум-театре способствует расширению поведенческого репертуара как актеров, так и зрителей, формированию осознанных правопослушных моделей выхода из проблемных ситуаций, с которыми они сталкиваются.

Лишение свободы – жизненный кризис, связанный с крахом надежд и личных замыслов, и результатом его проживания может стать перерождение личности, принятие новых ценностей. А «форум-театр» – один из методов, который способствует данному процессу.

Список использованных источников

1. Антонян, М.Ю. Жестокость в нашей жизни / М.Ю. Антонян. – М., 1996. – 320 с.
2. Лапшина, Т.Ю. Психологические особенности переживания одиночества у лиц, находящихся в условиях групповой (тюремной) изоляции : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Т.Ю. Лапшина. – Ростов н/Д, 2007. – 19 с.
3. Стуканов, В.Г. Исправительная психокоррекция личности преступника (на примере осужденных к лишению свободы за корыстные преступления) : монография / В.Г. Стуканов ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 179 с.
4. Стуканов, В.Г. Методические основы исправительной психологической коррекции личности осужденных за корыстные преступления / В.Г. Стуканов. – Минск, 1999. – 80 с.

5. Организация профилактической работы по вопросам ВИЧ и СПИД в учреждениях образования с использованием технологии «Форум-театр»: метод. пособие / Е.Н. Родионова [и др.]. – Минск, 2009. – 168 с.
6. Использование элементов театрального искусства в профилактике ВИЧ инфекции среди молодежи: сб. метод. материалов / Е.Н. Родионова [и др.]. – Минск, 2008. – 54 с.
7. Мельникова, А. Форум-театр. Пособие по использованию театра угнетенных в работе общественных организаций на примере техники форум-театр / А. Мельникова, П. Михайловская. – Минск, 2014. – 40 с.

Дата поступления в редакцию: 20.03.18

V.G. Stukanov, Doctor of Education, Candidate of Psychological Science, Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; S.B. Adaskova, Senior Inspector of psychological support group of penitentiary process organization management of the Department for Execution of Judgments of the MIA of the Republic of Belarus

FORUM-THEATRE AS A MEANS OF PENITENTIARY PSYCHOCORRECTION OF THE CONDEMNED

Prospective lines of psychological activity development in a penitentiary field have been reviewed, including the usage of group psychocorrection methods. The core of the notion "penitentiary psychocorrection" has been defined; basic approaches of psychocorrection methods have been underlined. The forum-theatre technique and the possibilities of its applying with the psychologist's group psychocorrection activity in a correctional facility have been represented. The practicability of the abovementioned technique has been grounded. Basic preparation and realization stages of a forum-theatre play in a correctional facility have been described.

Keywords: correction of the condemned, penitentiary psychocorrection, psychological contact, forum-theatre, technique, forum, spectators' part, joker.

УДК 159.9:316.6

*А.А. Сулова, старший преподаватель кафедры психологии Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова, соискатель кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники
(e-mail: arrowall@rambler.ru)*

МОТИВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Рассматривается психологический феномен мотивационных стратегий курсантов. Описываются мотивационные и содержательные стратегии с психологической точки зрения. Анализируется возможность их использования в процессе жизнедеятельности. Предпринята попытка выделения понятия и характеристики мотивационных стратегий как психологического явления.

Ключевые слова: мотивационные стратегии, поведенческая активность, динамические стратегии, содержательные стратегии.

Проблема совершенствования человеческого капитала на прочном фундаменте социально-психологической адаптации курсантов к условиям учебно-профессиональной деятельности является сегодня одним из основных направлений психологической науки. Процесс адаптации курсантов базируется на правильной мотивации молодых людей, выбравших нелегкую профессию.

Эффективность деятельности ОВД в большой степени детерминируется состоянием отдельно взятой личности. По этой причине одной из основных становится задача обеспечения позитивной и ускоренной социально-психологической адаптации курсантов к условиям обучения в учреждении высшего образования и профессиональной деятельности [1, с. 6]

Так, изучение мотивационных стратегий раскрыто недостаточно полно: нет определения данного психологического феномена, отсутствует структура и четкость терминологии. Кроме того, не изучены мотивационные стратегии курсантов учреждений высшего образования ОВД.

Как представляется, мотивационные стратегии тесно связаны с мотивацией человека – побуждениями, вызывающими активность организма и определяющими его направленность. Осознаваемые и неосознаваемые истины, факторы, побуждающие индивида к совершению конкретных действий, определяют направленность к цели. Таким образом, мотивация – побужде-

ние к поведению со сложившимися представлениями о своем поведении и определенной целью, достижению которой способствуют осознание и правильный выбор мотивационных стратегий.

По мнению С.Р. Воробьевой, в мотивационной регуляции поведения системообразующую функцию выполняет противоречивое единство содержательной и динамической сторон, но в каждом отдельном случае функционирования или развития ведущей, наиболее значимой выступает либо одна сторона, либо другая. Существование динамической тенденции в мотивации подтверждают факты и теоретические обобщения, связанные с наличием потребности в самом процессе деятельности, равно как и стремление избежать функциональных перегрузок, перенапряжения. Таким образом, деятельность человека обусловлена внешними потребностями и потребностями существования как биологического существа и социального субъекта. Содержательные стратегии в основном ориентированы на получение положительного результата или избежание неудачи. Прежде чем взяться за какое-либо дело, человек должен осознать, стоит ли конечный желаемый результат усилий, требуемых для его достижения.

Трудность построения оптимальной зоны мотивации заключается в умении противостоять тенденции односторонней реализации той или иной модальности, вплоть до крайних значений. Так, во многих случаях нельзя, следуя модальности желательности, стремиться к удовлетворению высшего уровня побуждения, несмотря на явно чрезмерные затраты. Необходимо уметь преодолевать значимость, выходящую за естественные пределы стоимости реализации и пределы человеческих возможностей.

Ошибки построения содержательной стратегии заключаются в том, что необходимое иногда (особенно в благоприятных условиях жизни, при завышенных уровнях притязаний) становится желательным, а желательное – необходимым.

Динамические стратегии поведения связаны с основными динамическими модальностями значимости: потенциала и затрат, функциональной депривации и удовлетворения. В зависимости от типа мотивационной детерминации человек в данных обстоятельствах (или в качестве типичной для него черты поведения) либо стремится к облегчению деятельности, экономии функциональных ресурсов, либо к максимальной мобилизации, драматической напряженности борьбы, что позволит выявить и развить собственный потенциал, удовлетворить функциональные потребности.

Одна из особенностей динамической стратегии поведения в рамках мотивации связана с ориентировкой на уровень функциональных и иных затрат при построении деятельности. Особенно это ярко выражается тогда, когда такая установка оказывается в той или иной мере неадекватной по содержательно-смысловым соображениям, когда смысл такой линии поведения уже потерян в силу изменения обстоятельств, а человек все держится как бы по инерции за выбранную стратегию. И в данном случае дело не в инерции как таковой, а в определенных трудностях изменения стратегии поведения, преодолении психологического барьера, отказе от уже затраченных ресурсов.

Другая разновидность – ситуативная стратегия – предполагает отсутствие специального ожидания, готовности, но реализацию сложившейся возможности удовлетворения после ее выявления. Ситуативная стратегия оказывается единственно возможной в ситуации высокой неопределенности, непредсказуемости событий, когда неясно, какие ставить цели.

В принципе, стратегия – это не просто реагирование на события или ожидание их, а воздействие на ход событий: приближение желательных и отдаление нежелательных. Именно в такой ситуации максимально проявляется характеристика личности как субъекта, в отличие от относительно пассивного объекта влияний и воздействий. И здесь личность в психологическом аспекте невозможно свести к субъекту активности взаимодействий с действительностью, но именно в последнем личность проявляется наиболее ярко [2, с. 54].

Также на поведение влияет предполагаемое в будущем изменение динамических обстоятельств, их улучшение или ухудшение. Это субъективно высокозначимая ситуация связана с тенденцией минимизации затрат, но по особому, отрицательному динамическому типу. Такую значимость необходимо отличать от значимости, возникающей в ситуации, когда очень большие затраты привлекают внимание человека, наводя его на предположение о соответственно высокой содержательной значимости данного побуждения («дорого, значит ценно», «запрещают,

значит привлекательно» и т. д.). Ситуация отрицательной динамической значимости аналогична ситуации очень высокой значимости содержательного типа: там тоже имеет место ситуативная стратегия, но с другим основанием.

Для одних людей ощущение потенциала автоматически означает возможность процесса деятельности, затрат и соответствующих достижений, для других – только реальные достижения и уже развернутый процесс деятельности может стать убедительным их в наличии потенциала.

В зависимости от типологического склада либо оценка потенциала выступает исходной, первичной в оценке возможных достижений, либо оценка достижений становится первичной для оценки предполагаемого потенциала.

Ухудшение объективной обстановки с энергетической стороны должно приводить к какому-то сдвигу в мотивационной стратегии поведения: где-то нужно «сэкономить», куда-то сместить функциональные ресурсы; что-то при этом выступает как цель, то есть как нечто более важное, а что-то – как средство, то есть нечто менее важное. В данном случае предположительно возможны два пути:

сэкономить за счет снижения уровня удовлетворения всех побуждений – за счет снятия высокой значимости;

сэкономить за счет полного отключения относительно малозначимых побуждений – за счет малой значимости.

Люди типологически различаются по склонности к использованию той или иной стратегии. Та и другая стратегия могут оказаться неадекватными по отношению к конкретной деятельности.

Улучшение обстановки с динамической стороны может привести к определенным позициям: повышению уровня удовлетворения всех ранее сложившихся побуждений, то есть к введению более высокой положительной значимости;

включению актуализации, новых малозначимых побуждений, которые раньше подавлялись, то есть к введению малой значимости.

Ухудшение объективной обстановки с содержательно-смысловой стороны может привести к искусственной экстраполяции уже сложившихся побуждений, нередко за пределы их естественных границ, в зону пресыщения и извращения, т. е. неестественное введение высоких положительных новых искусственных побуждений (как это происходит в игре), введение относительно низкой отрицательной значимости.

Улучшение обстановки с содержательной стороны, в свою очередь, может также иметь определенные последствия:

снижение уровня удовлетворения прежних побуждений для переключения части освобожденных динамических ресурсов на новые;

отключение некоторых малозначимых прежних побуждений для переключения сэкономленных ресурсов на некоторые новые побуждения, в целом более значимые, т. е. отключение низкой отрицательной значимости. В отличие от ситуации ухудшения динамической стороны, то же самое делается не для сохранения прежнего среднего уровня энергетических затрат, а для сохранения прежнего уровня значимости.

Таким образом, в некотором смысле ухудшение содержательной стороны идентично улучшению динамической стороны. Однако существенное различие здесь заключается в том, что в первом случае содержательная сторона не подготовлена, вводится искусственно, а динамическая сторона неадекватно экстраполируется (во всяком случае, потенциальная опасность этого очень велика), в то время как во втором случае это более естественный процесс, хотя и купленный предварительной неудовлетворенностью актуальных побуждений.

Часто бывает трудно решить, какая стратегия поведения позволяет достичь большей мобилизации: установка на длительную деятельность или установка мобилизоваться и покончить с целью быстро. Первая в функционально-регуляционном плане более дорогая (необходимы выдержка, мужество, терпение и пр.), но более экономная с точки зрения адекватности объективным обстоятельствам. Вторая более легкая по функционально-регуляционным затратам, но чаще всего менее приспособленная к адекватному отражению действительности, так как предвзята по отношению к объективным обстоятельствам в смысле временной характеристики.

Аналогично этому недостаток первой стратегии – предвзятая установка на длительную сферу деятельности. Фактически деятельность может завершиться быстро. Здесь динамическая

неадекватность заключается в больших функционально-регуляционных затратах; а возможная содержательная неадекватность заключается в том, что может быть упущен реальный шанс быстрой реализации ввиду инерции временной установки на длительность.

При одной стратегии низкие функциональные возможности постепенно приводят к ориентировке на низкий содержательный уровень достижений, а высокие преобразуются в ориентировку на соответствующие им высокие содержательные уровни достижений. Человек иногда намеренно возбуждает потребность содержательного типа, но не ради ее удовлетворения, а в основном, чтобы получить удовлетворение от актуализированного потенциала.

По одному типу стратегий высокие притязания приводят к повышению динамических возможностей, а низкие – к снижению. По другому – завышенные притязания выполняют в основном эмоционально-экспрессивную функцию, служат для эффективного представительства, создания видимости высокого потенциала, и не только не способствует развитию последнего, но и делают его во многих случаях ненужным, излишним, а низкий уровень притязаний при этом должен как бы компенсироваться высоким развитием способностей, возможностей.

Во-первых, при низких функциональных возможностях более эффективны высокие содержательные значимости типа необходимости, так как нужно преодолеть, компенсировать достаточно высокую отрицательную динамическую значимость типа высокой стоимости требуемых функциональных затрат. Здесь нередко наблюдается стратегия отсрочки очень важных дел в ожидании либо смещении их в зону незначимого, либо смещения в активно-действенную зону ввиду естественного возрастания их содержательной значимости (по типу необходимости, неотложности).

Во-вторых, эффективны низкие положительные содержательные значимости типа желательности, так как они связаны с низкими функциональными затратами. Здесь действует, например, динамическая стратегия, по которой человек выбирает цели, задачи, потребности, малозначимые в содержательном плане, но соответствующие функциональным возможностям; человек делает то, что ему непосредственно хочется, приятно в самом процессе.

Так, для высоких функциональных возможностей характерны:

ориентировка на высокие положительные содержательные значимости, призванные способствовать реализации высокого функционального потенциала;

ориентировка на низкие отрицательные содержательные значимости, так как значимость типа необходимости идет «извне» по отношению к динамическим возможностям человека, не учитывает их, «не считается» с ним и может потребовать больших затрат.

Эффекты низких и высоких функциональных возможностей, взятые в отдельности, эквивалентны проявлениям соответствующих содержательных механизмов, внешне неотличимые от них. Если ориентировка на высокие положительные содержательные значимости сочетается с ориентировкой на низкие содержательно отрицательные, то это содержательные эффекты; если она сочетается с высокими отрицательными, то это динамические эффекты.

В динамическом варианте за константу деятельности берется динамический параметр, а в содержательном за константу – содержательный. Аналогично этому снижение сложности задачи в одних случаях приводит к переключению освободившихся ресурсов на новые задачи; в других – на более высокий уровень удовлетворения ранее сложившихся.

В формировании стратегий все зависит от значимости содержательной и динамической сторон и их модальностей: то, что сложилось у человека как высокозначимое, имеет тенденцию оставаться константой, неизменным, а менеезначимое обычно меняется, приспособляясь к этой константе. Такой механизм может давать адекватные и неадекватные формы поведения. Слабая степень ее переносимости может вести к преждевременным заключениям. Возможен тот же самый результат, но на совершенно иной психологической основе, например, при повышенном чувстве уверенности и отсутствии должного контроля. В связи с этим динамические стратегии вообще оказываются неадекватными в тех случаях, когда наиболее значимыми являются цель, задача, потребность.

Для осуществления динамической стратегии типа использования благоприятной возможности (как и любой другой стратегии регуляции) необходимо естественное или искусственное создание относительной равно значимости и относительной незначимости создаваемой характеристики побуждений. Иными словами, человеку должно быть «все равно» в содержательном аспекте значимости, какое из побуждений реализовать. Он должен быть готов к актуализации

любого побуждения, для которого сложились или могут сложиться благоприятные условия удовлетворения, а не собственно содержательной логике того, что важно для человека по своему результату [3, с. 78].

Таким образом, содержательная логика актуализации предполагает аналогичную равную значимость, относительную незначимость того, во сколько человеку может неожиданно обойтись реализация принятой им целевой установки, потребности, идеала.

Как показывает практика, придерживаться односторонне содержательной, или односторонне динамической стратегии нерационально. Мобилизация, соответствующая уровню содержательной значимости побуждения, неадекватна, если реально требуются существенно меньшие затраты или наоборот (тогда человек вообще должен отказаться от побуждения). Аналогично этому односторонняя ориентировка на динамическую значимость в смысле объективно необходимых затрат также неадекватна в двух случаях: когда содержательная значимость существенно ниже их (тогда следует отказаться от реализации побуждения), и когда она существенно выше (в этом случае необходимо опасаться редукции содержательной значимости до уровня динамической, когда исчезает принципиальная готовность человека, в случае необходимости, к большим, чем обычно, затратам, соответствующим высокой содержательной значимости) [3, с. 106]. Так, С.Р. Воробьева впервые выделяет мотивационные стратегии и пытается обозначить, структурировать данный феномен.

Таким образом, при определенных условиях и в определенном отношении динамические факторы качественно идентичны и количественно эквивалентны содержательным факторам по их детерминирующему влиянию на деятельность.

Поведенческая активность раскрывает феномен мотивационных стратегий, которые представляют собой развитие поведенческой активности личности, а именно – равнонаправленного становления его динамической и содержательной сторон, без развития которых невозможно полноценное становление человека как личности.

Авторы считают, что мотивационные стратегии представляют собой содержательную и динамическую стороны поведения человека, которые, в свою очередь, делятся на категории.

Также исследование с практической точки зрения позволяет дополнить понятие мотивационных стратегий, выводит определение мотивационных стратегий и его различные категории, а также изучает вопрос, насколько правильно выбранные мотивационные стратегии влияют на адаптацию курсантов к обучению и в дальнейшем на профессиональное становление в условиях учреждения высшего образования ОВД.

Список использованных источников

1. Психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
2. Вилюнас, В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. – М. : МГУ, 1990. – 335 с.
3. Воробьева, С.Р. Мотивационные стратегии поведения личности при изучении иностранного языка : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / С.Р. Воробьева ; Моск. гуманит. ун-т. – М., 2004. – 165 л.

Дата поступления в редакцию: 15.01.18

A.A. Suslova, Researcher of Psychological Sciences of the Department of Psychology of the Mogilev State University named by A.A. Kuleshov, applicant of Department of Engineering Psychology and Ergonomics of the Belarusian State University of Informatics and Radio Electronics

MOTIVATIONAL STRATEGY OF CADETS OF INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AS PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

In this article the psychological phenomenon of motivational strategy is considered. In article the detailed description of motivational and substantial strategy from the psychological point of view, their use in the course of activity is given. Besides, the author does attempt of allocation of a concept and the characteristic of motivational strategy as psychological phenomenon.

Keywords: motivational strategy, behavioural activity, activities substantial strategy, dynamic strategy.

УДК 378.016:343.985

А.Н. Тукало, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

*Д.Н. Лахтиков, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: dzymitriy@yandex.by)*

УСИЛЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ: ВИРТУАЛЬНАЯ УЧЕБНАЯ МОДЕЛЬ «ОПЕРАТИВНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ»

Обосновывается необходимость совершенствования подготовки кадров для ОВД. Объясняются перспективы использования виртуальных учебных моделей в образовательном процессе. Рассматриваются когнитивные аспекты учебной виртуальной модели «оперативное подразделение», описываются ее компоненты и возможности использования при обучении специалистов.

Ключевые слова: виртуальная модель, образовательный процесс, учебная модель, оперативное подразделение, оперативный сотрудник.

Подготовка кадров для оперативных подразделений ОВД обуславливает необходимость постоянного совершенствования образовательного процесса с его теоретической и практической составляющими. Круг задач, стоящих перед соответствующими оперативными подразделениями, должен решаться сотрудниками высокой профессиональной квалификации, владеющими новейшими обучающими технологиями. На формирование такого кадрового потенциала нацелена система ведомственного высшего образования с четко поставленной задачей обучения: формировать и развивать компетенции, требуемые для выполнения оперативными сотрудниками специализированных заданий нередко в экстремальных ситуациях и условиях ограниченного времени.

Подготовка к осуществлению профессиональной деятельности наиболее эффективна в условиях, приближенных к реальности. И здесь необходимо соответствующее материально-техническое обеспечение, что предполагает не только наличие аудиторий для проведения лекционных, практических и семинарских занятий, но прежде всего – специализированных полигонов. Именно их достаточное количество и оборудование являются фактором, положительно влияющим на эффективность образования, что дает возможность реализовать программные установки в квазиреальных условиях [1, с. 215]. Особое значение отводится педагогическому ресурсу, так как без квалифицированного и мотивированного преподавательского состава эффективность образовательного процесса низка. Такая ситуация может иметь место и в случае, когда все остальные условия останутся неизменными. Высокий уровень компетентности преподавательского состава определяется многими факторами: общей квалификацией, подготовкой, педагогическим и профессиональным опытом, который необходим при обучении профессиональным умениям. Владя им, можно качественно контролировать, оценивать и модифицировать реакции участников обучения [1, с. 216].

В свою очередь, получение высшего образования в современных условиях, когда активно используются информационные технологии, предполагает опору на новые методологические основания и инновационные образовательные формы и методы, которые не заменяют традиционные методы обучения, но характеризуются высоким потенциалом при применении их в качестве дополнения последних.

Процесс развития сферы образования для реализации и учета возможных потребностей общества не может не учитывать достижения в других отраслях. Так, развитие компьютерных технологий все больше используется в различных областях, поэтому образовательный процесс модернизируется посредством внедрения в него качественно новых элементов, одним из которых является интернетизация образования, использование компьютерных технологий, современных образовательных технологий [2, с. 10]. Одним из перспективных направлений является использование возможностей виртуальной среды в образовательных целях, что позволяет создавать уникальные для восприятия и обучения пространства, приобретающие все большую ак-

туальность в образовании, науке и других сферах. Создание виртуальной среды (модели) представляет собой процесс имитации реальности.

Развитие информатизации образования влечет использование разнообразных форм отражения реального мира. Прогрессирование информационных форм представления приводит к созданию новых визуальных моделей, служащих основой виртуализации реального пространства. Виртуальность в образовании специфична, понимание чего связано с гносеологической трактовкой нового измерения образов реальности, создаваемой средствами образовательных моделей и коммуникаций [3, с. 71]. Поиск оптимальных путей повышения эффективности преподавания специальных дисциплин приводит к пониманию необходимости разработки и использования учебной виртуальной модели (далее – УВМ) «оперативное подразделение», которая позволит открыть новые возможности для профессорско-преподавательского состава и обучающихся, будет способствовать применению активных методов обучения по сравнению с традиционным подходом.

К числу свойств УВМ можно отнести обозримость, воспринимаемость, целевую определенность, функциональность, актуальность. Суть обозримости в том, что обучающийся в состоянии воспринять совокупность элементов и связей, входящих в модель, и понять ее как целое. Например, оперативный сотрудник, проводя рекогносцировку местности при планировании оперативно-розыскного мероприятия, находясь на местности в черте города, может наблюдать только окружающие его строения. При использовании электронной карты появляется возможность увеличить обозримость и наблюдать обстановку в целом, определяя положительные и отрицательные факторы местности, соответственно, принимаемое сотрудником решение будет более обоснованным. Суть воспринимаемости – в возможности обучаемого понять виртуальную модель как имитацию реальности и ее практическое назначение. Целевая определенность – в том, что виртуальная модель может быть использована для достижения понятных и приемлемых для будущего оперативного сотрудника образовательных целей. Содержание функциональности – в возможности выполнения виртуальной моделью ряда функций, заранее определенных и заданных; достоверность модели характеризует направленность на корректное отражение объективной реальности. Содержание актуальности есть свойство параметров УВМ в целом соответствовать (на основе выбранных критериев) текущим значениям оперативной обстановки, задачам и функциям оперативного подразделения и другим параметрам. Данное свойство также подразумевает наличие определенного порога устаревания модели.

УВМ должна иметь определенную структуру, содержание которой формируется с учетом ее целевого назначения, и обеспечивать оптимальное размещение различных групп информации:

данные общего назначения (структура оперативного подразделения; статистические сведения по различным направлениям деятельности оперативного подразделения; характеристика объектов, представляющих оперативный интерес; журналы учетов и др.);

карты местности, обслуживаемой оперативным подразделением (на основе картографического сервиса Google Maps, Яндекс-карты и т. д.) с границами обслуживаемой территории и объектами, представляющими интерес;

должностные инструкции оперативного сотрудника;

раздел планирования, включающий таблицу контроля сроков по материалам проверки и делам оперативного учета, таблицу ежедневного планирования оперативного сотрудника;

учеты органов внутренних дел;

учебную служебную документацию (график дежурств в составе следственно-оперативной группы, заявления и объяснения граждан по различным видам преступлений и др.);

нормативные правовые акты, регламентирующие различные вопросы оперативно-служебной деятельности, в том числе оперативно-розыскной;

учебную и научную литературу (в виде ссылок на электронную библиотеку);

сводку происшествий и факты наиболее резонансных преступлений;

оперативно-служебные документы (бланки документов, используемых оперативным сотрудником, а также образцы их составления);

другие материалы, создающие эффект погружения в виртуальную реальность (в том числе мультимедийные, например, модель места совершения преступления на платформе Sweet Home 3D, 3DEyeWitness Crime and Accident Scene Reconstruction или Envisioneer Express);

программные продукты, используемые при раскрытии (выявлении) преступлений (Электронный методический комплекс анализа информации, FindFace, U2, Speechlogger и др.).

Важным методическим элементом, влияющим на эффективность модели, является комплекс примеров – детальных описаний реального события (преступления), в связи с которым оперативным сотрудником принимаются тактические решения. При необходимости в учебных целях виртуальная учебная модель может быть развита дополнительными структурными элементами.

Основное отличие применения виртуальной учебной модели заключается в том, что бумажные носители, посредством которых преимущественно формируется образовательное пространство, будут заменены электронными ресурсами, размещаемыми в локальной сети; в ориентации модели на активное вовлечение обучающихся в процесс (учитывая, что современная молодежь повсеместно используют информационные технологии); в возможности увязывания содержания учебного материала с практической деятельностью; в оригинальности и комплексности подачи учебного материала.

Образовательная виртуальная модель направлена на получение знаний и компетенций обучающегося, включает разнообразие ситуаций, динамику образов и др. Однако она регламентирована и в необходимой степени ограничивает действия обучающегося областью истинности правильных решений. УВМ может содержать значительное количество текстовой информации и визуальные образы, оказывающие ассоциативное воздействие, но операции с этими образами осуществляются в рамках решения задач обучения. Виртуальная модель в большей степени направлена на удовлетворение «информационной потребности» и устранение информационной асимметрии. Основной мотив оперирования с такими моделями – получение знаний и компетенций для осуществления профессиональной деятельности в реальном мире [3, с. 72]. УВМ существенно повышает качество визуальной информации, так как в данном случае учебный материал представлен ярче и в более доступной форме.

Технической базой для функционирования виртуальной модели может служить высоко-технологичный полигон кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, имеющий средства коллективного отображения информации и другое оборудование.

Указанный полигон оборудован средствами наглядности (учебная доска, интерактивная доска, мониторы, телевизоры, планшеты). Такая обеспеченность дает возможность задействовать все основные сенсорные системы обучающихся – визуальную, слуховую и кинестетическую, что делает образовательный процесс более успешным и эффективным. Особое значение психологи придают кинестетической системе, так как именно с ней связано явление моторной памяти и возможность сформировать у обучающихся навыки до автоматизма.

При использовании интерактивной доски и интерактивного монитора, планшета важны определенная наглядная логика и темп подачи учебного материала. При помощи указанного оборудования осуществляется демонстрация презентаций (изготовленных с применением программы Microsoft Office Power Point или другого аналогичного программного обеспечения), при этом также возможно использование на занятии программного обеспечения SMART Notebook.

Для усиления эффекта визуализации, кроме озвучивания термина, параллельно демонстрируется сам предмет (понятие, явление, процесс). Одновременно применяются комплекс технических средств обучения, рисунков, в том числе с использованием гротескных форм, а также посредством изменения стилей, размера и цвета шрифта, звукового (проигрывание мелодии) сопровождения словесной и наглядной информации.

Использование видеотеки (фильмы, снятые кафедрой или подготовленные соответствующими службами МВД Республики Беларусь; фрагменты художественных фильмов, иллюстрирующие тактические приемы решения задач правоохранительной деятельности) позволяет задействовать визуальные и аудиальные каналы восприятия информации человеком.

Реализация УВМ «оперативное подразделение» возможна посредством задействования технических возможностей локальной (МВД и Академии) и глобальной сети Интернет. Структурными элементами виртуальной модели «оперативное подразделение» являются «учеты органов внутренних дел», «сводка происшествий и фабулы наиболее резонансных преступлений». Благодаря наличию в полигоне подключения к локальной сети МВД в образовательном процессе демонстрируются имеющиеся в распоряжении правоохранительных органов информационные ресурсы (учеты), а также ежедневно по ведомственным каналам связи приходит сводка проис-

шествий. Таким образом, у обучающихся формируются навыки по систематизации, хранению и использованию в служебной деятельности информации, порядку ее размещения и истребования. Посредством изучения сводок обучающийся получает представление о складывающейся оперативной обстановке в отдельно взятом регионе (например, в котором он в дальнейшем будет проходить службу по окончании Академии), количестве совершенных преступлений и их раскрытии. Оперативные сводки содержат сведения о выявленных преступных схемах, которые используются при подготовке индивидуальных заданий для обучающихся и подготовке учебно-методических материалов.

Следующий сегмент УВМ – «нормативные правовые акты, регламентирующие различные вопросы оперативно-служебной деятельности». Так, использование внутренней сети полигона кафедры дает возможность проводить тестирование обучающихся на предмет знания нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность и имеющих ограничительный гриф. В частности, с положительной стороны показала себя интерактивная система контроля и мониторинга знаний e-Rating (VOTUM): позволяет быстро и без особых трудностей собрать и обработать данные, полученные в результате опроса обучаемых; представляет детальные отчеты о проведенной работе. Тестируемые с помощью беспроводных пультов отвечают на вопросы, выбирая правильный ответ из нескольких вариантов или набирая ответ на пульте. Преподаватель может использовать VOTUM как инструмент проведения ежедневного тестирования или контроля знаний.

Использование локальной сети Академии МВД способствует осуществлению доступа к имеющимся электронным ресурсам (Интранет сеть Академии, электронные учебно-методические комплексы по изучаемым дисциплинам). Посредством доступа к интернету есть возможность практического использования еще одного элемента учебной виртуальной модели – «учебная и научная литература (в виде ссылок на электронную библиотеку)».

Для реализации компонента УВМ «программные продукты, используемые в раскрытии (выявлении) преступлений» сегодня применены определенные наработки, когда при проведении занятий активно задействуются находящиеся в открытом доступе программы. Так Google-карт (или аналогичный программный продукт) предоставляет возможность провести рекогносцировку местности при планировании операции по задержанию преступника; 3DEyeWitness Crime and Accident Scene Reconstruction разрешает в 3D реконструировать обстановку на месте происшествия; Speechlogger используется для распознавания речи и мгновенного голосового перевода «голос в текст» и др.). Также обучающиеся получают навыки работы с разработанным на кафедре ОРД комплексом «Электронный методический комплекс анализа информации».

Использование в образовательном процессе перечисленных программных продуктов позволяет осуществлять:

- индивидуальную и групповую работу с цифровыми образовательными ресурсами, в том числе самоконтроль и отработку навыков;
- систематическую работу обучающихся в малых группах и в данном случае взаимооценку работы друг друга;
- обучение в профильных сетевых сообществах (интернет-обучение, сетевые проекты и т. д.);
- использование сетевых социальных сервисов для общения, совместную работу над текстами и ведение совместных архивов;
- подготовку и ведение личных портфелей учебных достижений [4, с. 16–18].

Также необходимо учитывать еще один фактор: в некоторых случаях в преподавании отдельных тем по дисциплинам кафедры с использованием УВМ человеческий фактор может быть в определенной степени исключен, и роль преподавателя выполняет компьютерная программа в сетевом on-line режиме. Такая форма подачи материала минимизирует предвзятость и возможную необъективность в оценке обучающихся.

Таким образом, использование в процессе обучения информационных технологий является необходимостью, диктуемой современными потребностями обучающихся, которые можно применять для создания новых моделей обучения.

Создание УВМ «оперативное подразделение» имеет определенное значение для повышения эффективности обучения, ее возможности будут способствовать развитию образного мышле-

ния, обеспечат лучшее восприятие учебного материала и, следовательно, окажут положительное влияние на процесс формирования представлений об изучаемом объекте и процессе, и профессиональных компетенций будущего оперативного сотрудника в целом, позволит приблизить к оперативно-розыскной реальности при проведении различных видов занятий, что обуславливает создание благоприятных условий для усиления практикоориентированности в образовательном процессе по спецдисциплинам.

Список использованных источников

1. Богдальски, П. Сотрудники отделений полиции в качестве внештатных преподавателей в высших полицейских учебных заведениях / П. Богдальски // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 2. – С. 214–219.
2. Мыльников, В.В. Вопросы правового обеспечения дистанционного обучения в системе образования Российской Федерации / В.В. Мыльников, Е.А. Сумина // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2015. – № 4. – С. 9–12.
3. Цветков, В.Я. Когнитивные аспекты построения виртуальных образовательных моделей / В.Я. Цветков // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 38–46.
4. Асмолов, А.Г. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие / А.Г. Асмолов, А.Л. Семенов, А.Ю. Уваров. – М.: НексПринт. 2010. – 95 с.

Дата поступления в редакцию: 19.01.18

A.N. Tukalo, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operative-Investigative Activity of the Police Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; D.N. Lakhtikov, Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head, Department of Operative-Investigative Activity of the Police Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

VIRTUAL TRAINING MODEL "OPERATIVE DEPARTMENT" AS A MEANS OF STRENGTHENING THE PRACTICAL TRAINING OF THE TRAINING

The necessity of improving the training of personnel for ATS is grounded. The prospects for using virtual educational models in the educational process are explained. The cognitive aspects of the educational virtual model "operational division" are considered, its components and use in the educational process are described.

Keywords: virtual model, educational process, educational model, operational unit, operational officer.

УДК 623.4

*A.N. Филипенко, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: FIL_AKM@mail.ru)*

О ПЕРВОСТЕПЕННЫХ НАВЫКАХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ОГНЕВОГО КОНТАКТА

Рассматривается необходимость более подробного разьяснения понятия «огневой контакт», перечень навыков для его эффективного ведения с точки зрения профессионально-прикладной стрельбы.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, огневой контакт, односторонний, двухсторонний, многосторонний, постоянная готовность, повышенная готовность, полная готовность, навык.

Навык владения огнестрельным оружием как одно из направлений профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов является немаловажным критерием оценки их профессиональной подготовленности. Умелое владение огнестрельным оружием позволяет эффективно обеспечить личную безопасность и защиту иных лиц в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности, угрожающих причинением вреда жизни или здоровью, так как вооруженный и качественно подготовленный сотрудник обладает неоспоримым преимуществом перед преступником.

Деятельность сотрудников правоохранительных органов насыщена конфликтами и опасными непредсказуемыми ситуациями, не исключающими возможность применения огнестрельного оружия. Это требует от сотрудника предельной собранности, самообладания, высокого уровня профессионализма, способности прогнозировать ход событий и влиять на них по собственной

воле. Часто гибель сотрудников при исполнении служебных обязанностей связана с отсутствием умения правильно оценивать опасность ситуации, допущением при этом беспечности, нередко формирующейся на основе опыта взаимодействия с лицами, не склонными к оказанию эффективного противодействия и способствующими фатальному самоуспокоению. Обозначенный аспект – основная причина гибели сотрудников правоохранительных органов в разных странах.

Так, например, в США, согласно статистике, ежегодно погибают около 160 полицейских, в России – около 300, в Республике Беларусь и Германии – в среднем 2–3 [1, 2]. Каждый факт применения или использования оружия говорит о ситуации, в которой не имеющий достаточной подготовки сотрудник может оказаться жертвой собственного непрофессионализма, выступив в роли потерпевшего либо преступника, в случае неправомерного причинения вреда посторонним лицам.

Пути совершенствования огневой подготовки в разных странах различны. Наиболее подготовленными к действиям с применением огнестрельного оружия являются в большей степени представители специальных подразделений. Вместе с тем при исполнении служебных обязанностей чаще всего гибнут участковые, сотрудники ППСМ, уголовного розыска, ГАИ, Департамента охраны с основным табельным оружием (пистолет Макарова), те, кто первыми встречают лицом к лицу вооруженного преступника. Во избежание необоснованных потерь среди сотрудников в США и большинстве ряда стран теперь практическая стрельба является основной составляющей огневой подготовки всех сотрудников полиции, ФБР и других подразделений [3]. Однако кроме уровня профессиональной подготовленности сотрудников к огневому контакту на уровень эффективности выполнения служебно-боевых задач также влияет качество вооружения, экипировки и снаряжения. Учитывая недавний инцидент в Могилеве (опыт применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции), можно сделать вывод, что носимого боекомплекта (16 патронов) к пистолету Макарова явно недостаточно. Для обезвреживания преступника, совершившего вооруженное нападение, были произведены 23 выстрела, при этом оружие применялось не одним сотрудником. Если в данном случае предположить, что ситуация имела шанс развиваться по-другому и в противоборстве мог участвовать только один вооруженный сотрудник, малое количество имеющихся в наличии боеприпасов могло негативно сказаться на качестве выполнения служебно-боевой задачи. Несмотря на то что сегодня на вооружение правоохранительных органов поступают новые образцы короткоствольного огнестрельного оружия с большей вместимостью магазина, на период перевооружения необходимо принятие мер, способствующих качественному выполнению служебно-оперативных задач с имеющимся оружием.

Так, в профессиональных публикациях характеристика и особенности современных огневых контактов даются отчасти. Вместе с тем само понятие «огневой контакт» не имеет точного определения, классификации и понимается как данность в случаях применения оружия. Это вносит некую неопределенность в понимание сути происшедшего. Описываются различные педагогические направления, способы и приемы подготовки соответствующих должностных лиц правоохранительных органов [4]. Их анализ позволяет оценить многообразие школ и мнений, процесс их развития, а также выявить ряд тенденций. К числу некоторых можно отнести следующие:

активное использование в процессе формирования целей и совершенствования методик огневой подготовки статистических данных, характеризующих современные огневые контакты с правонарушителями, состояние сотрудника в экстремальной ситуации применения и использования оружия [5];

определение значения спортивной пулевой стрельбы как направления, позволяющего формировать только начальные стрелковые навыки, которые являются первой ступенью в обучении боевому применению оружия в различных экстремальных ситуациях оперативно-служебной деятельности [6];

анализ и внедрение в процесс обучения передового опыта огневой подготовки представителей зарубежных правоохранительных органов, в том числе методик практической стрельбы [3];

использование в огневой подготовке элементов физических и психоэмоциональных нагрузок, а также компонентов тактико-специальной подготовки, во многом определяющих выбор тех или иных технических приемов работы с оружием [7];

использование при проведении практических занятий с выполнением упражнений для стрельбы метода моделирования ситуаций, связанных с необходимостью (в том числе принятие соответствующих решений) применения и использования оружия;

внедрение в учебный процесс технических средств обучения, в том числе разнообразных мишеней, интерактивных боевых, оптико-электронных и лазерных тиров, тренажеров, имитационного оружия (пейнтбольное, страйкбольное, лазерное) и др. [6, 8].

Следующим этапом в совершенствовании огневой подготовки сотрудников может стать методика повышения эффективности стрельбы, созданная на основе симбиоза высокорезультативного выстрела при обеспечении абсолютной безопасности сотрудника. Организуя тренировочный процесс с учетом приоритета действий противоборствующей стороны, представляется возможным последующая мобилизация приобретенного опыта через первичную активацию мотивационных механизмов, отвечающих за безопасность с распознаванием соответствующих образцов. Итак, формирование навыков уверенного и эффективного применения оружия сотрудниками должно быть обусловлено спецификой выполняемых задач. Именно это и определяет методику обучения в огневой подготовке.

Учитывая тот факт, что в экстремальной ситуации, связанной с необходимостью применения оружия, поставленную служебно-боевую задачу гарантированно реализует только сотрудник, который максимально быстро оценит обстановку, при опасности мгновенно извлечет оружие и приведет его в боевую готовность, выполнит действия по обеспечению личной безопасности (например, уход с линии огня противника, за укрытие, изменение положения для стрельбы и т. д.) и произведет прицельную эффективную стрельбу. Все необходимые навыки наилучшим образом вырабатываются в процессе занятий по огневой подготовке с использованием методик практической стрельбы. Основываясь на абсолютной безопасности при обращении с оружием, главным отличием такой методики от общепринятой системы является приобретение обязательных качеств, базирующихся на индивидуальных анатомических и физиологических особенностях каждого стрелка. В процессе совершенствования формируемые навыки доводятся до уровня приобретенных рефлексов, в результате чего неправильное выполнение того или иного элемента становится практически невозможным, так как это будет являться «неудобным» и «неестественным» для обучающегося. При этом приобретение очередного навыка базируется на предыдущем [9].

Обстоятельства, требующие применения оружия, относятся к условиям, вызывающим стрессовое состояние. Закрепленный до автоматизма порядок работы с огнестрельным оружием дает возможность сотруднику осуществить все необходимые действия с максимальной быстротой и точностью с минимальным участием сознательного контроля. Важно, что при этом используется принцип выполнения нескольких движений за одну единицу времени, что позволяет максимально сократить временной интервал от принятия решения на открытие огня до непосредственного выстрела. Исходя из анализа применения огнестрельного оружия, минимально достаточного уровня подготовленности сотрудника к ведению огневого контакта и времени отведенного на подготовку, перечень необходимых к освоению сотрудником умений и навыков можно оптимизировать. К их числу необходимо отнести следующее: основы безопасного обращения с оружием; стрельбу с переносом огня по фронту; перезарядку и разряжение оружия; «средние» и «низкие» изготровки для стрельбы; перемещение с оружием; стрельбу с разворотом стрелка; устранение задержек при стрельбе; скоростную стрельбу; стрельба после физической нагрузки; ведение огня из-за укрытия; стрельбу в условиях психоэмоциональной нагрузки.

В ходе проведения ежегодного учебно-методического сбора с профессорско-преподавательским составом кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь с привлечением профильных специалистов из других структур правоохранительных органов были определены критерии навыков, необходимых к освоению сотрудником.

Приобретение навыка безопасного обращения с оружием определено как первостепенное. Данный многоплановый навык призван обеспечить умение производства выстрела и абсолютную безопасность сотрудника при проведении занятий и в ходе дальнейшего выполнения служебно-оперативных задач.

Так как в ходе огневого контакта часто возникает необходимость переноса огня с одной цели на другую (например, представляющую наивысшую опасность), немаловажным этапом подготовки определен навык быстрого переноса огня по фронту и в глубину.

Для обеспечения собственной безопасности во время огневого контакта сотрудник должен контролировать также и количество боеприпасов, в связи с этим своевременно менять магазины. Отсутствие патронов не должно стать неприятным сюрпризом, особенно учитывая то, что основным табельным оружием сотрудников остается пистолет Макарова с небольшим по вместимости магазином. Внезапное окончание боеприпасов является стрессовой ситуацией, связанной с угрозой жизни. Это вынуждает сотрудника совершать несвойственные ему в обычной обстановке ошибки. В связи с этим навык перезарядки оружия определен как необходимый к освоению с доведением до автоматизма.

В условиях огневого контакта для обеспечения личной безопасности, принятия наиболее выгодной стрелковой позиции важно умение ведения огня из различных положений, и здесь данный навык определен как приоритетный к освоению.

Для преследования преступника, ухода с линии огня и обеспечения личной безопасности в условиях огневого контакта важно эффективно использовать всевозможные укрытия. Для этого необходимо приобретение навыка быстрого и правильного перемещения с оружием по заранее продуманной траектории.

С точки зрения раневой баллистики наиболее оптимальным для уверенного поражения цели являются два попадания. Даже в случае использования средств индивидуальной защиты (бронежилета) два попадания в него гарантированно на некоторое время дезориентируют противника, давая сотруднику определенное преимущество. В связи с этим определена необходимость приобретения навыка скоростной стрельбы сдвоенными выстрелами.

В условиях динамично изменяющейся обстановки огневого контакта часто возникает необходимость ведения огня в различных направлениях и под различными углами. Для этого определена значимость приобретения навыка ведения стрельбы с разворотом стрелка.

Несмотря на то что основное табельное оружие сотрудников правоохранительных органов пистолет Макарова до сих пор является одним из самых надежных и безотказных образцов короткоствольного огнестрельного оружия, в последнее время все более отмечаются случаи задержек при стрельбе именно из него. Это связано прежде всего с ухудшившимся качеством современных боеприпасов и большим износом используемого оружия. Но возникновение задержки при учебной стрельбе не очень критично. Опасна и критична задержка при стрельбе в условиях огневого контакта: из-за бесперебойности работы оружия, умения быстро устранять возникающие задержки при стрельбе напрямую зависит жизнь сотрудника. Соответственно, умение быстро разобраться в причине задержки и ее устранение – абсолютно необходимый навык для каждого.

В условиях огневого контакта часто приходится много двигаться для смены огневой позиции или преследования правонарушителя. При этом основополагающим является умение стабилизации оружия на линии прицеливания после интенсивной физической нагрузки и удержания равномерности дыхания для последующей стрельбы. Для сохранения данного навыка и совершенствования его необходимо осуществлять тренировочные занятия по выработке умения поддерживать относительно равномерное дыхание при различных уровнях физической нагрузки с последующей стабилизацией оружия и практической стрельбой.

Навык ухода с линии огня противника при возникновении огневого контакта – один из базовых элементов подготовки сотрудников правоохранительных органов владению табельным оружием и действиям с ним в условиях боевой ситуации, так как связан с личной безопасностью сотрудника.

Возникновение огневого контакта выступает мощнейшей психоэмоциональной нагрузкой на стрелка. В подобных особых условиях от степени подготовленности сотрудника к действиям зависит успех выполнения поставленной служебно-боевой задачи, обеспечение личной безопасности и безопасности окружающих граждан. В связи с этим в учебно-тренировочном процессе целесообразно уделять особое внимание приобретению сотрудниками умения ведения огневого контакта в условиях большого количества различных сбивающих факторов, при этом соответствующий навык также отнесен к приоритетным.

Так, при описании процесса профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, различных ситуаций, связанных с выполнением профессиональных обязанностей, достаточно часто встречается понятие «огневой контакт», и здесь значимым является необходи-

мость его четкого определения и классификации с точки зрения профессионально-прикладной полицейской стрельбы.

В специальной литературе встречается определение «огневой бой» – бой, в котором обе стороны стремятся нанести поражение друг другу только огнем (артиллерийским, минометным, пулеметным) с занимаемых позиций. Тем не менее чаще на практике используется понятие «ближний бой». По мнению С. Стрельцова [7], несмотря на широкое распространение и общепринятость данного термина в практике войск, не удалось обнаружить его строгого определения. «Военная энциклопедия», «Словарь военных терминов» определяют понятие «ближний бой», характеризуя условия его возникновения и ведения так: ближний бой наиболее характерен при уничтожении противника в оборонительных сооружениях, ведении боевых действий ночью, в лесу, населенных пунктах. С точки зрения толкования орфографического, лексического прямого и переносного значения понятия контакт (от лат. *contactus* – прикосновение) – соприкосновение, соединение чего-либо; поверхность, место, зона соприкосновения чего-либо; связь, взаимодействие, согласованность в работе, взаимопонимание.

Так, с учетом вышеизложенного представляется целесообразным представить следующее определение рассматриваемому понятию: огневой контакт – противостояние двух и более сторон, при котором хотя бы одной из них применяется огнестрельное оружие или сходные с ним средства поражения (например, ручные осколочные гранаты и т. д.).

Таким образом, случаи, когда сотрудник правоохранительных органов вступает в противостояние с вооруженным или невооруженным преступником и для выполнения служебно-боевой задачи применяет огнестрельное оружие, можно отнести к огневому контакту. Для более детального рассмотрения понятия «огневой контакт» необходима следующая классификация: односторонний огневой контакт (огнестрельное оружие применяется одной из сторон); двухсторонний (огнестрельное оружие применяется обеими сторонами; многосторонний (огнестрельное оружие применяется всеми возможными сторонами противостояния).

В данном контексте немаловажным является понятие степени готовности сотрудников правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей к огневому контакту и соответствующая классификация:

постоянная готовность: сотрудник потенциально готов к применению огнестрельного оружия сам и против себя. Относится к участковым уполномоченным, сотрудникам ППСМ, уголовного розыска, ГАИ, Департамента охраны;

повышенная готовность: обладает определенной оперативной информацией, позволяющей предполагать с большой степенью вероятности возможность применения оружия самому или против себя (например, информация о готовящемся или якобы совершенном преступлении с применением оружия);

полная готовность: обладает абсолютно достоверной оперативной информацией о совершенном тяжком либо особо тяжком преступлении и полностью готов к применению оружия. Относится к сотрудникам ОМОНа, СОБРа и других специальных подразделений.

Несмотря на то что в принципе определен перечень необходимых навыков для ведения огневого контакта, методика их приобретения требует дополнительных исследований. В свою очередь, видится, что использование предлагаемой терминологии облегчит взаимопонимание всех участников учебно-тренировочного процесса при обсуждении различных ситуаций, связанных с применением или использованием огнестрельного оружия, в системе учреждений образования правоохранительных органов и территориальных ОВД.

Список использованных источников

1. Мороз, Л.И. Безопасность и беспечность в служебной деятельности сотрудников экстремальных ситуаций / Л.И. Мороз, С.И. Яковенко // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки : сб. материалов Междунар. науч.-метод. конф., Могилев, 23 нояб. 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Могилев. высш. колледж М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Г.Л. Колесник [и др.]. – Могилев, 2013. – С. 11–13.

2. Щипин, А.И. Ситуационное обучение как один из элементов совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ОВД / А.И. Щипин // Современные технологии спорта высших достижений в профессиональной подготовке сотрудников силовых ведомств : сб. материалов Междунар. науч. конгресса, Москва, 2–4 февр. 2006 г. – М. : Анита Пресс, 2006. – С. 366–373.

3. Басатин, А.Е. Особенности обучения стрельбе в реальных условиях за рубежом / А.Е. Басатин // Наука и практика. – 2010. – № 4. – С. 80–83.
4. Филипенко, А.Н. О необходимости подготовки и внедрения методики повышения эффективности стрельбы из боевого короткоствольного огнестрельного оружия сотрудников правоохранительных органов / А.Н. Филипенко // Современные технологии обеспечения общественной безопасности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 6 марта 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В.Б. Шабанов [и др.]. – Минск, 2012. – С. 74–75.
5. Методика эффективного обучения стрельбе из личного оружия / В.А. Торопов [и др.] // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. – 2010. – № 2. – С. 56–61.
6. Пилипон, В.П. Огневая подготовка сотрудников силовых ведомств / В.П. Пилипон, А.Г. Люков // Современные технологии спорта высших достижений в профессиональной подготовке сотрудников силовых ведомств : сб. материалов Междунар. науч. конгр., Москва, 2–4 февр. 2006 г. / Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма ; Акад. спортив. и прикл. единоборств ; Моск. ун-т М-ва внутр. дел России. – М., 2006. – С. 229–233.
7. Стрельцов, С. Пистолет в ближнем бою / С. Стрельцов. – Краснодар : Флер-1, 2002. – 98 с.
7. Дмитриева, Ю.В. Исследование влияния различных физических упражнений на результативность выполнения курсантами скоростной стрельбы из пистолета / Ю.В. Дмитриева, А.И. Щипин // Современные технологии спорта высших достижений в профессиональной подготовке сотрудников силовых ведомств : материалы Междунар. науч. конгр., Москва, 2–4 февр. 2006 г. / Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, Акад. спорт. и приклад. единоборств ; Моск. ун-т МВД России. – М., 2006. – С. 95–99.
8. Филипенко, А.Н. О перспективности использования мультимедийного-интерактивного комплекса с возможностью ведения боевой стрельбы в огневой подготовке / А.Н. Филипенко, С.М. Смолев // Современные технологии обеспечения общественной безопасности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, апр. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 84–85.
9. Базовые навыки практической стрельбы из пистолета : учеб.-метод. пособие / А.Н. Филипенко. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 58 с.

Дата поступления в редакцию: 05.04.18

A.N. Filipenka, Senior Teacher of Department of Tactical and Special Preparation of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON THE PRIMARY SKILLS NECESSARY FOR CONDUCTING FIRE CONTACT

This article discusses the need for a more detailed explanation of the concept of “fire contact”, list of skills for his efficient management from the perspective of vocational and applied police shooting.

Keywords: firearms, fire contact, unilateral, double-sided, multilateral, constant readiness, increased readiness, complete readiness, skill.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 343

И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, главный редактор журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРАКТИКА, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ

Рассматриваются основные содержательные элементы оперативно-розыскной науки (сыскологии) в логической последовательности согласно видам исследований в указанной области.

Предлагаются (для обсуждения) конкретные направления научного поиска в рамках научно-педагогической школы в области теории и практики противодействия преступности с применением оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Ключевые слова: ОРД, оперативно-розыскная наука, сыскология, оптимизация, экстенсивный и интензивный методы, сыск, система сыска, оперативно-розыскной (сыскной) кодекс, оперативно-розыскное (сыскное) право.

Практическая деятельность оперативных и иных подразделений ОВД МВД Республики Беларусь – пример самоотверженности, настойчивости и последовательности в охране правопорядка и безопасности населения, защите их прав и законных интересов от преступности всех видов и форм.

Устойчивая тенденция за 2012–2016 гг. к снижению общего количества и наиболее опасных форм преступности проявилась в 2016 г. Снизилось число поступивших в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях; общее количество зарегистрированных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких; общее количество зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска, включая преступления особо тяжкой категории; количество учтенных фактов умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, в том числе повлекших смерть потерпевшего; изнасилований с покушениями; разбоев и грабежей; всех видов краж и угонов транспортных средств; вымогательств. Не удалось добиться снижения фактов мошенничества и хулиганства. Снизилось общее количество задокументированных преступных деяний по направлениям деятельности наркоконтроля и торговле людьми, а по направлениям борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями результаты улучшились в сторону увеличения (по данным информационной записки Штаба МВД Республики Беларусь о состоянии оперативной обстановки в стране за январь – декабрь 2016 г.).

Так, с учетом статистики оперативно-информационного отдела криминальной милиции МВД Республики Беларусь следует отметить значительный вклад в общие результаты работы ОВД по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений оперативных подразделений криминальной милиции.

Анализ состояния оперативной обстановки в Республике Беларусь за последние несколько лет позволил Штабу МВД сделать вывод о достаточно эффективной работе ОВД, реализовав одну из основных своих задач – защиту жизни и здоровья граждан. Принятые меры позволили не допустить осложнения обстановки в стране и обеспечить охрану правопорядка и надлежащий уровень общественной безопасности. Вместе с тем обозначился ряд проблемных моментов в организации оперативно-служебной деятельности как по республике в целом, так и в отдельных регионах (по данным Штаба МВД Республики Беларусь).

Перед служителями правопорядка (в частности, службы ОВД) поставлена задача оптимизации кадрового состава подразделений.

Так, ОВД, милиция суверенной Республики Беларусь, использовав столетний опыт своего становления и развития, деятельности в различных, часто в тяжелейших условиях, сегодня имеют возможность максимально задействовать кадровый потенциал, совершенствуя профессионализм, нравственно-психологическую подготовку, современное научно-техническое обеспечение.

Законодательство создает условия и непосредственно регулирует ОРД, при этом оно находится в постоянном поиске и, соответственно, развитии. Основываясь на Конституции, оно использует настоящий Закон, иные акты законодательства и международные договоры Республики Беларусь, Закон об ОРД.

Закон об ОРД – первый в суверенной Беларуси нормативный правовой акт, вобравший в себя почти двадцатилетний опыт практической реализации (с изменениями и дополнениями 2000, 2004, 2006, 2008 гг.). Впервые в ст. 4 указанного Закона установлено: если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые установлены настоящим Законом, то применяются правила международного договора, так как согласно ст. 8 Конституции страны Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства.

Принятые в 1999 г. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь также скорректированы жизнью, реальной практикой противодействия преступности. В УК изменения и дополнения вносились начиная с 2002 г., в УПК – с 2000, причем нередко несколько раз в течение одного и того же года.

Обозначенное выше – естественный процесс становления молодого суверенного государства, выстраивающего правовую основу жизнедеятельности общества с учетом собственного опыта и перемен в характере традиционных и появления новых общественных отношений в той или иной области, требующих законодательного регулирования.

Указанными обстоятельствами во многом обусловлены изменения в системе судоустройства (Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей), создание Следственного комитета и Государственного комитета судебных экспертиз.

Для эффективного выполнения задач ОРД условия обеспечиваются обновленными и новыми нормативными правовыми положениями не только публично, но и частного права Республики Беларусь, но для развития оперативно-розыскного законодательства необходимо решить проблемы формирования новой отрасли права – оперативно-розыскного. Эти проблемы рассматриваются в контексте общих проблем юриспруденции в Республике Беларусь.

Для Беларуси пока рано, а в Российской Федерации уже прямо поставлен вопрос о кодификации оперативно-розыскного законодательства. Очевидно, что обеспечить решение указанных и иных проблем совершенствования нормативного правового регулирования оперативно-розыскной практики, повышения ее эффективности сегодня затруднительно, а чаще всего и вообще невозможно без развития теории ОРД.

Так, оперативно-розыскная наука без теории, законодательства и практики уголовного процесса и определения вместе с криминалистикой и судебной экспертизой в классификаторе ВАК под шифром 12.00.12 под названием «Оперативно-розыскная деятельность» оказалась в положении 70-х гг. XX в.

Предложив инновационные подходы к определению сути и содержания современной ОРД, мы остались при высказанном еще в 2009 г. мнении о необходимости тесной связи с уголовным процессом, несмотря на то, что в той же классификации ВАК последний остался «в гордом одиночестве» под шифром 12.00.09.

В Российской Федерации оперативно-розыскная наука обоснованно получила название «сыскология» как комплексная юридическая наука о профессиональном сыске, активно развивающаяся и совершенствующаяся. В основе успеха развития указанной отрасли – широкая и прочная методологическая основа названной науки во главе с отцом сыскологии А.Ю. Шумиловым. Так, идеи А.Ю. Шумилова восприняты и в Беларуси большинством научных и практических работников, специалистов в области ОРД. В дискуссии на страницах журнала «Оперативник (сыщик)» от имени белорусских исследователей была высказана позиция в поддержку сыскологии. При этом было заявлено, что никогда не согласимся раскрывать в открытых научных публикациях конкретные практические вопросы, раскрывающие суть организации ОРД и тонкости оперативно-розыскной тактики, что противоречит требованиям принципа конспирации в ОРД

и законодательству, охраняющему служебную и государственную тайны. В этой связи автором внесены следующие предложения:

разрабатывать в научном плане две части сыскологии: открытую (общедоступную) и закрытую (в основном с грифом «секретно»).

в открытой части сыскологии рассмотреть генезис и гносеологическую сущность сыска, сыскологии, ОРД ОВД, а также вопросы ее методологии, законодательного регулирования, нравственно-психологического обеспечения, деонтологии;

в качестве методологической основы сыскологии, дополняющей общенаучные методы познания ОРД, приступить к разработке общей теории сыска и предложений о формировании в Беларуси, России, в союзе Республики Беларусь и Российской Федерации системы сыска.

В закрытых изданиях предложено рассматривать вопросы, относящиеся к практической деятельности оперативных подразделений, их научного и правового обеспечения на законодательном и подзаконном (ведомственном) уровнях.

В зависимости от содержания публикаций есть реальная возможность сочетать открытые и закрытые научные работы. В частности, в сочетании гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, концептуальных теоретических и нормативных правовых положений такие варианты опробованы. Вопросы оперативного обслуживания (оперативно-розыскного мониторинга) подразделениями уголовного розыска закрепленных объектов нашли отражение, например, в специальном издании ГУУР КМ МВД Республики Беларусь. Другие же публикации, относящиеся к оперативно-розыскному мониторингу, не содержащие закрытой информации, обнародованы в открытых изданиях.

Таким образом, идеи научной школы, созданной и возглавляемой А.Ю. Шумиловым, получают развитие в Республике Беларусь, а также при этом рассматриваются возможности креативного взаимодействия сыскологов стран Евро-Азиатского экономического союза.

Таким образом, обосновывается главный вывод: сыскология как комплексная оперативно-розыскная наука о профессиональном сыске будет развиваться в России, Беларуси и других странах СНГ, Таможенного Союза и ЕАЭС, в Союзе Республики Беларусь и Российской Федерации.

Дата поступления в редакцию: 22.09.17

I.I. Basetsky, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus, Professor at the Department of Operational Investigative activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus»

THE OPERATIVE AND INVESTIGATIVE ACTIVITY: PRACTICE, LEGISLATION AND THEORY

The article describes the main meaningful elements of the operational and investigative science in the logical sequence according to the types of research in this sphere.

The specific directions of scientific search on the base of scientific and pedagogical school in the sphere of theory and practice of counteracting crime with help of operational and investigative forces, resources and methods are suggested for discussion.

Keywords: operational and investigative activity, detective science, optimization, extensive and intensive methods, investigation, the system of investigation, the Code of detective activity, operational and investigative law.

УДК 35.077.6

*А.В. Худяков, старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела оперативно-информационной работы криминальной милиции МВД Республики Беларусь
(e-mail: ternovnik2008@bk.ru)*

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Исследуются политико-правовые аспекты информационно-аналитической деятельности в Республике Беларусь. Проведен анализ законодательства, регулирующего информационно-аналитическую деятельность в различных сферах. Предлагается к рассмотрению система нормативных правовых актов, регу-

лирующих общественные отношения в указанной сфере; создание модельного закона «Об информационно-аналитической деятельности».

Ключевые слова: информация, информационно-аналитическая деятельность, правовое регулирование, модельный закон.

Развитие современного общества характеризуется стремительным увеличением объема информации, разнообразием содержания, усилением ее влияния на процессы в различных сферах общества. Информация, ее качественное и количественное преобразование определяют содержание управленческих процессов, что повышает значимость информационно-аналитической деятельности при их организации.

Отечественные реалии демонстрируют снижение эффективности информационно-аналитических служб в органах государственной власти и управления на фоне усиления требований к содержанию и качеству принимаемых управленческих решений. Анализ сложившейся практики свидетельствует о наличии в деятельности информационно-аналитических служб ряда проблемных вопросов, которые требуют своего разрешения.

Во-первых, недостаточная научная разработанность теоретико-методологических основ информационно-аналитической деятельности. Во-вторых, неэффективная система координации информационно-аналитических служб органов государственной власти и управления. В-третьих, актуальная потребность в разработке универсальной технологии информационно-аналитической деятельности. В-четвертых, пробелы и несовершенство нормативной правовой базы, регулирующей отношения в этой области. В-пятых, отсутствие взаимодействия государственных информационно-аналитических служб и государственных органов с негосударственными информационно-аналитическими службами.

Обозначенные проблемы носят комплексный характер и актуализируют необходимость совершенствования имеющегося и разработки единого инструментария информационно-аналитической деятельности, а также формирования целостной иерархической системы нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в данной области.

Среди отечественных и зарубежных исследователей информационно-аналитическая деятельность как политико-правовое явление не была предметом комплексных научных изысканий. В научных трудах нашли отражение только отдельные аспекты: правовые – Е.Т. Капитанец [1], В.Д. Яковлева [2]; информационные – Е.Ф. Бондаренко [3], А.В. Гусев [4], С.В. Енин [5]; аналитические – А.Е. Акимов [6], А.С. Вешкельский [7]; политологические – Ю.Г. Кальниш [8], А.В. Худяков [9].

Публикации отечественных и зарубежных авторов содержат большое разнообразие трактовок информационно-аналитической деятельности. Однако в определениях политологов и юристов закрепился подход, в соответствии с которым она рассматривается как информационная основа управленческих процессов. Это не позволяет всесторонне воспринимать информационно-аналитическую деятельность, представляющую сложное политико-правовое явление, где юридическая и политическая стороны находятся в неразрывной связи.

Совершенствование нормативной правовой базы предполагает анализ законодательных актов, регламентирующих отношения в рассматриваемой области и определяющих правовой статус органов государственной власти и управления, государственных и негосударственных информационно-аналитических служб, обращение к сферам, смежным предмету исследования, анализ структурно-функционального построения и компетенции государственных органов.

Так, анализ законодательных актов, регламентирующих деятельность органов государственной власти и управления¹, свидетельствует о наличии ряда проблем:

наличие разрозненных и значительно расходящихся по содержанию нормативных правовых актов, которые определяют порядок функционирования информационно-аналитических служб;

¹ Указ Президента от 7 декабря 2006 г. № 719 «Вопросы центральных органов военного управления Вооруженных Сил Республики Беларусь», постановление Министерства юстиции от 6 ноября 2008 г. № 63 «О внесении изменений и дополнений в постановление Министерства юстиции Республики Беларусь», Указ Президента от 25 ноября 2010 г. № 605 «О некоторых вопросах государственного научного учреждения «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь», приказ Министерства архитектуры и строительства от 14 апреля 2004 г. № 113 «О совершенствовании структуры центрального аппарата Минстройархитектуры», постановление Совета Министров от 17 января 2017 г. № 40 «Вопросы Министерства культуры».

отсутствие нормативных правовых актов, определяющих порядок осуществления информационно-аналитической деятельности;

отсутствие нормативных правовых актов, регулирующих порядок построения взаимоотношений между собой ведомственных, а также с вневедомственными информационно-аналитическими службами.

На основе проведенного комплексного анализа определены дальнейшие задачи. Во-первых, сформировать общие подходы к содержанию информационно-аналитической деятельности и ее правового регулирования в органах государственной власти и управления, в государственных и негосударственных информационно-аналитических службах. Во-вторых, раскрыть особенности правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере. В-третьих, разработать иерархическую систему нормативных правовых актов, регламентирующих информационно-аналитическую деятельность в целом, и др.

Совершенствование нормативной правовой базы предполагает разработку соответствующих теоретико-правовых основ информационно-аналитической деятельности в органах государственной власти и управления, что предполагает решение ряда задач. К ним относятся следующие: оценить и определить особенности правового регулирования отношений в указанной сфере; сформировать научно обоснованный понятийно-категориальный аппарат; разработать унифицированную методологию информационно-аналитической деятельности; научно обосновать состав и архитектуру системы информационно-аналитического обеспечения органа государственной власти и управления, государства; выработать приоритетные направления развития системы информационно-аналитического обеспечения; определить порядок и условия взаимодействия органов государственной власти и управления и иных субъектов правоотношений в области информационно-аналитического обеспечения.

Преодолению негативных тенденций в части организации информационно-аналитической деятельности в органах государственной власти и управления будет способствовать реализация организационно-практических мер: подготовка научно-методической литературы по организации и технологии информационно-аналитической деятельности; введение в высших учебных заведениях специальности и специализации в области информационно-аналитической деятельности; формирование современной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие органов государственной власти и управления и государственных информационно-аналитических служб с негосударственными; включение в процесс подготовки политических решений негосударственных информационно-аналитических служб; размещение в негосударственных информационно-аналитических службах государственных заказов на исследование проблем, важных для развития общества.

Совершенствование законодательства предполагает формирование целостной системы нормативных правовых актов: общий отраслевой закон, закрепляющий основы информационных правоотношений в государстве; нормативный правовой акт, устанавливающий правовой статус органа государственной власти и управления, государственной и негосударственной информационно-аналитической службы, его задачи, права и обязанности, в том числе при ведении информационно-аналитической деятельности; специализированный нормативный правовой акт по осуществлению в государстве информационно-аналитической деятельности.

С учетом отсутствия на государственном уровне целостной системы законодательного регулирования информационно-аналитической деятельности представляется целесообразным реализацией ряда мер.

1. Совершенствование общего отраслевого закона, закрепляющего основы информационных правоотношений в государстве. Предполагается внести в Закон «Об информации, информатизации и защите информации» следующие дополнения:

в статью 1, закрепляющую основные понятия, включить термин «Информационная продукция – материализованный результат деятельности по осуществлению сбора и обработки информации, предназначенной для удовлетворения информационных потребностей пользователя информации»;

в главу 4 «Распространение и (или) представление информации» включить статью, регламентирующую способы распространения и (или) представления информации юридическим и

физическим лицом, а также статью, регламентирующую порядок распространения общедоступной информации юридическим и физическим лицом;

ввести отдельную главу, регламентирующую порядок формирования рынка информационной продукции.

2. Дополнения нормативного правового акта, устанавливающего правовой статус органа государственной власти управления, его функции, задачи правовыми нормами, предусматривающими возможность:

создания самостоятельного подразделения, реализующего задачу информационно-аналитического обеспечения органа государственной власти и управления;

порядка осуществления органом государственной власти и управления информационно-аналитической работы при реализации своих задач и функций.

3. Обоснование разработки и последующее принятие специализированного нормативного правового акта модельного закона «Об информационно-аналитической деятельности».

Данный шаг продиктован необходимостью повышения эффективности информационно-аналитической деятельности в контексте генерации значительного объема разнообразных по содержанию и направлению информационных потоков; актуальностью формирования целостной, законченной, иерархической, многоуровневой структуры нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной области; необходимостью упорядочивания системы субъектов информационно-аналитического обеспечения.

Для расширения «закрепления рассматриваемой сферы предлагается введение модельного закона «Об информационно-аналитической деятельности». Указанный закон предполагает следующую структуру.

Глава 1. Общие положения

В данной главе подлежат нормативному закреплению основные понятия, правовые основы, цели, задачи, основные принципы информационно-аналитической деятельности.

Глава 2. Государственное регулирование в области информационно-аналитической деятельности

Положения главы предусматривают нормы, которые регулируют особенности государственного управления в области информационно-аналитической деятельности; полномочия Президента Республики Беларусь в области информационно-аналитической деятельности; полномочия Совета Министров Республики Беларусь в области информационно-аналитической деятельности; специально уполномоченные государственные органы.

Глава 3. Информационно-аналитическая система

Положения главы определяют систему информационно-аналитического обеспечения; виды информационно-аналитических служб, их правовой статус и полномочия по реализации государственной политики в данной области, порядок взаимодействия. Определяется порядок создания, реорганизации и ликвидации информационно-аналитических служб.

Глава 4. Направления информационно-аналитической деятельности

Положения главы определяют содержание, основные направления, виды информационно-аналитической деятельности; права и обязанности владельцев и потребителей информационной продукции; вопросы подготовки специалистов в области информационно-аналитической деятельности. Также рассматривают правовые основы сотрудничества с иностранными и международными организациями; порядок обмена информацией; реализации информационной продукции.

Глава 5. Финансирование. Контроль деятельности информационно-аналитических учреждений

Нормы главы закрепляют источник и порядок финансирования информационно-аналитических служб; правовые основы сотрудничества с иностранными и международными организациями; порядок контроля и надзора за деятельностью информационно-аналитических служб, решение спорных вопросов.

Глава 7. Заключительные положения

Настоящая глава определяет порядок вступления в силу закона «Об информационно-аналитической деятельности», а также порядок приведения в соответствии с данным законом действующих актов законодательства.

Модельный закон предполагает учет коллизионных положений и юридических проблем, возникающих в процессе правового регулирования рассматриваемой сферы, обусловленных необходимостью сопряжения организационно-правовых механизмов участников данных отношений.

Принятие указанного модельного закона будет способствовать созданию благоприятных правовых условий для деятельности информационно-аналитических служб, формированию механизмов их поддержки, развития рыночной инфраструктуры для информационно-аналитической деятельности.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Сложившаяся в Республике Беларусь система информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти и управления требует системного подхода в части ее методологического сопровождения и правового регулирования. Регламентация указанных отношений необходима для осуществления единой, скоординированной государственной политики в указанной сфере, направленной на повышение эффективности принимаемых политических решений.

Анализ организации информационно-аналитической деятельности в органах государственной власти и управления, а также содержание нормативной правовой базы, регулирующей указанные вопросы, свидетельствует о существовании различий в характере и объемах наполнения нормативной правовой базы, в подходах к определению основных понятий и различиях в методике организации деятельности. Правовая регламентация отношений в указанной сфере основывается на подходах, сформулированных во многом без учета практической деятельности, что обуславливает возникновение проблем при разработке, принятии и реализации правовых норм, регулирующих отношения в данной сфере.

Совершенствование информационно-аналитического обеспечения и нормативной правовой базы, регулирующей отношения в данной сфере, предполагает разработку понятийно-категориального аппарата, применяемого для правового регулирования указанной сферы; формирование унифицированной методологии осуществления информационно-аналитической деятельности; закрепление основных направлений и совершенствование правового регулирования информационно-аналитической деятельности в рамках целостной иерархической системы нормативных правовых актов.

Указанные меры позволят создать на государственном уровне эффективную систему информационно-аналитического обеспечения, сформировать и закрепить единые подходы к системе и содержанию нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере информационно-аналитической деятельности, а также создать необходимые условия, направленные на повышение эффективности управления общественно-политическими процессами в обществе.

Список использованных источников

1. Капитанец, Е.Т. Информационные технологии в законодательном процессе парламента Республики Беларусь / Е.Т. Капитанец // Проблемы правовой информатизации. – 2005. – № 1. – С. 31–35.
2. Яковлева, В.Д. Научно-информационная деятельность: теоретико-правовые вопросы / В.Д. Яковлева // Проблемы упр. – 2010. – № 4. – С. 138–141.
3. Бондаренко, Е.Ф. Информационное обеспечение органов государственного управления / Е.Ф. Бондаренко // Государственное управление: опыт, проблемы, пути решения / В.В. Русакевич [и др.]. – Минск, 1999. – С. 26–41.
4. Гусев, А.В. Системно-целостная характеристика информационного обеспечения национальной безопасности / А.В. Гусев // Проблемы обеспечения национальной безопасности в современных условиях : материалы науч.-практ. конф., Минск, 28–29 июня 2001 г. : в 2 т. / ред.: Ю.Я. Кашук, А.Н. Архипова. – Минск, 2001. – Т. 1. – С. 176–181.
5. Енин, С.В. Информационные технологии как фактор инновационного развития и повышения конкурентоспособности / С.В. Енин // Весн. сувязі. – 2012. – № 5. – С. 15–18.
6. Акимов, А.Е. Информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности таможенных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Акимов ; Рос. тамож. акад. – М., 2003. – 27 с.
7. Вешкельский, А.С. Теория и практика информационно-аналитической работы в органах внутренних дел Российской Федерации: организационно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.С. Вешкельский. – СПб., 2000. – 209 л.

8. Кальниш, Ю.Г. Політична аналітика в державному управлінні : теоретико-методологічні засади / Ю.Г. Кальниш. – К. : Вид-во Нац. акад. держ. упр. при Президентові України, 2006. – 272 с.

9. Худяков, А.В. Информационная и аналитическая деятельность: сущность, задачи, методология / А.В. Худяков // Тр. Профсоюзы. О-во. – 2009. – № 4. – С. 75–79.

Дата поступления в редакцию: 10.11.17

A.V. Khudyakov, Senior Operative Officer of Department of Operational Information work of the Criminal Police of the MIA of the Republic of Belarus

INFORMATIONAL AND ANALYTICAL ACTIVITY: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

The publication is devoted to the study of political and legal aspects of information and analytical activities in the Republic of Belarus. In the article, information and analytical activities are considered from the point of view of political scientists and lawyers. The analysis of the legislation regulating information-analytical activity in various spheres is carried out. A system of normative legal acts regulating public relations in this sphere is proposed, a model law "On information and analytical activities".

Keywords: information, information-analytical activity, legal regulation, model law.

УДК 342.951

А.С. Жарасов, заместитель начальника кафедры военной и тактико-специальной подготовки Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. Макана Есбулатова
(e-mail: Hose1975@inbox.ru)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Рассматриваются характерные черты специальных средств, проводится сравнительно-правовой анализ данного понятия с понятием оружия нелегального действия. Обосновывается необходимость нормативного конструирования понятия специальных средств, обозначения пределов их действия для недопущения нарушения прав и законных интересов граждан, а также детального разграничения действий сотрудника полиции и действий руководителей подразделений при применении специальных средств.

Ключевые слова: полиция, общественная безопасность, общественный порядок, правовая основа, административное принуждение, противоправное посягательство, законность, правопорядок, специальные средства.

В практической деятельности сотрудники полиции вправе применять меры административного пресечения, являющиеся составной частью административно-правового принуждения, которые реализуются при наличии отклоняющегося не только от законно установленных, но и общепринятых норм поведения физических и юридических лиц, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера.

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» полиция для обеспечения общественной безопасности обеспечивает выполнение профилактики правонарушений, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, а также административных взысканий, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности, организация гражданской обороны.

При обеспечении охраны общественного порядка часто между сотрудниками полиции и гражданами возникают конфликтные ситуации, урегулировать которые без применения огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств бывает достаточно сложно. Как пишут А.В. Куракин, М.В. Костенников и К.А. Кареева-Попелковская, у сотрудников правоохранительных органов есть субъективные права, реализующиеся постоянно независимо от времени и места нахождения и возлагаемые на сотрудника полиции при осложнении оперативной обстановки. В данном случае возникают охранительные правоотношения [1, с. 141].

В обозначенных отношениях сотрудникам полиции предоставлено право применения специальных средств, перечень которых определен национальным законодательством Республики Казахстан.

Часть 1 ст. 60 Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» (Закон о правоохранительной службе) к специальным средствам относит: ручки, резиновые палки, слезоточивые вещества, светозвуковые устройства отвлекающего воздействия, устройства для вскрытия помещений, устройства принудительной остановки транспорта, водометы, служебных животных, бронемшины и другие специальные транспортные средства, перечень которых определяется правительством Республики Казахстан.

Сотрудники полиции и военнослужащие Национальной гвардии имеют право применять специальные средства:

для отражения нападений на физических лиц, сотрудников и иных лиц, выполняющих служебный или общественный долг по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности;

освобождения заложников, пресечения массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка (групповых нарушений установленного режима содержания в пенитенциарных учреждениях), а также противоправных действий при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений и СИЗО осужденных, подозреваемых и обвиняемых;

отражения нападения на здания, помещения, сооружения, транспортные средства, земельные участки, принадлежащие физическим лицам, организациям и государственным органам, а равно для освобождения их от захвата;

задержания правонарушителей (осужденных, подозреваемых, обвиняемых и лиц, совершивших административные правонарушения), если они оказывают неповиновение или сопротивление сотрудникам, иным лицам, выполняющим возложенные на них обязанности по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, для их доставления в правоохранительные органы, конвоирование и охрану задержанных, заключенных под стражу лиц, а также лиц, подвергнутых административному аресту, осужденных, подозреваемых и обвиняемых, либо если имеются достаточные основания полагать, что они могут совершить побег или причинить вред окружающим или себе, и в отношении лиц, умышленно препятствующих сотрудникам в осуществлении возложенных на них законом обязанностей;

отражения нападения с целью самозащиты сотрудником или защиты членов своей семьи при реальной угрозе причинения ему и (или) им тяжкого вреда здоровью или жизни;

необходимой обороны, крайней необходимости;

доставления правонарушителей, если это необходимо в целях пресечения правонарушения, установления личности правонарушителя, а также составления протокола об административном правонарушении при невозможности составить его на месте, если составление протокола является обязательным;

остановки транспортных средств путем их повреждения, если водитель не подчиняется законным требованиям сотрудника остановиться (ч. 2 ст. 60 Закона о правоохранительной службе).

В свою очередь, термин «специальные средства» применяется в ведомственных актах МВД СССР с начала 60-х гг. XX в. К ним относились технические средства, содержащие химические вещества слезоточивого воздействия (взрывные пакеты со слезоточивым газом, специальные средства типа «Черемуха»), которые продолжительное время применялись в советской милиции.

Первым ведомственным актом, регламентирующим применение специальных средств, является приказ МВД РСФСР от 7 июня 1962 г. «О принятии на вооружение милиции и мест заключения взрывных пакетов со слезоточивым газом». Согласно данному приказу разрешалось использовать пакеты со слезоточивым газом в строго исключительных случаях для прекращения массовых беспорядков, сопровождающихся погромами, поджогами и другими подобными действиями и при групповых неповиновениях заключенных, грозящих нападением на администрацию и охрану мест заключения, в случае если все средства убеждения исчерпаны, а применение огнестрельного оружия может повлечь за собой неоправданные жертвы.

Далее приказом МООП РСФСР от 19 сентября 1963 г. принимаются на вооружение милиции, исправительно-трудовых учреждений, внутренних войск и конвойной охраны МООП РСФСР специальные химические средства. В данном ведомственном акте впервые используется понятие «специальные средства», которое будет использоваться и в дальнейшем. Законодательное закрепление указанного понятия получает с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. № 9308-XI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты СССР».

Так, А.М. Преображенский понятие «специальные средства» рассматривает в двух значениях:

как состоящие на вооружении милиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных законом, технические изделия (устройства, предметы, вещества) и служебные животные, основным назначением которых является оказание прямого принудительного физического воздействия на человека или какие-либо материальные объекты;

как технические устройства (предметы), животные, которые предназначены для оказания непосредственного воздействия на человека или объект [2, с. 9].

В.А. Войтенко, И.П. Данилов и С.С. Миронов, например, специальными средствами называют предусмотренную соответствующими законодательными и ведомственными актами совокупность устройств, приспособлений, а также приемов принудительно-силового воздействия на правонарушителей, предназначенных для пресечения их противоправных действий в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью и обеспечивающих лишение лиц, против которых они применяются, способности осуществлять активные действия [3, с. 7–8].

Ф.П. Васильев и А.Р. Косиковский, в свою очередь, подразделяют специальные средства на средства индивидуальной бронезащиты, средства активной обороны, средства обеспечения специальных операций [4].

А.Ю. Молянов по рассматриваемому вопросу отмечает, что в понятии «специальные средства» отсутствует определение оказываемого воздействия на правонарушителя, его предела, который сотрудники полиции не имеют права превысить. В этой связи при формулировке определения данного понятия необходимо учитывать особенности функционирования специальных средств и характер их воздействия на человека, определяемые тактико-техническими характеристиками [5, с. 484; 6, с. 222; 7, с. 16]. Таким образом, специальные средства – предметы, устройства и приспособления, а также химические вещества, применяемые в каких-нибудь особых случаях, при решении особых задач. При этом указанные технические средства и устройства должны отвечать определенным требованиям специальных средств:

соответствовать конструкции с возможностью оказания воздействия с временным функциональным поражением, не приводящим к летальному исходу;

обеспечивать при действии минимальное время, по истечении которого начинают действовать;

обеспечивать время, в течение которого наступившее функциональное расстройство у правонарушителя заканчивается и организм возвращается в прежнее состояние [8].

В рамках заявленной темы актуальным становится вопрос об определении «оружия нелегального действия», и здесь А.Ю. Молянов указывает на то, что некоторые авторы отождествляют рассматриваемое понятие и «оружие нелегального действия» [8, с. 16].

Р.С. Белкин, например, говорит, что введение нового термина оправданно лишь в двух случаях: при появлении в науке нового понятия, которое не может быть выражено старыми терминами, и при новом аспекте рассмотрения старого понятия, когда термин необходим для обозначения выявленного качества объекта. А поскольку новый термин заменяет лишь привычное название, причем замена ничего не добавляет к ее содержанию, возникают сомнения в его обоснованности [9, с. 81–82].

В соответствии с п. 5 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-І «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия», оружие – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также для подачи сигналов. В этой связи приемлема позиция А.Ю. Молянова о нетождественности понятий «специальные средства» и «оружие нелегального действия» [8].

С.С. Лампадова и А.А. Тимченко обращают внимание на то, что в случаях крайней необходимости и необходимой обороны промедление в применении специальных средств может создать непосредственную опасность жизни и здоровью граждан. По этой причине для более эффективного применения специальных средств следует в нормативных правовых актах определить должностных лиц, обладающих полномочиями по применению специальных средств. Данная мера важна для исключения превышения пределов крайней необходимости или необходимой обороны, т. е. в случае, когда исчерпаны все меры воздействия на нарушителя, должны быть использованы специальные средства, а при их отсутствии сотрудник полиции имеет право использовать любые подручные средства.

Так, В.А. Войтенко, И.П. Данилов и С.С. Миронов указывают на необходимость разграничения действий, применяемых сотрудниками полиции самостоятельно, и действий, применяемых по указанию руководителя [3, с. 14]. Нужно сконструировать понятие «специальные средства», обозначив пределы их действия, не допустив нарушения прав и законных интересов граждан, также детально разграничить действия сотрудника полиции и действия руководителей подразделений при применении специальных средств.

Список использованных источников

1. Куракин, А.В. Административные правоотношения и их реализация в деятельности полиции при применении мер пресечения / А.В. Куракин, М.В. Костенников, К.А. Кареева-Попелковская // Адм. и муницип. право. – М., 2014. – № 2.
2. Преображенский, А.М. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. / А.М. Преображенский. – М. : ЦОКР МВД России, 2006.
3. Войтенко, В.А. Правовые и организационно-тактические основы применения специальных средств : учеб. пособие / В.А. Войтенко, И.П. Данилов, С.С. Миронов. – М. : ВНИИ МВД России, 1995.
4. Васильев, Ф.П. Применение специальных средств сотрудниками полиции / Ф.П. Васильев, А.Р. Косиковский // Рос. следователь. – М., 2012. – № 4.
5. Энциклопедия МВД Российской Федерации / под ред. В.Ф. Некрасова. – М. : МВД России, 2002.
6. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / Ю.Е. Аврутин [и др.]. – М. : Проспект, 2011.
7. Сильников, А.М. Организационно-правовые основы применения сотрудниками полиции специальных средств принуждения / А.М. Сильников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011.
8. Молянов, А.Ю. Специальные средства полиции России: к вопросу об определении понятия. Административно-правовой аспект / А.Ю. Молянов // Адм. и муницип. право, 2014. – № 4.
9. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. – М. : Норма, 2001.

Дата поступления в редакцию: 10.04.18

A.S. Zharasov, Deputy Head of the Department of military and tactical-special training of Almaty Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Makan Esbulatov

LEGAL REGULATION OF POLICE USE OF SPECIAL TOOLS

The article deals with the characteristics of special means, a comparative legal analysis of the concept with the concept of non-lethal weapons. The necessity of normative construction of the concept of special means, designation of limits of their action for the purpose of prevention of violation of the rights and legitimate interests of citizens, and also detailed differentiation of actions of the police officer and actions of heads of divisions at application of special means is proved.

Keywords: police, public safety, public order, legal basis, administrative coercion, unlawful encroachment, legality, law and order, special means.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

14 ноября 2017 г. в совете по защите диссертаций Белорусского государственного университета Анатолий Леонидович Савенок успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Теоретические и прикладные проблемы эффективности уголовного закона».

Диссертация Анатолия Леонидовича – первое в Республике Беларусь комплексное научное исследование, посвященное концептуальному развитию важнейшего в юридической науке научного направления – эффективности правовых предписаний. На основе достижений современной юридической науки ученым было разработано актуальное для уголовного права новое научное направление – теория эффективности уголовного закона. Сформулированные диссертантом научные положения и выводы вносят значительный вклад в развитие науки уголовного права и могут быть использованы для дальнейших исследований в области совершенствования процесса уголовно-правового законодательства и реализации уголовно-правовых норм.

А.Л. Савенок окончил Минскую высшую школу МВД СССР в 1990 г. по специальности «Правоведение». После получения образования проходил службу в отделе уголовного розыска Центрального РУВД г. Минска до 1994 г., тогда же поступил в адъюнктуру Академии МВД Республики Беларусь. Собрав достаточный эмпирический материал, Анатолий Леонидович под научным руководством Владимира Владимировича Мороза подготовил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Риск в уголовном праве» и успешно защитил ее в 1997 г. в диссертационном Совете Академии МВД Республики Беларусь.

С 1997 по 2001 гг. А.Л. Савенок работал на кафедре уголовного права и криминологии Академии в должности преподавателя, старшего преподавателя и доцента. В 2001 г. исследователю было присвоено ученое звание доцента.

Перейдя на работу в 2001 г. в учебный отдел Академии, А.Л. Савенок занимал должность заместителя начальника учебного отдела – начальника отделения контрольно-аналитической и методической работы, а затем – начальника учебного отдела. Незаурядные способности и постоянное стремление к совершенствованию А.Л. Савенка не остались незамеченными: в 2007 г. он был назначен на должность заместителя начальника Академии по учебной работе (с 2010 г. – первый заместитель начальника Академии). В период работы в указанной должности благодаря хорошей научно-педагогической и методической подготовке, большой практике в высшей школе Анатолий Леонидович сумел на высоком научном и методическом уровнях обеспечить стабильное функционирование всех направлений образовательного процесса в Академии МВД. При его непосредственном участии и руководстве была разработана и внедрена система менеджмента качества, соответствующая требованиям международного стандарта ISO 9001; разработаны четыре новые специальности и специализации подготовки специалистов для ОВД на первой ступени высшего образования и три – на второй ступени высшего образования.

В 2014 г. А.Л. Савенок вышел в отставку в звании полковника милиции в связи с достижением предельного возраста, однако продолжил трудиться на родной кафедре уголовного права и криминологии в должности заведующего.

Административную, педагогическую и научную деятельность А.Л. Савенок продуктивно сочетает с общественной работой, входит в состав редколлегии научно-практического журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь», ряда сборников материалов конференций,

является членом совета Академии МВД по защите диссертаций. Был делегатом Первого съезда ученых. Активно занимается научно-исследовательской работой, является автором свыше 130 научных и учебно-методических публикаций, в том числе одной монографии, соавтором нескольких учебных пособий, сборников задач по уголовному праву, образовательных стандартов специальностей высшего образования. Успешно руководит научно-исследовательской работой профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей, определяет направления научных исследований на кафедре. Принимает участие в подготовке кадров высшей научной квалификации, подготовил одного кандидата юридических наук.

За высокие результаты в служебной и научно-педагогической деятельности, за значимый личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов для ОВД А.Л. Савенок был занесен в Книгу почета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Награжден медалями «За безупречную службу» III, II и I степени, неоднократно поощрялся руководством МВД и Академии МВД Республики Беларусь.

Поздравляем Анатолия Леонидовича и желаем дальнейших творческих успехов на благо науки и практики!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Сопроводительные документы Договор неисключительной лицензии, заполненный согласно требованиям и подписанный автором, в двух экземплярах (форма договора размещена на сайте Академии: <http://academy.mia.by/index.php/nauka/vestnik-akademii>), внешняя рецензия, рецензия члена редколлегии журнала, выписка из протокола заседания кафедры о рекомендации статьи к опубликованию. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения.

Общие требования Текст представляется на бумажном носителе и в электронном виде. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. В имени файла указывается фамилия автора. Формат А4. Поля – не менее 2,5 см. Абзацный отступ – 1 см. Междустрочный интервал – полуторный. Страницы нумеруются. Гарнитура Times New Roman, кегль – 14 пт. Объем статьи – 8–10 страниц.

Структура статьи *УДК.*
Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, телефон (служебный, домашний), e-mail.
Название статьи.
Аннотация (100–150 слов).
Ключевые слова.
Текст статьи.
Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом упоминании в тексте. Рисунки, схемы, диаграммы должны быть четкими. В тексте статьи должны быть ссылки на рисунки и таблицы, если их более двух (*рис. 1, табл. 1*).
Ссылки на использованную литературу обязательны. Список цитируемых источников оформляется по тем же правилам, что и в диссертации. Список размещается в конце статьи, ссылки располагаются по мере упоминания в тексте. Порядковые номера ссылок в тексте должны быть написаны в квадратных скобках (например, [1], [2]).
Английская версия сведений об авторе, названия статьи, аннотации и ключевых слов размещается после библиографических ссылок (ответственность за достоверность перевода несет автор).

Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, а также не возвращает рукописи статей и электронные носители.